

ООО «Наука и образование»

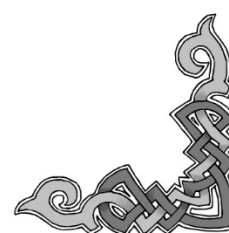
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

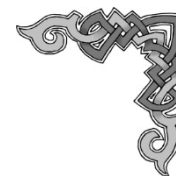

**№ 9
2023**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2023, № 9

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харитонов Евгений Михайлович, академик Российской академии наук, доктор социологических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, профессор кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина

ШЕФ-РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, директор издательства ООО «Наука и образование»

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО

«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета –

Осипов Геннадий Васильевич, академик Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Заместитель председателя редакционного совета –

Хунагов Рашид Думаличевич, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института комплексных проблем Адыгейского государственного университета.

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета, Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор Краснодарского университета МВД России;

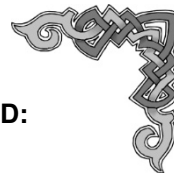
Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения учебно-образовательного центра Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Ессентукского института управления, бизнеса и права;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный юрист Кубани, доктор юридических наук, профессор, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета им И.Т. Трубилина;

EDITORIAL BOARD:

Chairman of the Editorial Board –

Gennady V. Osipov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Deputy Chairman of the Editorial Board –

Rashid D. Hunagov, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of the Adygea State University.

Members of the Editorial Board:

Koryun L. Atoyán, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State University of Economics, Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor, Professor of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Educational Center of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Vladimir N. Grishai, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of General Humanitarian and Natural Sciences of the Essentuki Institute of Management, Business and Law;

Alexander V. Dyatlov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Regional Management of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Vladimir D. Zelensky, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of Kuban, Doctor of Law, Professor, Head of Master's degree programs of the Faculty of Law of the Kuban Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики Кубанского государственного университета;

Каропова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, руководитель отдела оперативных исследований, заместитель руководителя Центра социологии и экономики знания Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент) Киргизско-Российского славянского университета, г. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимательства;

Куемжиева Светлана Александровна, доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана социологического факультета, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы;

Невский Сергей Александрович, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации;

Alexander N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociology, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism of Kuban State University;

Svetlana G. Karepova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Operational Research Department, Deputy Head of the Center for Sociology and Economics of Knowledge of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Alexey A. Kashkarov, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Ainura A. Kocherbayeva, Doctor of Economics, Professor, Head of the PLO «Economics and Management of the National Economy» (management) Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovalov, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Professor of the Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurship;

Svetlana A. Kuemzhieva, Doctor of Law, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Svetlana A. Markova-Murasheva, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory, History of State and Law of Kuban State University;

Nikolay P. Narbut, Doctor of Sociology, Professor, First Deputy Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia. Patrice Lumumba;

Sergey A. Nevsky, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Research Center № 1;

Konstantin V. Obrazhiev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия;

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Инна Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры финансового и HR-менеджмента Ростовского государственного экономического университета (РИНХ);

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАЕН, Почетный работник АПК России, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры институциональной экономики и инвестиционного менеджмента Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, курс-лидер по направлению «Уголовное право» Югорского государственного университета;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и конституционного права Краснодарского университета МВД России;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, руководитель Центра международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал».

Pan Dawei, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences. People's Republic of China;

Yuri E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice;

Vitaly S. Pusko, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor;

Anna I. Romanova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Management in Urban Economy of Kazan State University of Architecture and Civil Engineering;

Inna N. Rykova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Industrial Economics of the Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Sergey I. Samygin, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Financial and HR Management of Rostov State University of Economics (RINH);

Anatoly N. Silin, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the West Siberian Branch of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

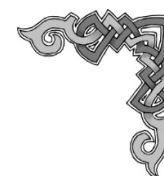
Irina V. Snimshchikova, Honored Scientist of Kuban, Academician of the Russian Academy of Sciences, Honorary Worker of the Agro-Industrial Complex of Russia, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Institutional Economics and Investment Management of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, Doctor of Law, Professor, Course Leader in Criminal Law at Yugra State University;

Andrey R. Tuzikov, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration of Kazan National Research Technological University;

Ivan V. Uporov, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative and Constitutional Law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Insur Z. Farkhutdinov, Doctor of Law, Head of the Center for International Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «Eurasian Legal Journal».

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

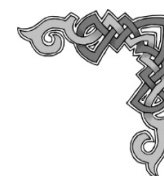
Аверин А.Н., Понеделков А.В., Игошева М.А. Социальная защита военнослужащих – функция государства	15
Бандурин А.П., Щербакова Л.И., Самыгин С.И. Избыточное потребление: социальные риски и угрозы	22
Ваш Ю.Ф. Сущностные основания социальных технологий в системе управления организационным развитием	27
Виндижева А.О. Мультимедийные проекты как формат самостоятельной работы студенческой молодежи в институциональной образовательной среде	31
Виндижева А.О. Использование интерактивных образовательных технологий в системе образования в условиях цифровизации общества	36
Вэй Цзиньлун Исследование механизмов управления социальными процессами в мире	41
Ельникова Г.А., Бекетов К.В. Пожилые люди как объект исследования: проблемы методологии	45
Киреев Е.Ю. Молодые армяне в московской агломерации в период после пандемии COVID-19 (по результатам экспресс-опроса)	50
Людкевич Ю.Н., Гришай Е.В., Люев Т.Х., Манацков И.В. Причины и факторы, способствующие радикализации молодежи в современном российском обществе	59
Ляпанов А.В., Тряхов И.С. Государственная социальная политика и проблемы межрегиональной дифференциации	66
Селезнев И.А. Концепт справедливого миропорядка в новейших внешнеполитических документах России: социологический анализ	70
Тужба Э.Н., Корсакова Л.В., Оплетаева О.Н. Теоретические предпосылки возникновения социологии города	77
Хрусталева А.А. Развитие университета как социального института в условиях цифровизации общества	83
Цараинова А.М., Мугутдинова А.Г., Нурилова А.З. Политическая идентичность городского населения Дагестана в структуре социальной идентичности	89
Шульгин А.С. Воспроизводство экстремальности в современной массовой культуре	94

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Агеев Н.В. К вопросу о логических следствиях в расследовании преступлений	103
Апкаев Д.М., Зыков Д.А. Противодействия коррупции в системе правоохранительных органов	108
Волик К.Б., Мартыненко Б.К. Что влияет на формирование правосознания и правовую культуру граждан современной России?	114

Дергунов А.А. Преимущественное право как общеправовой феномен: многообразие классификационных оснований	118
Долгополов К.А. Использование методологии сетевого анализа в изучении конвенциональности уголовного наказания	123
Елфимов Д.Б. Дисциплинарная ответственность адвокатов Сингапура	129
Емельянцева А.Э. Перспективное использование нейронных сетей в законотворчестве и их влияние на обеспечение прав и свобод человека	134
Зацепин М.Н., Зацепин А.М. Технические методы исследования доказательств в рамках криминологических принципов	138
Зыков Д.А., Савин А.А. Проблемы практической реализации права на добровольный отказ от совершения преступления	143
Карлеба В.А. Вопросы теории личности в криминологии (ретроспективный подход)	147
Крикорова Д.А. Зарубежный опыт реализации антикоррупционного контроля: доктринальный обзор	153
Лобачев Д.А. Проезд на запрещающий сигнал светофора или остановка за стоп-линией: вопрос квалификации	158
Матвеева Т.П. Проблемы трудовой занятости иностранных граждан в России	162
Наумов А.М., Рябчиков В.В. Новый участник уголовного судопроизводства: кто он?	166
Попова Ю.А., Мустафин Р.Ф. Судебное инвестирование и гонорар успеха	170
Рябова О.А., Рябов П.Р. К вопросу о медицинском освидетельствовании в контексте привлечения работника к ответственности по ст. 81 ТК РФ	177
Савельева О.Е., Шаназарова Е.В. Неприкосновенность частной жизни в трудовых правоотношениях: теоретические аспекты и правовое регулирование	181
Сердюк А.А. Типология личности субъекта внутрикорпоративных хищений в сфере страхования и следовых картин этих преступлений (Часть 1)	185
Скрипниченко Д.А., Куемжиева Е.Г. К вопросу об обжаловании определения суда общей юрисдикции об оставлении иска без движения	191
Чимаров С.Ю., Демидов А.В., Тонышев А.В. Философско-правовой анализ концептуальных воззрений Иммануила Канта на деятельность полиции в правовом государстве	195
Шумов П.В., Штанов Д.О. Злоупотребление правом в арбитражном процессе: теория и практика	200
Якубов С.Ф. Пенализация преступлений, связанных с незаконным оборотом психоактивных веществ, в России в период X–XVIII вв.: ретроспективный анализ	204
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Алию С.А. Особенности развития национальной инновационной системы Нигерии	215
Коновалова Т.В., Надирян С.Л., Котенкова И.Н., Коцурба С.В. Пути повышения эффективности функционирования транспортной системы городской агломерации	220

Мотовиц Т.Г. SWOT-анализ деятельности самозанятых в условиях трансформации экономики	225
Немченко К.Р., Минаев Д.В. Экономические аспекты и преимущества сетевой модели бизнеса	231
Петров С.В. Командный капитал организаций	236
Петров С.В. Исходные положения для формирования инструментов управления организациями сферы услуг на основе командообразования	240
У Минсюань Способы повышения инвестиционной привлекательности корпораций	244
Янченко С.С. Анализ и сравнительная оценка подходов к формированию стратегии компании «снизу-вверх» и «сверху-вниз» в контексте современных экономических реалий	248

CONTENTS

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Alexander N. Averin, Alexander V. Ponedelkov, Marina A. Igosheva Social protection of military personnel – the function of the state	15
Alexander P. Bandurin, Lidiya I. Shcherbakova, Sergey I. Samygin Excessive consumption: social risks and threats	22
Yuri F. Vash Essential foundations of social technologies in the organizational development management system	27
Albina O. Vindizheva Multimedia projects as a format for independent work of students in the institutional educational environment	31
Albina O. Vindizheva The use of interactive educational technologies at the Institute of Education in the context of digitalization of society	36
Wei Jinlong Study of mechanisms for managing social processes in the world	41
Galina A. Elnikova, Kirill V. Beketov Elderly people as the object of research: problems of methodology	45
Yegor Yu. Kireev Young Armenians in the Moscow Agglomeration After the COVID-19 Pandemic (according to the results of a rapid survey)	50
Yuri N. Lyudkevich, Elena V. Grishai, Tembot Kh. Lyev, Igor V. Manatskov Causes and factors contributing to the radicalization of youth in modern Russian society	59
Artem V. Lyapanov, Ilja S. Tryahov State social policy and problems of interregional differentiation	66
Igor A. Seleznev The concept of the fair world order in the latest Russian foreign policy documents: sociological analysis	70
Emir N. Tuzhba, Lidia V. Korsakova, Olesya N. Opleteva Theoretical background of the emergence of urban sociology	77
Andrey A. Khrustalev Development of the university as a social institution in the context of digitalization of society	83
Aisha M. Tsarainova, Aida G. Mugutdinova, Albina Z. Nurilova Political identity of the urban population of dagestan in the structure of social identity	89
Alexander S. Shulgin Reproduction of extreme in modern mass culture	94

JURISPRUDENCE

Nikolay V. Ageev To the question of logical consequences in the investigation of crimes	103
Damir M. Apkaev, Daniil A. Zykov Countering corruption in the law enforcement system	108
Ksenia B. Volik, Boris K. Martynenko What influences the formation of legal awareness and legal culture of citizens of modern Russia?	114
Alexander A. Dergunov Preemptive right as a general legal phenomenon: diversity of classification grounds	118

Kirill A. Dolgopolov Using the methodology of network analysis in the study of the conventionality of criminal punishment	123
Dmitry B. Elfimov Disciplinary liability of lawyers in Singapore	129
Alexey E. Emeliantsev Promising use of neural networks in lawmaking and their impact on ensuring human rights and freedoms	134
Mikhail N. Zatsepin, Alexander M. Zatsepin Technical methods of evidence research within the framework of criminological principles	138
Daniil A. Zykov, Andrei A. Savin Problems of practical implementation of the law on voluntary refusal to commit a crime	143
Vladimir A. Karleba Questions of personality theory in criminology (retrospective approach)	147
Diana A. Krikorova Foreign experience in the implementation of anti-corruption control: a doctrinal review	153
Denis A. Lobachev Driving to a forbidding traffic light or stopping behind a stop line: qualification issue	158
Tamara P. Matveeva Problems of employment of foreign citizens in Russia	162
Andrey M. Naumov, Vadim V. Ryabchikov A new participant in criminal proceedings: who is he?	166
Yulia A. Popova, Rafael F. Mustafin Judicial investment and success fee	170
Olga A. Ryabova, Pavel R. Ryabov On the issue of medical examination in the context of bringing an employee to responsibility under article 81 of the RF TTC	177
Olga E. Savelyeva, Elena V. Shanazarova Inviolability of private life in labor relations: theoretical aspects and legal regulation	181
Alexander A. Serdyuk The typology of the personality of the subject within corporate embezzlement in the insurance industry and the trace patterns of these crimes (Part 1)	185
Dmitry A. Skripnichenko, Elena G. Kuemzhieva On the issue of appealing the ruling of a court of general jurisdiction to leave the claim without progress	191
Sergey Yu. Chimarov, Alexander V. Demidov, Alexander V. Tonyshv Philosophical and legal analysis of immanuel kant's conceptual views on police activities in a legal state	195
Petr V. Shumov, Daniil O. Shtanov Abuse of right in the arbitration process: theory and practictet	200
Sergey F. Yakubov Penalization of crimes related to illegal trafficking in psychoactive substances in Russia in the period X–XVIII centuries: retrospective analysis	204

ECONOMIC SCIENCES

Sunday A. Aliu Features of the development of the national innovation system of Nigeria	215
Tatyana V. Konovalova, Sofiya L. Nadiryan, Irina N. Kotenkova, Sofiya V. Kotsurba Ways to improve the efficiency of the urban agglomeration transport system	220
Tatiana G. Motovits Self-employment as a factor of ensuring the economic security of the region	225
Kirill R. Nemchenko, Dmitry V. Minaev Economic aspects and advantages of the network business model	231

Sergey V. Petrov	
Team capital of organizations	236
Sergey V. Petrov	
Initial provisions for the formation of management tools for service sector organizations based on team building	240
Wu Mingxuan	
Methods to increase the investment attractiveness of corporations	244
Sergey S. Yanchenko	
Analysis and comparative assessment of bottom-up and top-down approaches to the formation of company strategy in the context of modern economic realities	248

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.002>
УДК 355.1

Attribution
cc by

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ – ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА

Аверин А.Н.¹, Понеделков А.В.², Игошева М.А.³

¹*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,*

²*Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации,*

³*Ростовский государственный университет путей сообщения*

Аннотация. Социальная защита военнослужащих является актуальной проблемой. Ее актуальность обусловлена тем обстоятельством, что в современном российском обществе значительно возросла роль военнослужащих в связи с проведением специальной военной операции, частичной мобилизацией в Вооруженные Силы Российской Федерации и противостоянием НАТО. В боевых сражениях в специальной военной операции погибают военнослужащие, получают ранения, травмы, увечья, становятся инвалидами. Многие военнослужащие на фронте героически, мужественно и самоотверженно сражаются, получают звание Героя Российской Федерации, ордена и медали. Цель исследования состоит в анализе системы социальной защиты военнослужащих, задача – показать роль и функции государства в социальной защите военнослужащих. Методами исследования являются анализ, синтез, дедукция, индукция. Объект изучения – система социальной защиты военнослужащих.

Получены следующие результаты. Социальная защита военнослужащих относится к важнейшим функциям государства современного российского общества, так как военнослужащие обеспечивают национальную безопасность и военную оборону, защищают страну, участвуют в специальной военной операции. Выявлены основные элементы социальной защиты военнослужащих и членов их семей – социальные права, гарантии, компенсация, денежное довольствие, пенсионное обеспечение, обязательное государственное страхование. Показано, что социальная защита военнослужащих, пребывавших в резерве, членов семей при гибели, смерти военнослужащего, гражданина, призванного на военные сборы, наступившей при исполнении обязанностей военной службы, смерти вследствие увечья, ранения, травмы, контузии, заболевания, членов семей военнослужащих, потерявших кормильца.

Сформулирован вывод о наличии качественной нормативно-правовой базе существующей системы социальной защиты военнослужащих и членов их семей. Вместе с тем, следует совершенствовать законодательство, регулирующее социальную защиту военнослужащих и членов их семей, особенно в условиях проведения боевых военных действий.

В обзоре литературы необходимо отметить, что существуют научные публикации, содержащие анализ различных аспектов деятельности военнослужащих. В едином электронном каталоге Российской государственной библиотеки указаны 18 работ на русском языке по социальной защите военнослужащих, среди них имеются работы, посвященные рассмотрению функций и роли государства в обеспечении социальной защиты военнослужащих и членов их семей.

Статья подготовлена на основе федеральных законов о статусе, денежном довольствии, обязательном государственном страховании жизни и здоровья, пенсионном обеспечении военнослужащих, регулирующих социальную защиту военнослужащих и членов их семей. Предназначена для специалистов в области изучения социальной защиты военнослужащих, членов их семей.

Ключевые слова: военная служба, военнослужащий, выплата, денежное довольствие, контракт, призыв, обязательное государственное страхование, оклад, пенсия, резерв, социальная защита, социальные гарантии и компенсация, социальные права, член семьи.

SOCIAL PROTECTION OF MILITARY PERSONNEL – THE FUNCTION OF THE STATE

Alexander N. Averin¹, Alexander V. Ponedelkov², Marina A. Igosheva³

¹*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,*

²*South-Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,*

³*Rostov State Transport University*

© Аверин А.Н., Понеделков А.В., Игошева М.А.

Abstract. Social protection of military personnel is an urgent problem. Its relevance is due to the fact that in modern Russian society the role of military personnel has significantly increased in connection with the conduct of a special military operation, partial mobilization into the Armed Forces of the Russian Federation and the confrontation with NATO. In combat battles in a special military operation, servicemen are killed, wounded, injured, and disabled. Many servicemen at the front heroically, courageously and selflessly fight, receive the title of Hero of the Russian Federation, orders and medals. The purpose of the study is to analyze the system of social protection of military personnel, the task is to show the role and functions of the state in the social protection of military personnel. The research methods are analysis, synthesis, deduction, induction. The object of study is the system of social protection of military personnel.

The following results were obtained. Social protection of military personnel is one of the most important functions of the state of modern Russian society, since military personnel ensure national security and military defense, protect the country, and participate in a special military operation. The main elements of social protection of military personnel and members of their families are identified – social rights, guarantees, compensations, monetary allowances, pensions, compulsory state insurance. The social protection of servicemen who were in reserve, family members in case of death, death of a soldier, a citizen called up for military training, which occurred in the performance of military service duties, death due to injury, wounds, injuries, contusions, illnesses, family members of servicemen who have lost their breadwinner, is shown.

In the literature review, it should be noted that there are scientific publications containing an analysis of various aspects of the activities of military personnel. The unified electronic catalog of the Russian State Library contains 18 works in Russian language on the social protection of military personnel, among them there are works devoted to the consideration of the functions and role of the state in ensuring the social protection of military personnel and members of their families.

The article is prepared on the basis of federal laws on status, monetary allowance, compulsory state life and health insurance, pensions for military personnel, regulating social protection of military personnel and members of their families. It is intended for specialists in the field of studying the social protection of military personnel, members of their families.

Keywords: military service, military personnel, payment, salary, contract, conscription, compulsory state insurance, salary, pension, reserve, social protection, social guarantees and compensation, social rights, family member.

Введение. Военнослужащими являются офицеры, прапорщики, мичманы, курсанты военных профессиональных, военных образовательных организаций высшего образования, сержанты, старшины, солдаты, матросы, которые проходят военную службу по контракту и по призыву [1]. Важно подчеркнуть, что для *военнослужащих* существует единая система социальной защиты, материального и иных видов обеспечения с учетом занимаемых воинских должностей, присвоенных воинских званий, общей продолжительности военной службы, в том числе, в льготном исчислении, выполняемых задач, условий и порядка прохождения ими военной службы.

Результаты. Обсуждение. Военнослужащим предоставляются социальные гарантии и компенсации. Органы государственной власти, федеральные государственные органы, органы местного самоуправления и организации имеют право устанавливать дополнительные социальные гарантии и компенсации *военнослужащим*, российским гражданам, уволенным с военной службы, и членам их семей.

Социальные гарантии и компенсации предоставляются: *военнослужащим*; гражданам, уволенным с военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, Объединенных Вооруженных Силах государств – участников СНГ;

гражданам, уволенным с военной службы в Вооруженных Силах СССР, пограничных, внутренних и железнодорожных войсках, войсках гражданской обороны, органах и войсках государственной безопасности, других воинских формированиях СССР. Социальные гарантии и компенсации распространяются на членов их семей. К членам семей относятся: супруга, супруг; несовершеннолетние дети; дети старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет; дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в образовательных организациях по очной форме обучения; люди, находящиеся на иждивении *военнослужащих*. Социальные гарантии и компенсации могут быть распространены на других людей и членов их семей указами Президента. Социальные гарантии и компенсации предоставляются гражданам, пребывающим в добровольческих формированиях, содействующих выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы, в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, при использовании Вооруженных Сил за пределами российской территории, членам их семей.

Военнослужащим, гражданам, уволенным с военной службы, ветеранам боевых действий на территориях других государств, военной службы, ветеранам, исполнявшим обязанности военной

службы в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах, устанавливаются дополнительные социальные гарантии и компенсации. За *военнослужащими*, захваченными в плен или в качестве заложников, интернированными в нейтральные страны, сохраняются материальное и иные виды обеспечения, которые выплачиваются, выдаются супругам, другим членам семей, проживающим совместно с ними, до полного выяснения обстоятельств захвата в плен или в качестве заложников, интернирования или их освобождения либо до признания их безвестно отсутствующими, объявления умершими. Необходимо обратить внимание на то, что *военнослужащие*, граждане, уволенные с военной службы, члены их семей также пользуются всеми социальными гарантиями и компенсациями, установленными для российских граждан. Если они одновременно имеют право на получение одной и той же социальной гарантии, компенсации по нескольким основаниям, то им предоставляются по их выбору социальная гарантия и компенсация по одному основанию.

Социальная защита *военнослужащих*, граждан, уволенных с военной службы, членов их семей предусматривает: реализацию социальных прав, социальных гарантий и компенсаций органами государственной власти, федеральными государственными органами, органами военного управления, местного самоуправления; совершенствование механизмов и институтов социальной защиты; охрану жизни и здоровья, иные меры, направленные на создание условий жизни и деятельности, соответствующих характеру военной службы и ее роли в обществе. Реализация мер социальной защиты является обязанностью командиров. Реализации социальных прав могут содействовать общественные объединения. Социальными правами являются: право на труд; отдых; денежное довольствие; отдельные выплаты; денежные выплаты гражданам, призванным на военные сборы, гражданам, пребывающим в резерве; на охрану здоровья и медицинскую помощь; на образование; на культуру.

Значительное место в системе социальной защиты занимает денежное довольствие *военнослужащего*[2]. Денежное довольствие *военнослужащего* по призыву состоит из оклада по воинской должности и дополнительных выплат – ежемесячная надбавка за командование, руководство воинским подразделением; за выполнение задач, непосредственно связанных с риском для жизни и здоровья в мирное время; за работу со сведениями, составляющими государственную тайну. Денежное довольствие *военнослужащих* по контракту состоит из месячного оклада по воинскому званию и месячного оклада по воинской должности, которые составляют оклад денежного содержания, из ежемесячных и иных дополнительных выплат. Существуют дополнительные выплаты. Выплачивается ежемесячная надбавка за выслугу лет к окладу денежного содержания в размере 10 % при выслуге от 2 до 5 лет; 15 % – от 5 до 10 лет; 20 % – от 10 до

15 лет; 25 % – от 15 до 20 лет; 30 % – от 20 до 25 лет; 40 % – 25 лет и более. К окладу по воинской должности выплачивается ежемесячная надбавка за классную квалификацию, квалификационную категорию, квалификационный класс в размере 5 % за третий класс, квалификационную категорию; 10 % – за второй; 20 % – за первый; 30 % – за класс мастера.

Выплачивается ежемесячная надбавка к окладу по воинской должности в размере до 65 % за работу со сведениями, составляющими государственную тайну; до 100 % за особые условия военной службы; за выполнение задач, непосредственно связанных с риском для жизни и здоровья в мирное время; за особые достижения в службе. Премия за добросовестное и эффективное исполнение должностных обязанностей выплачивается в размере до трех окладов денежного содержания в расчете на год. Осуществляется ежегодная материальная помощь в размере не менее одного оклада денежного содержания. *Военнослужащим*, проходящим военную службу в воинских формированиях, дислоцированных за пределами российской территории, выполняющим задачи в условиях чрезвычайного положения, при вооруженных конфликтах, участвующим в контртеррористических операциях и обеспечивающим правопорядок и общественную безопасность на отдельных российских территориях, устанавливаются повышающие коэффициенты и надбавки к денежному довольствию.

Военнослужащим по контракту в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в других местностях с неблагоприятными климатическими и экологическими условиями; в том числе, в отдаленных местностях, высокогорных районах, пустынных и безводных местностях, денежное довольствие выплачивается с учетом коэффициентов и процентных надбавок. В состав денежного довольствия, на которое начисляются коэффициенты и процентные надбавки, входят: оклады по воинскому званию и по воинской должности; ежемесячная надбавка за выслугу лет; за классную квалификацию, квалификационную категорию, квалификационный класс; за работу со сведениями, составляющими государственную тайну; за особые условия военной службы. *Военнослужащим*, проходящим военную службу по контракту за пределами российской территории, денежное довольствие выплачивается в иностранной валюте и в рублях.

Военнослужащему по контракту, общая продолжительность военной службы которого составляет менее 20 лет, при увольнении с военной службы выплачивается единовременное пособие в размере двух окладов денежного содержания, при общей продолжительности 20 лет и более – семи окладов. *Военнослужащим* по контракту, удостоенным в период прохождения военной службы государственных наград и почетного звания СССР, Российской Федерации, размер единовременных пособий увеличивается на

один оклад денежного содержания. *Военнослужащему* по призыву при увольнении с военной службы выплачивается единовременное пособие в размере одного оклада по воинской должности, из числа детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, – пяти окладов.

Система социальной защиты включает меры социальной поддержки семьи. При гибели, смерти *военнослужащего*, гражданина, призванного на военные сборы, наступившей при исполнении обязанностей военной службы, смерти вследствие увечья, ранения, травмы, контузии, заболевания, до истечения одного года со дня увольнения с военной службы, отчисления с военных сборов, окончания военных сборов, членам семьи выплачивается единовременное пособие в размере 3 млн рублей, каждому члену семьи выплачивается ежемесячная денежная компенсация. Она также выплачивается каждому члену семьи инвалида вследствие военной травмы, гражданина, ставшего инвалидом вследствие увечья, ранения, травмы, контузии, заболевания, полученных в связи с исполнением обязанностей по контракту о пребывании в добровольческом формировании, при его смерти гибели.

При увольнении *военнослужащего* с военной службы, отчислении с военных сборов гражданина, призванного на военные сборы, в связи с признанием его не годным к военной службе вследствие военной травмы *военнослужащему* по контракту выплачивается единовременное пособие в размере: 2 млн руб.; по призыву, гражданину, призванному на военные сборы, – 1 млн руб. При установлении инвалидности вследствие военной травмы выплачивается ежемесячная денежная компенсация в возмещение вреда, причиненного здоровью, 14 тыс. – инвалиду I группы; 7 тыс. – II группы; 2,8 тыс. – III группы.

Существуют денежные выплаты гражданам, пребывающим в резерве, за исключением периода прохождения военных сборов [1]. Они состоят из: месячного оклада; коэффициентов к месячному окладу – районных, за пребывание в резерве в высокогорных районах, в пустынных и безводных местностях за пребывание в резерве в районах Крайнего Севера, приравненных к ним местностях, других местностях с неблагоприятными климатическими и экологическими условиями, в том числе отдаленных, и процентных надбавок; ежемесячной процентной надбавки за непрерывное пребывание в резерве к месячному окладу: от 3 до 5 лет – 10 %; от 5 до 10 лет – 20 %; от 10 до 15 лет – 30 %; от 15 до 20 лет – 40 %; 20 лет и более – 50 %; единовременной денежной выплаты при заключении нового контракта о пребывании в мобилизационном резерве: при сроке нового контракта 3 года либо при меньшем сроке нового контракта – до наступления предельного возраста пребывания в резерве – 1 месячный оклад; при сроке нового контракта 5 лет либо при меньшем сроке нового контракта –

1,5. Размер месячного оклада гражданина, пребывающего в резерве, не может быть ниже 10 % размера оклада по воинской должности, по которой он приписан к воинской части и размера оклада по воинскому званию.

Военнослужащие, граждане, призванные на военные сборы, граждане, пребывающие в добровольческих формированиях, имеют право на бесплатное получение медицинской помощи; в том числе, изготовление и ремонт зубных протезов, за исключением протезов из драгоценных металлов и других дорогостоящих материалов, бесплатное обеспечение лекарственными препаратами для медицинского применения по рецептам на лекарственные препараты, бесплатное обеспечение медицинскими изделиями по назначению врача в соответствующих медицинских, военно-медицинских подразделениях, частях и организациях федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба. *Военнослужащие* не реже одного раза в год проходят медицинские осмотры, диспансеризацию, после выполнения ими задач, неблагоприятно отражающихся на состоянии здоровья, при наличии показаний к медико-психологической реабилитации подлежат медико-психологической реабилитации продолжительностью до 30 суток, которая проводится бесплатно.

Военнослужащие подлежат обязательному государственному страхованию жизни и здоровья [3]. Страховыми случаями являются: гибель, смерть застрахованного человека в период прохождения военной службы, службы, военных сборов; смерть до истечения одного года после увольнения вследствие полученных увечья, ранения, травмы, контузии, заболевания; установление инвалидности в этот период и инвалидности до истечения одного года после увольнения или отчисления; получение увечья, ранения, травмы, контузии; увольнение *военнослужащего* в связи с признанием военно-врачебной комиссией не годным или ограниченно годными к военной службе вследствие увечья, ранения, травмы, контузии, заболевания, полученных в период прохождения военной службы, военных сборов.

Страховые суммы выплачиваются: при гибели, смерти – 2 млн руб.; установлении инвалидности: инвалиду I группы – 1,5 млн руб.; II группы – 1 млн руб.; III группы – 500 тыс. руб.; получении тяжелого увечья – ранения, травмы, контузии – 200 тыс. руб., легкого увечья – ранения, травмы, контузии – 50 тыс. руб.; увольнении *военнослужащего* – 50 тыс. руб. Если при переосвидетельствовании в федеральном учреждении медико-социальной экспертизы будет установлена группа инвалидности, при которой предусмотрен более высокий размер страховой суммы, то производится доплата страховой суммы.

На *военнослужащих* распространяется пенсионное обеспечение. Существуют виды пенсий: за

выслугу лет; по инвалидности [4]. При гибели, смерти военнослужащих их семьи приобретают право на пенсию по случаю потери кормильца. Пенсия за выслугу лет устанавливается: имеющим выслугу 20 лет и более: за выслугу 20 лет – 50 % суммы денежного довольствия, за каждый год выслуги свыше 20 лет – 3 %, но всего не более 85 %; имеющим общий трудовой стаж 25 календарных лет и более, из которых не менее 12,5 лет составляет военная служба или служба: за общий трудовой стаж 25 лет – 50 %, за каждый год стажа свыше 25 лет – 1 %. Пенсии за выслугу лет людям, ставшим инвалидами вследствие военной травмы, увеличиваются: инвалидам I группы – на 300 % расчетного размера пенсии; II группы – на 250%; III группы – на 175 %; ставшим инвалидами вследствие общего заболевания, трудового увечья и других причин: I группы – на 250 %; II группы – на 200 %; III группы – на 150 %. К пенсии за выслугу лет начисляются надбавки: пенсионерам, являющимся инвалидами I группы либо достигшим 80-летнего возраста, – на уход за ними в размере 100 %; неработающим пенсионерам, на иждивении которых находятся нетрудоспособные члены семьи: при наличии одного такого члена семьи – 32 %; при наличии двух – 64 %; при наличии трех и более – 100 %. Надбавка начисляется только на тех членов семьи, которые не получают страховую или социальную пенсию.

Пенсия по инвалидности устанавливается инвалидам вследствие военной травмы I и II групп – 85 %, III группы – 50 % сумм денежного довольствия; инвалидам вследствие заболевания, полученного в период военной службы, I и II групп – 75 %, III группы – 40 %. Пенсия по случаю потери кормильца, умершего вследствие разных причин, устанавливается в размере 50 % или 40 % на каждого нетрудоспособного члена семьи. По норме в 50 % устанавливается пенсия, независимо от причины смерти кормильца, семьям умерших пенсионеров, являвшихся на день смерти инвалидами вследствие военной травмы, на детей, потерявших обоих родителей, на детей умершей одинокой матери. Пенсии за выслугу лет, по инвалидности, по случаю потери кормильца повышаются: Героям Советского Союза, Героям Российской Федерации, лицам, награжденным орденом Славы трех степеней, – на 100 %

размера пенсии, Героям Социалистического Труда, Героям Труда Российской Федерации – на 50 %; чемпионам Олимпийских, Паралимпийских, Сурдлимпийских игр – на 50 %; лицам, награжденным орденом Трудовой Славы трех степеней, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» трех степеней, – на 15 %.

Нужно особо отметить, что осуществляется социальная защита членов семей *военнослужащих*, потерявших кормильца [1]. Члены семей имеют право на пенсию по случаю потери кормильца. При гибели, смерти *военнослужащего* по контракту, признании его безвестно отсутствующим, объявлении умершим члены семьи, опекуны, попечители, усыновители несовершеннолетних детей-инвалидов с детства независимо от возраста, человека, находившиеся на иждивении, имеют право на получение не полученной им денежной компенсации; денежной компенсации взамен продовольственного пайка. Члены семьи не могут быть выселены из занимаемых ими жилых помещений без безвозмездного предоставления им другого благоустроенного жилого помещения; имеют право на компенсационные выплаты по оплате жилищно-коммунальных услуг, на улучшение жилищных условий; на социальные гарантии по оказанию медицинской помощи и санаторно-курортному лечению с оплатой 50 % стоимости путевки в санаторно-курортные организации; на проезд на безвозмездной основе один раз в год железнодорожным, воздушным, водным и автомобильным транспортом к месту санаторно-курортного лечения и обратно.

Заключение. Авторами получена объективная информация о необходимости в полном объеме соблюдать нормы федеральных законов о социальной защите военнослужащих и членов их семей. Также, статья дает целостное представление, в целом, о системе социальной защиты военнослужащих и членов их семей, об основных элементах этой системы. Сформулирован вывод о наличии качественной нормативно-правовой базе существующей системы социальной защиты военнослужащих и членов их семей. Вместе с тем, следует совершенствовать законодательство, регулирующее социальную защиту военнослужащих и членов их семей, особенно в условиях проведения боевых военных действий.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Федеральный закон от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998, № 22. Ст. 2331; 2023, № 31 (Часть I). Ст. 5752.
2. Федеральный закон от 07 ноября 2011 года № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 45. Ст. 6336; 2023. № 31 (Часть I). Ст. 5752.
3. Федеральный закон от 28 марта 1998 года № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 13. Ст. 1474; 2023, № 12. Ст. 1882.
4. Закон Российской Федерации от 12 февраля 1993 года № 4468-I «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 9. Ст. 328; Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 30. Ст. 3613; 2023. № 23 (Часть I). Ст. 4012.

References:

1. Federal Law of May 27, 1998 № 76-FZ «On the Status of Military Personnel» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. № 22. P. 2331; 2023. № 31 (Part I). Art. 5752.
2. Federal law of November 07, 2011 № 306-FZ «On the monetary allowance of military personnel and the provision of separate payments to them» // Sbranie zakonodanie Rossiiskoi Federatsii. 2011. № 45. P. 6336; 2023. № 31 (Part I). Art. 5752.
3. Federal Law of March 28, 1998 № 52-FZ «On Compulsory State Insurance of Life and Health of Military Personnel, Citizens Called up for Military Training, Persons of the Private and Commanding Staff of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, state fire service, employees of institutions and bodies of the penitentiary system, employees of the troops of the National Guard of the Russian Federation, employees of the bodies of compulsory execution of the Russian Federation» // Assembly of the Russian Federation legislation of the Russian Federation. 1998. № 13. P. 1474; 2023. № 12. Art. 1882.
4. The Law of the Russian Federation of February 12, 1993 № 4468-I «On Pension Provision of Persons Who Have Served in Military Service, Service in internal affairs bodies, the State Fire Service, bodies for control over the circulation of narcotic drugs and psychotropic substances, institutions and bodies of the penitentiary system, troops of the National Guard of the Russian Federation, bodies of compulsory execution of the Russian Federation, and their families» // Vedomosti Congress of People's Deputies of the Russian Federation Federation and Supreme Soviet of the Russian Federation. 1993. № 9. Art. 328; Collected legislation of the Russian Federation. 1998. № 30. P. 3613; 2023. № 23 (Part I). Art. 4012.

Информация об авторах

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
anaverin1947@mail.ru
ORCID <https://orcid.org/0009-0009-0579-8545>

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophy Sciences,
Professor,
Russian Academy of Folk
Economy and Public Service
under the President of the Russian Federation
anaverin1947@mail.ru
ORCID <https://orcid.org/0009-0009-0579-8545>

Понеделков Александр Васильевич

доктор политических наук,
профессор,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
ponedelkov@unu.ranepa.ru

Alexander V. Ponedelkov

Doctor of Political Sciences,
Professor,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Service under the President
of the Russian Federation
ponedelkov@unu.ranepa.ru

Игошева Марина Анатольевна

доктор философских наук,
доцент,
профессор кафедры
философии и истории Отечества,
Ростовский государственный университет
путей сообщения, г. Ростов-на-Дону
igosheva_marina@mail.ru

Marina A. Igosheva

Doctor of Philosophical Science,
Assistant Professor,
Professor of the Department
Philosophy and History of the Fatherland,
Rostov State University
means of communication, Rostov-on-Don
igosheva_marina@mail.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.046>

УДК 316

Attribution

cc by

ИЗБЫТОЧНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ И УГРОЗЫ

Бандурин А.П.¹, Щербакова Л.И.², Самыгин С.И.³

¹Новочеркасский мелиоративный институт –

филиал Донского государственного аграрного университета,

²Южно-российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М.И. Платова,

³Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Аннотация. Актуальность данной публикации заключается в том, что она посвящена социальным рискам и угрозам избыточного потребления, которое углубляет иррациональное потребительское поведение в обществе. Распространение избыточного потребления связано с разными факторами, несущими риски и угрозы обществу, в числе которых: тесная взаимосвязь владения определенным набором вещей и обладание высоким социальным статусом; фокус смысла жизни на приобретении; нежелание индивида остановиться в потреблении; стремление быть и вести себя как все, быть похожим на других; стремление соответствовать кумирам; готовность принять мнение авторитета без критического осмысления; психологические негативные переживания из-за дефицитности определенных вещей; стимуляция потребления маркетинговыми инструментами.

Ключевые слова: общество потребления, избыточное потребление, общество риска, иррациональное потребление, потребительство, этическое потребление.

EXCESSIVE CONSUMPTION: SOCIAL RISKS AND THREATS

Alexander P. Bandurin¹, Lidiya I. Shcherbakova², Sergey I. Samygin³

¹Novochoerkassk Reclamation Institute – branch of the Don State Agrarian University,

²South Russian State Polytechnic University (NPI) named after M.I. Platova,

³Rostov state economic university (RINH)

Abstract. This article is devoted to social risks and threats of excessive consumption, which deepens irrational consumer behavior in society. The spread of excess consumption is associated with various factors that carry risks and threats to society, including: the close relationship of owning a certain set of things and having a high social status; the focus of the meaning of life on acquisition; the unwillingness of the individual to stop consuming; the desire to be and behave like everyone else, to be like others; the desire to match idols; willingness to accept the opinion of authority without critical reflection; psychological negative experiences due to the scarcity of certain things; stimulation of consumption by marketing tools.

Keywords: consumer society, excessive consumption, risk society, irrational consumption, consumerism, ethical consumption.

Введение. Современное общество исследователи называют и обществом риска, и обществом потребления. Логично предположить, что избыточное потребление и рискогенность общества, так или иначе, связаны. Общество риска – термин, введенный У. Беком, в рамках которого риск рассматривается в качестве социального феномена и связывается с противоречиями постиндустриального мира. В качестве главных угроз выносятся угрозы технико-экономического и экологического характера [1]. Общество риска является источником рисков, т.к. само его существование провоцирует появление и развитие рискогенных факторов [2].

При этом отмечается, что всеобщее избыточное потребление – это угроза, которой сложно противостоять, а также один из главных рисков современного этапа социального развития [3]. Кроме того, важно обращать внимание и на масштаб этой угрозы, поскольку идеология потребления вышла за границы экономической сферы, перейдя в социальную, духовную, экономическую, политическую и иные сферы жизнедеятельности человека [4].

Имея в виду, что углубление иррационального потребительского поведения производится в сознании, как отдельного индивида, так и широких масс, можно прийти к пониманию социаль-

ных угроз, формируемых избыточным потреблением. Это и актуализирует исследование идеологии и рискогенности избыточного потребления социологическими инструментами.

Результаты. Можно сказать, что в самом процессе потребления нет ничего негативного, поскольку жизнь человека, его ощущение комфорта и безопасности, возможность удовлетворения потребностей связаны с вещами на бытовом уровне [4]. Однако для этих целей потребление должно оставаться исключительно на рациональном уровне. В этой связи, для обозначения иррационального потребления был введен термин «потребительство», обозначающий практику избыточного потребления, характеризующуюся тенденцией к бесконечному увеличению его объема» [5, с. 18]. Распространение избыточного потребления связывают с разными факторами, несущими риски и угрозы обществу [4; 5; 3; 6], в числе которых:

- Тесная взаимосвязь владения определенным набором вещей и обладание высоким социальным статусом. Это - яркая демонстрация того, как избыточное потребление перестает быть исключительно экономическим феноменом и переходит в социальный, а частично, и психологический раздел. Здесь можно обратиться к теории «Статусных благ» Ф. Гирша, в рамках которой все вещи разделяются на вещи массового, широкого потребления, доступные всем и статусные вещи, выступающие символом определенного положения человека в обществе. Риск здесь заключается в погоне за все более дорожающими статусными вещами, которые, кроме статусной функции, иных функций могут и не выполнять, а также в создании иллюзии того, что любой человек, так или иначе, имеет возможность получить доступ к подобным статусным вещам.
- Фокус смысла жизни на приобретении и обладании вещами. Данное явление может быть следствием предыдущего. Погоня за потребительством перерастает в смысл жизни и с философских позиций можно сказать, что «человек как духовное смысложизненное существо нивелируется до одномерного уровня потребления, а сам смысл жизни фокусируется в точке приобретения и обладания вещами. Это приводит к тому, что вся сложность и многообразие бытия сводится к вещному рассмотрению всех онтологических объектов и структур» [4, с. 96]. Социальный же риск заключается в том, что личность перестает восприниматься как личность сама по себе, так, за свои социально-психологические характеристики личность начинает оцениваться только через вещи и аксессуары, которыми она обладает.
- Нежелание индивида остановиться в потреблении, поскольку это, в его понимании, ставит свободу и независимость под угрозу. Такое понимание выходит за рамки не только лишь социального статуса, но также тесно связано с соци-

альным успехом, завязанным на избыточном и демонстративном потреблении. Однако в какой-то момент такая свобода становится своего рода зависимостью (шопоголизм, ониомания – непреодолимое желание покупать что-либо без всякой насущной необходимости, исключительно ради удовольствия от самого процесса покупки).

- Стремление быть и вести себя как все, быть похожим на других. В какой-то момент, практика избыточного потребления переходит с индивидуального уровня на социальный, а социальный, в свою очередь, начинает влиять на индивидуальный, и тогда общество начинает диктовать определенные правила потребления, неследование которым может привести к выпадению из социального окружения. Так, индивидуальное оказывается поглощенным коллективным [3]. Избыточное потребление, в таком случае, является не непосредственным желанием индивида, а социальной необходимостью, обусловленной картиной массового потребления.
- Стремление соответствовать «кумирам», принадлежать определенной социальной группе по интересам. Характер такого стремления носит менее масштабный характер, чем у предыдущего, однако сопряжен с не менее серьезными рисками. Это связано с тем, что процессы, в основе которых лежит это стремление, наиболее сильно воспроизводятся в молодежной среде и могут формировать социальные девиации в угоду безудержному стремлению принадлежности и принятию референтной группой по интересам.
- Готовность принять мнение авторитета/авторитетного человека, группы без критического осмысления. Риски связаны с тем, что многие готовы принимать убеждения авторитетного человека или группы на веру и не задумываться о последствиях. Социальный контроль при сильном авторитетном воздействии снижается, и количество необдуманных действий растет. Авторитетам, не обладающим высокими моральными качествами, не составит труда сформировать избыточное потребление, например, через продажу собственных товаров.

В связи с последними двумя пунктами, интересен опрос Института общественного мнения «Мерч у каждого второго? Почему россияне носят вещи с логотипами компаний» [7]. Согласно его результатам, почти $\frac{3}{4}$ обладателей мерча (мерч – это «брендированная продукция с символикой компаний, мероприятий или знаменитостей» [8]) редко пользуются этими товарами: 63 % – время от времени, 10 % – «хотя бы иногда». 48 % респондентов приобретают мерч не для того, чтобы им пользоваться, а пользуются им потому, что он приобретен, чтобы «не лежало без дела». Совокупно, 39 % опрошенных используют подобные товары лишь из чувства причастности к бренду (компания, творческому коллективу или личности), его ценностям и стремления его поддержать. Также, важный момент заключается в том, что не только бренды и популяр-

ные личности продвигают мерч – те, кто его приобрел и носит (например, одежду или аксессуары), выполняют маркетинговую функцию и служат своего рода живой рекламой, являются рекламным носителем в обществе потребления [8].

- Психологические негативные переживания из-за дефицитности определенных вещей как совокупный результат предыдущих факторов. Статусные вещи, товары и гаджеты, а также, символизирующие социальный успех из-за некоторой дефицитности и, как следствие, – высокой цены доступны не всем, что также провоцирует негативные эмоции и фрустрационные риски. Главным образом, это связано с тем, что в восприятии индивидов, подверженных избыточному потреблению, невозможно угнаться за всеми желаемыми вещами, что ассоциируется с социальной несостоятельностью.

- Связь чрезмерного потребления с полнотой счастья, поскольку, подменяя реальные гуманистические смыслы человеческой жизни, товары избыточного потребления создают образ счастья, пропитанный утилитаризмом и вещиизмом.

- Стимуляция потребления маркетинговыми инструментами. Предыдущие факторы были связаны с ложными представлениями о культуре, ценностях и богатстве. Однако кроме них, на распространение идеологии избыточного потребления влияют психологические маркетинговые стимулы: формируется социальное представление о чрезмерном потребительстве как о нормальной социальной практике, утрируется чрезмерная потребность в покупках [6].

Результаты анкетного исследования [6] показали, что 73 % респондентов не обладают потребительской культурой, потребительской грамотностью, они подвержены импульсивным, незапланированным покупкам; 43 % подвержены маркетинговым стимулам (акции, скидки, бонусы, подарки при покупке определенного товара или на определенную сумму, кэшбек и т.д.) и осознают это; несмотря на то, что учет доходов и расходов помогает избегать избыточного потребления, большинство считают эту практику наносящей психологический вред.

Вся совокупность перечисленных выше рисков формирует собой социальную угрозу, которая ставит под сомнение смысл человеческого существования, т.к. заменяются ценностные и гуманистические смыслы, наполняющие человеческую жизнь, а реальная жизнь заменяется различного рода симуляциями в виде вещиизма и неосмысленного потребления.

Обсуждение. Осмысление социальных рисков и угроз избыточного потребления приводит к необходимости формирования моделей поведения, направленных на этическое, цивилизационное потребление.

Недаром понятие «потребление» используется адептами «зеленого» образа жизни для обозначения концепции осознанного потребления: reduce (сокращение), reuse (повторное использование) и recycle (переработка). Однако сейчас в обществе потребления, формирующего т.н. грамотного потребителя, формируются риски и угрозы социальному существованию.

Избыточное потребление и его негативные последствия изначально ассоциировались исключительно с экологической обстановкой. Однако в последнее время все больше и больше исследователей понимают социальные и социально-психологические причины, стимулы и последствия идеологии потребительства и задумываются над инструментами нивелирования избыточного иррационального потребления и формирования модели этического потребления, вызванного, в том числе и процессом экономической глобализации [10; 11]. Этическое потребление направлено также на «упрощение потребительских стандартов и добровольный отказ от сверхпотребления» [6, с. 60].

Одним из способов влияния на практики потребительского поведения являются социальные проекты. Примером такого проекта может служить региональный проект «Экошкола», реализуемый в Ростове-на-Дону и направленный на формирование экологической культуры у школьников [9].

В Туле был реализован проект «Зеленый пикник», в рамках которого через различные веселые детские мероприятия (лекции, мастер-классы, танцевальные и спортивные мероприятия, огненное шоу) было привлечено внимание населения к проблеме этического потребления [10].

Заключение. Таким образом, распространение избыточного потребления связано с различными факторами, несущими риски и угрозы обществу, в числе которых:

- тесная взаимосвязь владения определенным набором вещей и обладание высоким социальным статусом;
- фокус смысла жизни на приобретении;
- нежелание индивида остановиться в потреблении;
- стремление быть похожим на других;
- стремление принадлежать определенной социальной группе по интересам;
- готовность принять мнение авторитета без критического осмысления;
- психологические негативные переживания из-за дефицитности определенных вещей;
- стимуляция потребления маркетинговыми инструментами.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. Столярова К.Н. Общество риска: тупики и проблемы / К.Н. Столярова // Молодой ученый. 2020. № 23 (313). С. 715–717.
3. Калабекова С.В. Риски общества потребления / С.В. Калабекова // Политика и общество. 2018. № 6. С. 58–63.
4. Боровой Е.М. Существование человека в обществе «избыточного потребления» / Е.М. Боровой // Ценности и смыслы. 2015. № 5(39). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/suschestvovanie-cheloveka-v-obschestve-izbytochnogo-potrebleniya> (дата обращения 23.08.2023).
5. Иванова М.В. Идеология потребительства как феномен современного либерально-демократического общества / М.В. Иванова // Вестник Забайкальского государственного университета. 2008. № 4. С. 16–22.
6. Безпалова А.Г. Исследование влияния современных маркетинговых стимулов на формирование избыточного потребления / А.Г. Безпалова, Т.В. Акулич // Фундаментальные исследования. 2019. № 10. С. 7–11.
7. Опрос Института общественного мнения «Мерч у каждого второго? Почему россияне носят вещи с логотипами компаний». URL : <https://iom.anketolog.ru/2021/05/21/merch>
8. Мерч как стиль жизни: для чего создают брендированную продукцию. URL : <https://practicum.yandex.ru/blog/chto-takoe-merch-kak-ego-sozdat>
9. Проект «Эшкола». URL : <https://dobro.ru/organizations/10017753/info>
10. Бандурин А.П. Рациональное и иррациональное в социальной регуляции производства и потребления продуктов питания / А.П. Бандурин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 11-1. С. 25–28.
11. Самыгин С.И. Экономическая глобализация как фактор риска снижения социального здоровья молодежи / С.И. Самыгин // Модернизация экономики России: отраслевой и региональный аспект. Материалы международной науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. Ростов-н/Д., 2018. С. 360–364.

References:

1. Beck U. Risk society. On the way to another modern / U. Beck; Translated from German by V. Sedelnik and N. Fedorova. M. : Progress-Tradition, 2000. – 384 p.
2. Stolyarova K.N. Risk society: dead ends and problems / K.N. Stolyarova // Young scientist. 2020. № 23(313). P. 715–717.
3. Kalabekova S.V. Risks of consumer society / S.V. Kalabekova // Politics and society. 2018. № 6. P. 58–63.
4. Borovoy E.M. The existence of a person in a society of «excessive consumption» / E.M. Borovoy // Values and meanings. 2015. № 5(39). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/suschestvovanie-cheloveka-v-obschestve-izbytochnogo-potrebleniya> (date of the application 08/23/2023).
5. Ivanova M.V. Ideology of consumerism as a phenomenon of modern liberal democratic society // Bulletin of the Trans-Baikal State University. 2008. № 4. P. 16–22.
6. Bepalova A.G. Investigation of the influence of modern marketing incentives on the formation of excessive consumption / A.G. Bepalova, T.V. Akulich // Fundamental research. 2019. № 10. P. 7–11.
7. Survey of the Institute of Public Opinion «Does every second have a merch? Why Russians wear things with company logos». URL : <https://iom.anketolog.ru/2021/05/21/merch>
8. Merch as a lifestyle: why they create branded products. URL : <https://practicum.yandex.ru/blog/chto-takoe-merch-kak-ego-sozdat>
9. The Eco-School project. URL : <https://dobro.ru/organizations/10017753/info>
10. Bandurin A.P. Rational and irrational in the social regulation of food production and consumption / A.P. Bandurin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2022. № 11-1. P. 25–28.
11. Samygin S.I. Economic globalization as a risk factor for the decline in the social health of youth / S.I. Samygin // Modernization of the Russian economy: sectoral and regional aspects. Materials of the international scientific and practical. conf. faculty, young scientists and students. Rostov-on/D., 2018. P. 360–364.

Информация об авторах

Бандурин Александр Петрович

доктор философских наук,
профессор кафедры истории,
философии и социальных технологий,
Новочеркасский мелиоративный институт –
филиал Донского государственного
аграрного университета, Новочеркасск
ap49b@yandex.ru

Щербакова Лидия Ильинична

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры
социальных и гуманитарных наук,
Южно-российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова, Новочеркасск
lidia-npi@mail.ru
ORCID 0000-0002-5374-6194

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры управления персоналом,
Ростовский государственный экономический
университет (РИНХ), Ростов-на-Дону
darya.maksimovich@gmail.com

Alexander P. Bandurin

Doctor of Philosophy Sciences,
Professor of the Department of History,
Philosophy and Social Technologies,
Novocherkassk Land Reclamation Institute –
branch of the Don State Agrarian University,
Novocherkassk
ap49b@yandex.ru

Lidiya I. Shcherbakova

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor of the Department
Social and Human Sciences,
South Russian State
Polytechnic University (NPI)
named after M.I. Platova, Novocherkassk
lidia-npi@mail.ru
ORCID 0000-0002-5374-6194

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology Sciences,
Professor,
Professor of the Department of Personnel Management,
Rostov State University of Economics (RINH),
Rostov-on-Don
darya.maksimovich@gmail.com

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.007>

УДК 3.336.647

Attribution

cc by

СУЩНОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ

Ваш Ю.Ф.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация. Актуальность данного исследования заключается в том, что оно посвящено анализу сущностных оснований социальных технологий в системе управления инновационным развитием. В современных условиях, применение социально-технологического подхода в системе малого бизнеса выражается в обеспечении деятельностного, процессного, структурного, целеориентированного характера управления. Использование социально-технологического подхода при решении задачи управления знаниями малого и бизнеса позволит получить оптимальный положительный результат при реальных ресурсах и с учетом ограничений социальной среды. В работе изучены перспективы использования социальных технологий в управлении организационным развитием. Отмечается, что социальные технологии это широкий инструмент для управления социальными процессами и системами, а также организациями. Социальные технологии и социальные процессы являются взаимосвязанными категориями. Востребованность разработки социальных технологий управления знаниями в современных условиях нестабильности и риска, обусловлено тем, что сегодня развитие интеллектуальных ресурсов, нематериальных активов российских компаний становится важнейшим источником их конкурентных преимуществ на международных рынках.

Ключевые слова: малый бизнес, социальное управление, организационное развитие, системность, социальные технологии, система.

ESSENTIAL FOUNDATIONS OF SOCIAL TECHNOLOGIES IN THE ORGANIZATIONAL DEVELOPMENT MANAGEMENT SYSTEM

Yuri F. Vash

Belgorod State National Research University

Abstract. The relevance of this study lies in the fact that it is devoted to the analysis of the essential foundations of social technologies in the system of management of innovative development. In modern conditions, the application of the socio-technological approach in the small business system is expressed in ensuring the activity-based, process-based, structural, goal-oriented nature of management. The use of a socio-technological approach when solving the problem of knowledge management of small and business will allow obtaining an optimal positive result with real resources and taking into account the limitations of the social environment. The paper examines the prospects for using social technologies in managing organizational development. It is noted that social technologies are a broad tool for managing social processes and systems, as well as organizations. Social technologies and social processes are interdependent categories. The demand for the development of social management technologies in modern environmental and risk conditions is due to the fact that today the development of intellectual resources and intangible assets of Russian companies is becoming the most important achievement of their competitive advantages in the world market.

Keywords: small business, social management, organizational development, consistency, social technologies, system.

Введение. Сегодня, малый и средний бизнес играет фундаментальную роль в экономическом и социальном благополучии государства. Несмотря на множество позитивных следствий развития малого и среднего бизнеса, сегодня ему приходится функционировать в условиях риска, которые возникают в процессе санкционной политики со стороны недружественных

стран. Нестабильная и рискогенная среда характеризуется неопределенностью социальных и экономических процессов, колебаниями рыночной активности, низкой степенью прогнозируемости. В нестабильной среде специфика и характер позитивного роста определяется качеством знаний кадрового состава.

В условиях неопределенности малому бизнесу приходится постоянно отслеживать колебания внешней среды и оперативно генерировать, и реализовывать оптимальные управляющие воздействия, способные нивелировать последствия турбулентности.

В этой связи, доктор экономических наук В.В. Келарев замечает, что «Становление малого и среднего предпринимательства в экономике происходит постоянно в условиях кризисов. На данный момент это уже пятый кризис с начала рыночных реформ. Такое положение откладывает отпечаток на то, что динамика субъектов малого и среднего бизнеса носит нестабильный контекст» [4].

В этой связи, меняющаяся бизнес-среда заставляет все больше стремиться продвигать новые технологии организационного развития и оптимально использовать организационные знания в качестве конкурентного преимущества. Управление организационным развитием является важной частью ведения бизнеса, позволяющим справляться с огромными объемами данных и управлять ими.

Как подчеркивает М.С. Володькина: «Управление организационным развитием необходимо рассматривать как процесс, с помощью которого организации удастся извлечь прибыль из объема знаний или интеллектуального капитала, находящегося в ее расположении. Это новый вид управленческой деятельности, направленный на интенсивное использование нематериальных ресурсов» [1].

Результаты. Организационное развитие – это процесс запланированных изменений, в котором участвует вся организация с особым вниманием к культуре организации и лидерству. Организационное развитие имеет двойную цель: во-первых, помочь руководству и сотрудникам организации удовлетворить конкретную потребность в изменениях, таких как работа с новыми технологиями, если бизнес сталкивается с конкуренцией в отрасли, более эффективное предоставление услуг, если он вовлечен в социальную деятельность, сокращение бюрократии, если это государственное учреждение, улучшение качества обслуживания, если это сфера обслуживания или обеспечение повышения безопасности и справедливости при соблюдении закона, если это правовая система, и это лишь некоторые примеры.

Организационное развитие основано на теории открытых систем и определенном наборе ценностей. Оптимальное управление организационным развитием на наш взгляд, возможно на основе социально-технологического подхода.

Помимо указанных выше проблем, хотелось бы отметить еще один немаловажный аспект - автономность применения социальных инструментов. В настоящее время перспективным представляется формирование интегрированного

социально-технологического алгоритма объединяющего в себя социальные инструменты управления организационным развитием. Прежде все отметим, что социальные технологии эффективны в управлении человеческим ресурсом, потому как носят социальный характер.

Обсуждение. В настоящее время в научной литературе термин «социальная технология» получил широкое распространение. В определении Л.Я. Дятченко социальная технология – это деятельность, направленная на совершенствование управления социальными объектами и процессами, представляющая собой предварительно разработанный социальный проект [3].

Как отмечал К. Манхейм, «характер социальной технологии для общества даже более важен, нежели его экономическая структура или социальная стратификация» [5]. Аналогичного мнения придерживается и ряд современных российских социологов.

Обобщая авторские подходы, приходим к выводу о том, что социальные технологии (применительно к предприятиям малого бизнеса) – это научно обоснованная совокупность последовательных операций и процедур целенаправленного воздействия управляющей системы на развитие и оптимизацию деятельности предприятия с учетом специфики его функционирования и в условиях динамики общественных процессов с целью перевода предприятия на новый, качественно более высокий уровень.

Социальные технологии – это широкий инструмент для управления социальными процессами и системами, а также организациями. Рассмотрим некоторые из них, которые так или иначе могут быть применимы в управлении организационным развитием.

В рамках этого подхода, ученые разрабатывали следующие научные направления:

- социальное планирование, прогнозирование, проектирование;
- целеполагание в управлении;
- стратегическое управление;
- стратегическое целеполагание как ресурс антикризисного управления;
- концептуальное стратегическое управление;
- управленческое консультирование.

В то же время, Н.С. Данакин подчеркивает, что социальные технологии и социальные процессы являются взаимосвязанными категориями.

Роль социальных технологий заключается в оптимизации социальных процессов; как и социальные действия, процессы технологически расчленяются и подвергаются анализу по таким

критериям, как интенсивность, направленность, типология, вид, внутренние механизмы и т.д.

Таким образом, социальные технологии позволяют выстроить алгоритм социального процесса [2].

Востребованность разработки социальных технологий управления знаниями в современных условиях нестабильности и риска, обусловлено тем, что сегодня развитие интеллектуальных ресурсов, нематериальных активов российских компаний становится важнейшим источником их конкурентных преимуществ на международных рынках.

Применение социально-технологического подхода в системе малого и бизнеса выражается в обеспечении деятельностного, процессного, структурного, целеориентированного характера управления. Использование социально-технологического подхода при решении задачи управления знаниями малого и бизнеса позволит получить оптимальный положительный результат при реальных ресурсах и с учетом ограничений социальной среды.

По нашему мнению, перспективным является формирование и развитие у руководителей предприятий малого и среднего бизнеса социально-технологической компетентности.

Социально-технологический инструментарий для руководителя предприятия дает возможность осуществлять социальное проектирование и внедрение управления знаниями на основе стратегического мышления, обеспечивающее достижения рациональности, последовательности, целеориентированности, поэтапности развития знаний своих подчиненных.

Заключение. Таким образом, учитывая нестабильность среды, в которой функционирует малый бизнес, общим контекстом трансформации современной управленческой парадигмы являются изменения, происходящие во внешней среде. В этой связи, применение социально-технологического подхода в системе организационного развития, является эффективным методом преодоления проблемных аспектов.

Использование социально-технологического подхода при решении задачи управления организационным развитием малого бизнеса должно быть направлено на:

– формирование и развитие у руководителей предприятий малого бизнеса социально-технологической культуры;

– развитие технологий антикризисного управления знаниями в малом бизнесе в условиях нестабильной среды.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Володькина М.С. Современное состояние и тенденции развития концепции управления знаниями / М.С. Володькина // Огарёв-Online. 2021. № 8(161).
2. Данакин Н.С. Социально-технологические основы целевого управления организацией / Н.С. Данакин, О. В. Маттейс // Управление городом: теория и практика. 2012. № 2(5). С. 25–33.
3. Дятченко Л.Я. Социальные технологии в системе управления общественными процессами : дис. ... доктора социологических наук: 22.00.08. М., 1993. С. 23.
4. Келарев В.В. Малый и средний бизнес российской Федерации в условиях постоянных кризисов и волатильной бизнес-среды / В.В. Келарев // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1. С. 127.
5. Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени / К. Манхейм; Пер. с нем. и англ. М., 2010. С. 542.

References:

1. Volodkina M.S. Current state and development trend of the concept of management methods / M.S. Volodkina // Ogarev-Online. 2021. № 8(161).
2. Danakin N.S. Socio-technological foundations of target management of an organization / N.S. Danakin, O.V. Matteis // City management: theory and practice. 2012. № 2(5). P. 25–33.
3. Dyatchenko L. Ya. Social technologies in the management of social processes : dis. ... of the doctor ... of sociological sciences: 22.00.08. M., 1993. P. 23.
4. Kelarev V.V. Small and medium-sized businesses of the Russian Federation in conditions of constant crises and a volatile business environment / V.V. Kelarev // State and municipal management. Scientific notes. 2021. № 1. P. 127.
5. Manheim K. Favorites: Diagnosis of our time / K. Manheim; Trans. with him. and English M., 2010. P. 542.

Информация об авторе

Ваш Юрий Федорович

соискатель кафедры социальных технологий
и государственной службы,
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
vash-yra@mail.ru

Yuri F. Vash

Candidate of the Department
of Social Technologies and Public Service,
Belgorod State National Research University
vash-yra@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.043>
УДК 316

Attribution
cc by

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЕ ПРОЕКТЫ КАК ФОРМАТ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Виндижева А.О.

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова

Аннотация. Целью данной публикации является рассмотрение мультимедийных проектов как формата самостоятельной работы студенческой молодежи в институте образования. Институциональная образовательная среда задает параметры образовательного процесса и учебно-образовательной деятельности. Мультимедийные продукты определены как интерактивная компьютерная разработка, в которую может входить: текстовое и музыкальное сопровождение, графическая визуальная информация, галерея картин (слайдов), базы данных, видеоклипы, анимация, гиперссылки на необходимые ресурсы. Мультимедийный проект определен как программный продукт, который предоставляет студенческой молодежи интерактивный, диалоговый режим работы, допускает обмен командами и ответами между человеком и компьютером; это среда, в которой используются различные аудио- и видеоэффекты.

Ключевые слова: мультимедийные проекты, самостоятельная работа, студенческая молодежь, студенты, институт образования, средовой подход, образовательная среда.

MULTIMEDIA PROJECTS AS A FORMAT FOR INDEPENDENT WORK OF STUDENTS IN THE INSTITUTIONAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Albina O. Vindizheva

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekova

Abstract. The purpose of this publication is to consider multimedia projects as a format for independent work of students at the Institute of Education. The institutional educational environment sets the parameters of the educational process and educational activities. Multimedia products are defined as interactive computer development, which may include: text and music, graphic visual information, a gallery of pictures (slides), databases, video clips, animation, hyperlinks to the necessary resources. A multimedia project is defined as a software product that provides students with an interactive, interactive mode of operation, allowing the exchange of commands and responses between a person and a computer; it is a medium that uses various audio and video effects.

Keywords: multimedia projects, independent work, youth, students, institute of education, environmental approach, educational environment.

Введение. В обществе знаний институциональная образовательная среда подчинена инновационным компьютерным технологиям, результатом чего стал тотальный процесс компьютеризации института образования [1].

Современное информационное общество трансформировало институт образования в целом, поставив задачу, направленную на разработку образовательных программ, соответствующих требованиям подготовки квалифицированных специалистов, «конкурентоспособных на рынке труда в условиях цифровой экономики», поскольку человеческий капитал с его способностью добывать новые знания и совершенствовать свои профессиональные компетенции, задает в информационном обществе «ключевые тренды развития национальных экономик»

[2, с. 37]. Такого рода конкурентоспособность могут обеспечить цифровые компетенции, направленные на умения и навыки работы с информационными технологиями [3]. Технологии и знания сегодня являются ключевыми факторами производства. Современное общество знаний подразумевает специфику «работы со знаниями, а точнее, управления ими». Под управлением знаниями имеются в виду цифровые умения «собирать, структурировать, хранить и развивать (в том числе в заданном направлении)» информацию, в том числе и в институциональной образовательной среде [4, с. 7].

Методы исследования. Теоретическая и методологическая база исследования состоит из концептуальных положений социологической теории, раскрывающих три основных понятия: мультимедийные проекты, самостоятельная работа, студенческая молодежь, студенты, институт образования, средовой подход, образовательная среда.

© Виндижева А.О.

тимедийный проект, мультимедийный продукт, образовательная среда. Методологически применение данных понятий может быть рассмотрено в рамках двух взаимодополняющих подходов: институционального и средового. Институциональный подход направлен на изучение актора (в нашем случае в качестве актора выступает студенческая молодежь) в социально-деятельностном контексте (в качестве такового является самостоятельная работа студентов).

Средовой подход по отношению к образовательной среде заключается в том, что, данная среда представляет собой сложноорганизованную систему когнитивных, ценностно-мотивационных, социокультурных, эмоционально-волевых и имажинитивных элементов, иницируемых социальным актором (студенческой молодежью) и реализуемых ею в процессе самостоятельной работы. Институциональная образовательная среда задает параметры образовательного процесса и учебно-образовательной деятельности.

Результаты. Институциональная образовательная среда предлагает студенческой молодежи широкий выбор образовательных программ и обучающих платформ, обеспечивающих эффективную деятельность. Н.А. Пахтусова и Н.В. Уварина отмечают, что значительная часть институциональной образовательной среды включает использование виртуальной цифровой среды, в которой важная роль отводится ИКТ [5].

В рамках средового подхода, в структуру институциональной образовательной среды входят три элемента:

- во-первых, информационная – среда, отражающая информацию об электронных ресурсах, хранилищах ранее разработанных и защищенных мультимедийных продуктов;
- во-вторых, инструментальная – среда, связанная с инструментальной, технологической составляющей – учебно-методическим обеспечением, техническими средствами обучения;
- в-третьих, социальная – среда социальной коммуникации, обусловленная цифровыми технологиями в рамках разработки МП.

Далее зададимся вопросом: в чем же сущность средств мультимедиа, каким образом они интерпретируются в научной литературе?

Объясняя понятие «мультимедиа», отечественный автор О.В. Шлыкова подчеркивает, что оно образовано сочетанием слов английского происхождения «multy», «multiple» (множественный, состоящий из множества составляющих частей) и «media» (среда). Таким образом, можно прийти к умозаключению о том, что понятие «мультимедиа» интерпретируется как «многие среды» [6]. Иными словами, мультимедиа – это среды, включающие в себя множественные мультимедийные продукты, сочетающие в себе текст, звук, графику, а также, в соответствии с актуаль-

ными трендами цифровых технологий, комплексное соединение анимации и видеосопровождения.

Под мультимедийными продуктами мы понимаем интерактивную компьютерную разработку, в которую может входить: текстовое и музыкальное сопровождение, графическая визуальная информация, галерея картин (слайдов), базы данных, видеоклипы, анимация, гиперссылки на необходимые ресурсы. Мультимедийные продукты, по словам Н.Н. Шаховалова, «призваны реально воплощать идеи о возможности человека «путешествовать» во времени и пространстве с помощью компьютера, развивать творческие способности, художественное и эстетическое восприятие» [7, с. 147].

Мультимедийный проект (далее – МП) – это программный продукт, который обязательно предоставляет студенческой молодежи интерактивный, диалоговый режим работы, допускает обмен командами и ответами между человеком и компьютером; это среда, в которой используются различные аудио- и видеоэффекты. МП несколько напоминает документальный фильм на компьютере, в котором присутствует звук, анимация, музыкальное сопровождение, цветовые эффекты.

Важную роль в создании МП играет сценарий: его четкость, логичность и законченность помогает создать не просто слайд-шоу, а действительно программный продукт, позволяющий стать компонентом самостоятельной учебной деятельности студенческой молодежи.

Разработку МП в условиях высшего профессионального образования лучше проводить на базе приложений Microsoft Office. Для подготовки материала допустимо использовать дополнительные программные продукты, а для демонстрации рисунков, слайдов, клипов целесообразно использовать приложение Power Point.

Для успешной реализации проекта студентам необходимо обратить внимание на выбор его темы и цели. Этот выбор студенческая молодежь должна осуществлять самостоятельно. Если тема проекта интересна для молодого человека и в дальнейшем она будет применяться на семинарских занятиях, то самостоятельная работа данного студента будет более тщательная и осмысленная.

Основными этапами разработки МП являются:

- 1) предварительная подготовка: разработка концепции, планирование МП, выбор темы проекта, обоснование его актуальности, определение задач и конечного результата;
- 2) проведение поисково-исследовательской деятельности по данной тематике, ее анализ и обобщение (сбор имеющейся по данной проблематике информации: созданные ранее МП по искомой теме, веб-ресурсы);

3) разработка пошагового сценария мультимедийного проекта, а также «интеграция информационных объектов мультимедиа с помощью инструментальных средств по сценарию мультимедиа-проекта» [7, с. 149];

4) подготовка соответствующего материала в рамках выбранной темы, его оформление (графическое, текстовое, музыкальное, художественное, эстетическое, клиповое, анимационное и пр.);

5) реализация проекта с применением соответствующего материала в рамках выбранной темы;

Защита студентом своего проекта – важный этап, связанный с формированием ораторских и коммуникативных навыков, складывающихся в процессе выступления перед аудиторией и реализации проектной методики с применением МП.

Заметим, что роль преподавателя на всех этапах самостоятельной работы над проектом будет различной (явной, открытой или латентной, скрытой), однако сама учебно-образовательная идея МП как формат самостоятельной работы студенческой молодежи в институциональной образовательной среде, так или иначе, предполагает самостоятельную работу студентов.

При оценивании МП могут применяться различные подходы – от оценки внешних параметров до оценки структурно-смысловой стороны проекта. Также стоит внимания тот факт, что для развития когнитивных, имажинитивных способностей и рефлексии студенческой молодежи являются само- и взаимооценивание самими студентами мультимедиа-проектов.

Оценка внешних параметров МП включает: актуальность проблематики проекта, коллективную работу (работа в команде) при обсуждении и защите МП, умение высказать собственную точку зрения, делать выводы.

Обсуждение. По мнению Т.А. Бороненко, А.В. Кайсиной и В.С. Федотовой, главным признаком МП является наличие интерактивности, под которой понимается процесс, при котором студенты и компьютерные технологии в ходе коммуникации посредством «посредством программного обеспечения и обработки информации при помощи интерфейса своими действиями влияют друг на друга, вызывая ответную реакцию» [8, с. 189].

Применение интерактивных технологий в институциональной образовательной среде улучшают процесс обучения студенческой молодежи за счет: визуализации материала; его восприятия как дополнительного источника информации; создания насыщенной интерактивной виртуальной среды (диалогичность, дополнение, неограниченный доступ к необходимой информации при подготовке МП); организации самостоятельной

работы студенческой молодежи, что способствует закреплению учебного материала; моделирования учебных ситуаций в онлайн-среде (вовлечение студентов в активный учебный процесс, использование виртуальных тренажеров); расширения спектра видов групповой работы для получения опыта социальной коммуникации.

Кроме того, как подчеркивают Т.А. Бороненко и В.С. Федотова, в МП при использовании интерактивных технологий в институциональной образовательной среде целесообразно применить триггеры: «объекты на слайде (надпись, фигура, объект), при нажатии на которые запускается анимация одного или нескольких объектов» [9, с. 64].

В качестве МП И.В. Никишин понимает проект, который разрабатывается студентами под контролем преподавателя, начиная этапом формирования идеи и заканчивая этапом ее реализации, и содержит в себе субъективную или объективную новизну [10].

М.Н. Харабаджах, указывая на этапы создания мультимедийного проекта, в качестве таковых выделяет: предварительную подготовку, создание команды, календарный план, сбор информации, создание контента, согласование частей МП, объединение частей медиатекста в единую структуру, предварительный просмотр и заключительный этап (презентация МП) [11].

При создании МП, как подчеркивает Р.Р. Абсалихов, необходимо брать в расчет тот факт, что полученные студенческой молодежью знания, умения и навыки должны периодически контролироваться и оцениваться с той целью, чтобы вовремя скорректировать «образовательную траекторию» молодежи. «Обратная связь» со студенческой молодежью – важная составляющая учебно-образовательного процесса и осуществления самостоятельной работы [12, с. 184].

Заключение. Резюмируя, важно сказать о том, что для эффективного применения мультимедийных технологий необходимо создать такие условия, которые позволят обеспечить формирование когнитивной, имажинитивной, эмоционально-волевой составляющих, а также коммуникативной и социальной активности студенческой молодежи.

Использование мультимедийных проектов как формата работы со студентами в институциональной образовательной среде должно способствовать решению многих практических задач, связанных с неоднозначным, вариативным развитием личности студентов. В целом, применение МП как формата самостоятельной работы студенческой молодежи создает соответствующую образовательную среду, которая способствует развитию самостоятельной познавательной деятельности студентов.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Applying of information and communication technologies in the education process / N. Gafiatulina, N. Shishova, D. Volkova, I. Topchiy // Collection: E3S Web of Conferences. 13. Ser. «13th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTERAGROMASH 2020». 2020. P. 15031.
2. Трансформация образования в цифровую эпоху / П.В. Терелянский, Н.В. Кузнецов, К.В. Екимова, С.А. Лукьянов // Университетское управление: практика и анализ. 2018. № 22(6). С. 36–43.
3. Гафиатулина Н.Х. Специфика онлайн-обучения в российском образовательном пространстве высшей школы / Н.Х. Гафиатулина, Э.С. Абдулаева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 6. С. 24–28.
4. Человеческие ресурсы в инновационной экономике: ретроспектива и перспектива развития: коллективная монография / Под ред. проф. А.А. Степанова, доц. М.В. Савиной. 2018. 240 с.
5. Пахтусова Н.А. Методологические подходы для исследования процесса киберсоциализации и становление сетевой идентичности личности молодежи в условиях образовательной среды / Н.А. Пахтусова, Н.В. Уварина // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2022. Т. 14. № 4. С. 73–78.
6. Шлыкова О.В. Культура мультимедиа. М. : ФАИР-ПРЕСС. 2004. 415 с.
7. Шаховалов Н.Н. Разработка и применение мультимедиа-проектов в организации сценических хореографических постановок обучающихся (из опыта работы Алтайского государственного института культуры) / Н.Н. Шаховалов // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2018. № 1. С. 147–151.
8. Бороненко Т.А. Мультимедийные технологии в организации самостоятельной работы студентов / Т.А. Бороненко, А.В. Кайсина, В.С. Федотова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 7. С. 187–191.
9. Бороненко Т.А. Приемы создания и использования интерактивных учебных материалов в профессиональной деятельности учителя / Т.А. Бороненко, В.С. Федотова // Вестник педагогических инноваций. 2022 № 1(65). С. 60–73.
10. Никишин И.В. Медиапроект: понятие, типы, жизненный цикл / И.В. Никишин // Молодой ученый. 2019. № 24(262). С. 478–481.
11. Харабаджах М.Н. Мультимедийный проект как ресурс медиаобразования студентов вуза / М.Н. Харабаджах // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 78-2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/multimediynyy-proekt-kak-resurs-mediaobrazovaniya-studentov-vuza> (дата обращения 23.09.2023).
12. Абсалихов Р.Р. Использование электронных ресурсов в образовательном процессе бакалавров профессионального обучения / Р.Р. Абсалихов // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Теоретические и практические вопросы науки XXI века». Уфа, 2015. С. 184–185.

References:

1. Applying of information and communication technologies in the education process / N. Gafiatulina, N. Shishova, D. Volkova, I. Topchiy // Collection: E3S Web of Conferences. 13. Ser. «13th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTERAGROMASH 2020». 2020. P. 15031.
2. Transformation of education in the digital era / P.V. Teryansky, N.V. Kuznetsov, K.V. Ekimova, S.A. Lukyanov // University management: practice and analysis. 2018. № 22(6). P. 36–43.
3. Gafiatulina H.X. Specifics of online learning in the Russian educational space of higher education / H.X. Gafiatulina, E.S. Abdulaeva // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2020. № 6. P. 24–28.
4. Human resources in an innovative economy: retrospective and development prospects: collective monograph / Ed. prof. A.A. Stepanova, associate professor M.V. Savina. 2018. 240 p.
5. Pakhtusova N.A. Methodological approaches for studying the process of cybersocialization and the formation of network identity of youth in the educational environment / N.A. Pakhtusova, N.V. Uvarina // Modern Higher School: Innovative Aspect. 2022. Vol. 14. № 4. P. 73–78.
6. Shlykova O.V. Multimedia culture. M. : FAIR PRESS. 2004. 415 p.
7. Shakhvalov N.N. Development and application of multimedia projects in organizing stage choreographic performances for students (from the experience of the Altai State Institute of Culture) / N.N. Shakhvalov // Uchenye zapiski (Altai State Academy of Culture and Arts). 2018. № 1. P. 147–151.

8. Boronenko T.A. Multimedia technologies in the organization of independent work of students / T.A. Boronenko, A.V. Kaysina, V.S. Fedotova // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2015. № 7. P. 187–191.
9. Boronenko T.A. Techniques for creating and using interactive educational materials in the professional activities of teachers / T.A. Boronenko, V.S. Fedotova // Bulletin of Pedagogical Innovations. 2022 № 1(65). P. 60–73.
10. Nikishin I.V. Media project: concept, types, life cycle / I.V. Nikishin // Young scientist. 2019. № 24(262). P. 478–481.
11. Kharabajah M.N. Multimedia project as a resource of media education of university students / M.N. Kharabajah // Problems of modern pedagogical education. 2023. № 78-2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/multimediynyy-proekt-kak-resurs-mediaobrazovaniya-studentov-vuza> (date of the application 03.09.2023).
12. Absalikhov R.R. The use of electronic resources in the educational process of bachelors of vocational training / R.R. Absalikhov // Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference «Theoretical and Practical Issues of Science of the 21st Century». Ufa, 2015. P. 184–185.

Информация об авторе

Виндижева Альбина Олеговна

Кабардино-Балкарский государственный
университет имени Х.М. Бербекова,
Кабардино-Балкарская республика, г. Нальчик
vindig1980@mail.ru
ORCID 0000-0001-5867-0152

Albina O. Vindizheva

Kabardino-Balkarian State University
named after H.M. Berbekova,
Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik
vindig1980@mail.ru
ORCID 0000-0001-5867-0152

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.044>
УДК 316

Attribution
cc by

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Виндижева А.О.

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова

Аннотация. В данной статье через призму системного (экосистемного) подхода рассматривается применение интерактивных образовательных технологий в системе образования в условиях цифровизации общества, что и свидетельствует о её актуальности. Приводится авторское определение цифровой экосистемы: особая многоуровневая система, структуру которой составляют такие элементы, как академическая экосистема, цифровая образовательная экосистема, экосистема электронного обучения с применением мультимедийных инструментов, экосистема интерактивных образовательных технологий.

В качестве ключевого подхода к анализу применения интерактивных образовательных технологий в системе образования в условиях цифровизации общества является системный подход, а точнее, экосистемный подход, в рамках которого учебно-образовательные процессы рассматриваются с точки зрения теории систем и экосистем. Делается вывод о важности учета фактора социальной специфики образовательной системы, которую необходимо учитывать при перенимании опыта построения цифровых образовательных экосистем. С каждым годом цифровые технологии занимают в образовательном процессе все более и более серьезные позиции как отдельные инструменты и методы, а также как полноценные технологии. Используя инструменты цифровой образовательной экосистемы, необходимо учитывать, что образовательная система имеет свою социальную специфику, которую со всей очевидностью нельзя сбрасывать со счетов при перенимании опыта построения цифровых образовательных экосистем.

Ключевые слова: цифровизация общества, система образования, интерактивные образовательные технологии, компетенции, цифровые инструменты, цифровая образовательная экосистема.

THE USE OF INTERACTIVE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES AT THE INSTITUTE OF EDUCATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF SOCIETY

Albina O. Vindizheva

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekova

Abstract. This article, through a systemic (ecosystem) prism, examines the application of the approach of interactive educational technologies in the education system in the context of digitalization of society. The author's definition of a digital ecosystem is given: a special multi-level system, the structure of which is made up of such elements as: an academic ecosystem, a digital educational ecosystem, an e-learning ecosystem using multimedia tools, an ecosystem of interactive educational technologies. As a key approach to the analysis of the use of interactive educational technologies in the education system in the context of digitalization of society, there is a systematic approach, or rather, an ecosystem approach, in which educational processes are considered from the point of view of the theory of systems and ecosystems. The conclusion is made about the importance of taking into account the factor of social specificity of the educational system, which must be taken into account when adopting the experience of building digital educational ecosystems. Every year digital technologies occupy more and more serious positions in the educational process as separate tools and methods, as well as as full-fledged technologies. Using the tools of the digital educational ecosystem, it is necessary to take into account that the educational system has its own social specifics, which obviously cannot be discounted when adopting the experience of building digital educational ecosystems.

Keywords: digitalization of society, education system, interactive educational technologies, competencies, digital tools, digital educational ecosystem.

Введение. В XXI веке все институциональное пространство российского общества, и институт образования отнюдь не является исключением, вступило в инновационную стадию развития, связанную с активным тотальным внедрением информационно-коммуникативных технологий (далее – ИКТ).

Цифровое образовательное пространство в условиях цифровизации общества – это инновационный грандиозный проект трансформации системы российского образования по изменению традиционного формата обучения, проект, нацеленный на использование инновационных, мобильных и полифункциональных цифровых технологий, обусловленный цифровизацией общества [1].

О тотальной цифровизации общества и всех его сфер свидетельствует проект «Современная цифровая образовательная среда» (СЦОС), утвержденный президиумом Совета при президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам 25.10.2016 г. в рамках реализации государственной программы «Развитие образования». Этот проект направлен на создание условий по получению качественного образования с использованием современных средств в целях получения цифрового образования с использованием интерактивных образовательных технологий. В рамках его намечается внедрение онлайн-обучения в системе образования, включающее увеличение количества онлайн-курсов с интерактивным участием обучающихся образовательных учреждений. В системе образования, в целом, и высшего, в частности, по данным А.Г. Хентонен и Э.О. Мищерин, «к 2024 г. 20 % дисциплин образовательных программ будут переведены на online-курсы.

В контексте проекта идет интеграция ресурса с Единой системой идентификации и аутентификации (ЕСИА) и ГИС «Контингент», а также внедряется система оценки качества полученных знаний через единые платформы». Кроме того, планируется создание открытого программного обеспечения для улучшения качества online- и дистанционного обучения, а также – оценки промежуточных и итоговых знаний и умений обучающихся в условиях цифровой образовательной среды [2, с. 48].

Методы исследования. В качестве ключевого подхода к анализу применения интерактивных образовательных технологий в системе образования в условиях цифровизации общества является системный подход, а точнее, экосистемный подход, в рамках которого учебно-образовательные процессы рассматриваются с точки зрения теории систем и экосистем. Это учение о сложноорганизованных объектах, системах, представляющих структуру элементов, частей и выполняющих определенные функции.

Согласно системному подходу, научный анализ и практическую деятельность надо осуществлять, опираясь на принцип системности: анализиро-

вать, конструировать и совершенствовать учебно-образовательные процессы, учитывая внутренние связи между всеми элементами системы, а также – ее внешние связи с обществом, его социальными институтами. Изменение одного элемента ведет к изменению других, что особенно важно учитывать при инновациях, реформировании образования, в том числе и внедрения ИКТ в образовательный процесс. Заметим, что даже авторы, более нацеленные на информационную составляющую образовательного процесса, все-таки, подчеркивают системность такой концепции.

Цифровую экосистему мы определяем как особую многоуровневую систему, структуру которой составляют такие элементы, как: академическая экосистема, цифровая образовательная экосистема, экосистема электронного обучения с применением мультимедийных инструментов, экосистема интерактивных образовательных технологий. При этом цифровая образовательная экосистема должна соответствовать параметрам устойчивости и неделимости структуры.

Результаты. Само понятие «образовательная экосистема» появилось в исследованиях системы образования в начале XXI века, однако, пока еще не разработан; выработано единое определение термина «экосистема». Зачастую, данный термин применительно к системе образования «применяется с целью обозначения некой совокупности образовательных технологических решений (например, использование образовательных платформ) являющихся доступными для образовательных учреждений и индивидуальных обучающихся» [3, с. 151].

Кроме того, как отмечают О.В. Сидорова и З.Э. Сабирова, в понятийном аппарате социологии образования понятие «экосистемный подход» окончательно не сформировано, терминология в данной области только начинает складываться – в том числе, из опыта самих компаний-разработчиков таких систем» [3, с. 151].

Современные интерактивные образовательные технологии требуют формирования цифровой компетентности, развития профессиональных компетенций и навыков будущего, что реализуется посредством цифровых подходов в использовании электронных ресурсов. Освоение профессиональных компетенций, позволяющих быстро ориентироваться к изменяющимся условиям жизнедеятельности в эпоху повсеместной цифровизации, находить кратчайший путь в ситуации многозадачности – являются важнейшим фактором в развитии профессионального образования [4].

А.А. Климов, Е.Ю. Заречкин и В.П. Куприяновский в статье «О цифровой экосистеме современного университета» пишут о том, что системными следствиями влияния активной цифровизации в образовании стали:

– «ускорение темпов внесения изменений в учебные программы;

- расширение возможностей доступа к учебным материалам (в том числе, в режиме реального времени);
- возрастание важности междисциплинарных программ и контента; активное продвижение дистанционных образовательных технологий, электронного обучения, онлайн-образования;
- осознание важности усиления конкурентоспособности и одновременно поиск форм взаимодействия с другими вузами» [5, с. 817–818].

Как подчеркивают указанные выше авторы, категория экосистемы образования выходит за рамки техногенной сферы, «взаимодействия человека и машины, представляя собой сложную социокультурную систему», т.к. человеческий фактор, в рамках цифровой системы, проявляется через призму социального взаимодействия, «педагогика, педагогическую поддержку, эффективные приемы использования технологий поддержки обучения, грамотное ведение образовательного процесса» [5, с. 819].

Достаточно общим, но при этом адаптированным к анализу системы образования, по нашему мнению, представляется следующее определение, предложенное зарубежными исследователями И. Граната и Г. Скиннером: «цифровая экосистема – это цифровая инфраструктура и среда, в которой многочисленные цифровые компоненты формируют синергетические взаимосвязи и сотрудничество» [6].

Ведущую роль в системе образования в условиях развития информационного общества и возникновения новых технических возможностей, несвойственных доцифровой эпохе, играют профессиональные компетенции, предполагающие наличие принципиально инновационных методов обучения и новых интерактивных образовательных технологий (далее – ИОТ) в организации учебно-образовательного процесса.

ИОТ должны быть адаптивными и давать возможность «подстраиваться» под специфические особенности целевой аудитории: учитывать цели и мотивы обучения, возрастные особенности, а также – исходный уровень знаний, цифровых умений и навыков и предпочтений обучаемых. В этой связи, при разработке того или иного учебного курса, преподаватель должен правильно «разбить» этот курс на дидактические единицы, структурировать их в единую систему, соблюдая при этом преемственность материала по разным курсам.

Авторы коллективной монографии «Научно-методические основы разработки электронных учебных средств» А.А. Слободчикова, Е.А., Бараханова, А.И. Данилова отмечают, что цифровые ресурсы должны включать в свой состав учебно-методические приложения, в числе которых:

- виртуальные лабораторные практикумы, позволяющие проводить демонстрационные и интерактивные эксперименты;
- виртуальные тренажеры, использование которых в экосистеме образования позволит усилить профессиональную подготовку, а также - приобрести навыки при решении типовых задач; компьютерные (анимационные) демонстрации, позволяющие обеспечить наглядность изучаемого материала;
- автоматизированные системы тестирования промежуточных и итоговых знаний обучающихся;
- другие учебные программные средства и цифровые инструменты [7].

Современные ИКТ в образовательной экосистеме сегодня способствуют распространению и совершенствованию ИОТ, а именно: модульное обучение, дидактические игры, проектно-исследовательское обучение.

Представление учебной информации в рамках цифровой образовательной экосистемы в условиях цифровизации общества и применения ИОТ может реализовываться с использованием различных ИКТ (цифровых технологий). В частности, к таковым следует отнести:

- учебно-методические комплексы, включающие основную литературу и задания для осуществления самостоятельной работы обучающихся, выполненные на печатных носителях информации; разработанные учебно-методические материалы, распространяемые по сети Интернет;
- электронные учебники, электронные учебно-методические пособия по разнообразным дисциплинам в системе образования;
- аудио- и видеопродукция, обучающие телевизионные передачи в рамках образовательной экосистемы, предполагающие наличие обратной связи, способствующей организации экологичного учебного процесса.

Обсуждение. Сегодня в рамках социальных процессов активно распространяется понятие «экосистема», также распространяющееся и на образовательную систему. Анализ нормативных и научно-просветительских источников, проведенный М.Е. Вайндорф-Сысоевой и М.Л. Субочевой [8], позволил выявить связь между такими понятиями, как «система образования», «информационная образовательная экосистема».

Б.В. Олейников и С.А. Подлесный подчеркивают важность информационных технологий и цифровых ресурсов для формирования и использования новых возможностей в образовательной экосистеме [9].

О.В. Сидорова и З.Э. Сабирова под понятием «образовательная экосистема» подразумевают «взаимосвязанные образовательные простран-

ства, которые объединяют как институциональных, так и индивидуальных участников (провайдеров образования), оперирующих различными образовательными ресурсами для индивидуального и коллективного обучения» [3, с. 151].

Интерес представляет концепция образовательной экосистемы, разработанная С.Н. Махновец и О.А. Поповой, под которой авторы подразумевают «целостную многоуровневую самоорганизующуюся, саморегулирующуюся и саморазвивающуюся открытую систему, нацеленную на формирование целостного мировоззрения обучающихся, основанного на духовно-нравственных ценностях» [10, с. 147].

Зарубежные авторы В. Малтезе и Ф. Джуничиглина указывают на тот факт, что для реализации своих образовательных функций университеты выстраивают «сложную экосистему библиотек, цифровых баз данных и IT-систем», каждая из которых обслуживает то или иное «вертикальное приложение», поддерживающее «определенный бизнес-процесс» [11], «целевыми пользователями которого является небольшая группа с заданным набором компетенций и зон ответственности» [3, с. 818].

Заключение. Таким образом, цифровые инструменты становятся одной из основ не только освоения и развития профессиональных навыков и компетенций в условиях цифровизации общества, но и в целом – формирования личности студента [12; 13].

Цифровая трансформация общества настоятельно требует изменения подходов в системе образования для повышения уровня соответствия компетенций молодых специалистов запросам современного рынка труда и экономической системе, а также социальным взаимодействиям в целом [14]. В этой связи, с каждым годом цифровые технологии занимают в образовательном процессе все более и более серьезные позиции как отдельные инструменты и методы, а также как полноценные технологии.

Однако важно понимать, что используя инструменты цифровой образовательной экосистемы, необходимо учитывать, что образовательная система имеет свою социальную специфику, которую со всей очевидностью нельзя сбрасывать со счетов при перенимании опыта построения цифровых образовательных экосистем.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Гафиатулина Н.Х. Вектор разработки образовательной парадигмы в контексте персонифицированного образования в эпоху развития цифровых технологий / Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин // В сборнике: Образование и молодежь в условиях цифровой экономики будущего. Материалы Международной научной конференции. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Южно-Российский государственный политехнический университет (НИИ) имени М.И. Платова. 2020. С. 17–21.
2. Хентоген А.Г. Создание безопасной образовательной среды в общеобразовательной школе в условиях цифровизации общества / А.Г. Хентоген, Э.О. Мищерин // Всероссийская научно-практическая конференция «Трансформация смыслов образования в условиях цифровизации общества». Краснодар, 2020. С. 46–52.
3. Сидорова О.В. Формирование образовательных экосистем в цифровой среде / О.В. Сидорова, З.Э. Сабирова // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2022. № 4(166). С. 150–155.
4. Applying of information and communication technologies in the education process / N. Gafiatulina, N. Shishova, D. Volkova, I. Topchiy // Collection: E3S Web of Conferences. 13. Ser. «13th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTERAGROMASH 2020». 2020. P. 15031.
5. Климов А.А. О цифровой экосистеме современного университета / А.А. Климов, Е.Ю. Заречкин, В.П. Куприяновский // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2019. Т. 15. № 4. С. 815–824.
6. Pranata I. Distributed Secure Mechanism for Resource Protection in Digital Ecosystem Environment / I. Pranata, G. Skinner // Journal of Information Security. 2022. № 3(1). P. 25–38.
7. Слободчикова А.А. Научно-методические основы разработки электронных учебных средств : монография / А.А. Слободчикова, Е.А. Бараханова, А.И. Данилова. М. : МОГУ, 2017. 146 с.
8. Вайндорф-Сысоева М.Е. Образовательная экосистема: терминологический аспект / М.Е. Вайндорф-Сысоева, М.Л. Субочева // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2021. № 4(44).
9. Олейников Б.В. О концепции «экосистема обучения» и направлениях развития информатизации образования / Б.В. Олейников, С.А. Подлесный // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 84–91.
10. Махновец С.Н. Новая экосистема образования как системообразующий вектор качества жизни / С.Н. Махновец, О.А. Попова // Вестник ТвГУ. Серия «Педагогика и психология». 2017. Вып. 4. С. 141–149.

11. Malteze V. Foundations of Digital Universities / V. Malteze, F. Giunchiglina // *Cataloging and Classification Quarterly*. 2017. № 55(1). P. 26–50.
12. Использование цифровых технологий в деятельности преподавателя / М.М. Тхабисимова, А.Р. Бечелова, М.Р. Карданова, А.О. Виндижева // В сборнике: Современные проблемы прикладной математики, информатики и механики. Сборник трудов Международной научной конференции. 2022. С. 112–114.
13. Виндижева А.О. Социальные и правовые аспекты культурно-нравственных ценностей студенчества в условиях цифровизации общества / А.О. Виндижева // В сборнике: Право и экономика: прогресс и цифровые технологии. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2019. С. 135–141.
14. Пичко Н.С. Проблемы и противоречия в системе высшего образования в России / Н.С. Пичко, Н.Х. Гафиятулина, А.А. Васильева // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2023. № 4. С. 84–88.

References:

1. Gafiatulina N.Kh. Vector of development of the educational paradigm in the context of personalized education in the era of digital technology development / N.Kh. Gafiatulina, S.I. Samygin // In the collection: Education and youth in the digital economy of the future. Materials of the International Scientific Conference. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, South Russian State Polytechnic University (Research Institute) named after M.I. Platova. 2020. P. 17–21.
2. Khentogen A.G. Creating a safe educational environment in a secondary school in the conditions of digitalization of society / A.G. Khentogen, E.O. Mishcherin // All-Russian scientific and practical conference «Transformation of the meanings of education in the conditions of digitalization of society». Krasnodar, 2020. P. 46–52.
3. Sidorova O.V. Formation of educational ecosystems in the digital environment / O.V. Sidorova, Z.E. Sabirova // *Economics and management: scientific and practical journal*. 2022. № 4(166). P. 150–155.
4. Applying of information and communication technologies in the education process / N. Gafiatulina, N. Shishova, D. Volkova, I. Topchiy // Collection: E3S Web of Conferences. 13. Ser. «13th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTERAGROMASH 2020». 2020. P. 15031.
5. Klimov A.A. About the digital ecosystem of a modern university / A.A. Klimov, E.Yu. Zarechkin, V.P. Kupriyanovsky // *Modern information technologies and IT education*. 2019. Vol. 15. № 4. P. 815–824.
6. Pranata I. Distributed Secure Mechanism for Resource Protection in Digital Ecosystem Environment / I. Pranata, G. Skinner // *Journal of Information Security*. 2022. № 3(1). P. 25–38.
7. Slobodchikova A.A., Barakhsanova E.A., Danilova A.I. Scientific and methodological foundations for the development of electronic educational tools: monograph. M. : MOGU, 2017. 146 p.
8. Weindorf-Sysoeva M.E. Educational ecosystem: terminological aspect / M.E. Weindorf-Sysoeva, M.L. Subocheva // *Vocational education in Russia and abroad*. 2021. № 4(44). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-ekosistema-terminologicheskiiy-aspekt> (date of the application 18.09.2023).
9. Oleynikov B.V. On the concept of «learning ecosystem» and directions for the development of informatization of education / B.V. Oleynikov, S.A. Podlesny // *Knowledge. Understanding. Skill*. 2013. № 4. P. 84–91.
10. Makhnovets S.N. New ecosystem of education as a system-forming vector of quality of life / S.N. Makhnovets, O.A. Popova // *Bulletin of Tver State University. Series «Pedagogy and Psychology»*. 2017. Iss. 4. P. 141–149.
11. Malteze V. Foundations of Digital Universities / V. Malteze, F. Giunchiglina // *Cataloging and Classification Quarterly*. 2017. № 55(1). P. 26–50.
12. The use of digital technologies in teaching activities / M.M. Tkhabisimova, A.R. Bechelova, M.R. Kardanova, A.O. Vindizheva // In the collection: Modern problems of applied mathematics, computer science and mechanics. Collection of proceedings of the International Scientific Conference. 2022. P. 112–114.
13. Vindizheva A.O. Social and legal aspects of cultural and moral values of students in the context of digitalization of society / A.O. Vindizheva // In the collection: Law and Economics: Progress and Digital Technologies. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. 2019. P. 135–141.
14. Pichko N.S. Problems and contradictions in the system of higher education in Russia / N.S. Pichko N.Kh, Gafiatulina, A.A. Vasilyeva // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2023. № 4. P. 84–88.

Информация об авторе

Виндижева Альбина Олеговна
Кабардино-Балкарский государственный
университет имени Х.М. Бербекова,
Кабардино-Балкарская республика, г. Нальчик
vindig1980@mail.ru
ORCID 0000-0001-5867-0152

Albina O. Vindizheva
Kabardino-Balkarian State University
named after H.M. Berbekova,
Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik
vindig1980@mail.ru
ORCID 0000-0001-5867-0152

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.036>
УДК 316

Attribution
cc by

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ В МИРЕ

Вэй Цзиньлун

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. Актуальность данного исследования заключается в том, что его автор акцентирует свое внимание на исследовании механизмов управления социальными процессами на мировом уровне. Цель. Статья посвящена исследованию механизмов управления социальными процессами в мире. На современном этапе механизмы управления социальными процессами в мире определяются в контексте анализа трансформации социальных процессов, связанных с глобальной информатизацией социальных и экономических коммуникаций. Методы. Описаны методы управления социальными процессами. Результаты. Раскрыты сущность социологии управления, понятия управления как социального феномена. Показано, что современные социальные процессы опосредованы особенностями информационного общества, для которого характерны новые субъекты и технологии управления. Выводы. На современном этапе вопросы управления социальными процессами в мире решаются в контексте анализа трансформации современного общества. Для современного общества ведущими являются процессы глобальной информатизации и цифровизации социальных и экономических коммуникаций. В связи с этим, в системе социального управления приоритетными становятся новые субъекты управления в информационном пространстве. Сделан вывод о том, что в современном информационном обществе управление социальными процессами реализуется посредством комплексных организационных технологий информационно-психологического воздействия.

Ключевые слова: социология управления, социальные процессы, системный подход, управление, глобальная информатизация, методы информационно-психологического управления.

STUDY OF MECHANISMS FOR MANAGING SOCIAL PROCESSES IN THE WORLD

Wei Jinlong

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Abstract. The relevance of this study lies in the fact that its author focuses on the study of the mechanisms of management of social processes at the global level. Goal. The article is devoted to the study of mechanisms of management of social processes in the world. At the present stage, the mechanisms of managing social processes in the world are determined in the context of the analysis of the transformation of social processes associated with the global informatization of social and economic communications. Methods. Methods of managing social processes are described. Results. The essence of the sociology of management, the concept of management as a social phenomenon are revealed. It is shown that modern social processes are mediated by the peculiarities of the information society, which is characterized by new subjects and management technologies. Conclusions. At the present stage, the issues of managing social processes in the world are solved in the context of the analysis of the transformation of modern society. The processes of global informatization and digitalization of social and economic communications are leading for modern society. In this regard, new subjects of management in the information space become a priority in the social management system. It is concluded that in the modern information society, the management of social processes is implemented through complex organizational technologies of information and psychological impact.

Keywords: sociology of management, social processes, systems approach, management, global informatization, methods of information and psychological management.

Введение. Проблемы управления социальными процессами в мире на разных исторических этапах развития общественных отношений остаются предметом острого научного диспута. Научное понимание данных процессов требует рас-

крыть сущность и феноменологию таких социальных категорий, как социальные процессы и процессы управления, описать особенности социальных процессов на современном этапе развития общественных отношений.

Глобализация и информатизация общественных отношений, урбанизация и миграционные процессы, трансформация социокультурного пространства общества, социальные кризисы и социальная напряженность во многих регионах мира стали неотъемлемой частью современности.

Ведущим трендом современного общества является глобализация, которая «как процесс эволюции цивилизации проходит на общемировом, континентальном и региональном уровнях и выражается, в частности, в интеграционных процессах, затрагивающих все сферы жизнедеятельности людей, народов и государств» [1, с. 10].

Вопросы управления социальными процессами в мире на современном этапе решаются в контексте анализа трансформации современного общества, которая связана с процессами глобальной информатизации и цифровизации социальных и экономических коммуникаций. Глобальная информатизация сегодня представляет собой «сложный и противоречивый процесс, как и все процессы, формирующие основу для воспроизводства процесса накопления капитала в современной глобальной капиталистической мировой системе» [3, с. 6].

Результаты. Социальные процессы имеют сложно организованную структуру, включающую комплекс взаимосвязанных элементов, свойства, принципы и закономерности, а также «выраженную территориальную специфику... Протекая на уровне страны, мира, региона, они во всех случаях имеют свою направленность и детерминирующие факторы» [2, с. 8].

Основными свойствами социальных процессов являются «целенаправленность, целесообразность, стадийность, последовательность смены состояний, подготовленность субъекта, объекта и условий протекания, комплексность оценки факторов» [2, с. 5].

Социальные процессы характеризуются широкой вариативностью по критерию управляемости – от социальных систем, в которых имеется структура управления, включающая орган управления, субъектов и средства управления, результаты и обратную связь, до спонтанных, самоорганизующихся социальных процессов, которые нуждаются в упорядочении и координации.

Исследовательский интерес к механизмам управления социальными процессами связан с анализом управленческих процессов как в социокультурной и социально-экономической, так и в социально-политической сферах жизнедеятельности общества. Данные процессы анализируются в системе знаний социологии управления, которая понимается как «исследование организационного единства общественного сознания, поведения (деятельности) и окружающей среды в процессе целенаправленного изменения социально-экономических, социальных, политических и духовно-культурных процессов» [4, с. 42].

Управление социальными процессами в мире, в котором ведущим трендом является глобальная информатизация, опосредовано информационными процессами и особенностями информационного обмена. Основой информационного обмена в социальных системах является «информационная деятельность – деятельность субъектов коммуникации по производству, использованию и передаче информации. В процессе информационной деятельности возникают информационные отношения, то есть общественные отношения, складывающиеся в процессе сбора, обработки, хранения, передачи и распространения информации» [1, с. 44]. Отсюда, важным для понимания особенностей управления социальными процессами в современном мире является понимание механизмов управления информационным обменом и информационным взаимодействием между социальными субъектами в виртуальной реальности информационного пространства.

Обсуждение. Какова сущность и специфика социального управления как научной категории с позиции социологического знания? Сущность управления такой сложной системой, как общество заключается в том, что оно «представляет процесс приведения субъективной деятельности людей в соответствие с объективными потребностями общественного развития» [4, с. 35]. В социологии, с точки зрения функционального подхода, управление определяется через его функции, к которым относятся «выработка и принятие решения, планирование, организация, регулирование, учет и контроль, образующие управленческий цикл» [4, с. 35].

Системный анализ управления социальными процессами, включающими социально-экономические, социальные, политические и духовно-культурные процессы, определяет данный феномен как целостный многоуровневый процесс, который осуществляется «посредством соблюдения управленческого алгоритма – последовательной реализации функций – от предвидения и прогнозирования до социально-технологических и организационных методов управления» [4, с. 42–43].

Важным звеном в управленческом процессе является принятие управленческих решений, определяющих результат управления и развитие социальной системы. Управленческое решение представляет «выбор альтернативы из множества вариантов действий для достижения поставленной цели, это реальное разрешение практической проблемы, изменение ситуации, получение нового качества. Оно включает план действий, формулировку задания и организационно-практическую работу по его реализации» [5, с. 33].

Управленческие решения, таким образом, являются систематизированным процессом выбора и реализации из множества альтернативных вариантов социального развития.

Другим, не менее важным атрибутом социального управления является социальное прогнозирование. Процесс социального прогнозирования требует обнаружение тенденций и факторов, определяющих возможные изменения социального развития, анализ альтернативных вариантов развития в результате принятия тех или иных решений, а также оценку непредвиденных изменений в социальной среде.

Для реализации социального прогнозирования как этапа управления социальными процессами в современной социологии используются хорошо зарекомендовавшие себя методы, каждый из которых имеет свои сильные стороны и ограничения.

Одним из первых в социальном прогнозировании применялся метод экстраполяции, развитие которого привело к методу сложной экстраполяции, основанному на теории вероятностей и теории игр, что «позволяет точнее оценить масштабы возможных сдвигов и прогнозируемых тенденций (трендов)» [4, с. 75].

Важную роль в социальном прогнозировании играет использование таких методов, как метод морфологического синтеза, метод экспертной оценки, метод прогнозных сценариев, метод моделирования, комплексное применение которых в управлении социальными процессами дает возможность выбрать наиболее эффективный для актуальных социальных условий вариант социального развития.

Опыт прогнозирования и реализации прогнозов в управлении социальными процессами показывает, что «их ценность связана также с вариативностью подходов к решению общественных проблем, с глубиной анализа степени вероятности наступления возможных изменений» [4, с. 82].

Современные социальные процессы опосредованы особенностями информационного общества, которое целесообразно рассматривать как «открытую самоорганизующуюся систему, включающую в себя огромное разнообразие информационных потоков и информационных полей, находящихся во взаимодействии» [1, с. 9].

Для системы управления информационными потоками в информационном пространстве современного общества важными становятся такие компоненты, как «виртуальная реальность, формируемая в виде виртуальных аналогов реальных объектов и процессов, базирующихся на соответствующих программно-аппаратных платформах и информационно-телекоммуникационных сетях и системах связи, воспринимаемая человеком (пользователем) как модель-заместитель действительной реальности или же

как некая реальность, первичная по отношению к объективной реальности» [1, с. 135–136].

Для информационного пространства современного общества характерны новые субъекты и сообщества, к которым относятся социальное виртуальное сообщество, онлайн-сообщество, сетевой социум, виртуальная коалиция. Механизмы управления такими сообществами базируются уже на иных методах и подходах, в частности на информационно-психологических методах управления.

Следует отметить, что глобальная информатизация, которая характерна для управления социальными процессами в современном обществе, «обеспечивает большую доступность различных источников информации, расширяя возможности ее обмена и распространения, что является также одним из факторов, существенным образом влияющих на интенсивность социальных и экономических коммуникаций» [3, с. 6]. Данные процессы оказывают влияние как на технологии управления, так и на систему управления социальными процессами в целом.

В современном информационном обществе управление социальными процессами реализуется «с помощью комплексных организационных технологий информационно-психологического воздействия» [1, с. 20].

Рассматривая методы управления в информационном обществе, отметим их широкую вариативность. Методы информационно-психологического воздействия могут быть открытыми (государственное и общественное) и скрытыми (психологические манипуляции, дезинформирование, агрессивная пропаганда, лоббирование, шантаж, технологии антикризисного управления), которые реализуются в информационном пространстве общества. В настоящее время технологии информационного воздействия выступают как инструмент социального управления в системе информационной политики ведущих стран мира.

Заключение. Таким образом, на современном этапе вопросы управления социальными процессами в мире решаются в контексте анализа трансформации современного общества. Для современного общества ведущими являются процессы глобальной информатизации и цифровизации социальных и экономических коммуникаций. В связи с этим, в системе социального управления приоритетными становятся новые субъекты управления в информационном пространстве, новые технологии и методы информационно-психологического воздействия, которые выступают механизмом управления социальными процессами.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях : монография. М. : МИФИ, 2003. 388 с.
2. Морев М.В. Социальные процессы: классическая теория и современная актуальность / М.В. Морев, В.С. Каминский // Вопросы территориального развития. 2016. № 3(33). С. 1–13.
3. Петров А.В. Глобальные социальные процессы, социокультурная трансформация и цифровизация социальных коммуникаций / А.В. Петров; Под ред. А.В. Петрова (Отв. ред.), К.И. Гавриловой, О.П. Горьковой, А.П. Кочетковой [и др.] // Глобальные социальные процессы 2.0: трансформация социальной реальности в условиях цифровизации и пандемии: Сборник статей. СПб. : Астерион, 2020. С. 5–9.
4. Тощенко Ж.Т. Социология управления : учебник. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011. 300 с.
5. Чудновская С. Н. Управленческие решения : учебник. М. : Эксмо, 2007. 368 с.

References:

1. Manoilo A.V. State information policy in special conditions : monograph. M. : MEPhI, 2003. 388 p.
2. Morev M.V., Kaminsky V.S. Social processes: classical theory and modern relevance // Issues of territorial development. 2016. № 3(33). P. 1–13.
3. Petrov A.V. Global social processes, sociocultural transformation and digitalization of social communications / A.V. Petrov; Ed. A.V. Petrova (chief editor), K.I. Gavrilova, O.P. Gorkova, A.P. Kochetkova [et al.] // Global social processes 2.0: transformation of social reality in the context of digitalization and pandemic: Collection of articles. SPb. : Asterion, 2020. P. 5–9.
4. Toshchenko Zh.T. Sociology of management : textbook. M. : Center for Social Forecasting and Marketing, 2011. 300 p.
5. Chudnovskaya S.N. Management decisions : textbook. M. : Eksmo, 2007. 368 p.

Информация об авторе

Вэй Цзиньлун

магистрант социологического факультета,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
705009584@qq.com

Wei Jinlong

Master's Student at the Faculty of Sociology,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
705009584@qq.com

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.011>
УДК 316

Attribution
cc by

ПОЖИЛЫЕ ЛЮДИ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

Ельникова Г.А., Бекетов К.В.

Белгородский университет кооперации, экономики и права

Аннотация. Старение населения в современной социальной реальности стало одной из ведущих глобальных тенденций. Согласно научным прогнозам, в обозримом будущем, практически каждый четвертый человек в мире будет старше 60 лет. Поэтому как никогда актуальным становится исследование социально-демографической группы пожилых людей, специфики ее функционирования и положения в обществе. Ведущее место в проведении исследований призвана занять социологическая наука. Однако на сегодняшний день специальная социологическая теория, объектом изучения которой должны быть пожилые люди, находится еще в стадии становления. Это порождает многочисленные методологические проблемы, начиная с терминологического аппарата и отбора статистических данных и заканчивая ответом на основной вопрос – что такое старение и как этот процесс влияет на конкретного человека и общество в целом. Цель статьи – обозначить основные методологические проблемы, встречающиеся в современной науке при изучении положения пожилых людей в современном социуме.

Ключевые слова: пожилые люди, старение, теория уменьшения обязательств, концепция активного старения, социология старения, социология возраста.

ELDERLY PEOPLE AS THE OBJECT OF RESEARCH: PROBLEMS OF METHODOLOGY

Galina A. Elnikova, Kirill V. Beketov

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

Abstract. Population ageing in the modern social reality has become one of the leading global trends. According to scientific forecasts, in the foreseeable future, almost every fourth person in the world will be over 60 years old. Therefore, the study of the socio-demographic group of elderly people, the specifics of its functioning and position in society becomes more relevant than ever. Sociological science is called to take the leading place in conducting research. However, to date, the special sociological theory, the object of study of which should be the elderly, is still in its infancy. This gives rise to numerous methodological problems, starting from the terminological apparatus and selection of statistical data and ending with the answer to the main question – what is aging and how this process affects a particular person and society as a whole. The aim of the article is to identify the main methodological problems encountered in modern science when studying the situation of older people in modern society.

Keyword: elderly people, aging, theory of the process of Disengagement, concept of active aging, sociology of aging, sociology of age.

Введение. Старение населения в современном мире является глобальной тенденцией. Согласно отчету ООН «Мировые демографические перспективы», к 2050 году 16 % населения или каждый шестой человек в мире будет старше 65 лет (в 2019 году – 9 % населения или каждый одиннадцатый человек). Также, в три раза возрастет число людей в возрасте 80 лет и старше: с 143 миллионов в 2019 году до 426 миллионов в 2050 году [1]. Это явление характерно и для России. Доля российского населения в категории «65 лет и старше» увеличилась вдвое за последние 50 лет; и по прогнозам Росстата в ближайшее десятилетие удельный вес пожилого населения перешагнет 20 % барьер [2].

Исходя из того, что пожилые люди представляют собой достаточно большую социально-демографическую группу, имеющую, с одной стороны, свои специфические проблемы и интересы, а, с другой стороны, богатейший жизненный и трудовой опыт, ее исследования носят актуальный теоретический и практический характер. На это было обращено внимание мировой общественности еще в 1982 году на Первой Всемирной Ассамблее ООН по проблемам старения, принявшей Венский международный план действий по проблемам старения.

Изучение всех сторон жизни пожилых людей, включая медицинские аспекты и положение в

обществе, является междисциплинарным предметом исследования практически всех гуманитарных и общественных, а также ряда естественных наук, таких как философия, социология, экономика, психология, медицина и т.д. Кроме того, сформировались специальные научные дисциплины, направленные на рассмотрение проблем пожилых людей и аккумулирующие имеющиеся о них знания: социальная геронтология, социология старения и, частично, социология возраста.

Однако в подходах к исследованию лиц пожилого возраста имеется значительное количество проблем, которые носят методологический характер. Цель статьи – обозначить основные методологические проблемы, встречающиеся в современной науке при изучении положения пожилых людей в современном обществе.

Обсуждение. Первая проблема, с которой сталкиваются исследователи вопросов, связанных с изучением лиц пожилого возраста, – это определение возрастных рамок. Она связана с возрастной периодизацией, попытки создать которую можно проследить с древнейших времен. В основу периодизации возраста закладывались разные критерии от аналогии с временами года (Пифагор) до отношения к трудовой деятельности (советские демографы и статистики) [3].

Одной из наиболее распространенных современных периодизаций возраста является периодизация ВОЗ, разработанная с учетом значительного количества факторов, включая здоровье, работоспособность и психическое состояние. Согласно возрастной периодизации ВОЗ к лицам пожилого возраста относятся 60–74-летние; 75–90-летние – к старческому возрасту: те, кто старше 90 лет считаются долгожителями.

В то же время, ООН ведет статистику пожилых людей, определяя в качестве нижней границы данной категории лиц 65 лет.

В России до пенсионной реформы 2019 года к пожилым людям относились женщины, начиная с 55 лет; мужчины – с 60 лет; после завершения проведения реформы как пожилых можно будет рассматривать женщин с 60 лет, мужчин с 65. То есть, причисление к пожилым людям связано непосредственно с выходом на пенсию. Определение границ старения через выход на пенсию характерно для многих стран, однако, несмотря на логику такого подхода, при выделении социально-демографической группы пожилых людей он порождает сложности для сравнительного анализа.

Кроме определения возрастных границ категории «пожилые люди», методологические трудности несет в себе и имеющийся по изучаемой теме терминологический аппарат. Кроме термина «пожилые люди», в научной литературе как синонимичные употребляются понятия «люди третьего возраста» и «люди пенсионного возраста». В отечественных справочниках определение «третьего возраста» как «стадии жизненного

цикла человека, на которой он оставляет сферу труда или изменяет характер своих профессиональных занятий в силу обстоятельств, связанных с физиологическими особенностями пожилого возраста» [4] представляет собой в большей степени качественную характеристику категории пожилых людей, однако конкретные возрастные рамки при этом не указываются. Но, выделяя пожилых людей в качестве исследуемой группы, важно определить и конкретные возрастные границы данной категории, тем более, что в научной литературе они могут различаться. Так, автор концепции «четырёх возрастов» Р. Laslett относит к третьему возрасту лиц с 60 до 79 лет [5], а в отечественной психологии принято определять третий возраст как период первых лет после выхода человека на пенсию.

Такая же ситуация складывается и с понятием «люди пенсионного возраста», употребление которого при анализе социально-демографической группы пожилых людей вызывает ряд вопросов.

Во-первых, возраст выхода на пенсию в разных странах различный, что сужает возможность проведения сравнительного анализа положения пожилых людей.

Во-вторых, возраст выхода на пенсию может меняться, как это, например, произошло в России в ходе пенсионной реформы 2019 года.

В-третьих, например, в России есть значительное количество категорий работающих, которые могут выйти на пенсии до достижения общепринятого в стране пенсионного возраста.

В-четвертых, к лицам пенсионного возраста относятся все пенсионеры, включая лиц 90+.

То есть, в определении «люди пенсионного возраста» также размыты возрастные границы, что, в свою очередь, затрудняет научное изучение социально-демографической группы «пожилые люди», рассматриваемой в качестве предмета исследования.

Еще одной методологической проблемой при исследовании положения пожилых людей как социально-демографической группы является недостаточная представленность дифференциации внутри нее. В статистических сборниках можно найти сегментирование по годам, признаку пола, в определенной степени, по отношению к работе (работающий или неработающий пенсионер), однако по многим параметрам (образование, материальное благосостояние, семейное положение, место проживания) данных практически нет. Отсутствие таких данных значительно затрудняет проведение глубокого и многостороннего анализа положения пожилых людей даже в масштабе страны.

В итоге, мы имеем ряд исследований, построенных на гендерном анализе [6; 7; 8], и рассматривающих специфические проблемы работающих или неработающих пенсионеров в возрасте от 60

до 75 лет [9; 10], а также незначительное количество статей, посвященных отдельно сельским или городским пожилым людям, носящих, главным образом, экономический характер [11; 12; 13]. Но практически нет специальных работ, в которых бы, с точки зрения социологии, рассматривалось влияние уровня образования и семейного положения на физическое состояние и социальное самочувствие пожилых людей.

Методологической проблемой в изучении пожилых людей является и недостаточность теоретической базы. Первой специальной наукой, объектом исследования которой являлись пожилые люди, стала геронтология, изучающая их физическое и психическое здоровье. Однако ученым-геронтологам быстро стало понятно, что здоровье пожилых людей во многом зависит от организации и состояния общества, в котором они живут. Это понимание привело к возникновению научной дисциплины «Социальная геронтология», широко использующей и методологию социологической науки. Наиболее активно в социальной геронтологии была принята на вооружение теория социального конструктивизма, базирующаяся на идее взаимодействия и взаимовлияния человека и общества. В то же время, быстро растущий процесс старения населения и необходимость более глубокого познания положения пожилых людей в обществе, их места и роли в нем привели к появлению частной социологической теории – социологии старения, и к выделению изучения специфики пожилых людей как социально-демографической группы в социологической дисциплине «Социология возраста». Но в современный период времени и социология старения, и социология возраста находятся практически в стадии становления.

Социология старения и раздел социологии возраста, касающийся лиц после 60 лет, взаимосвязаны. Однако, на наш взгляд, если социология возраста в большей степени ориентируется на имеющийся результат и использует количественные данные, то в задачи социологии старения входит исследование процесса перехода человека в категорию лиц преклонного возраста, сопровождающегося как изменениями внутреннего состояния человека, его самосознания, так и отношения к нему со стороны общества.

Теории старения, первые из которых появились в западной социологии еще в 60-е годы XX века, носят противоречивый характер и находятся между двумя противоположными фокусами рассмотрения процесса старения:

- во-первых, как оценки пройденного жизненного пути и подготовки к уходу из жизни;
- во-вторых, как видоизмененное продолжение активного участия в жизни социума и отдельной семьи.

Первая точка зрения была высказана в ставшей уже классической работе Э. Камминга и В. Генри «Старение: процесс разъединения» [14]. В этой

работе заложены основные постулаты теории «уменьшения обязательств», которая предполагает в качестве адаптации стареющих людей к изменившимся для них условиям жизни, трансформацию ценностей пожилых людей и принятие ими новых социальных ролей, ведущих, в конечном итоге, к постепенному прерыванию всех социальных связей [14].

Вторая точка зрения выражена в теории активного старения, в центре которой находятся положения социологической теории деятельности. В данной теории утверждается, что активный образ жизни пожилого человека позитивно влияет как на его общее психофизическое состояние, увеличивая при этом продолжительность жизни, так и на его социальное окружение, и общество в целом. В современных условиях большинство международных организаций (ООН, ВОЗ и другие), национальных государств, а также исследователей склоняются именно к концепции активного старения, дающей перспективы применения опыта, знаний и навыков пожилого населения для развития социума, что в условиях прогрессирующего старения населения является чрезвычайно актуальным. Однако на сегодняшний день активное (успешное) старение больше представлено как социальный, политический и экономический проект.

Теоретическая и методологическая составляющая концепции активного старения еще только начинает разрабатываться в системе научных знаний. В современной отечественной социологии ученые озвучивают значительный ряд теоретико-методологических проблем, решение которых требуется для дальнейшего развития социологии старения.

Так, О.В. Сергеева указывает на возможность использования в разработке социологии старения феминистской теории, стратификационного подхода и концепции жизненного пути [15].

Д.М. Рогозин обращает внимание на целесообразность включать в теоретические обоснования процесса старения такие концепты, как либерализация от старения и либерализация старения и различать их [16].

И. Григорьева и Е. Богданова показывают необходимость критического осмысления широко распространенного нелиберального подхода к старению и его адаптации к российской социальной реальности [17].

Заключение. Таким образом, изучение в социологии пожилых людей как специфической социально-демографической группы даже при опоре на междисциплинарный характер имеющихся знаний сталкивается в социологии с рядом методологических проблем, начиная с терминологического аппарата и отбора статистических данных и заканчивая становлением и дальнейшим развитием специальной теории среднего уровня – социологии старения. При этом в отечественной науке социология старения делает только первые шаги.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. ООН: Мировые демографические перспективы. 2021. URL : <https://www.un.org/ru/global-issues/ageing> (дата обращения 20.06.2023).
2. Демоскоп. 2023. № 993–994. URL : <http://www.demoscope.ru/weekly/2023/0993/rossia01.php#2>. (дата обращения 20.06.2023).
3. Козлова О.А. Теоретические основания определения возрастных границ и возрастной структуры населения в контексте демографического старения / О.А. Козлова, О.О. Секички-Павленко // *Alter Economics*. 2022. № 19(3). С. 442–463. URL : <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-3.3>
4. Мардахаев Л.В. Социальная педагогика: краткий словарь понятий и терминов. URL : <https://ibooks.ru/bookshelf/351776/reading> (дата обращения 13.08.2023).
5. Laslett P. The Third Age, The Fourth Age and The Future. *Ageing and Society*. 1994. Vol. 14. № 3. P. 436–447.
6. *Ageing, the Body and the Gender Regime* / Ed. by S. Pickard, J. Robinson. London : Routledge, 2019. 193 p.
7. Григорьева И.А. Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 1 (86). С. 5–18.
8. Здравомыслова Е.А. Позднесоветская социология о старости и гендере: были открытия // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2021. Т. 13. № 3. С. 65–91.
9. Барсуков В.Н. Трудовая активность населения пенсионного возраста как фактор социально-экономического развития территории / В.Н. Барсуков // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2016. № 1(43). С. 195–213.
10. Смирнова Т.В. Работа в пенсионном возрасте: мотивы, факторы влияния, результаты / Т.В. Смирнова // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2015. № 2(56). С. 128–131.
11. Лемиш В.В. Социальное самочувствие сельских пенсионеров / В.В. Лемиш // *Омские научные чтения*. 2017. С. 96–98.
12. Ниворожкина Л.И. Активное долголетие сельских пенсионеров: насколько достижимо? / Л.И. Ниворожкина, М.З. Музаев // *Учет и статистика*. 2022. № 2(66). С. 38–46.
13. Цветкова Г.А. Трансформация жизненного мира пенсионеров России / Г.А. Цветкова // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. 2017. № 3(9). С. 37–49.
14. Cumming E. *Growing Old: The Process of Disengagement* / E. Cumming, W. Henry. N.Y. : Basic Books, 1961. 293 p.
15. Сергеева О.В. Социология старения и возрастного неравенства (обзор западных концепций) / О.В. Сергеева // *Logos et Praxis*. 2012. № 2. С. 74–79.
16. Рогозин Д.М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте / Д.М. Рогозин // *Социологический журнал*. 2012. № 4. С. 62–93.
17. Григорьева И. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 / И. Григорьева, Е. Богданова // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. № 2. С. 187–211.

References:

1. UN: World Demographic Perspectives. 2021. URL : <https://www.un.org/ru/global-issues/ageing> (date of the application 06/20/2023).
2. Demoscope. 2023. № 993–994. URL : <http://www.demoscope.ru/weekly/2023/0993/rossia01.php#2> (date of the application 06/20/2023).
3. Kozlova O.A. Theoretical foundations for determining age boundaries and age structure of the population in the context of demographic aging / O.A. Kozlova, O.O. Sekicki-Pavlenko // *AlterEconomics*. 2022. № 19(3). P. 442–463. URL : <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-3.3>
4. Mardakhaev L.V. Social pedagogy: a short dictionary of concepts and terms. URL : https://ibooks.ru/books_helf/351776/reading (date of the application 08/13/2023).
5. Laslett P. The Third Age, The Fourth Age and The Future. *Ageing and Society*. 1994. Vol. 14. № 3. P. 436–447.
6. *Ageing, the Body and the Gender Regime* / Ed. by S. Pickard, J. Robinson. London : Routledge, 2019. 193 p.
7. Grigorieva I.A. Elderly women: «down the ladder» of age and gender // *Woman in Russian society*. 2018. № 1 (86). P. 5–18.

8. Zdravomyslova E.A. Late Soviet sociology about old age and gender: there were discoveries / E.A. Zdravomyslova // Interaction. Interview. Interpretation. 2021. Vol. 13. № 3. P. 65–91.
9. Barsukov V.N. Labor activity of the population of retirement age as a factor of socio-economic development of the territory // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2016. № 1(43). P. 195–213.
10. Smirnova T.V. Work in retirement age: motives, factors of influence, results / T.V. Smirnova // Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. 2015. № 2(56). P. 128–131.
11. Lemish V.V. Social well-being of rural pensioners / V.V. Lemish // Omsk scientific readings. 2017. P. 96–98.
12. Nivorozhkina L.I. Active longevity of rural pensioners: how achievable is it? / L.I. Nivorozhkina, M.Z. Muzaev // Accounting and statistics. 2022. № 2(66). P. 38–46.
13. Tsvetkova G.A. Transformation of the life world of pensioners of Russia / G.A. Tsvetkova // Bulletin of the Russian State University. The series «Philosophy. Sociology. Art criticism». 2017. № 3(9). P. 37–49.
14. Cumming E. Growing Old: The Process of Disengagement / E. Cumming, W. Henry. N.Y. : Basic Books, 1961. 293 p.
15. Sergeeva O.V. Sociology of aging and age inequality (review of Western concepts) / O.V. Sergeeva // Logos et Praxis. 2012. № 2. P. 74–79.
16. Rogozin D.M. Liberalization of aging, or labor, knowledge and health in old age / D.M. Rogozin // Sociological Journal. 2012. № 4. P. 62–93.
17. Grigorieva I. The concept of active aging in Europe and Russia in the face of the COVID-19 pandemic / I. Grigorieva, E. Bogdanova // Laboratory: Journal of Social Research. 2020. № 2. P. 187–211.

Информация об авторах

Ельникова Галина Алексеевна

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры гуманитарных
и социальных дисциплин,
Белгородский университет
кооперации экономики и права, Белгород
elnikova.galina@gmail.com

Бекетов Кирилл Владимирович

аспирант кафедры гуманитарных
и социальных дисциплин,
Белгородский университет
кооперации, экономики и права, Белгород
kirill.beketov.81@mail.ru

Galina A. Elnikova

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Humanities and Social Disciplines,
Belgorod University of Cooperation,
Economics and Law, Belgorod
elnikova.galina@gmail.com

Kirill V. Beketov

Postgraduate Student of the Department
of Humanities and Social Disciplines,
Belgorod University of Cooperation,
Economics and Law, Belgorod
kirill.beketov.81@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.015>
УДК 316.346.32-053.6

Attribution
cc by

МОЛОДЫЕ АРМЯНЕ В МОСКОВСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ В ПЕРИОД ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПРЕСС-ОПРОСА)

Киреев Е.Ю.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (ИДИ ФНИСЦ РАН)

Аннотация. В статье представлен предварительный анализ экспресс-опроса молодых представителей армянской диаспоры в московской агломерации в контексте интеграционных процессов в ЕАЭС в постпандемический период. Представленный в статье анализ актуализирует и дополняет исследование армянской диаспоры в России, проведенное в 2021 году, в период, характеризующийся политической нестабильностью в Армении и продолжающейся пандемией COVID-19.

В статье показано на то, что представителям армянской молодежи в России приходится сталкиваться с определенными трудностями, отражающимися на отдельных сторонах ее социально-экономического положения и социальных настроений, прежде всего, в контексте удовлетворенности своим материальным положением. Молодые представители диаспоры пока не рассматривают возможность своего возвращения на историческую родину, но относительно большое количество затруднившихся с ответом, может служить косвенным индикатором изменения этого статус-кво в дальнейшем. В статье также отмечается, что молодые армяне стали более ориентированы на получение двойного гражданства России и Армении.

Благодарности/Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-511-05007 «Социально-экономический потенциал армянской диаспоры в контексте интеграционных процессов в ЕАЭС».

Ключевые слова: армянская молодежь, пандемия COVID-19, политическая нестабильность, московская агломерация, ЕАЭС, постпандемический период, армянская диаспора.

YOUNG ARMENIANS IN THE MOSCOW AGGLOMERATION AFTER THE COVID-19 PANDEMIC (ACCORDING TO THE RESULTS OF A RAPID SURVEY)

Yegor Yu. Kireev

Institute of Demographic Research of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (IDI of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences)

Abstract. The article presents a preliminary analysis of a rapid survey of young representatives of the Armenian diaspora in the Moscow agglomeration in the context of integration processes in the EAEU in the post-pandemic period. The analysis presented in the article updates and complements the study of the Armenian diaspora in Russia conducted in 2021, during a period characterized by political instability in Armenia and the ongoing COVID-19 pandemic.

The article shows that representatives of Armenian youth in Russia have to face certain difficulties that are reflected in certain aspects of their socio-economic situation and social sentiments, primarily in the context of satisfaction with their financial situation. Young representatives of the diaspora are not yet considering the possibility of returning to their historical homeland, but the relatively large number of those who found it difficult to answer may serve as an indirect indicator of a change in this status quo in the future. The article also notes that young Armenians have become more focused on obtaining dual citizenship of Russia and Armenia.

Acknowledgements/Funding: The research was carried out with the financial support of the RFBR within the framework of the scientific project № 20-511-05007 «Socio-economic potential of the Armenian Diaspora in the context of integration processes in the EAEU».

Keywords: Armenian youth, COVID-19 pandemic, political instability, Moscow agglomeration, EAEU, post-pandemic period, Armenian diaspora.

Введение.

Армянская диаспора в России является одной из самых многочисленных. По данным переписи населения 2020–2021 гг., всего в России проживает 946172 армян; из них 70199 чел. – в Московской области и 68018 чел. – в городе Москве [7], что обуславливает постоянный исследовательский интерес к изучению армянской диаспоры и ее представителей со стороны научного сообщества.

Известно, что данные исследования довольно широко отражены в научной литературе [5; 10; 12; 13; 14; 15; 17; 18], в том числе, касающиеся положения диаспоры в условиях московского мегаполиса [4; 6; 8; 9; 20] и в контексте недавней политической нестабильности в Армении в 2021 году, и пандемии COVID-19, затруднившей на время перемещения между странами [3]. Исследования подчеркивают высокую степень адаптивности и погруженности диаспоры в российский контекст.

Последовавший за пандемией COVID-19 2022 год задал ряд новых миграционных трендов на евразийском пространстве, обусловленных, в том числе, массовой волной эмиграции россиян. Армения стала одной из принимающих стран с одной из самых высоких долей новых эмигрантов из России. Так, только по состоянию на октябрь 2022 года, в Армении оставались около 40000 россиян [21]. Оценки 2023 года фиксируют 108000–110000 граждан России, которые переехали в Армению и остались на постоянное место жительства [22].

В этом контексте, представляется интересным оценить положение молодых представителей армянской диаспоры в России и их возвратных настроениях, актуализировав, таким образом, предыдущее авторское исследование, прове-

денное в 2021 году [3]. Известно, что именно молодежь нередко выступает маркером социальных настроений и социального самочувствия диаспоры, а также во многом определяет ее будущее состояние.

Методика.

Опрос представителей армянской диаспоры проведен в июне–июле 2023 года в Москве и Московской области с использованием метода анкетного экспресс-опроса. В рамках анкетирования всего были опрошены 119 человек в возрасте 18–42 лет. Среди респондентов 64 человек (53,8 %) являются в соответствии с методологией Pew Research Center [19] представителями поколения постмиллениалов (18–26 лет) и 55 человек (46,2 %) – представителями поколения миллениалов (27–42 года). Гражданство России имеют 59 респондентов (49,6 %), гражданство Армении – 26 (21,8 %), двойное гражданство – 34 человек (28,6 %). Распределение по полу практически равное: среди респондентов – 56 мужчин (47,1 %) и 63 женщины (52,9 %). Выборка не является репрезентативной, отбор респондентов осуществлялся при использовании метода «снежного кома» по двум целевым признакам – этническая принадлежность, регион проживания в России.

Результаты.

Жизнь в России.

Следует отметить, что большинство армян, проживающих в Москве и Московской области, принявших участие в нашем исследовании, родились в России или проживают в ней более 10 лет (70,6 %); еще 16,8 % проживают от трех до десяти лет; не более года проживают лишь, суммарно, 5 % опрошенных, что является маркером интегрированности диаспоры в российскую действительность (рис. 1).

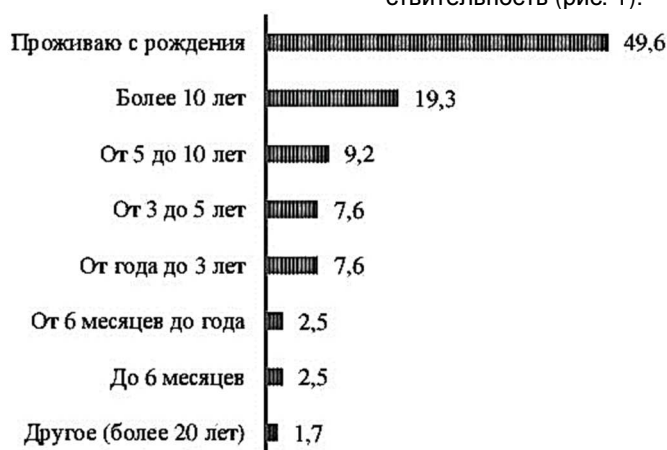

Рисунок 1 – Сколько времени Вы в целом провели в России? (в % от опрошенных)

Проведенный анализ говорит, в целом, об удовлетворенности молодыми армянами своей жизни в России. Говоря в общем, молодые представители армянской диаспоры указывают на то, что жизнь в Москве и Московской области

оправдывает их ожидания (80,7 %). В то же время 10,9 % затруднились с ответом, или оценивают оправданность своих ожиданий негативно (8,4 %) (рис. 2).

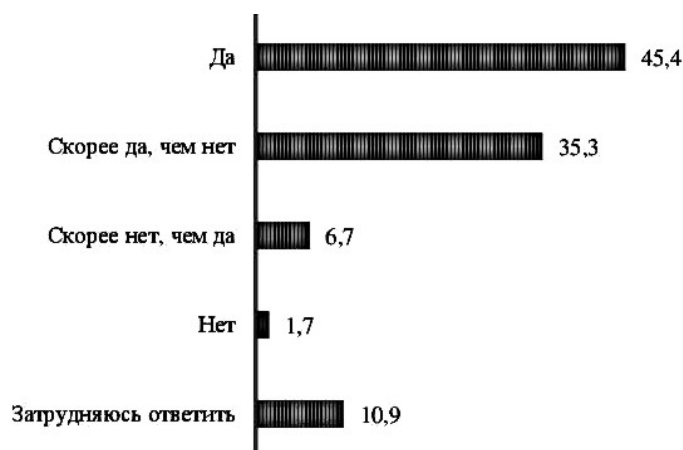

Рисунок 2 – В целом, оправдались ли Ваши ожидания от жизни в России? (в % от опрошенных)

Вероятно, наличие негативных оценок может отражать невысокую удовлетворенность своей материальной обеспеченностью. Так, 54,6 % оценивают свою материальную обеспеченность как хорошую, а 43,7 % как удовлетворительную.

В то же время, оценки возможностей реализации базовых потребностей в еде одежде довольно высоки, – 73,9 % отметили, что они могут позволить себе одеваться хорошо, 83,2 %, что хорошо питаться (рис. 3).

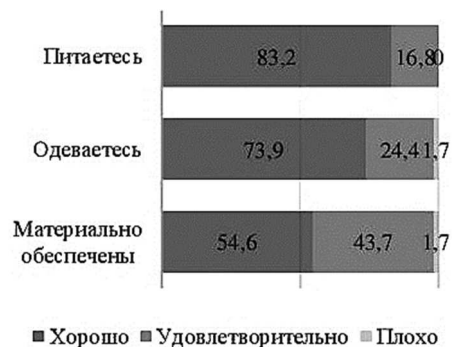

Рисунок 3 – Оценка состояния различных сторон жизни армянской молодежи (в % от опрошенных)

В этом контексте, интересна оценка отдельных сторон своей жизни в московской агломерации представителями диаспоры. Так, высоко оцениваются отношения в семье («хорошие» – 81,5 %), состояние здоровья («хорошее» – 73,1 %). Хуже всего оценивается возможность для проведения отпуска и каникул («хорошие» – 43,7 %, «плохие» – 13,4 %) и экологическая ситуация («хорошая» – 50,4 %, «плохая» – 12,6 %). Скорее, как удовлетворительные, рассматриваются жилищ-

ные условия, возможности для проведения свободного времени, занятий спортом и получения образования. Следует отметить, что возможности для обеспечения семьи также оцениваются, скорее, как удовлетворительные («хорошие» – 59,7 %, «плохие» – 10,1 %), косвенно подтверждая возможную неудовлетворенность своим заработком и возможностью трудоустройства в столичном регионе (рис. 4).

Рисунок 4 – Возможности и оценка состояния различных сторон жизни армянской молодежи (в % от опрошенных)

В целом, говоря о позитивных ассоциациях, связанных с жизнью в России, представители двух поколений армян отмечают, что Россия для них ассоциируется, в первую очередь, с возможностью комфортной жизни (38,7 %), хорошего заработка (22,7 %) и получения качественного образования (14,3 %). Стоит отметить, что 14,3 %

респондентов, принявших участие в исследовании, отмечают постоянную неустроенность, трудности и проблемы, связанные с жизнью в России. Для небольшой части респондентов Россия рассматривается как страна, через которую затем можно эмигрировать в другие страны (6,7 %) (рис. 5).

Рисунок 5 – С чем у Вас, в первую очередь, ассоциируется Россия? (в % от опрошенных)

Оценка возвращения и отношения с исторической родиной.

Как было отмечено выше, 50,4 % респондентов имеют либо армянское, либо двойное гражданство, что обуславливает тесную связь диаспоры с исторической родиной. Молодые Армяне ста-

раются поддерживать контакт с теми, кто остался в Армении, причем, более половины делают это на постоянной основе (59,7 %). Время от времени контактируют 34,5 %. Не поддерживают никаких контактов лишь 5,9 % респондентов (рис. 6).

Рисунок 6 – Поддерживаете ли Вы сейчас связи с родственниками и/или друзьями, оставшимися в Армении? (в % от опрошенных)

Несмотря на тесную связь, абсолютное большинство принявших участие в исследовании армян (70,6 %), практически не рассматривают вариант своего возвращения на историческую родину. Однако 21 % затруднились с ответом, что достаточно много и свидетельствует о том, что вариант возвращения, не найдя своего непосредственного выражения сейчас, может найти большую поддержку в дальнейшем (рис. 7).

Подтверждение этому можно найти в ответах респондентов на вопрос относительно возможных мотивов, которые могут послужить их возвращению на родину. Так, в частности, среди них наши респонденты отмечали желание

«стать частью народа Армении и влиять на общество изнутри положительную сторону»; «хорошую природу, развитие экономики и IT-сектора»; «тоску по родине и родным»; «желание жить на своих землях», «желание жить в стране с развитой культурой у населения (без мата на улицах, алкоголизма, откровенной пошлости), в стране семейными ценностями, а также стране, где есть свобода слова»; «неудовлетворенность происходящим в России».

Точно также наши респонденты затруднились с ответом о степени соответствия правдивости утверждения о том, что армяне в последнее время стали активно возвращаться на историческую родину. При этом мнения, скорее раздели-

лись практически поровну, что говорит об общей неопределенности, неоднозначности ситуации или о ее незнании. Так, 35,3 % затруднились с

ответом, 33,6 % отметили, что ситуация не соответствует действительности, а 33,1 %, напротив, заявили об обратном (рис. 8).

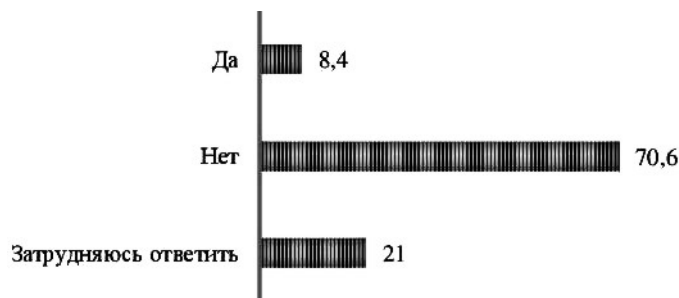

Рисунок 7 – Планируете ли Вы вернуться в Армению на постоянное место жительства в ближайшее время? (в % от опрошенных)

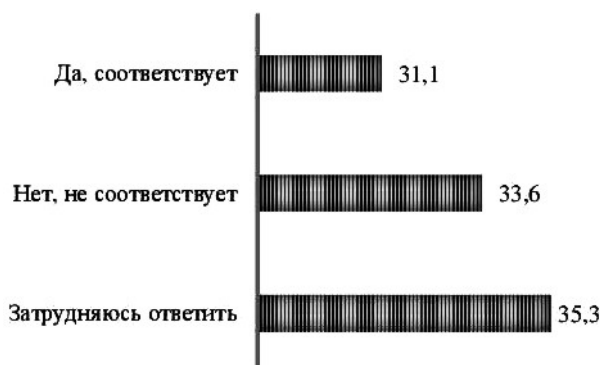

Рисунок 8 – Есть мнение, что армяне стали активно возвращаться обратно жить в Армению. По Вашему мнению, это соответствует действительности? (в % от опрошенных)

Оценка интеграции и гражданство.

Армения является активным участником интеграционных процессов в формате ЕАЭС, одним из государств-членов союза. Молодые армяне в целом декларируют свою поддержку интеграции с Россией в формате ЕАЭС («да» + «скорее да, чем нет» – 78,1 %). В то же время, стоит указать

на процент тех, кто затруднился с ответом (11,8 %) и отрицательно настроенных к подобной интеграции (10,1%) (рис. 9). Можно предположить, что затруднение с ответом может быть вызвано тем, что многие просто не знают о проходящих на евразийском пространстве интеграционных процессах, особенно, в контексте перемещения между двумя странами.

Рисунок 9 – Поддерживаете ли Вы интеграцию России и Армении в формате Евразийского экономического союза? (в % от опрошенных)

В перспективе, два поколения армян, проживающих в Москве и Московской области, видят себя в качестве людей с двойным гражданством России и Армении (43,7 %), а также – гражданами России (41,2 %). Исключительно гражданами Армении видят себя 7,6 %, столько же, сколько и гражданами третьих стран, в основном, стран ЕС (рис. 10).

Это косвенно подтверждается предпочтением со стороны молодых представителей диаспоры получения образования для своих детей вне России (53,7 %). В качестве приоритетных выступают страны ЕС и США. Также, около половины (46,2 %) респондентов планируют, что их дети получают образование в России (рис. 11).

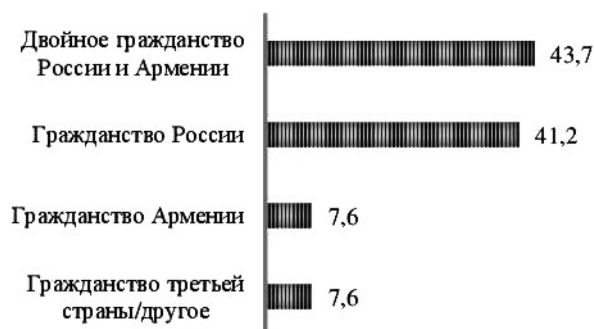

Рисунок 10 – Гражданином какой страны Вы себя видите в перспективе пяти лет? (в % от опрошенных)

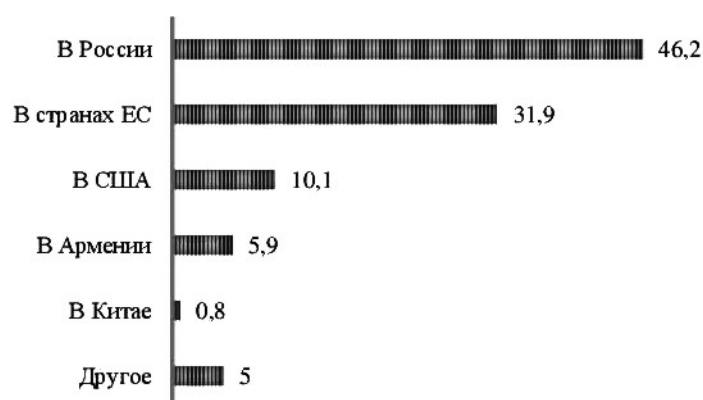

Рисунок 11 – Если представить идеальную ситуацию, где Вы хотели бы, чтобы Ваши дети получили образование? (в % от опрошенных)

Обсуждение.

Интересным, в контексте данной статьи, нам представляется рассмотрение динамики того, что изменилось по сравнению с периодом предыдущего исследования в 2021 году. Следует напомнить, что в ходе авторских исследований в 2021 году было установлено, что армянская молодежь в период пандемии, в целом, удовлетворительно оценивала отдельные стороны своей жизни в России, испытывая некоторые трудности с трудоустройством, поиском жилья и при взаимодействии с системой здравоохранения. Армянской молодежи отмечалось также общее ухудшение своего материального положения и обусловленные пандемией COVID-19 сложностями с выездом в Армению. Исследования также фиксировали довольно низкое доверие к официальным институтам и структурам армянской диаспоры, и предпочтение со стороны молодых представителей диаспоры опоры на своих друзей и родственников, а также – на собственные силы, хотя отмечалось, что ситуация в России также, как и в Армении, скорее способствует возникновению условий для протестных акций. В целом, молодые армяне связывали свое будущее с Россией и в среднесрочной перспективе не планировали свое возвращение или переезд на историческую родину [3].

Все сравнения на данных типах выборок являются условными, однако, можно констатировать, что в 2023 году сохраняется тренд на негатив-

ную оценку экологической ситуации в московском регионе. Возможно, это объясняется тем, что поколения миллениалов и постмиллениалов характеризуется повышенной чувствительностью к проблемам экологии и высоким уровнем экологического самосознания, что обуславливает их восприятие экологических проблем в столичном мегаполисе.

Возможности для проведения свободного отпуска и каникул также продолжают оцениваться невысоко, что может быть объяснено как проблемами материальной обеспеченности, так и высокой занятостью и необходимостью переработок для обеспечения своих потребностей. Сама оценка возможностей обеспечения себя и своей семьи также остается относительно невысокой.

В целом, эти оценки могут восприниматься в алармистском ключе, указывая на невысокую удовлетворенность своим материальным положением армянской молодежи в московской агломерации.

Однако стоит отметить, что это пока не сказывается на возвратных настроениях. Как и два года назад, большинство армян, в своем большинстве, по-прежнему не планируют возвращение на историческую родину, хотя в 2023 году стало больше тех, кто затруднился с ответом. Важно отметить, что значительно выросла доля тех, кто видит себя в качестве людей с двойным гражданством, – России и Армении, что может указы-

вать на наметавшийся тренд на формирование двойной гражданской идентичности. В 2021 году подавляющим было желание иметь только российское гражданство.

Заключение.

Таким образом, проведенный экспресс-опрос представителей молодых армян в московской агломерации позволил как подтвердить старые, так и обозначить некоторые новые тенденции. В целом, можно говорить об общей удовлетворенности своим положением молодых представителей армянской диаспоры в московском мегаполисе с тенденциями на относительно невысокие

оценки своего материального положения и переориентации установок на желание иметь, скорее, двойное гражданство в противовес только российскому. По-прежнему, экологическая ситуация, а также возможности для проведения свободного времени и каникул вызывают наибольшую неудовлетворенность среди представителей диаспоры.

Молодые армяне, в целом, положительно оценивают интеграционные процессы на евразийском пространстве, пока не артикулируя открыто своё желание потенциального возвращения на историческую родину.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Армения сообщила о более 100000 переехавших в страну россиян. URL : <https://www.vedomosti.ru/society/news/2023/03/16/966743-armeniya-o-bole-100-000-pereehavshih> (дата обращения 07.09.2023).
2. Как приток россиян изменил жизнь в Ереване и поднял экономику Армении И чем за это приходится платить релоцировавшимся гражданам России URL : <https://www.rbc.ru/economics/04/11/2022/6363dd599a7947466a7db50c> (дата обращения: 07.09.2023).
3. Киреев Е.Ю. Армянская молодежь в России в период пандемии COVID-19 и политической нестабильности в Армении / Е.Ю. Киреев // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20. № 3(140). С. 87–98.
4. Киреев Е.Ю. Интеграция мигрантов из Армении и Грузии в московский социум как комплексный показатель эффективности миграционной политики Правительства Москвы / Е.Ю. Киреев // Человеческий капитал. 2011. № 8(32). С. 125–130.
5. Леонтьева О.Б. Армянская диаспора России: современные подходы к изучению / О.Б. Леонтьева, Л.Г. Мкртчян // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/armyanskaya-diaspora-rossii-sovremennye-podhody-k-izucheniyu> (дата обращения 29.09.2021).
6. Макарова Л.В. Армянская и грузинская миграция в Москву в цифрах и фактах / Л.В. Макарова // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2011. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/armyanskaya-i-gruzinskaya-migratsiya-v-moskvu-v-tsifrah-i-faktah> (дата обращения 07.09.2023).
7. Национальный состав России 2023 (перепись 2020). URL : https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020.xlsx (дата обращения 07.09.2023).
8. Осадчая Г.И. Миграция из Армении и Грузии в столичный мегаполис / Г.И. Осадчая // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 31–36.
9. Осадчая Г.И. Мигранты из Армении и Грузии в Москве. М. : Изд-во РГСУ, 2010. 156 с.
10. Социальная сплоченность армянской диаспоры в России: теория и практика измерения / Г.И. Осадчая, Е.Ю. Киреев, М.Л. Вартанова, М.В. Рославцева // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10. № 2(38). С. 87–104.
11. Феномен диаспоры: анализ современного состояния через призму исследований в данной области / Г.И. Осадчая, Г.А. Погосян, И.В. Лескова, Т.Н. Юдина, Е.Ю. Киреев // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. Т. 12. № 2. URL : <https://sfk-mn.ru/PDF/23SCSK221.pdf> (дата обращения 07.09.2023).
12. Остапенко Л.В. Армянская диаспора в России: социально-демографические характеристики (вторая половина XX – начало XXI века) / Л.В. Остапенко, И.А. Субботина // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М. : ИЭА РАН, 2014. Вып. 240. 46 с.
13. Погосян Г.А. Армянская диаспора России: интеграция vs репатриация / Г.А. Погосян, Г.И. Осадчая // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 52–61.
14. Старченко Р.А. Современная молодежь Армении и России: социально-демографические и этнокультурные ориентации : колл. монография / Р.А. Старченко, Р.С. Карапетян (Отв. ред.); Ин-т этнологии и антропологии РАН; Ин-т археологии и этнографии НАН РА. М. : ИЭА РАН, 2020. 193 с.

15. Тирабян К.К. К вопросу об определении феномена диаспоры (на примере армянской диаспоры Российской Федерации) / К.К. Тирабян // Управленческое консультирование. 2018. № 2(110). С. 128–136.
16. Тучина О.Р. Самопонимание личностью своей этнокультурной идентичности в условиях диаспоры (на материале исследования представителей армянской диаспоры Кубани) / О.Р. Тучина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 3. № 4. С. 348–352.
17. Хачатрян А. Армянская диаспора: сплоченность и организованность / А. Хачатрян // ЭКО. 2014. № 8 (482). С. 59–63.
18. Юдина Т.Н. Армянская диаспора в социальных сетях / Т.Н. Юдина, Д.А. Бесфамильный // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9. № 2. С. 194–209.
19. Dimock M. Defining generations: Where Millennials end and Generation Z begins. URL : <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/01/17/where-millennials-end-and-generation-z-begins> (дата обращения 07.09.2023).
20. Yudina T. Armenian migrant workers in Moscow: WHAT has changed for the last decade? / T. Yudina, Yu. Mazaev, T. Fomicheva; Editors: Aleksander Maloletko, Natasa Rupcic, Zoltan Baracskaï // Economic and Social Development: Book of Proceedings, Moscow, October 18–19, 2018. М. : Russian State Social University, 2018. P. 892–898.
21. Как приток россиян изменил жизнь в Ереване и поднял экономику Армении И чем за это приходится платить релоцировавшимся гражданам России. URL : <https://www.rbc.ru/economics/04/11/2022/6363dd599a7947466a7db50c>
22. Армения сообщила о более 100000 переехавших в страну россиян. URL : <https://www.vedomosti.ru/society/news/2023/03/16/966743-armeniya-o-bole-100-000-pereehavshih>

References:

1. Armenia reported more than 100,000 Russians who moved to the country. URL : <https://www.vedomosti.ru/society/news/2023/03/16/966743-armeniya-o-bole-100-000-pereehavshih> (date of the application 07.09.2023).
2. How the influx of Russians changed life in Yerevan and raised the economy of Armenia And how the relocated citizens of Russia have to pay for it. URL : <https://www.rbc.ru/economics/04/11/2022/6363dd599a7947466a7db50c> (date of the application 07.09.2023).
3. Kireev E.Yu. Armenian youth in Russia during the COVID-19 pandemic and political instability in Armenia / E.Yu. Kireev // Social Policy and Sociology. 2021. Vol. 20. № 3(140). P. 87–98.
4. Kireev E.Y. Integration of migrants from Armenia and Georgia into Moscow society as a comprehensive indicator of the effectiveness of the migration policy of the Moscow Government / E.Yu. Kireev // Human Capital. 2011. № 8(32). P. 125–130.
5. Leontieva O.B. The armenian diaspora of Russia: modern approaches to study / O.B. Leontieva, L.G. Mkrtychyan // Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology. 2020. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/armyanskaya-diaspora-rossii-sovremennye-podhody-k-izucheniyu> (date of the application 09/29/2021).
6. Makarova L. V. Armenian and Georgian migration to Moscow in figures and facts // Contours of global transformations: politics, economics, law. 2011. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/armyanskaya-i-gruzinskaya-migratsiya-v-moskvu-v-tsifrah-i-faktah> (date of the application 07.09.2023).
7. The national composition of Russia 2023 (2020 census). URL : https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020.xlsx (date of the application 07.09.2023).
8. Osadchaya G.I. Migration from Armenia and Georgia to the metropolitan metropolis / G.I. Osadchaya // Sociological research. 2014. № 12. P. 31–36.
9. Osadchaya G.I. Migrants from Armenia and Georgia in Moscow. М. : Publishing House of RSSU, 2010. 156 p.
10. Social cohesion of the Armenian diaspora in Russia: theory and practice of measurement / G.I. Osadchaya, E.Yu. Kireev, M.L. Vartanova, M.V. Roslavtseva // Sociological science and social practice. 2022. Vol. 10. № 2(38). P. 87–104.
11. The phenomenon of diaspora: analysis of the current state through the prism of research in this field / G.I. Osadchaya, G.A. Poghosyan, I.V. Leskova, T.N. Yudina, E.Yu. Kireev // The world of science. Sociology, philology, cultural studies. 2021. Vol. 12. № 2. URL : <https://sfk-mn.ru/PDF/23SCSK221.pdf> (date of the application 07.09.2023).
12. Ostapenko L.V. Armenian Diaspora in Russia: socio-demographic characteristics (the second half of the XX – the beginning of the XXI century) / L.V. Ostapenko, I.A. Subbotina // Studies in applied and urgent ethnology. М., IEA RAS, 2014. Iss. 240. 46 p.
13. Poghosyan G.A. Armenian Diaspora of Russia: integration vs repatriation / G.A. Poghosyan, G.I. Osadchaya // Sociological research. 2023. № 1. P. 52–61.
14. Starchenko R.A. Modern youth of Armenia and Russia: socio-demographic and Ethnocultural orientations : a collective monograph / R.A. Starchenko, R.S. Karapetyan (ed.); Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; Institute of Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Russian Academy of Sciences. М. : IEA RAS, 2020. 193 p.
15. Tirabyan K.K. On the question of defining the phenomenon of the Diaspora (on the example of the Armenian Diaspora of the Russian Federation) / K.K. Tirabyan // Management Consulting. 2018. № 2(110). P. 128–136.
16. Tuchina O.R. Self-understanding by a person of his ethno-cultural identity in the conditions of the Diaspora (based on the research of representatives of the Armenian Diaspora of Kuban) / O.R. Tuchina // Izvestiya Sa-

- ratov University. A new series. Series: Acmeology of Education. Psychology of development. 2014. Vol. 3. № 4. P. 348–352.
17. Khachatryan A. The Armenian Diaspora: cohesion and organization / A. Khachatryan // ECO. 2014. № 8 (482). P. 59–63.
18. Yudina T.N. The Armenian Diaspora in social networks / T.N. Yudina, D.A. Nameless // Scientific result. Sociology and Management. 2023. Vol. 9. № 2. P. 194–209.
19. Dimock M. Defining generations: Where Millennials end and Generation Z begins. URL : <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/01/17/where-millennials-end-and-generation-z-begins> (дата обращения 07.09.2023).
20. Yudina T. Armenian migrant workers in Moscow: WHAT has changed for the last decade? / T. Yudina, Yu. Mazaev, T. Fomicheva; Editors: Aleksander Maloletko, Natasa Rupcic, Zoltan Baracskai // Economic and Social Development: Book of Proceedings, Moscow, October 18–19, 2018. M. : Russian State Social University, 2018. P. 892–898.
21. How did the influx of Russians change life in Yerevan and boost the Armenian economy, and how do the relocated citizens of Russia have to pay for it. URL : <https://www.rbc.ru/economics/04/11/2022/6363d599a7947466a7db50c>
22. Armenia reported more than 100,000 Russians who moved to the country. URL : <https://www.vedomosti.ru/society/news/2023/03/16/966743-armeniya-o-bolee-100-000-pereehavshih>

Информация об авторе

Киреев Егор Юрьевич
кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт демографических исследований
ФНИСЦ РАН (ИДИ ФНИСЦ РАН)
yegorkireev@gmail.com

Yegor Yu. Kireev
Candidate of Sociological Sciences,
Leading Researcher,
Institute of Demographic Research
of the Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences
(IDI of the Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences)
yegorkireev@gmail.com

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.018>
УДК 316

Attribution
cc by

ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ РАДИКАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Людкевич Ю.Н.¹, Гришай Е.В.², Люев Т.Х.³, Манацков И.В.⁴

^{1, 2, 3}*Краснодарский университет МВД России,*

⁴*Краснодарское высшее военное училище летчиков (Военный институт)*

Аннотация. Актуальность данной статьи заключается в том, что в ней рассматриваются причины и факторы, способствующие радикализации молодежи в современном российском обществе.

Цель исследования: провести анализ факторов, стимулирующих экстремистское поведение современной молодежи.

Задачи: выявить не только источники радикализации современной российской молодежи, но определить механизмы противодействия этим тенденциям.

Как отмечают авторы, заинтересованные иностранные структуры, используя сети Интернет, распространяют ложную информацию, ведут системную работу по подбору и вовлечению молодых людей в террористические и экстремистские организации, иные неформальные молодежные объединения противоправной направленности. Их деятельность дискредитирует государство, сеет недоверие к органам власти, дестабилизирует общество. Завербованные таким образом молодые люди обучаются методам конспирации и способам противодействия правоохранительным органам, получают опыт ведения боевых действий и обращения с оружием и по сути становятся потенциальными продолжателями миссии экстремистских организаций на территории России.

Результаты: предложены меры, необходимые для реализации в работе с молодежью, которые способствуют предотвращению насильственной радикализации молодежи, учитывая проблемы межкультурных различий, обеспечения прав человека, воспитания в духе мира, медийной грамотности, воспитания гражданственности.

Выводы: сделан вывод о том, что работа с молодежью часто сталкивается с требованием превентивных действий против этого явления и первое, что необходимо выявить – каковы основные факторы, влияющие на радикализацию молодежи, и как им можно противостоять, какими должны быть ответные меры. Органы власти должны направить все имеющиеся ресурсы на исследование причин радикализации и разработки превентивных программ, политических стратегий и программ наращивания потенциала для специалистов-практиков в области работы с молодежью, чтобы предотвратить «заражение» молодежи деструктивными идеологическими установками воинствующих экстремистов, военизированных формирований или террористических групп.

Ключевые слова: радикализация, информатизация, медийная грамотность, дестабилизация общества, экстремизм, IT-технологии, деструктивный контен.

CAUSES AND FACTORS CONTRIBUTING TO THE RADICALIZATION OF YOUTH IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Yuri N. Lyudkevich¹, Elena V. Grishai², Tembot Kh. Lyev³, Igor V. Manatskov⁴

^{1, 2, 3}*Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,*

⁴*Krasnodar Higher Military School of Pilots (Military Institute)*

Abstract. This article examines the causes and factors contributing to the radicalization of youth in modern Russian society.

Purpose: to analyze the factors that stimulate extremist behavior of modern youth.

Objectives: to identify not only the sources of radicalization of modern Russian youth, but to determine the mechanisms for countering these trends. Interested foreign structures, using the Internet, spread false information, conduct systematic work on the selection and involvement of young people in terrorist and extremist organizations, other informal youth associations of illegal orientation. Their activities discredit the state, sow distrust of the authorities, and destabilize society. The young people

recruited in this way are trained in methods of conspiracy and ways of countering law enforcement agencies, gain experience in fighting and handling weapons, and in fact become potential successors of the mission of extremist organizations in Russia.

Results: The measures necessary for the implementation of work with youth, which contribute to the prevention of violent radicalization of youth, taking into account the problems of intercultural differences, ensuring human rights, peace education, media literacy, civic education, are proposed.

Conclusions: it is concluded that work with young people often faces the requirement of preventive actions against this phenomenon and the first thing that needs to be identified is what are the main factors influencing the radicalization of young people, and how they can be countered, what should be the response measures. The authorities should direct all available resources to research the causes of radicalization and develop preventive programs, political strategies and capacity-building programs for practitioners in the field of youth work in order to prevent the «infection» of young people with destructive ideological attitudes of militant extremists, paramilitary groups or terrorist groups.

Keywords: radicalization, informatization, media literacy, destabilization of society, extremism, IT-technologies, destructive content.

Введение.

В связи со сложившейся политической ситуацией в России, заинтересованные иностранные структуры, используя сети Интернет, распространяют ложную информацию, ведут системную работу по подбору и вовлечению молодых людей в террористические и экстремистские организации, в иные неформальные молодежные объединения противоправной направленности в их идеологии. Их деятельность дискредитирует государство, сеет недоверие к органам власти, дестабилизирует общество.

Завербованные таким образом молодые люди обучаются методам конспирации и способам противодействия правоохранительным органам, получают опыт ведения боевых действий и обращения с оружием и, по сути, становятся потенциальными продолжателями миссии экстремистских организаций на территории России.

Центральной проблемой здесь нам представляется низкая информированность сотрудников полиции о конкретных фактах использования при этом он-лайн социальных площадок («Одноклассники», «ВКонтакте», «Фейсбук», «Инстаграм»), бесплатных мессенджеров («Ватс-ап», «Вайбер», «Телеграм», «Твиттер», «Сигнал»). Такие сведения необходимы полицейским, чтобы уже на первоначальном этапе поступления деструктивной информации к молодому человеку можно было бы целенаправленно воздействовать на него, а в некоторых случаях и на его родителей.

Как показал анализ, проведенный авторами публикации, все социальные медиа, независимо от вида, реализуют, по сути, две базовые функции – информационную и коммуникативную. Другие функции достраиваются в зависимости от видов социальных медиа и в соответствии с потребностями пользователей в интеллектуальной, социокультурной и социально-политической информации или деятельности, в удовлетворении спроса на товары и услуги, а также в организации быта и досуга.

Деятельность подростков в социальной сети ВКонтакте, как отмечалось ранее, ориентирова-

на на развлечение, просмотр видео, поиск музыки, общение и просмотр фотографий. Сеть даёт возможность подросткам и молодежи делиться мыслями, знакомиться с новыми людьми, посещать интересные паблики.

Сообщества, в которых состоят подростки, чаще всего, посвящены юмору, развлечениям, моде, фильмам, музыке, творчеству, литературе. Гораздо реже школьники входят в группы новостных федеральных и региональных СМИ.

Среди популярных сообществ аналитиками были названы площадки «MDK», «Леонардо Дайвинчик», «Лентач», «Подслушано в...» и другие.

Девушки часто встречались в группах, посвящённых феминизму и чайлдфри, таких как «Female tems», «Дитя сохраненок» и тому подобные.

Молодёжь отмечала и группы оппозиционно-политической направленности: «Сталин-гулаг», «Команда Навального», «Алексей Навальный», «Помешанные на войне», «Плохие новости 18+», «стыдно показывать» и «вам лучше не знать».

Эти примеры подтверждают необходимость не только контроля медиа-предпочтений современных школьников и молодежи, но и формирования в этой среде культуры медиа-потребления.

Музыка, которую преимущественно слушают школьники в социальной сети ВКонтакте, представляет отдельную угрозу психологическому здоровью, так как контент песен, отмеченных респондентами исполнителей, направлен на саморазрушение человека.

Песни и видеоклипы таких исполнителей, как Face, ЭлДжей, Пошлая Молли и другие, содержат как запрещённый законом, так и нарушающий нормы этики контент, потому что они:

- избилуют ненормативной лексикой;
- пропагандируют наркотики, самоубийства, насилие;

- подрывают установленный уклад жизни и основы политического строя;
- формируют потребительское отношение к людям.

К интересным личностям в социальных сетях школьники относят Павла Дурова – создателя ВКонтакте, Дмитрия Медведева, Алексея Навального, Владимира Зеленского, певцов, музыкантов и блогеров.

Отдельно они отмечают контент блогеров Кати Клэп и Саши Спилберг, которые пропагандируют как саморазрушительное поведение, так и пренебрежительное отношение к другим людям.

Как следствие – полагаясь преимущественно на собственное мнение, встречаясь с контентом, автор которого настраивает пользователей на негативное отношение к окружающему миру,

подросток оказывается в ловушке саморазрушительных мыслей, из которых он уже не может выбраться самостоятельно; ведь, вокруг «не те взрослые», «не те родные» и «жестокий мир, которому ты не нужен».

Подавляющее большинство опрошенных молодых людей отмечают, что часто сталкиваются с контентом, содержащим ненормативную лексику; и, как следствие – она воспринимается как норма, используется в общении, как в сети, так и вне её.

Именно с нецензурным контентом опрошенные, чаще всего, связывают такие отрицательные стороны сетей, как возможность оскорбления и унижения.

Процентное соотношение учащихся, сталкивающихся с подобным контентом, представлено на рисунке 1.

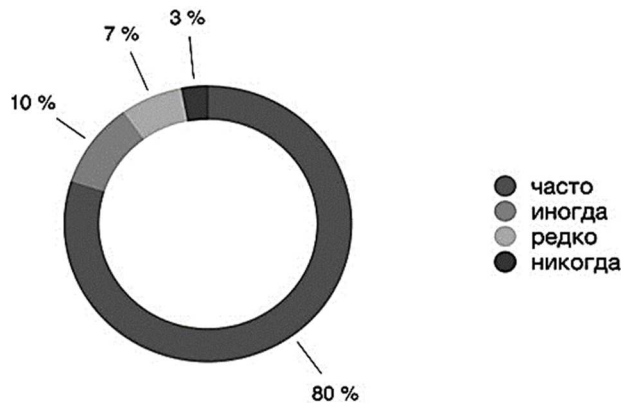

Рисунок 1 – Частота встречаемости школьников с нецензурной лексикой в сети

Стоит отметить, что в социальной сети слабо осуществляется контроль за контентом. Несмотря на блокировку крупных сообществ, содержащих противозаконную информацию, ряд пабликов остаётся незамеченным контролирующими органами, а вместо удалённых появляются новые. В результате, деструктивный контент снова оказывается в свободном доступе, а некоторые сообщества, прямо не нарушающие закон, но размещающие противоречащие нормам этики и разрушающие ценностные ориентиры материалы, продолжают собирать миллионы пользователей.

На рисунках 2 и 3 представлены, выявленные специалистами, угрозы психологическому здоровью, с которыми сталкиваются молодые люди. Почти все они (92 %) столкнулись с информацией, фото или видео, содержащими сцены жестокости и насилия. Кроме этого, молодежь отмечает, что постоянно сталкивается с оскорблениями, унижением, пропагандой наркотиков, алкоголя, табакокурения, изображениями сексуального характера, с идеями радикализма и экстремизма.

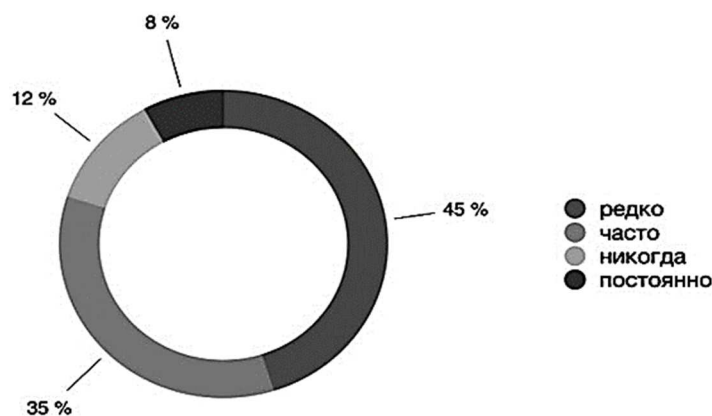

Рисунок 2 – Частота встречаемости угроз от пользователей сети

Каждый второй молодой человек сталкивался с пропагандой самоубийства (48 %), каждый третий указал на то, что личная информация, размещённая на странице в социальной сети, была использована против него (37 %). Кроме этого,

они сталкивались с мошенничеством и взломом своего профиля в социальных сетях.

Процентное соотношение столкновений с угрозами социальной сети ВКонтакте представлено на рисунке 3.

Рисунок 3 – Виды угроз психологическому здоровью школьников в социальных сетях

Особенно важно подчеркнуть, что почти каждый второй, в той или иной форме, сталкивался с пропагандой самоубийства. С одной стороны, это были контентные риски, которые встречаются в текстах, фотографиях, видео, не воспринимая всерьез подобную информацию, а с другой – реальные угрозы психологическому здоровью, а в некоторых случаях даже жизни.

Больше половины молодых людей говорят о том, что их друзья или друзья знакомых состояли в группах суицидального характера.

Всего лишь 13 % подростков отметили, что подобную информацию узнали только из средств массовой информации; и ещё 20 % опрошенных указали на то, что такие случаи им неизвестны.

Последний показатель вызывает достаточно большие сомнения и, по сути, подтверждает, что молодые люди испытывают недоверие к тем, кто хочет изучить пространство, в котором они существуют.

В свою очередь, низкая информированность полицейских связана с тем, что в структуре органов внутренних дел мало квалифицированных кадров, на высоком уровне владеющих ИТ-технологиями, а также – с длительностью по времени процесса блокирования деструктивных контентов (в некоторых случаях – с его невозможностью).

Кроме кадрового вопроса имеется еще и законодательный аспект этой проблемы. Следовало бы на законодательном уровне выработать меха-

низм получения оперативно значимой информации, связанной с вербовкой лиц экстремистами, от операторов мобильной связи, владельцев интернет-ресурсов, иных подобных организаций.

Другая проблема – организационного характера. В системе МВД имеется самостоятельное специализированное подразделение по противодействию терроризму и экстремизму, что, безусловно, положительно влияет на раскрываемость преступлений данного вида. Однако штатные должности этих подразделений комплектуются исключительно сотрудниками, имеющими юридическое образование.

На наш взгляд, учитывая, что наиболее подверженной экстремистской идеологии категорией населения является именно молодежь, было бы правильным иметь в штате этих подразделений должности, предполагающие знание возрастной педагогики и психологии, чтобы максимально быстро и эффективно реагировать на существующие угрозы экстремизма в молодежной среде. Как правильно высказался В.С. Олейник: «Идеологическое противостояние экстремизму в целом и молодежному в частности предполагает, как просветительскую профилактику, так и реальную идеологическую практику». Следовательно, практические работники, непосредственно осуществляющие противодействие идеологии насилия и разрушения, должны обладать соответствующими знаниями профессионально.

Результаты.

Рост интереса молодежи к радикальным группам, а также навязчивое присутствие нетерпи-

мости в цифровом пространстве становится все более тревожным, особенно:

- а) в контексте современной политической ситуации;
- б) в условиях все более активных обсуждений:
 - проблем миграции;
 - соблюдения прав человека;
 - гендерного равенства;
 - проблем борьбы за ценности демократии;
 - борьбы с коррупцией и т.п. вопросов.

Понятно, что однозначных ответов на эти вопросы нет и не может быть, а это значит, что при их обсуждении появляется благоприятная почва для «двойных стандартов» и, как следствие – для разжигания радикальных и экстремистских настроений в обществе (и так, и так – неправильно, поэтому молодому человеку можно найти множество аргументов, поддерживающих его точку зрения и опровергающих противоположную, а далее остается только внушить идеи о необходимости устранять представителей инакомыслия, в том числе, физическом).

Обсуждение.

Конечно, подобные политехнологии «срабатывают» и на других возрастных группах, но подростки, дети, молодые люди в этом отношении более уязвимы для радикализации их настроений и вербовки. Этому есть несколько причин.

Во-первых, сегодня все больше информации мы получаем не из СМИ, а из Интернета, поглощая не только официальную информацию, но и информацию из чатов, интервью, онлайн-трансляций, а также, из теле- и радиоканалов других стран мира. А как свидетельствуют социологические исследования, подавляющее большинство людей, пользующихся Интернетом, – это дети и подростки, которые относятся к категории молодежи, причем многие подростки ежедневно проводят в сети, в среднем, по 8 часов.

Во-вторых, молодежь, в силу своего не сформировавшегося мировоззрения – легко внушаемая аудитория, и этим пользуются умелые политехнологи и прочие манипуляторы массовым сознанием, чтобы внушить молодым людям некоторые идеи, выведать у них интересующие сведения, спровоцировать их на определенные действия. Ими созданы все предпосылки для того, чтобы изменить у молодых людей образ мышления, практики взаимодействия с миром и создать новые формы поведения. Часто это «перепрограммирование» происходит в сторону радикализации и заражения экстремистскими идеями.

Специалисты, работающие с молодежью, часто сталкиваются с требованием превентивных дей-

ствий против этого явления. Первое, что необходимо вывить в таком случае:

- каковы основные факторы, влияющие на радикализацию молодежи;
- как им можно противостоять;
- какими должны быть ответные меры.

Государство, в лице всех правоохранительных органов и других структур должно направить все имеющиеся ресурсы на исследование причин радикализации молодежи и разработку превентивных программ, политических стратегий и программ наращивания потенциала для специалистов-практиков в области работы с молодежью, чтобы предотвратить «заражение» молодежи деструктивными идеологическими установками воинствующих экстремистов, военизированных формирований или террористических групп.

Понятно, что для такого сложного явления, как радикализация молодежи не может быть одной-единственной теории о ее причинах и ключевых факторах или о том, как этим факторам следует противостоять.

Заключение.

Изложенные в настоящей статье положения, позволяют нам предложить следующие меры, которые необходимо реализовать в работе с молодежью.

1. Необходимо использовать системный подход, направленный на предотвращение насильственной радикализации молодежи, учитывая проблемы межкультурных различий, обеспечения прав человека, воспитания в духе мира, медийной грамотности, воспитания гражданственности и т. д.

2. Развитие культуры отношений с участием молодежи как равноправных горизонтальных, основанных на доверии, так и иерархических, основанных на дисциплине и власти-подчинении, поясняя подрастающему поколению необходимость и возможность тех и других моделей поведения.

Причем, создание партнерских отношений молодых людей с представителями других возрастных групп общества имеет решающее значение для передачи молодежи идеологических ценностей и ориентиров, выработанных обществом на протяжении многих веков.

3. Расширение прав и возможностей молодых людей и развитие их компетенций, что даст им больше возможностей и лучшие перспективы на будущее в личной и профессиональной жизни. В первую очередь, для того, чтобы предотвратить радикализацию молодежи, нужно удовлетворить её потребности в поиске ненасильственной социальной и политической идентичности. Этого можно достичь, если правительству сосредоточиться на установлении доверия к нему со сто-

роны молодежи посредством их равноправного участия в формировании государственной политики и будущего своей страны.

4. Необходимо молодым людям предложить альтернативы и образцы для подражания.

5. Важно недвусмысленно развенчивать и пресекать распространение сообщений и информации радикального толка, подстрекающих к насилию, разжиганию ненависти, чаще проводить профилактические тематические беседы с молодыми людьми, развивая у них критическое мышление; общение с молодежью всегда должно вестись открыто и честно.

6. Профилактическая работа должна проводиться молодыми людьми в трех основных направлениях:

– с лицами, которые еще не радикализированы, но подвергаются радикальному влиянию;

– с лицами, подверженными высокому риску когнитивной радикализации или насильственного экстремизма из-за близости к радикальным и вербовочным сетям;

– с лицами, которые приняли экстремистские идеи, но которые, возможно, не совершали никаких насильственных нападений.

Все профилактические меры не должны проводиться формально, а должны в большей степени фокусироваться на индивидуальных мерах безопасности и судебных мерах, таких как охрана общественного порядка, дерадикализация и реинтеграция заинтересованных лиц.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. О военно-патриотических молодежных и детских объединениях: Постановление Правительства Российской Федерации от 24 июля 2000 года № 551 (в ред. от 24.12.2014) // Российская газета. 2000. 27 июля.
2. Олейник В.С. Роль СМИ в профилактике экстремизма и терроризма / В.С. Олейник // Противодействие идеологии терроризма: Концепции и адресная профилактика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 06 июня 2019 г.). Уфа, 2019. С. 107–115.
3. Лазуткина Е.В. Основные формы манипуляции информацией в социальных медиа рунета / Е.В. Лазуткина // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 2(24). С. 221–225.
4. Касперская Н.И. Проблема деструктивных движений в Рунете / Н.И. Касперская // Цифровая гигиена. Молодёжь в сети. 28.03.2019. URL : <https://www.youtube.com/watch?v=6v87ZM7oHO8> (дата обращения 26.07.2023).

References:

1. On military-patriotic youth and children's associations: Decree of the Government of the Russian Federation № 551 of July 24, 2000 (as amended. dated 24.12.2014) // Rossiyskaya Gazeta. 2000. July 27.
2. Oleynik V.S. The role of mass media in the prevention of extremism and terrorism / V.S. Oleynik // Countering the ideology of terrorism: Concepts and targeted prevention. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Ufa, June 06, 2019). Ufa, 2019. P. 107–115.
3. Lazutkina E.V. Basic forms of information manipulation in Runet social media / E.V. Lazutkina // Sign: problematic field of media education. 2017. № 2(24). P. 221–225.
4. Kaspersky N.I. The problem of destructive movements in the Runet / N.I. Kaspersky // Digital hygiene. Young people online. 28.03.2019. URL : <https://www.youtube.com/watch?v=6v87ZM7oHO8> (date of the application 26.07.2023).

Информация об авторах

Людкевич Юрий Николаевич

кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры
специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России,
полковник полиции
zep69@mail.ru

Yuri N. Lyudkevich

Candidate of Legal Sciences,
Deputy Head of the Department of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Police Colonel
zep69@mail.ru

Гришай Елена Васильевна

доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России,
полковник полиции
ev-grishay@mail.ru

Люев Тембот Хабасович

старший преподаватель кафедры
деятельности органов внутренних дел
в особых условиях СКИ(Ф)
Краснодарского университета МВД России,
подполковник полиции
loov2012@mail.ru

Манацков Игорь Валентинович

кандидат философских наук,
доцент,
преподаватель 101 кафедры
философии и социологии
Краснодарского высшего военного училища летчиков
(Военного института)
milena.555@mail.ru

Elena V. Grishai

Doctor of Philosophical Science,
Professor,
Professor of the Department of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Police Colonel
ev-grishay@mail.ru

Tembot Kh. Lyev

Senior Lecturer of the Department of Internal
Affairs Bodies in Special Conditions of SKI(F)
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel
loov2012@mail.ru

Igor V. Manatskov

Associate Professor,
Candidate of Philosophical Sciences,
Lecturer of the 101st of the Department
of Philosophy and Sociology,
Krasnodar Higher Military School of Pilots
(Military Institute)
milena.555@mail.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.019>

УДК 338.2: 332.1

Attribution

cc by

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Ляпанов А.В.¹, Тряхов И.С.²

¹Владимирский юридический институт ФСИН России,

²Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Аннотация. Актуальность данной публикации заключается в том, что в ней рассматривается проблема межрегиональной социально-экономической дифференциации. Обосновывается мысль необходимости последовательного проведения государством социально-экономической политики по снижению выявленных диспропорций между регионами страны по уровню прожиточного минимума и уровню доходов населения. Одной из главных задач государства при реализации социальной политики в России, как и в любой другой стране с большим разнообразием регионов, должно быть уменьшение диспропорций в уровне жизни населения, проживающего на разных территориях, преодоление региональной асимметрии в целом. Ситуация в целом улучшается, но, к сожалению, недостаточно радикально. Довольно много остается субъектов, в которых доля прожиточного минимума в среднестатистическом денежном доходе приближается к 50 %. В то же время есть регионы с высоким уровнем жизни (доля прожиточного минимума – 20 %). Подобные различия являются тем вызовом, который социальное государство не имеет право игнорировать.

Ключевые слова: государство, социальная политика, межрегиональная дифференциация, прожиточный минимум, доходы населения.

STATE SOCIAL POLICY AND PROBLEMS OF INTERREGIONAL DIFFERENTIATION

Artem V. Lyapanov¹, Ilya S. Tryahov²

¹Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,

²Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov

Abstract. The article deals with the problem of interregional socio-economic differentiation. The idea of the need for consistent state socio-economic policy to reduce the identified disparities between the regions of the country on the level of the subsistence minimum and the level of income of the population is substantiated. One of the main tasks of the state in implementing social policy in Russia, as in any other country with a wide variety of regions, should be to reduce the disparities in the standard of living of the population living in different territories, overcoming regional asymmetry in general. The situation as a whole is improving, but, unfortunately, not radically enough. There are quite a few subjects in which the share of the subsistence minimum in the average per capita monetary income is approaching 50 %. At the same time, there are regions with a high standard of living (the share of the subsistence minimum is 20 %). Such differences are a challenge that the welfare State has no right to ignore.

Keywords: state, social policy, interregional differentiation, subsistence minimum, income of the population.

Введение.

Государство – основной субъект социальной политики.

Основными характеристиками нашего государства являются:

– огромная территория (бывший СССР занимал 1/6 часть поверхности суши, современная Россия – 1/9 (17 125 191 км²);

– многонациональное население (по данным последней переписи населения за 2020 г. в России проживает 147,24 млн чел. [5], которые представляют более 180 национальностей);

– власть (должна быть суверенной, эффективной, организационно оформленной, успешно решающей задачи, стоящие перед обществом).

Данные характеристики важны для определения специфики государственных задач и методов их выполнения.

Социальное предназначение государства также можно выразить через его функции – главные направления деятельности по осуществлению актуальных задач относительно общества. Традиционно, функции государства подразделяются на внутренние и внешние. Задачей нашего исследования является анализ ряда проблем, с которыми сталкивается государство при осуществлении социально-экономической политики.

Обсуждение.

Анализ пути, который прошло государство в своем развитии, позволяет констатировать факт его второстепенности по отношению к обществу. Удовлетворение различных потребностей граждан – основополагающая, фундаментальная функция государства. По мнению многих исследователей (Э. Мэйо, А. Маслоу, Э. Торндайк, Д. Б. Уотсона, Б. Скиннера), основой для удовлетворения человеческих потребностей выступает экономическая функция государства.

На различных этапах развития общества и науки доминировали разные модели, характеризующие роль государства в жизнедеятельности общества. В современной науке господствующей моделью принято считать, так называемую, «смешанную экономическую систему», которая, в идеале, должна соединять в себе преимущества рынка с использованием механизма государственного регулирования экономической деятельности. В этом случае, регулирующая роль рынка дополняется механизмом, не последнее значение в котором играет и социальная политика.

Современная Россия представляет собой федерацию, состоящую из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – равноправных субъектов Российской Федерации [1]. После «кризисных 1990-х», когда данный статус существовал скорее на бумаге, нежели в действительности, с наступлением XXI в. активизировался процесс федеративного строительства – «собираение земель вокруг Москвы». Особенностью «нулевых» (до 2008 г., когда начался экономический кризис) стала стабильность социально-экономического развития. Особенно важной и значимой стала работа правительства по возвращению к полноценному использованию инструментов долгосрочного планирования.

Сегодня, в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Минэкономразвития России разрабатывает стратегию социально-экономического развития Российской Федерации уже до 2035 года [4].

Прогноз Минэкономразвития моделирует развитие российской экономики, описывает сценарные условия ее функционирования в среднесрочной перспективе, именно этот документ служит основой для бюджетного планирования Федерации и ее субъектов. При этом важно учитывать тот факт, что отношения между центром и регионами традиционно крайне сложны и противоречивы, требуют большой осторожности и скрупулезной проработки при принятии решений.

Укажем на одно из самых серьезных препятствий при проведении государственной социальной политики – существующие диспропорции между уровнем развития многочисленных регионов, входящих в состав РФ, уровнем жизни населения в них.

По состоянию на 2023 г. в РФ насчитывается 89 регионов (с учетом вновь присоединенных территорий). Из них, к сожалению, только 11 по последним данным не требовали дотаций от государства, сами являясь регионами-донорами, остальные, соответственно, являются регионами-реципиентами. В системологии существует, так называемый, закон предела кратности. «Суть закона заключается в том, что в сложной системе не должно быть слишком много управляемых подсистем. Например, в такой социально-экономической системе, как государство, оптимальное соотношение между центром и регионами должно составлять от 1:20 до 1:25» [6, с. 47].

В этом смысле, создание федеральных округов (далее ФО) в 2000 г. можно рассматривать как попытку решить данную проблему, сформировать своего рода промежуточный уровень управления. Однако вызывает вопрос принцип объединения субъектов в ФО. К сожалению, зачастую, преследовалась больше административная, нежели экономическая целесообразность. В то же время, экономический фактор стал основой для создания, так называемых, межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия, основными формами деятельности которых являются разработка и реализация региональных, межрегиональных или даже местных программ и проектов.

Одной из главных задач государства при реализации социальной политики в России, как и в любой другой стране с большим разнообразием регионов, должно быть уменьшение диспропорций в уровне жизни населения, проживающего на разных территориях, преодоление региональной асимметрии в целом.

Результаты.

Приведем некоторые результаты нашего исследования [7].

Одним из основных показателей уровня жизни населения является величина прожиточного минимума. В качестве базы для исследования мы взяли трудоспособную, т.е. экономически активную часть населения, как наиболее многочисленную. Подобный анализ уже проводился нами в 2009 г. [2], поэтому сейчас мы имеем возможность для сравнения. Показатели четырех недавно присоединенных регионов (Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область, Херсонская область) мы не учитываем по вполне понятным причинам.

Как и более десяти лет назад, прожиточный минимум населения значительно разнится не толь-

ко по ФО, но и по соседним регионам, входящим в состав одного ФО.

В целях наглядной иллюстрации данного факта, мы разработали, так называемый, «коэффициент дифференциации прожиточного минимума», представляющий собой частное от деления по-

казателя прожиточного минимума в субъекте с максимальным его значением на показатель прожиточного минимума в субъекте с самым низким его уровнем [3].

Применяя данную методику подсчета, получаем следующую картину (табл. 1).

Таблица 1

Коэффициент дифференциации прожиточного минимума по ФО в 2009 и 2023 гг.

Федеральные округа	Коэффициент в 2009 г.	Коэффициент в 2023 г.
ЦФО	2	1,9
СЗФО	2,17	1,9
ЮФО	1,38	1,12
ПФО	1,31	1,12
УФО	1,91	1,63
ДФО	1,71	2,3
СКФО	– (образован в 2010 г.)	1,18

Мы видим, что по сравнению с кризисным 2009 г., показатели по многим федеральным округам (за исключением Дальневосточного) незначительно, но улучшаются, что не может не радовать, принимая во внимание всю сложность настоящего момента. Власть старается выравнивать показатель прожиточного минимума внутри федеральных округов. К сожалению, это пока не удается сделать в масштабах всей страны – рассчитываемый коэффициент на 2023 г.

незначительно увеличился и составляет 3 (на конец 2009 г. составлял 2,77).

Показатель «прожиточный минимум» тесно связан с показателем «уровень доходов населения». Для сравнения среднедушевых денежных доходов населения мы применили ту же логику соотношения величин доходов в регионах с максимальным и минимальным их уровнями. Получаем «коэффициент дифференциации среднедушевых денежных доходов» (табл. 2).

Таблица 2

Коэффициент дифференциации среднедушевых денежных доходов населения по ФО в 2009 и 2023 гг.

Федеральные округа	Коэффициент в 2009 г.	Коэффициент в 2023 г.
ЦФО	4,6	3
СЗФО	3,47	3
ЮФО	2,3	2
ПФО	1,89	2
УФО	3,4	4
ДФО	3,35	4
СКФО	– (образован в 2010 г.)	2

И снова наблюдается незначительная тенденция на выравнивание уровня доходов в рамках отдельных федеральных округов, но в данном случае она находит свое подтверждение и в среднем по РФ, рассчитываемый коэффициент равен 6 (в 2009 г. был 7,1).

Заключение.

Сравнив приведенные данные по федеральным округам, можно получить представление о социально-экономической межрегиональной диффе-

ренциации. Ситуация, в целом, улучшается, но, к сожалению, недостаточно радикально. Довольно много остается субъектов, в которых доля прожиточного минимума в среднедушевом денежном доходе приближается к 50 %. В то же время, есть регионы с высоким уровнем жизни (доля прожиточного минимума – 20 %). Подобные различия являются тем вызовом, который социальное государство не имеет право проигнорировать. Необходимо продолжить совершенствовать экономическое пространство страны и механизмы его регулирования.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 06 октября 2022 г. № 0001202210060013.
2. Ляпанов А.В. Проблемы межрегиональной дифференциации в контексте социальной политики в России / А.В. Ляпанов // Международное научное издание «Современные фундаментальные и прикладные исследования». Кисловодск : Изд-во УЦ «МАГИСТР», 2012. №2(5). С. 147–149.
3. Ляпанов А.В. Проблема повышения уровня жизни населения России в контексте межрегиональной дифференциации : колл. монография / А.В. Ляпанов; Отв. ред. А.Ю. Нагорнова // Социальные изменения в современном обществе. Ульяновск : Зебра, 2016. С. 225–235.
4. О стратегическом планировании в Российской Федерации и стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2035 года URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314301/06fb7addb24a900f831e610b729c32ac3ed9981e (дата обращения 04.09.2023).
5. Федеральная служба государственной статистики. Всероссийская перепись населения 2020 г. URL : <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения 01.09.2023).
6. Школьникова Н.Н. Системные функции макрорегиональных структур в территориальной организации экономики России : дис. ... канд. экон. наук. Черкесск, 2005.
7. Далее все расчеты основаны на статистических данных, предоставленных Федеральной службой государственной статистики. URL : <http://www.gks.ru>

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) // Official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru), October 06, 2022. № 0001202210060013.
2. Lyapanov A.V. Problems of interregional differentiation in the context of social policy in Russia / A.V. Lyapanov // International scientific publication «Modern fundamental and applied research». Kislovodsk : Publishing house of the UC «MAGISTER», 2012. № 2(5). P. 147–149.
3. Lyapanov A.V. The problem of raising the standard of living of the Russian population in the context of interregional differentiation : a collective monograph / A.V. Lyapanov; Ed. by A.Yu. Nagornova // Social changes in modern society. Ulyanovsk : Zebra, 2016. P. 225–235.
4. On strategic planning in the Russian Federation and the strategy of socio-economic development of the Russian Federation until 2035 URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314301/06fb7addb24a900f831e610b729c32ac3ed9981e (date of the application 04.09.2023).
5. Federal State Statistics Service. All-Russian Population Census 2020 URL : <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (date of the application 01.09.2023).
6. Shkolnikova N.N. System functions of macro-regional structures in the territorial organization of the Russian economy : dis. ... candidate of economic sciences. Cherkessk, 2005.
7. Further, all calculations are based on statistical data provided by the Federal State Statistics Service. URL : <http://www.gks.ru>

Информация об авторах

Ляпанов Артем Владимирович

кандидат исторических наук,
доцент,
заведующий кафедрой частноправовых дисциплин
Владимирского юридического института
ФСИН России, г. Владимир
Lyapanov@mail.ru

Тряхов Илья Сергеевич

кандидат исторических наук,
доцент,
доцент кафедры истории России,
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
ilja.tryahoff@yandex.ru

Artem V. Lyapanov

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Private Law Disciplines
of the Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir
Lyapanov@mail.ru

Ilya S. Tryahov

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Russian History,
Vladimir State University named
after Alexander Grigoryevich
and Nikolai Grigoryevich Stoletov, Vladimir
ilja.tryahoff@yandex.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.037>

УДК 316

Attribution

cc by

КОНЦЕПТ СПРАВЕДЛИВОГО МИРОПОРЯДКА В НОВЕЙШИХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ РОССИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Селезнев И.А.

*Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,
Московский государственный университета имени М.В. Ломоносова*

Аннотация. Актуальность данного исследования заключается в том, что его автор систематизировал основные составляющие концепта справедливого миропорядка в новейших внешнеполитических российских документах. Цель: в предлагаемой работе провести авторский анализ содержания обновленной Концепции внешней политики исходя из социологического подхода. С применением метода анализа документов изучено понимание в данном нормативном акте концепта «справедливость» применительно к международным отношениям, контекст и особенности использования термина «справедливость». В завершение исследования автор приходит к выводу о том, что Россия выбрала свой вектор развития. Сформулирована внешнеполитическая доктрина на XXI век, определены приоритеты развития и принципы отношения с внешним миром. И что самое главное, Россия осознала, с какими идеями и инициативами она может выйти к народам мира.

Ключевые слова: концепция внешней политики; справедливость, евразийская цивилизация; русский мир; анализ документов, социологический подход.

THE CONCEPT OF THE FAIR WORLD ORDER IN THE LATEST RUSSIAN FOREIGN POLICY DOCUMENTS: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Igor A. Seleznev

*Institute of Socio-Political Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow State University named after M. V. Lomonosov*

Abstract. The relevance of this study lies in the fact that its author systematized the main components of the concept of a just world order in the latest Russian foreign policy documents. Purpose: in the proposed work, to conduct an author's analysis of the content of the updated Foreign Policy Concept based on a sociological approach. Using the method of document analysis, the understanding of the concept of «justice» in relation to international relations, the context and features of the use of the term «justice» in this normative act have been studied. At the end of the study, the author comes to the conclusion that Russia has chosen its own vector of development. The foreign policy doctrine for the twenty-first century has been formulated, development priorities and principles of relations with the outside world have been determined. And most importantly, Russia has realized what ideas and initiatives it can reach out to the peoples of the world.

Keywords: foreign policy concept; justice; Eurasian civilization; Russian world; document analysis; sociological approach.

Введение. 31 марта 2023 г. Президентом России был подписан указ № 229 об утверждении новой Концепции внешней политики Российской Федерации. Эволюция внешнеполитической доктрины РФ отражала стратегические повороты во внешней политике нашего государства: это уже шестая за три десятка лет концепция внешней политики России (далее: Концепция, КВПР), включая утвержденные в 1993, 2000, 2008, 2013 и 2016 гг. [1; 2].

Таким образом, с началом специальной военной операции (СВО) открылась новая глава в исто-

рии России и ее внешней политике, и это потребовало модификации внешнеполитической доктрины.

Обсуждение. Согласно КВПР-2023, Россия самоопределилась в качестве самобытной страны-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, одного из суверенных центров мирового развития. играющего уникальную роль в поддержании глобального баланса сил и обеспечении мирного поступательного развития человечества. КВПР констатирует, что Россия больше не считает себя частью западно-

го мира. Концепция фиксирует антироссийскую политику большинства западных стран. С одной стороны, в Концепции утверждается, что Россия не является врагом Запада, но при этом свидетельствуется, что вектор вражды направлен от Запада к России, и наша страна в своей внешней политике опирается на этот очевидный факт [1].

Превращение Евразии в единое общеконтинентальное пространство мира, стабильности, взаимного доверия, развития, процветания становится флагманским проектом России на XXI век. В приоритете – углубление связей с КНР и Индией, «дружественными суверенными глобальными центрами силы» (п. 51–53). Ближнее зарубежье: превращение региона в зону мира, добрососедства, устойчивого развития и процветания (п. 49).

В числе направлений всеобъемлющего взаимовыгодного сотрудничества: «дружественная исламская цивилизация» (п. 56), Африка («самобытный и влиятельный центр мирового развития») (п. 57), АТР, Латинская Америка (Бразилия, Венесуэла, Куба, Никарагуа) (п. 58).

В КВПР-2023 говорится о поощрении процессов, отвечающих интересам России, региональной и межрегиональной интеграции, и расширении сотрудничества в рамках Союзного государства, ЕАЭС, ОДКБ, СНГ, ШОС, БРИКС, РИК, а также - в целях формирования Большого Евразийского партнерства как широкого интеграционного контура посредством объединения потенциалов всех государств, региональных организаций и объединений Евразии с опорой на ЕАЭС, ШОС и АСЕАН, сопряжение планов развития ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс – один путь» при сохранении возможности участия в этом партнерстве всех заинтересованных государств и многосторонних объединений Евразийского континента и, как следствие, формирование сети партнерских организаций в Евразии (п. 19)

Собственно, участие в БРИКС позволило РФ перенаправить потоки энергоносителей с Запада на Восток. По итогам прошедшего в Йоханнесбурге в августе 2023 г. саммита, где было принято решение о приглашении в состав БРИКС с 2024 г. новых членов: Аргентины, Ирана, Саудовской Аравии, Эфиопии, Египта и ОАЭ, ВВП альянса составит 37 % от общемирового; население – 46 % от проживающих на земле; территория – 36 % от площади планеты. Явным успехом российской дипломатии, свидетельствующим об отсутствии мировой политической изоляции РФ, стало назначение г. Казани площадкой проведения следующего XVI саммита БРИКС (август 2024) [3].

Итоги официального государственного визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Москву в марте 2023 г. воспринимаются как серьезное достижение в развитии двусторонних российско-китайских отношений и укрепления дружбы, сотрудничества и взаимодействия, особенно важное в условиях проведения специальной воен-

ной операции (СВО). КНР удалось примирить Иран и Саудовскую Аравию; обе эти страны подали заявки на вступление в БРИКС. БРИКС становится экономической площадкой, где объединяются основные мировые производители и потребители энергоресурсов.

В складывающейся международной экономической обстановке, Китай эффективно переигрывает страны коллективного Запада на их идейно-смысловом поле. Речь идет о том, что КНР морально выигрывает, продолжая отстаивать принципы свободной торговли, экономической глобализации и взаимодополняемости мировой экономики; в то время, как США демонстративно разворачиваются в сторону экономического протекционизма, демонстрируя, таким образом, двойные стандарты и эгоистичный отказ от собственных экономических и моральных принципов, а значит и теряют легитимность претензий на мировое лидерство.

Тем не менее, на практике экономическое проникновение КНР в Центрально-Азиатский регион стало вызывать политические спекуляции различных политических сил, как акцентирующих возникающие угрозы и риски национальному суверенитету, так и подчеркивающих преимущества экономической активности Китая, особенно учитывая, что периодически возникающие массовые антикитайские настроения в Центральной Азии используются там во внутривнутриполитической борьбе. [4, с. 9; 5, с. 498–499; 6, с. 491]. Поэтому, неудивительно, что КНР опирается и на «мягкую силу», предлагая собственные идеи миру, выдвинув концепцию «Сообщества единой судьбы человечества», которой дополняют экономический макропроект «Один пояс – один путь» [7, с. 73; 8, с. 66–74; 9, с. 197–198]

В качестве предлагаемых основополагающих принципов «сообщества единой судьбы человечества» предлагаются следующие 4 императива:

- 1) «гармония как драгоценность», гармония как наиважнейшее объединяющее начало для всего человечества;
- 2) «гармонизировать десять тысяч соседних стран», наладить дружеские отношения не только между собой и своим соседом, но и между всеми соседями;
- 3) «не делай другим того, чего себе не желаешь», относись к другим странам и культурам так, как хочешь, чтобы относились к тебе;
- 4) «между четырьмя морями – все люди братья», нет вражде, войнам и междоусобицам [10, с. 251–252].

КНР, призывая все страны к участию в построении «сообщества единой судьбы человечества», говорит о беспроектном сотрудничестве каждого, поскольку результатом для всех участников станет не только укрепление общих ценностей человечества, но и содействие в развитии гло-

бальной культуры, установление нового типа равных и гармоничных партнерских отношений в условиях глобализации. И Китай готов делиться своими традиционными ценностями, говоря о том, что китайская культура принадлежит всему миру, а в качестве своей основной миссии китайское руководство видит посильный вклад в развитие мира во всем мире, что в настоящее время сконцентрировано в концепции построения «сообщества единой судьбы человечества». [9, с. 205–206; 10, с. 252;]

Знание этих условий и закономерностей становится важным в условиях стратегического развития России на Восток, смещения фокуса интересов из Евро-Атлантики в Евразийско-Тихоокеанское направление.

Согласно конфуцианскому принципу «исправления имен» вещам и явлениям следует давать правильные названия, содержание и форма должны соответствовать друг другу, это базовый принцип управления государством и организации общества. Но, стоит заметить, что точно так же коллективный Запад утрачивает монополию на трактовку демократии и отстаивание прав самоопределения народов, поскольку воля народа Крыма, народа Донбасса и Новороссии, выраженные на референдуме оказались проигнорированными на Западе. И не только Китаю, но России есть, что предложить миру в концептуальном плане: волей истории обоснование принципов международной справедливости, демократии и прав народов оказывается преподносимой человечеству прерогативой Русского мира.

На сегодня существует достаточное число работ, посвященных концепциям внешней политики России за разные годы. В них исследовалась эволюция концептуальных основ внешней политики РФ и их реализация в российской дипломатической практике; проводился сравнительный анализ данных нормативных актов разных лет; рассмотрено целеполагающее значение этих документов в системе документов государственного стратегического планирования; исследовано содержание концепций с точки зрения международно-правового обеспечения национальных интересов России, ответа на вызовы современного мира и др. [11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22].

Что же непосредственно касается обновленной КВПР-2023, то в текущем году уже вышли работы, в которых проводится сравнительный анализ нормативных актов 2016 и 2023 гг., проанализированы её основные положения на предмет ответственности всем предшествующим версиям рассматриваемого стратегического документа обращается внимание на провозглашенные новые постулаты – самоопределение РФ в качестве самобытной евразийской цивилизации [23; 24; 25].

Наибольшее интерес из них, на наш взгляд, вызывает работа О.В. Парилова, пришедшего к выводу о том, что КВПР-2023 является правовой

интерпретацией евразийской идеологии, поскольку базовые положения документа представляют собой рецепцию социально-философских установок классического евразийства [26].

Тем не менее, заметим, что еще в начале 2000-х гг. были работы, обсуждавшие необходимость построения концепции внешней политики России на базе евразийской теории [27].

Однако до сих пор не было работ, исследовавших Концепцию с точки зрения социологического подхода и при помощи социологического метода.

Результат. Автор данной статьи исходит из социологического подхода к анализу концепции внешней политики России. Теоретико-методологической базой работы выступают подходы понимающей социологии. На основе социологического метода анализа документов исследуются заложенные в Концепции представления о справедливости миропорядка.

В данной работе исследовано использование концепта «справедливость» в контексте международных отношений, позитивной программы по отношению к миру выдвигаемой в новой редакции КВПР, особенности и контекст использования термина и смыслового понятия «справедливость» в данном нормативном акте .

Но каково понимание содержания термина «справедливость» в российской внешней политике? В данной работе мы проанализировали использование термина «справедливость» в Концепции-2023.

Как показал сравнительный анализ Концепций разных лет, в российскую внешнеполитическую доктрину понятие «справедливость» вводится впервые КВПР-2023. Упоминание о «справедливости» дословно встречается 6 раз в Концепции-2023 в следующем контексте:

1. *«Продолжается формирование более **справедливого**, многополярного мира. Неизбежно уходит в прошлое неравновесная модель мирового развития, которая столетиями обеспечивала опережающий экономический рост колониальных держав за счет присваивания ресурсов зависимых территорий и государств в Азии, Африке и Западном полушарии. Укрепляется суверенитет и увеличиваются конкурентные возможности незападных мировых держав и региональных стран-лидеров».*

2. *«Формирование **справедливого** и устойчивого мироустройства» отнесено в КВПР-2023 как к числу «приоритетных направлений внешней политики РФ», так и «основных задач по достижению стратегических целей внешней политики России».*

3. *В целях содействия адаптации мироустройства к реалиям многополярного мира Российская Федерация намерена уделять прио-*

ритетное внимание обеспечению **справедливого** доступа всех государств к благам мировой экономики и международного разделения труда, а также к современным технологиям в интересах справедливого и равномерного развития...».

4. «Обеспечение верховенства права в международных отношениях служит одной из основ **справедливого** и устойчивого мироустройства, поддержания глобальной стабильности, мирного и плодотворного сотрудничества государств и их объединений, является фактором снижения международной напряженности и повышения предсказуемости мирового развития».

5. «Курс России в отношении США носит комбинированный характер с учетом роли этого государства как одного из влиятельных суверенных центров мирового развития и в то же время главного вдохновителя, организатора и исполнителя агрессивной антироссийской политики коллективного Запада, источника основных рисков для безопасности Российской Федерации, международного мира, сбалансированного, **справедливого** и поступательного развития человечества» [1].

Итак, исходя из контекста использования термина «справедливость» применительно к международным отношениям, проясняется представление в Концепции о многополярном формате международных отношениях как справедливом мире. И в качестве приоритетного направления внешней политики РФ обозначается формирование справедливой и устойчивой системы международных отношений, которая обеспечивала бы надежную безопасность, сохранение культурно-цивилизационной самобытности, равные возможности развития для всех государств независимо от их географического положения, размера территории, демографического, ресурсного и военного потенциалов, политического, экономического и социального устройства (п. 18).

Обозначена роль, даже миссия России в утверждении справедливого миропорядка.

Параметрами, определившими положение России как евразийского и евразийско-тихоокеанского государства-цивилизации и Русского мира как культурно-цивилизационной общности названы в Концепции:

- опыт самостоятельной государственности на протяжении более чем 1000 лет;
- культурное наследие предшествовавшей эпохи, наличие исторических связей, как с традиционной культурой Европы, так и с другими культурами Евразии;
- сформировавшееся многовековое умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп (п. 4).

В числе критериев, позволяющих России бороться за утверждение справедливого миропорядка перечисляются:

- значительные ресурсы; статус постоянного члена Совета Безопасности ООН и участие в иных ведущих межгосударственных организациях и объединениях;
- ядерный статус;
- правопреемственность с Союзом ССР.

Упоминается решающий вклад в СССР/России в победу во Второй мировой войне, роль в создании современной системы международных отношений, в ликвидации мировой системы колониализма.

Таким образом, мы видим, что составляющими компонентами статуса России как великой державы, способной предложить миру позитивную программу развития выступают не только материальный потенциал (ресурсообеспеченность, силовая составляющая, международный правовой статус), но и символический капитал (в т.ч. культурный, исторический и идейный).

Исходя из этих положений, акцентируется «исторически сложившаяся уникальная миссия» России по поддержанию глобального баланса сил и выстраиванию многополярной международной системы, обеспечению условий для мирного, поступательного развития человечества на основе объединительной и конструктивной повестки дня (п. 5).

Как же в деталях видится содержание понятия «справедливость» применительно к международным отношениям? Согласно Концепции, справедливое и устойчивое мироустройство в многополярной системе международных отношений должно основываться на следующих принципах:

- 1) суверенного равенства государств, уважения их права выбирать модели развития, социально-го, политического и экономического устройства;
- 2) неприятия гегемонии в международных делах;
- 3) сотрудничества на основе баланса интересов и взаимной выгоды;
- 4) невмешательства во внутренние дела;
- 5) верховенства международного права в регулировании международных отношений, отказ всех государств от политики двойных стандартов;
- 6) неделимости безопасности в глобальном и региональном аспектах;
- 7) многообразия культур, цивилизаций и моделей организации общества, отказа от навязывания другим странам своих моделей развития,

идеологических и ценностных установок, опоры на единый для всех мировых традиционных религий и светских этических систем духовно-нравственный ориентир;

8) ответственного лидерства ведущих государств, направленного на обеспечение стабильных и благоприятных условий развития, как для себя, так и для других стран и народов;

9) главенствующей роли суверенных государств при принятии решений в сфере поддержания международного мира и безопасности (п. 18).

Обозначив позитивную программу, Концепция указывает и на источники угроз по отношению благоприятным изменениям в миропорядке, а именно:

– отказа ряда государств признавать реалии многополярного мира и договариваться на этой основе о параметрах и принципах мироустройства;

– их попытки сдержать естественный ход истории, устранить конкурентов в военно-политической и экономической сферах, подавить инакомыслие (п. 8).

Судя по их описанию – привыкшие мыслить согласно логике глобального доминирования и неокOLONиализма – ясно, что речь идет о США, Великобритании, странах ЕС и НАТО.

Препятствуя установлению справедливых международных отношений, страны Запада распространяют разрушительное воздействие при помощи противоправных методов:

– вмешательства во внутренние дела суверенных государств, применения санкций в обход

Совбеза ООН, провоцирования госпереворотов, вооруженных конфликтов, угроз, шантажа, манипулирования сознанием отдельных социальных групп и целых народов, информационных войн, навязывания деструктивных неолиберальных идеологических установок, противоречащих традиционным духовно-нравственным ценностям;

– оказания давления на ООН и другие многосторонние институты, предназначение которых искусственно обесценивается;

– подмены международного права концепцией миропорядка, основанного на правилах;

– злоупотребления своим доминирующим положением в экономических сферах, односторонних ограничительных мер и недобросовестной конкуренции;

– повышения роли фактора силы в международных отношениях (п. 8–11).

Заключение. Итак, мы видим, что Россия выбрала свой вектор развития. Сформулирована внешнеполитическая доктрина на XXI век, определены приоритеты развития и принципы отношения с внешним миром. И что самое главное, Россия осознала, с какими идеями и инициативами она может выйти к народам мира. Это, в первую очередь, идея международной справедливости в многополярном мире. Такой подход дает России возможности для успешного международного сотрудничества в мире. Ведь подавляющее львиная доля стран мира заинтересована в утверждении справедливости и мирного суверенного развития в международных отношениях, а значит им выгодно как укрепление отношений с Россией, так и упрочение ее позиций.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. URL : <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811>
2. Концепции внешней политики РФ 1993–2023 гг. / Сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск, 2023. URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_50481108_52979562.pdf
3. БРИКС объявила о расширении организации // Коммерсант, 24.08.2023. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/6174392>
4. Селезнёв И.А. Евразийская интеграция и межгосударственный конфликтный потенциал стран Центрально-Азиатского региона / И.А. Селезнёв // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28. № 1. С. 6–19.
5. Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году / Отв. ред. В.К. Левашов, Г.В. Осипов, С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 558 с.
6. Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году / Под. ред. В.К. Левашова. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 549 с.

7. Разрыв гегемонии: новое исследование строительства международного порядка и системы глобального управления в новую эпоху / Под общ. ред. А.В. Бредихина. М. : АНО ЦЭМИ, 2023. 126 с.
8. Галимзянова А.К. Взгляд Китая на многополярный мир / А.К. Галимзянова // Дипломатическая служба. 2023. № 1. С. 66–74.
9. Морозова В.С. Культурное измерение китайской концепции «сообщество единой судьбы» в проекциях глобального управления / В.С. Морозова, Т.В. Колпакова // Китай в год проведения XX съезда КПК. Сборник статей на основе докладов Ежегодной всероссийской научной конференции «Современное китайское государство». М. : ИКСА РАН, 2022. С. 197–206.
10. Морозова В.С. Концепция «сообщества единой судьбы человечества» как отражение социокультурной специфики внешней политики Китая / В.С. Морозова // Китайское государство на заключительном этапе построения «среднезажиточного общества». Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. М. : ИДВ РАН, 2020. 488 с.
11. Бобров А.К. Эволюция концептуальных основ внешней политики России и их реализация в российской дипломатической практике на современном этапе (1991–2019 гг.) : автореф. дис. ... канд.ист. наук. М. : МГИМО МИД РФ, 2020.
12. Богатуров А.Д. Три поколения внешнеполитических доктрин России / А.Д. Богатуров // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 1(13). URL : <http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/625/Bogaturov-13>
13. Гриндберг Р. О новой концепции внешней политики / Р. Гриндберг // Международная жизнь. 2012. № 11. URL : <https://interaffairs.ru/jauthor/material/767>
14. Крамаренко А. Идеология внешней политики современной России / А. Крамаренко // Международная жизнь. 2008. № 8. URL : <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1563>
15. Фомин М.В. Россия. Матрица социальной (не)стабильности / М.В. Фомин // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 8. С. 56–68.
16. Неймарк М.А. Три концепции – одна стратегия внешней политики России / М.А. Неймарк // Мир и политика. 2013. № 7. С. 112–126.
17. Россия в мировых конфликтах. Горизонт 2019 / М.В. Фомин, Д.Н. Волчков, М.А. Танасюк, П.А. Лузин, Ф.А. Басов, Е.А. Куцына // Рефлексивные процессы и управление. 2008. Т. 8. № 2. С. 5–29.
18. Неймарк М.А. Эволюция внешнеполитической стратегии России. М. : Проспект, 2020.
19. Гришина А.И. Концепция внешней правовой политики России / А.И. Гришина // Аллея науки. 2017. Т. 2. № 16. С. 702–706.
20. Исмаилов М.А. Концепция внешней политики РФ в разрезе правового обеспечения национальных интересов РФ / М.А. Исмаилов, С.М. Мусаев // Аграрное и земельное право. 2021. № 1(193). С. 55–56.
21. Гришаева Л.Е. Внешнеполитическая стратегия России: концептуальные основы / Л.Е. Гришаева // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 1(23). С. 220–237.
22. Сургуладзе В.Ш. Концепция внешней политики Российской Федерации – целеполагающий документ государственного стратегического планирования / В.Ш. Сургуладзе // Власть. 2017. Т. 25. № 1. С. 84–87.
23. Зарубина Е.В. Обновленная концепция внешней политики Российской Федерации / Е.В. Зарубина // Социально-гуманитарные наука и образование: новые подходы, проблемы, решения. Материалы Всероссийской национальной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2023. С. 58–63.
24. Зуев Н.А. Новая концепция внешней политики Российской Федерации: анализ основных положений / Н.А. Зуев // Вестник науки. 2023. Т. 1. № 5(62). С. 281–289.
25. Яковлев-Чернышев В.А. О расширительном значении концепции внешней политики российской федерации 2023 года для конституционного права России / В.А. Яковлев-Чернышев // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6(222). С. 140–142.
26. Париллов О.В. Концепция внешней политики Российской Федерации – правовая интерпретация евразийской идеологии / О.В. Париллов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 2(62). С. 37–42.
27. Сачко Г. Евразийство и концепция внешней политики современной России / Г. Сачко // Вестник Челябинского государственного университета. 2003. № 1(2). С. 46–55.

References:

1. Decree on the approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation. URL : <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811>
2. Concepts of the foreign policy of the Russian Federation 1993-2023 / Comp. D.V. Kuznetsov. Blagoveshchensk, 2023. URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_50481108_52979562.pdf
3. BRICS announced the expansion of the organization // Kommersant, 08/24/2023. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/6174392>
4. Seleznev I.A. Eurasian integration and interstate conflict potential of the countries of the Central Asian region / I.A. Seleznev // Nauka. Culture. Society. 2022. Vol. 28. № 1. P. 6–19.
5. The challenges of the pandemic and the strategic agenda for society and the state: socio-political situation and demographic situation in 2021 / Ed. V.K. Levashov, G.V. Osipov, S.V. Ryazantsev, T.K. Rostovskaya. М. : FNISTC RAS, 2021. 558 p.
6. Russian society and the state in the context of global multipolarity. The socio-political situation of Russia in 2022 / Edited by V.K. Levashova. М. : FNISTC RAS, 2023. 549 p.
7. Breaking hegemony: a new study of the construction of the international order and the system of global governance in a New Era / Under the general editorship of A.V. Bredikhin. М. : АНО TSEMI, 2023. 126 p.

8. Galimzyanova A.K. China's view of the multipolar world / A.K. Galimzyanova // Diplomatic Service. 2023. № 1. P. 66–74.
9. Morozova V.S. Cultural dimension of the Chinese concept of «community of one destiny» in projections of global governance / V.S. Morozova, T.V. Kolpakova // China in the year of the XX Congress of the CPC. Collection of articles based on the reports of the Annual All-Russian Scientific Conference «The Modern Chinese State». M. : ISSA RAS, 2022. P. 197–206.
10. Morozova V.S. The concept of the «community of the common destiny of mankind» as a reflection of the socio-cultural specifics of China's foreign policy / V.S. Morozova // The Chinese state at the final stage of building a «medium-income society». Materials of the annual scientific conference of the Center for Political Research and Forecasts of the IDV RAS. M. : IDV RAS, 2020. 488 p.
11. Bobrov A.K. Evolution of the conceptual foundations of Russia's foreign policy and their implementation in Russian diplomatic practice at the present stage (1991–2019) : abstract. dis. ... candidate of historical sciences. M. : MGIMO MFA of the Russian Federation, 2020.
12. Bogaturov A.D. Three generations of foreign policy doctrines of Russia / A.D. Bogaturov // International Processes. 2007. Vol. 5. № 1(13). URL : <http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/625/Bogaturov-13>
13. Grindberg R. About the new concept of foreign policy / R. Grindberg // International life. 2012. № 11. URL : <https://interaffairs.ru/jauthor/material/767>
14. Kramarenko A. Ideology of the foreign policy of modern Russia / A. Kramarenko // International life. 2008. № 8. URL : <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1563>
15. Fomin M.V. Russia. The matrix of social (non)stability / M.V. Fomin // World economy and international relations. 2010. № 8. P. 56–68.
16. Neymark M.A. Three concepts – one strategy of Russia's foreign policy / M.A. Neymark // Peace and politics. 2013. № 7. P. 112–126.
17. Russia in World conflicts. Horizon 2019 / M.V. Fomin, D.N. Volchkov, M.A. Tanasyuk, P.A. Luzin, F.A. Basov, E.A. Kutsyna // Reflexive processes and management. 2008. Vol. 8. № 2. P. 5–29.
18. Neymark M.A. Evolution of Russia's Foreign Policy strategy. M. : Prospect, 2020.
19. Grishina A.I. The concept of Russia's foreign legal policy / A.I. Grishina // Alley of Science. 2017. Vol. 2. № 16. P. 702–706.
20. Ismailov M.A. The concept of foreign policy of the Russian Federation in the context of legal support of national interests of the Russian Federation / M.A. Ismailov, S.M. Musaev // Agrarian and land law. 2021. № 1(193). P. 55–56.
21. Grishaeva L.E. Russia's Foreign Policy strategy: Conceptual foundations / L.E. Grishaeva // Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the World. 2020. № 1(23). P. 220–237.
22. Surguladze V.Sh. The concept of foreign policy of the Russian Federation – a goal-setting document of state strategic planning / V.Sh. Surguladze // Power. 2017. Vol. 25. № 1. P. 84–87.
23. Zarubina E.V. Updated concept of foreign policy of the Russian Federation / E.V. Zarubina // Social and humanitarian science and education: new approaches, problems, solutions. Materials of the All-Russian National Scientific and Practical Conference. Yekaterinburg, 2023. P. 58–63.
24. Zuev N.A. A new concept of the foreign policy of the Russian Federation: analysis of the main provisions / N.A. Zuev // Bulletin of Science. 2023. Vol. 1. № 5(62). P. 281–289.
25. Yakovlev-Chernyshev V.A. On the broad significance of the concept of foreign policy of the Russian Federation in 2023 for the constitutional law of Russia // Law and State: theory and practice. 2023. № 6(222). P. 140–142.
26. Parilov O.V. The concept of the foreign policy of the Russian Federation - the legal interpretation of the Eurasian ideology / O.V. Parilov // Legal Science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 2(62). P. 37–42.
27. Sachko G. Eurasianism and the concept of foreign policy of modern Russia / G. Sachko // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2003. № 1(2). P. 46–55.

Информация об авторе

Селезнёв Игорь Александрович
кандидат социологических наук,
доцент,
ведущий научный сотрудник,
Институт социально-политических ФНИСЦ РАН;
доцент социологического факультета,
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, Москва
seleznev@испи.рф
Author ID – РИНЦ: 7435
ORCID: 0000-0003-2862-9444

Igor A. Seleznev
Candidate of Sociological Sciences,
Assistant Professor,
Leading Researcher,
Institute of Socio-Political Studies FNISC RAS;
Associate Professor of the Faculty of Sociology,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov, Moscow
seleznev@испи.рф
Author ID – РИНЦ: 7435
ORCID: 0000-0003-2862-9444

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.030>

УДК 316

Attribution

cc by

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ ГОРОДА

Тужба Э.Н., Корсакова Л.В., Оплетаяева О.Н.

Кубанский государственный технологический университет

Аннотация. Актуальность. Урбанизация – это всеобъемлющий процесс усиления роли городов, городской культуры и образа жизни в развитии социума, охватывающий в территориальном аспекте и сельскую местность. В современном мире образ жизни городских жителей, определяет стандарты человеческого существования и именно поэтому город интересен в качестве объекта исследования. Город имеет прямое отношение к социологии, являясь, по сути, основой всего социального, полем функционирования всех сфер жизнедеятельности, где граждане реализуют свои способности и потребности. Цель работы состоит в исследовании теоретических предпосылок возникновения отраслевой социологии города; получении нового знания в области исследования социального пространства и рисков городской среды. Задачи: проанализировать первые теоретические исследования города, которые охватывали вопросы, связанные с причиной их возникновения, структурой и функциями; особенностями образа жизни населения и различных групп; факторами их развития и расширения. Выводы. К началу XX века в работах (К. Маркса, Ф. Энгельса, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Г. Зиммеля, Ф. Тённиса), были заложены основы в исследовании города, которые стали ориентирами последующих исследований. При всей важности и значимости работ предшественников, заложивших основы исследования городского пространства, возникновение отраслевой социологии города отправляет нас к Чикагской школе, которая будет рассмотрена нами далее, представители которой разработали два основных подхода (урбанистская экология и урбанизм как образ жизни, составляющих современную теоретико-методологическую основу исследования города.

Ключевые слова: социология города, городское пространство, урбанизация, мегаполис, глобализация, городская культура, социальные риски, субурбанизация.

THEORETICAL BACKGROUND OF THE EMERGENCE OF URBAN SOCIOLOGY

Emir N. Tuzhba, Lidia V. Korsakova, Olesya N. Opleteva

Kuban State Technological University

Annotation. Relevance. Urbanization is a comprehensive process of strengthening the role of cities, urban culture and lifestyle in the development of society, covering the countryside in the territorial aspect. In the modern world, the lifestyle of urban residents determines the standards of human existence and that is why the city is interesting as an object of study. The city is directly related to sociology, being, in fact, the basis of everything social, the field of functioning of all spheres of life, where citizens realize their abilities and needs. The purpose of the work is to study the theoretical prerequisites for the emergence of industrial sociology of the city; obtaining new knowledge in the field of research of social space and risks of the urban environment. Objectives: analyze the first theoretical studies of the city, which covered issues related to the cause of their occurrence, structure and functions; features of the lifestyle of the population and various groups; factors of their development and expansion. Conclusions. By the beginning of the 20th century, in the works of (K. Marx, F. Engels, E. Durkheim, M. Weber, G. Simmel, F. Tennes), the foundations were laid for the study of the city, which became guidelines for subsequent research. Despite the importance and significance of the works of predecessors who laid the foundations for the study of urban space, the emergence of sectoral sociology of the city sends us to the Chicago school, which we will consider further, whose representatives developed two main approaches (urban ecology and urbanism as a way of life, constituting modern theoretical and methodological basis for city research.

Keywords: sociology of the city, urban space, urbanization, metropolis, globalization, urban culture, social risks, suburbanization.

Введение. В современном мире образ жизни городских жителей определяет стандарты человеческого существования, и именно поэтому город интересен в качестве объекта исследования.

Город имеет прямое отношение к социологии, являясь, по сути, основой всего социального, полем функционирования всех сфер жизнедеятельности, где граждане реализуют свои способности и потребности. Он является местом сосредоточения финансов и власти, источником инноваций, духовного и культурного влияния.

На протяжении всей своей истории человечество проживало в сельской местности, в рамках аграрного общества. Еще в начале XIX века 97 % жителей Земли проживало в сельских поселениях в численном отношении редко превышавших 5 тыс. человек. В течение двух веков, уже к 2000 г. в мире сформировалось 254 города, с населением в 1 млн и более человек [1].

Сегодня существует более 400 городов-миллионников, которые различаются по своему характеру, культуре и истории. Если взять за основу фактор населения, то выделяют сверхкрупные города, превышающие 3 млн. чел.; крупнейшие – более 1 млн чел.; крупные – от 250 тыс. до 1 млн чел.), большие – от 100 до 250 тыс. чел.; средние – от 50 до 100 тыс. чел.; малые – менее 50 тыс. чел.

Урбанизация – это всеобъемлющий процесс усиления роли городов, городской культуры и образа жизни в развитии социума, охватывающий в территориальном аспекте и сельскую местность, определяя ее трансформацию – социальную, экономическую, демографическую и т.д. В результате, наблюдается стремительное развитие пригородов крупных городов – субурбанизация, сопровождающаяся внедрением некоторых городских условий и норм жизни в сельское поселение. Все это ведет к качественным изменениям сельской местности: увеличиваются несельскохозяйственные занятия сельского населения и маятниковая миграция; изменяется социально-профессиональная структура, образ жизни сельских жителей, уровень благоустройства.

Обсуждение. Результаты. Рост интереса к исследованию городской среды со второй половины XIX в. явился ответом на процессы урбанизации. Возникновение новых и развитие старых городов, увеличение их политической, экономической и культурной роли, способствовали оттоку населения из сельской местности в города, что вело к доминированию городского населения. В XX веке урбанизация обрела глобальные черты, в разных частях света стали возникать мегаполисы с большим количеством населения, и прогнозируется их дальнейшее расширение, что актуализирует развитие такого отраслевого направления, как социология города.

Первые современные теоретические исследования города охватывали вопросы, связанные с причиной их возникновения, структурой и функциями; особенностями образа жизни населения и различных групп; межличностной коммуникацией в условиях города; факторами их развития и расширения.

Одним из первых изучал жизнь в городе Дж. Кей-Шаттлуорт, которому принадлежит сбор и анализ количественных данных о нравственных и интеллектуальных характеристиках различных слоев населения с целью разработки решений в области социальной политики и социального управления; рекомендаций по улучшению санитарных условий жизни текстильных рабочих Манчестера [2].

В работах К. Маркса прослежена историческая связь материального производства, форм собственности, дифференциации и разделения труда с городской средой. На разных стадиях развития с изменением общественных отношений изменяется и роль города. Основатель диалектико-материалистического подхода к изучению общества проводит сравнительный анализ города и цивилизации, города и деревни. Индустриальный город у классика рассматривается в контексте исторического процесса, являясь ступенью на пути экономического развития и строительства социализма. Город как бы противопоставлен деревне, это место разрушения сельской традиционной жизни, место формирования «классового сознания», объединения рабочего класса для свершения социальной революции. Именно города выступают местом сосредоточения огромного количества рабочих и их эксплуататоров, полем классовой борьбы, достигающей именно здесь своего наивысшего проявления.

Э. Дюркгейм пишет: «Города всегда происходят от потребности, побуждающей индивидов постоянно находиться в максимально возможной близости друг к другу; они представляют, как бы точки, в которых социальная масса сжимается сильнее, чем в других местах». В своем анализе общества, Э. Дюркгейм воспринимает его не просто объединением людей, а как живой целостностью, состав которой определяется поведением индивидов и собственными законами развития. Общество рассматривается в качестве единого социального организма системы, элементы которой должны гармонизировать между собой ради сохранения целого.

«Города возникают от необходимости, стимулирующей людей находиться в близости друг к другу, в них социальная масса сжимается сильнее, чем в иных местах» [3, с. 241].

Общие нормы и ценности выступают основой взаимодействия экономики, государства, семьи и т.д., и на основе этих норм и ценностей происходит социализация индивидов. Во взаимодействии общества и личности важное значение имеет коллективное сознание. Коллективность

трактуются Э. Дюркгеймом, как «основной фактор социальности», естественное лоно жизнедеятельности людей. Основатель структурного функционализма, одного из основных направлений в современной социологической теории рассматривал индустриальное общество как структуру функциональных отношений.

Классик анализировал общества, основанные на механической (простые) и органической (сложные) солидарности. В первом случае, разговор идет о традиционном обществе, во втором – об индустриальном. Для традиционной солидарности специфично следующее: одинаковость сознания, которое подчинено коллективному сознанию; отношения между людьми непосредственны. Церковь и семья являются основными агентами социального контроля.

Органическая солидарность предполагает, что отношения между людьми строятся на основе выполняемых ими профессиональных функций, что люди отличаются, принадлежат к собственной сфере деятельности, обладают индивидуальным сознанием. Признавая важность и связывая надежды на усиление значения «органической солидарности», автор, тем не менее, выражает озабоченность тем, что переход от традиционного общества (основанного на механической солидарности) к индустриальному (основанному на органической солидарности), чреват разрушением традиционного социального контроля, усилением девиаций в поведении, социальной аномией. Как мы видим, в первом случае разговор идет об аграрных обществах, во втором – о городских. Тем не менее, Э. Дюркгейм полагает, что основой урбанизации и прогрессивного развития общества является профессиональное разделение труда. На этих позициях стоят и многие современные авторы, а некоторые идеи продолжают развитие в социологии города – городская среда как уплотнение пространства и интенсификации взаимосвязей и взаимодействий; городская среда как новая форма социокультурной интеграции, переход к обществу иного типа.

В 1845 году выходит работа Ф. Энгельса посвященная положению рабочего класса в Англии. Ф. Энгельс пишет: «Промышленная революция второй половины XVIII века в Англии, произвела переворот в гражданском обществе, способствуя развитию пролетариата.... До использования машин полный цикл производства ткани осуществлялся в рамках семейного производства, располагавшегося вблизи городов, а произведенная продукция продавалась. Материальное положение таких рабочих было значительно лучше, они не переутомлялись, имели возможность откладывать часть вырученных средств и арендовать небольшой участок земли, который обрабатывали в часы досуга.... Они в моральном и интеллектуальном отношении находились на уровне крестьян, который был выше, чем у городских жителей. Проживая по соседству с городами и не посещая их, они вели приличный образ жизни, регулярно посещали церковь, не

устраивали заговоров и превосходно уживались с привилегированным классом. В их среде отсутствовали и поводы к безнравственной жизни, поскольку по близости не было кабаков, притонов.... Машинное производство способствовало увеличению производительности, снижению цены на продукцию, что постепенно вело к исчезновению ткачей-земледельцев и превращению их в новый класс ткачей, не имевших собственности и существовавших только на заработную плату. Результатом явилось то, что меньшинство (капиталисты) богатели, а рабочий класс утратил всякую собственность, уверенность в заработке. Население росло очень быстро, и практически весь прирост приходился на рабочий класс. Аналогичные процессы наблюдались и в сфере ремесленного производства и торговли. На смену мастерам и подмастерьям пришли капиталисты и рабочие, а ремесло превратилось в фабричное производство.

В этом и состоят социальные риски города, о которых Энгельс не говорит прямо, хотя отмечает, что социальное положение масс местом концентрации которых выступают города, только ухудшается. Встает вопрос, как Энгельс объясняет возникновение больших городов, и какие факторы определяют их развитие.

Каждая вновь созданная фабрика, построенная в сельской местности, утверждает автор, потенциальный зародыш фабричного города. Когда фабрика не может обеспечить работой всех желающих, начинает падать заработная плата, что приводит к появлению новых фабрикантов (конкуренция) и поселок постепенно превращается в город. Чем больше город, тем лучше инфраструктура и его привлекательность для основания бизнеса, централизация собственности здесь достигает апогея, и тем последствия этого развития по отношению к рабочим проявлены наиболее определено. Большие города с их централизацией, скоплением огромного количества людей в одном пространстве умножают мощь, но и предполагают жертвы, которые обнаруживаются впоследствии.

Ф. Энгельс пишет: «Это обособленность, бесчувственное равнодушие каждого, преследующего только свои частные интересы человека, тем более оскорбительны и отвратительны, поскольку эти индивиды сосредоточены в ограниченном пространстве.... этот ограниченный эгоизм есть основной и всеобщий принцип нашего современного общества, и он больше всего просматривается в суесть большого города. Социальная война «всех против всех» провозглашена здесь открыто, и каждый воспринимает другого в качестве объекта эксплуатации» [4].

Таким образом, в работе Ф. Энгельса представлены закономерности капиталистической формы хозяйствования, рассматривается специфика промышленного переворота, приведшего к возникновению заводского пролетариата, и отмечен классовый антагонизм. Критика капитализма

основана на утверждении неизбежности образования армии безработных, периодического возникновения экономических кризисов, и усиления эксплуатации трудящихся в процессе расширения капиталистического производства, что, в конечном счете, вызовет волну возмущений и приведет к свержению существующего строя.

Идеи К. Маркса и Э. Дюркгейма, несмотря на то, что у них не было специализированных работ, посвященных городу, тем не менее, оказали значительное влияние на исследование города.

В зарубежной научной традиции накоплен большой опыт исследования городской среды, в результате сформировалось несколько теоретических подходов к анализу феномена городского пространства.

Согласно социологическому подходу, городская среда понимается как социальное пространство, динамическая система социальных взаимоотношений и коммуникаций, на которую возложена посредническая функция в формировании межличностных отношений. Город при социологическом ракурсе рассмотрения, это социальный институт обеспечивающий коммуникацию множества гетерогенных человеческих общностей и индивидов.

М. Вебер [5] не ограничивается определением понятия «город», предлагает собственную классификацию типов городов, показывает их отличия, выделяет факторы оказывающих влияние на формирование типа города. Он вводит в свою методологию категорию идеального типа, и предлагает любые процессы или общественные явления объяснять посредством отклонения от условно принятого идеала. Идеальный тип, это некая модель того, что отвечает интересам и полезна индивиду. Религиозные, моральные, политические и другие ценности и основанные на них нормы, правила и установки поведения и общежития могут выступать в качестве идеальных типов.

Главными показателями его системы выступают пространственные характеристики города, хозяйственные занятия, основа выживания населения, стратификационная корреляция между различными слоями, культура города, специфика управленческой деятельности, творческая деятельность, динамика эволюционных трансформаций характерных для городской повседневности.

Таким образом, город, это поле аккумуляции факторов, оказывающих влияние на его развитие, центр потребления и производства, специфика которых определяется сложностью социальной структуры. Товарно-денежные отношения выступают экономической базой города; причем, М. Вебер проводит различия между хозяйственной составляющей и административно-политической, так как в первом случае разговор идет о рынках и деньгах, а во втором об армии и крепостных сооружениях. В функциональном

отношении, Вебер выделил несколько принципов отличающих город от других населенных пунктов. Это безопасность, управление, торговля и обмен, разделение труда и промышленность способствующие эффективности общественного производства.

Г. Зиммель, в сравнительном анализе жизни в большом городе и сельской местности, отмечает социально-психологические риски, вызванные повышенной нервозностью городской жизни, возникающей от непрерывной смены впечатлений. Большой город порождает подобные психологические условия стремительным темпом, разнообразием хозяйственно-профессиональной и общественной жизни.

В сельской местности впечатления протекают равномерно, медленно в условиях привычного образа жизни, что требует меньшей затраты сознания. Этим и объясняется превосходство интеллектуального характера душевной жизни в больших городах в сравнении с сельской местностью, где требуется проявление души и чувственных отношений.

Большие города, будучи центрами обмена и финансового хозяйства, придали функции обмена такое значение, которое оно не могло достичь в сельской местности ввиду скудности обменных отношений. Денежное хозяйство и рассудочность находятся в тесной взаимосвязи, так как и первому, и второму свойственно деловое отношение к людям, при котором очень часто формальная справедливость сочетается с жестокостью и равнодушием. Противоположный характер людских отношений в сельской местности, где они проникнуты чувствами, а продукт производится для знакомого потребителя, большой же город живет производством для рынка для неизвестного потребителя, что приводит к формализации и обезличиванию отношений. Выражая явные симпатии сельскому образу жизни Г. Зиммель признает, что разнообразия и сложности жизни большого города, вызванные скоплением такой большой людской массы с дифференцированными интересами в ограниченном пространстве, предполагают именно такой порядок иначе неизбежно наступление полнейшего хаоса. Г. Зиммель пишет: «Жизнь большого города предполагает пунктуальность, точность, расчётливость, его сложность и пространственность находятся в тесной связи с его финансово-хозяйственным и интеллектуалистическим характером.... Факторы и условия, способствовавшие возникновению совершенно безличной формации, оказываю влияние, в то же время, на крайнее развитие ее индивидуальности» [6].

Ф. Тённис рассматривает город посредством анализа двух типов общественной организации, которыми являются социальная общность и общество. В своей типологии социальности он предлагает различать общинные отношения, где доминируют родственные и личные отношения и общественные, где доминируют формальные институты. Общинные отношения естественны, общественные искусственны; в случае

с общинными отношениями разговор идет о земле, территории, семейном праве; с общественными об имуществе, финансах, торговом праве. По его мнению, в исторической перспективе общественная социальность вытесняет общинную. Эти два типа социальности характеризуют как взаимоотношения людей, так и их отношение к социуму. В обществе целое возникает их частей, в общине социальное целое предшествует частям.

По мнению Ф. Тённиса, исследование города предполагает анализ функционирования города в качестве организма, выступающего неотделимой частью общности [7, с. 58].

В идеале, традиционное сельское общество Тенниса характеризуется следующими чертами:

- непосредственные взаимоотношения и контакты выступают главенствующей формой отношений;
- основой регулирования взаимоотношений выступает традиция, кровное родство, дружеские и соседские отношения;
- социальное положение индивида определяется полученным по родству статусом;
- «самость» функционирующая на основе личных убеждений и возникающая на этапе первичной социализации является субъектом социального действия.

В идеале, тип нового, городского общества характеризуется следующими чертами:

- безличные, специализированные отношения, основанные на расчете, выступают основной формой отношений;
- формальная деловая этика и нормативность выступают механизмами регуляции взаимоотношений индивидов;
- личные достижения, достигаемый статус – основа социального положения человека;

– субъектом социального действия выступает человек, действующий на основе формальной механической солидарности с другими членами общества и формальными организациями.

Заключение. Процесс урбанизации во второй половине XIX века спровоцировал рост научного интереса к исследованию городского пространства.

Развитие и расширение старых и возникновение новых городов, усиление их культурной, политической и экономической роли, способствовали оттоку населения из сельской местности в города, что вело к доминированию городов.

В XX веке урбанизация обрела глобальные черты, в разных частях света стали возникать мегаполисы с большим количеством населения, и прогнозируется их дальнейшее расширение, что актуализирует развитие такого отраслевого направления, как социология города.

Первые современные теоретические исследования города охватывали вопросы, связанные с причиной их возникновения, структурой и функциями; особенностями образа жизни населения и различных групп; межличностной коммуникацией в условиях города; факторами их развития и расширения.

К началу XX века в работах (К. Маркса, Ф. Энгельса, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Г. Зиммеля, Ф. Тённиса), были заложены основы в исследовании города, которые стали ориентирами последующих исследований.

При всей важности и значимости работ предшественников, заложивших основы исследования города, создание социологии города как отраслевой социологии отправляет нас к Чикагской школе, которая будет рассмотрена нами далее, представители которой разработали два основных подхода (урбанистская экология и урбанизм как образ жизни), составляющих современную теоретико-методологическую основу отраслевой социологии города.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Cohen R. Global sociology / R. Cohen, P. Kennedy. N.Y., 2007. P. 408.
2. Добренчиков В.И. История зарубежной социологии / В.И. Добренчиков, А.И. Кравченко. URL : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/dobr/14.php (дата обращения 17.04.2023).
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм; Пер. Л.Б. Гофмана. М. : Наука, 1991. 576 с.

4. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. URL : <http://www.agitclub.ru/front/eng/prolet03.htm> (дата обращения 22.05.2023).
5. Вебер М. Город // Вебер М. Избранное. Образ общества. М. : Юрист 1994. 704 с.
6. Зиммель Георг. Большие города и духовная жизнь. URL : <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim.html> (дата обращения 11.06.2023).
7. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб. : Владимир Даль, 2002. 452 с.
8. Вожжова А.В. Лидеры мнений в социальных сетях / А.В. Вожжова, Ю.В. Пупкова // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2017. № 6. С. 86–93.

References:

1. Cohen R. Global sociology / R. Cohen, P. Kennedy. N.Y., 2007. P. 408.
2. Dobrenkov V.I. History of foreign sociology / V.I. Dobrenkov, A.I. Kravchenko. URL : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/dobr/14.php (date of the application 04/17/2023).
3. Durkheim E. On the division of social labor. Method of sociology / E. Durkheim; Transl. L.B. Hoffman. M. : Science, 1991. 576 p.
4. Engels F. The situation of the working class in England. URL : <http://www.agitclub.ru/front/eng/prolet03.htm> (date of the application May 22, 2023).
5. Weber M. City // Weber M. Favorites. The image of society. M. : Lawyer 1994. 704 p.
6. Simmel Georg. Big cities and spiritual life. URL : <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim.html> (date of the application 06/11/2023).
7. Tönnies F. Community and society. Basic concepts of pure sociology. SPb. : Vladimir Dal. 2002. 452 p.
8. Vozhzhova A.V. Opinion leaders in social networks / A.V. Vozhzhova, Yu.V. Pupkova // Electronic network polythematic journal «Scientific works of KubSTU». 2017. № 6. P. 86–93.

Информация об авторах

Тужба Эмир Нодариевич

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
emirtu@yandex.ru

Корсакова Лидия Викторовна

кандидат философских наук,
доцент кафедры истории,
философии и психологии,
Кубанский государственный
технологический университет
likors@rambler.ru

Оплетаева Олеся Николаевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры истории,
философии и психологии,
Кубанский государственный
технологический университет
opleole@gmail.com

Emir N. Tuzhba

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor of the Department of Sociology,
Jurisprudence and Personnel Work,
Department of Sociology,
Kuban State Technological University
emirtu@yandex.ru

Lidia V. Korsakova

Candidate of Philosophy,
Associate Professor of the Department
of History, Philosophy and Psychology,
Kuban State Technological University
likors@rambler.ru

Olesya N. Opleteva

Candidate of Philosophy,
Associate Professor of the Department of History,
Philosophy and Psychology,
Kuban State Technological University
opleole@gmail.com

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.031>

УДК 316.33

Attribution

cc by

РАЗВИТИЕ УНИВЕРСИТЕТА КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Хрусталеv А.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

Аннотация. В настоящей работе проводится анализ развития университета как социального института в условиях цифровизации общества, что и определяет её актуальность. В рамках исследования была предпринята попытка рассмотреть цифровую трансформацию в высших учебных заведениях с социологической, административной и технологической точек зрения. В работе также представлена разработанная автором цифровая образовательная экосистема, на которую потенциально должны ориентироваться высшие учебные заведения для достижения устойчивого развития. По итогам анализа автором сделан вывод о том, что цифровизация учреждений высшего образования может радикально изменить саму суть образования как социального института и пространства для коммуникации, диалога и социализации, формирующего не только знания, но и социальные навыки индивидов, что особенно актуально в контексте протекающих процессов цифровизации общества.

Ключевые слова: система высшего образования; цифровые образовательные технологии; университет; цифровизация общества; экосистема.

DEVELOPMENT OF THE UNIVERSITY AS A SOCIAL INSTITUTION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF SOCIETY

Andrey A. Khrustalev

*Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation*

Abstract. This paper analyzes the development of the university as a social institution in the conditions of digitalization of society. Within the framework of the study, an attempt was made to consider the digital transformation in higher education institutions from a sociological, administrative, and technological point of view. The paper also presents a digital educational ecosystem developed by the author, which higher education institutions should potentially focus on to achieve sustainable development. Based on the results of the analysis, the author concludes that the digitalization of higher education institutions can radically change the very essence of education as a social institution and a space for communication, dialogue, and socialization, forming not only knowledge, but also social skills of individuals, which is especially relevant in the context of ongoing processes of digitalization of society.

Keywords: higher education system; digital educational technologies; university; digitalization of society; ecosystem.

Введение. Повсеместное внедрение цифровых технологий становится все более заметной чертой современного общества и занимает центральное место в популярном представлении о будущем такого социального института, как учреждения высшего образования. Социальная значимость цифровых технологий особенно остро стала прослеживаться благодаря широкому использованию цифровых образовательных ресурсов во время пандемии COVID-19, когда многие учебные заведения по всему миру были переведены на онлайн-обучение (что, в свою очередь, позволило им поддерживать учебный процесс без непосредственного контакта с учащи-

мися и снизить угрозу распространения инфекции) [1].

Таким образом, существующая идея относительно того, что цифровые технологии могут преобразовать всю систему образования, вновь активно продвигается (несмотря на их неоднозначную историю на сегодняшний день).

На протяжении многих веков университеты служили основным местом производства и распространения знаний. Конкурирующая экосистема, сосредоточенная в онлайн-пространстве (сети Интернет) и выполняющая ту же роль, что и эти

© Хрусталеv А.А.

институты, в последние десятилетия представляла существенную угрозу.

Возможность доступа к знаниям из любой точки мира больше не ограничивается академическими университетами: скорее, их можно найти на различных онлайн-платформах, в приложениях и веб-браузерах с открытым исходным кодом, что является отличительной чертой эпохи цифровых технологий.

Таким образом, цель настоящей работы заключается в проведении анализа развития университета как социального института в условиях цифровизации общества.

Результаты. Проведем ретроспективный анализ развития университета как социального института в условиях цифровизации общества.

Так, открытый университет Великобритании является пионером в сфере цифрового и обучения. Он был основан в конце 60-х годов XX века и изначально создан для того, чтобы дать мигрантам возможность получить образование. В рамках него, были протестированы различные модели обучения, и наиболее эффективной оказалась модель смешанного обучения, представляющая собой комбинацию онлайн-обучения и традиционного (очного) обучения [2].

В США дистанционное образование развивается, начиная с 1984 года, с момента создания Национального технологического университета Колорадо, объединяющего более 40 университетов на единой платформе. В настоящее время ведущие университеты (такие как Массачусетский технологический институт и ряд других) также придерживаются политики цифрового обучения и ежегодно создают свои онлайн-курсы.

Во многих других странах мира онлайн-образование реализуется открытыми университетами, которые финансируются государством с целью повсеместного распространения бесплатного образования. Каждый из них имеет свою специфику, обусловленную различными культурными, педагогическими и другими традициями [3]. Так, крупнейшие азиатские открытые университеты расположены в Пакистане, Китае, Индонезии и Индии, где актуальны проблемы перенаселенности и необходимости предоставления гражданам высококачественных образовательных услуг.

В то же время, традиционные университеты остаются лидирующими в мировых рейтингах по качеству образования. В таких университетах, как Массачусетский технологический институт или Оксфордский университет онлайн-образование является дополнительным, сопутствующим, но не заменяющим очное образование.

В свою очередь, в российской системе высшего и дополнительного образования формат цифро-

вого обучения реализуется во многом, как в дистанционной, так и в смешанной формах.

В настоящее время, в России цифровое обучение в системах высшего и дополнительного образования активно используется наряду с традиционным. Так, в сентябре 2015 года Ассоциацией «Национальная платформа открытого образования», учрежденной ведущими университетами (МГУ имени М.В. Ломоносова, СПбПУ, СПбГУ, НИТУ «МИСиС», НИУ ВШЭ, МФТИ, УрФУ и Университетом ИТМО), была разработана образовательная платформа «Открытое образование» (далее – Платформа) [7]. Данная Платформа предлагает онлайн-курсы по базовым дисциплинам, изучаемым в российских университетах. Все курсы, размещенные на Платформе, доступны без формальных требований к базовому уровню образования.

Образовательный процесс в рамках Платформы устроен таким образом, что онлайн-курс осваивается как программа дополнительного образования, реализуемая с применением исключительно электронного обучения. Как правило, еженедельно студенту предлагается прослушать лекции в формате видеозаписей и выполнить задания. В ходе обучения студент может выбрать удобный порядок просмотра лекций и выполнения заданий. Доступ к материалам и заданиям следующей недели обучающийся получает независимо от успешности и своевременности выполнения предшествующих заданий.

Однако если задания не выполняются в установленные сроки, баллы за их выполнение не начисляются. Для успешного прохождения онлайн-курса необходимо набрать определенное количество баллов. Если онлайн-курс успешно пройден, а финальные испытания проводились с применением технологий идентификации личности, то по окончании обучения выдается сертификат. Также, для желающих зачесть пройденный онлайн-курс при освоении образовательной программы бакалавриата или специалитета в вузе, предусмотрена уникальная для России возможность получения сертификатов.

Как нам представляется, подобный подход означает глобальную перестройку всей системы образования, радикально меняет ее природу и требует тщательного изучения данных процессов.

С одной стороны, стоит задача по обеспечению высокого качества цифрового обучения, а с другой – задача по обеспечению безопасности цифровой образовательной среды [4].

В связи с этим, важнейшей задачей, стоящей сегодня перед учреждениями высшего образования, является разработка безопасной информационно-коммуникационной образовательной среды, в которой студент был бы защищен от существующих информационных угроз и рисков для его здоровья, а также психики или мировоззрения.

В рамках настоящего исследования автором были представлены рекомендации, направленные на потенциальное воплощение рассмотренных выше целей на практике. Так, благодаря таким инструментам, как семинары TEDx, технологии виртуальной реальности и искусственный интеллект, которые позволяют студентам делиться своими взглядами и идеями, а также лучше понимать изучаемые дисциплины, цифровые технологии могут оказать влияние на улучшение условий обучения.

Согласно данным исследования Нетологии и партнёров (среди которых Агентство инноваций города Москвы, Data Insight, TalentTech и другие компании), проведенному в 2022 году, основные плюсы, которые потребители видят в онлайн-обучении: возможность учиться в удобное время –

53,1 % респондентов; возможность учиться из любой точки мира – 39,7 %; экономия времени и денег – 31,9 % [8].

Среди проблем онлайн-образования, согласно представленным в исследовании данным, потребители чаще всего называют: технические сбои – 36 %; часто нет контакта с преподавателем – 27 %; отсутствие мотивации и контроля без преподавателя – 22,7 %.

Также, по мнению участников опроса, наибольшим спросом в ближайшей перспективе будут пользоваться образовательные онлайн-программы и курсы для различных целевых аудиторий, а также – решения для создания собственного образовательного контента, что отражено на рисунке 1.

Рисунок 1 – Перспективные направления в рамках онлайн-образования

В целом, цифровые образовательные технологии помогают студентам развивать социальные навыки, лидерство и критическое мышление, которые необходимы для получения высокооплачиваемой работы в XXI веке [6].

Наряду с другими преимуществами, цифровые образовательные технологии предоставляет преподавателям доступ к инструментам, основанным на фактических данных (таким как тесты и модули), которые позволяют им оперативно оценивать успеваемость учащихся и вносить изменения в учебные программы по мере необходимости.

Также, должна быть создана определённая экосистема, которая будет интегрировать цифровые образовательные технологии для осуществления цифровой трансформации в учреждениях

высшего образования. Инновационная организационная структура и культура, а также - передовые цифровые образовательные технологии являются фундаментальными базами экосистемы. Схематично данная экосистема представлена на рисунке 2.

Подчеркнем, что цифровые образовательные технологии могут использоваться в различных формах обучения для вовлечения учащихся в образовательный процесс. Преподаватели могут использовать эти технологии для создания привлекательных цифровых решений непосредственно для повышения эффективности преподавания и обучения.

Однако эффективное онлайн-обучение в высших учебных заведениях требует значительного расширения инфраструктуры для поддержки

этих технологий. Ниже приведены некоторые широко используемые в настоящее время цифровые образовательные технологии:

– Системы управления обучением (Learning Management System).

- Синхронные технологии.
- Мультимедийные приложения.
- Приложения для совместной работы.
- Облачные технологии.

Рисунок 2 – Цифровая образовательная экосистема вузов

Обсуждение. Рассмотрение высших учебных заведений как социальных институтов, устанавливающих отношения между заинтересованными сторонами в рамках образовательного процесса, является относительно недавней моделью.

На самом деле, высшие учебные заведения используют цифровые технологии для того, чтобы улучшить то, как они выполняют свою текущую работу, попробовать что-то новое в создании ценностей, одновременно оцифровывая свои текущие процессы в свете новых требований рынка труда и растущих ожиданий студентов [5].

Но чтобы академические учреждения были успешными в условиях цифровизации общества, их модель образовательной и организационной среды должна быть выстроена таким образом, чтобы уметь действовать быстро и точно, эффективно создавать новые концепции и обеспечивать адаптируемые под новую реальность условия.

Иными словами, цифровые технологии должны привести к фундаментальным и всеобъемлющим изменениям в вузе, к которым следует подходить комплексно: с технологической, организационной и социальной точек зрения.

Руководители учреждений сферы высшего образования наиболее часто выделяют следующие четыре основные цели внедрения цифровых технологий в образовательный процесс:

- улучшить условия обучения для студентов;

- повысить эффективность преподавания образовательных программ,
- расширить компьютерные возможности для проведения передовых исследований;
- продвигать образовательные инновации.

Чтобы воплотить данные цели в действительности, руководство вузов, как правило, использует различных инструменты в рамках цифровой трансформации.

Отметим, что прежде, чем начать внедрять какую-либо цифровую образовательную технологию в своих кампусах, руководство ВУЗов должно оценить ее потенциальные результаты, проанализировать качество и стоимость. Им также следует обратить особое внимание на свою внутривузовскую технологическую инфраструктуру, чтобы понять, может ли она справиться с онлайн-образованием.

Заключение. Таким образом, в настоящем исследовании была предпринята попытка рассмотреть цифровую трансформацию в высших учебных заведениях с социологической, административной и технологической точек зрения. Рост числа научных публикаций является доказательством энтузиазма высших учебных заведений в достижении целей цифровой трансформации. Цифровая трансформация должна стать фундаментальным и всеобъемлющим изменением во всех высших учебных заведениях.

Подчеркнем, что социальные аспекты цифровой трансформации в высших учебных заведениях

выходят за рамки простого технологического прогресса и, вместо этого, вносят соответствующие коррективы в культурный контекст учебного заведения, его основополагающую деятельность, педагогические подходы.

Как нам представляется, цифровизация учреждений высшего образования может радикально изменить саму суть образования как социального института и пространства для коммуникации, диалога и социализации, формирующего не только знания, но и социальные навыки.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Бровкина А.А. Специфика субъекта образовательного процесса в условиях цифровизации общества / А.А. Бровкина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 7-2(46). С. 68–72.
2. Ключкова Е.Н. Трансформация образования в условиях цифровизации / Е.Н. Ключкова, Н.А. Садовникова // Открытое образование. 2019. Т. 23. № 4. С. 13–22.
3. Махалина О.М. Дистанционное онлайн-обучение: будущее образование в эпоху цифровизации / О.М. Махалина В.Н. Махалин // Экономика и социум. 2019. № 9(64). С. 397–402.
4. Охлупина О.В. Трансформация образования: возможные перспективы / О.В. Охлупина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21. № 1. С. 96–100.
5. Понизовкина И.Ф. Цифровизация высшего образования: перспективы и риски / И.Ф. Понизовкина // Право и практика. 2020. № 1. С. 194–202.
6. Синицына-Солодкая Е.В. Цифровизация и образование: проблемы и перспективы / Е.В. Синицына-Солодкая Ю.В. Мухлынкина // Позитив. Философские проблемы науки и техники. 2022. № 17. С. 134–141.
7. Образовательная платформа «Открытое образование» официальный сайт. URL : <https://openedu.ru/> (дата обращения 09.08.2023).
8. Исследование рынка онлайн-образования. Образовательная платформа «Нетология». URL : https://openedu.ru (дата обращения 09.08.2023).

References:

1. Brovkina A.A. Specificity of the subject of the educational process in the conditions of digitalization of society / A.A. Brovkina // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. № 7-2(46). P. 68–72.
2. Klochkova E.N. Transformation of education in the conditions of digitalization / E.N. Klochkova, N.A. Sadovnikova // Open education. 2019. Vol. 23. № 4. P. 13–22.
3. Makhalina O.M. Online distance learning: future education in the era of digitalization / O.M. Makhalina, V.N. Makhalin // Economy and society. 2019. № 9(64). P. 397–402.
4. Okhlupina O.V. Transformation of education: possible prospects / O.V. Okhlupina // News of Saratov University. A new series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2021. Vol. 21. № 1. P. 96–100.
5. Ponizovkina I.F. Digitalization of higher education: prospects and risks / I.F. Ponizovkina // Law and Practice. 2020. № 1. P. 194–202.
6. Sinitsyna-Solodkaya E.V. Digitalization and education: problems and prospects / E.V. Sinitsyna-Solodkaya, Yu.V. Mukhlynkina // Position. Philosophical problems of science and technology. 2022. № 17. P. 134–141.
7. Educational platform «Open Education» official website. URL : https://openedu.ru (date of the application 09.08.2023).
8. Online education market research. Educational platform «Netology». URL : https://openedu.ru (date of the application 09.08.2023).

Информация об авторах

Хрусталеv Андрей Александрович

аспирант
Института государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (РАНХиГС), г. Москва
khrust_a@bk.ru

Andrey A. Khrustalev

Postgraduate Student
of the Institute of Public Service and Management
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPА), Moscow
khrust_a@bk.ru

Научный руководитель –

Коростылева Наталья Николаевна

доктор социологических наук,
профессор кафедры управления персоналом
Института государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),
г. Москва
nn.korostyleva@igsu.ru

Scientific supervisor –

Natalia N. Korostyleva

Doctor of Social Sciences,
Professor of the Department of Personnel Management
of the Institute of Public Service and Management,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPА), Moscow
nn.korostyleva@igsu.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.042>

УДК 316.7

Attribution

cc by

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Цараинова А.М.¹, Мугутдинова А.Г.², Нурилова А.З.³

^{1,2}*Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)*, Махачкала, Россия,

³*Дагестанский государственный технический университет, Махачкала, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается политическая идентичность как форма социальной идентичности, что и свидетельствует о её актуальности. Вторичный анализ материалов социологического исследования показывает не востребованность в общественном сознании опрошенного дагестанского населения политического типа самоидентификации. Слабые позиции политической идентичности обусловлены аполитичностью респондентов, наличием высокого уровня недоверия республиканским политическим институтам. Для существования такой точки зрения в установках респондентов имеются объективные и субъективные причины. Эмпирика констатирует доминирование в общественном сознании городского населения республики патриотических воззрений, стремление отстаивать национальные интересы Российского государства, защищать его от внутренних и внешних угроз, что свидетельствует об ответственности за будущее страны и осознание важности поддерживать происходящие в современном российском обществе процессы. Основным источником получения информации о политической жизни и политических процессах современного российского социума для респондентов выступают электронные средства коммуникации (Интернет, социальные сети), что естественно для современного информационного общества.

Ключевые слова: гражданская позиция, городское население, дагестанское население, политическая идентичность, политическое участие, политические институты, политика, политические процессы.

POLITICAL IDENTITY OF THE URBAN POPULATION OF DAGESTAN IN THE STRUCTURE OF SOCIAL IDENTITY

Aisha M. Tsarainova¹, Aida G. Mugutdinova², Albina Z. Nurilova³

^{1,2}*All-Russian State University of Justice*

(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala, Russia,

³*Dagestan State Technical University, Makhachkala, Russia*

Abstract. The article considers political identity as a form of social identity. A secondary analysis of the materials of the sociological study shows the lack of demand for a political type of self-identification in the public consciousness of the Dagestani population surveyed. The weak positions of political identity are due to the apolitical nature of the respondents, the presence of a high level of distrust of republican political institutions. There are objective and subjective reasons for the existence of such a point of view in the attitudes of respondents. Empiricism states the dominance of patriotic views in the public consciousness of the urban population of the republic, the desire to defend the national interests of the Russian state, to protect it from internal and external threats, which indicates responsibility for the future of the country and awareness of the importance of supporting the processes taking place in modern Russian society. The main source of information about the political life and political processes of modern Russian society for respondents are electronic means of communication (Internet, social networks), which is natural for a modern information society.

Keywords: civic position, Dagestan population, political identity, political participation, political institutions, politics, political processes.

Введение. При исследовании социальной идентичности и типов ее существования, к сожалению, мало внимания уделяется политической идентичности, ее выраженности, определению

индикаторов ее воспроизводства, несмотря на то, что «выявляя детерминанты и тренды современных политических процессов, исследователи все чаще обращаются к понятию «идентич-

ность», дополняя институциональный анализ изучением социокультурных оснований политики» [1, с. 85].

По мнению И.С. Семененко, «концептуализация идентичности занимает заметное место в арсенале инструментов политического анализа. В большой мере такое приращение категориального аппарата политической науки объясняется расширением научного знания о политике и предметного поля исследований, самого понятия «политического» [2, с. 8].

Г.Г. Дилигенский в политической идентичности усматривает огромный потенциал, ибо «идентификация индивида с большой социальной группой является... мощным фактором политического выбора» [3, с. 282].

Вопросы: «Что такое политическая идентичность?», «В чем смысл и функция политической идентификации?», «Какова степень влияния политической идентичности на активность/пассивность населения и его политическое участие?», «Какие факторы влияют на формирование политической идентичности?» – далеко не полный перечень вопросов, требующих своего анализа. Разумеется, в рамках статьи доскональное их рассмотрение не представляется возможным.

Отечественные исследователи рассматривают политическую идентичность как «соотнесенность граждан с политическими институтами и их вовлеченность в политико-институциональное взаимодействие в рамках политической общности... Политическая идентичность индивида утверждается в ходе соотнесения собственных представлений о приоритетах общественного развития с идейными ориентирами и целями политических акторов. Такой выбор закрепляется средствами символической политики, которая вырабатывает разделяемые членами группы имиджи, знаки и ритуалы, создавая узнаваемые символические опоры политической идентичности больших сообществ» [4, с. 8].

Для О.В. Поповой политическая идентичность выступает «как частный случай социальной идентичности» [5, с. 13].

Таким образом, предметом исследования выступает политическая идентичность городского населения Дагестана, а также выявление факторов влияющих на формирование данного типа социальной идентичности.

Методика исследования. В статье использованы результаты социологического опроса М.М. Шабановой и Р.О. Рамазанова по изучению типов социальной идентичности и политических ценностей дагестанского населения. Опрос проведен в городах и районах Дагестана с учетом этнической специфики и политических предпочтений населения методом случайного отбора; авторами статьи осуществлен вторичный анализ эмпирического материала.

Обсуждение. Ранее было отмечено, что политическая идентичность является одним из типов социальной идентичности: «Чтобы адекватно ориентироваться в политическом пространстве, человек должен быть соотнесен с другими людьми по ряду параметров, указывающих на его позицию в этом пространстве. Проблема идентичности есть проблема ориентации, саморефлексии и самоопределения, с помощью которых индивид может позиционировать себя в социальном и политическом пространствах» [6, с. 85].

Результаты ответов на вопрос: «Кем Вы себя чувствуете на территории Дагестана?» показывают, что статистически небольшая доля респондентов обозначает важность единства «с людьми близких политических взглядов» (3,6 %), среди них в этническом разрезе 5,6 % опрошенных даргинцев, 7,0 % кумыков и 9,1 % чеченцев [7, с. 42].

О чем свидетельствуют приведенные данные? По мнению авторов, во-первых, о слабой позиции политической идентичности опрошенного населения, во-вторых, об их пассивном политическом поведении. Данное предположение подтверждается результатами другого исследования.

Как известно, индикаторами измерения политической идентичности выступают политические воззрения. Так, исследование Р.О. Рамазанова показывает характерную для опрошенного городского населения Дагестана аполитичность (33,8 %); и здесь можно согласиться с утверждением о том, что «политическое самоопределение, включая сознательно выбранную аполитичность, может происходить на фоне и под воздействием различных событий микро- и макроуровня, важная роль в интерпретации которых принадлежит СМИ» [8, с. 91].

Далее, одна пятая часть подчеркивает важность патриотических принципов (чувство любви, преданности и привязанности к своей стране), с повышением возраста и образования респондентов доля придерживающихся данной позиции увеличивается с 17,0 % в разрезе 15–19 лет до 23,0 % пенсионеров по возрасту, с 16,1 % имеющих среднее образование до 21,2 % с высшим образованием. По значимости демократические воззрения занимают третье ранговое место (18,3 %); далее 8,5 % респондентов подчеркивают близость социалистической, 7,3 % коммунистической, 6,6 % социал-демократической, 5,7 % либеральной идеологий; приверженцами консервативных воззрений являются 3,2 % опрошенных и 1,3 % ближе националистические идеи [9; 10].

Как известно, Дагестан является полиэтничным и полирелигиозным субъектом и множество факторов оказывает самое непосредственное влияние на сохранение межнациональной, религиозной, политической, экономической стабильности. Малейшее колебание в одной отдельно взятой сфере закономерно отражается на других, может

явиться катализатором дестабилизации ситуации в целом, провоцируют этноконфликты.

Российские исследователи ключевым положением демократического общества считают «активное участие граждан в общественной и политической жизни страны... Посредством такого участия представители различных групп и слоев населения выражают свой запрос на приоритеты общественного развития, включаются в управление общественными и государственными делами, влияют на принятие решений и осуществляют контроль за их исполнением» [11, с. 209].

Насколько активно дагестанское население? Эмпирический материал показывает, что одна вторая часть аполитична и не участвует в политической жизни не только Дагестана, но и в целом российского общества; при этом каждый четвертый опрошенный готов быть активным актором политического процесса, но препятствием выступает ряд причин, чаще связанных с экономическим положением претендента.

Логичным является кардинальное изменение политического поведения российского населения в целом, и дагестанцев, в частности. Появление множества политических партий в постсоветской России заметно изменило политическую карту страны; на стыке веков наблюдалась активная политическая деятельность людей, которые имели финансовые возможности для ведения политической агитации и предвыборной кампании. Появление на политической сцене постсо-

ветского российского общества одиозных политиков обусловило формирование в общественном сознании неприятия политики и политического процесса в целом, особенно на фоне роста недоверия избирательной кампании.

Заключение. Политическая самоидентификация является важнейшим компонентом политической системы и ее сформированность как осознание важности института государства и власти, играет заметную роль в сохранении стабильности, более того, определяет траекторию общественного развития [12; 13]. Современные реалии показывают, что кризис политической системы имеет далеко идущие негативные последствия для государственного устройства, что вполне способно разрушить его основы, спровоцировать противостояние и борьбу за власть. Вторичный анализ эмпирических исследований дагестанских социологов показывает, что в политическом пространстве республике происходят сложные и противоречивые процессы, при этом опрошенное городское население демонстрирует пассивное политическое поведение. В массовом сознании городского населения превалируют патриотические взгляды, как выражение чувства любви, преданности и привязанности Отчизне, с небольшой разницей демократические воззрения, подразумевающие активное участие населения в политической жизни. Огромное воздействие на политические предпочтения оказывают процессы глобализации и информатизации, широкое распространение социальных сетей и активность человека в них.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Шашкова Я.О. Особенности и механизмы политической идентификации населения Республики Алтай / Я.О. Шашкова, С.Ю. Асеев, Т.А. Асеева // Социологические исследования. 2017. С. 85–94.
2. Семенов И.С. Идентичность как предмет политического анализа // Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции / И.С. Семенов; Ред. сб.: И.С. Семенов (отв. ред.), Л.А. Фадеева (отв. ред.), В.В. Лапкин, П.В. Панов. М. : ИМЭМО РАН, 2011. С. 8–12.
3. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М. : Институт «Открытое общество», 1994.
4. Семенов И.С. Идентичность как предмет политического анализа // Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции / Ред. сб.: И.С. Семенов (Отв. ред.), Л.А. Фадеева (Отв. ред.), В.В. Лапкин, П.В. Панов. М. : ИМЭМО РАН, 2011. С. 8–12.
5. Попова О.В. Развитие теории политической идентичности в зарубежной и отечественной политической науке / О.В. Попова; Ред. сб.: И.С. Семенов (Отв. ред.), Л.А. Фадеева (Отв. ред.), В.В. Лапкин, П.В. Панов // Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции. М., ИМЭМО РАН, 2011. С. 13–29.
6. Шашкова Я.О. Особенности и механизмы политической идентификации населения Республики Алтай / Я.О. Шашкова, С.Ю. Асеев, Т.А. Асеева // Социологические исследования. 2017. С. 85–94.
7. Шаханова М.М. Этноконфессиональные и языковые процессы в городском пространстве современно-го Дагестана. Махачкала : АЛЕФ, 2022.

8. Барсукова С.Ю. Опыт участия молодежи в избирательных кампаниях и его влияние на их гражданскую позицию / С.Ю. Барсукова, А.В. Звягинцев, Л.С. Лаптиева // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 90–100.
9. Рамазанов Р.О. Политические ценности дагестанской молодежи / Р.О. Рамазанов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 1. С. 83–86.
10. Рамазанов Р.О. Доверие дагестанского населения политическим институтам / Р.О. Рамазанов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 3. С. 96–99.
11. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / Под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова. М. : Весь мир, 2017.
12. Гафиатулина Н.Х. Социальное здоровье и идентичность современной молодежи российского общества как фактор социальной безопасности / Н.Х. Гафиатулина // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. №1. С. 216–221.
13. The attitude of the indigenous population to external and internal migrants as the indicator of interethnic tolerance (the case of the south of Russia / M.M. Shakhbanova [et al.] // Contributions to Economics. 2020. P. 417–430.

References:

1. Shashkova Ya.O. Features and mechanisms of political identification of the population of the Altai Republic / Ya.O. Shashkova, S.Yu. Aseev, T.A. Aseeva // Sociological research. 2017. P. 85–94.
2. Semenenko I.S. Identity as a subject of political analysis // Collection of articles on the results of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference / I.S. Semenenko; Ed. sat.: I.S. Semenenko (ed.), L.A. Fadeeva (ed., ed.), V.V. Lapkin, P.V. Panov. M. : IMEMO RAS, 2011. P. 8–12.
3. Diligensky G.G. Socio-political psychology. M. : Institute «Open Society», 1994.
4. Semenenko I.S. Identity as a subject of political analysis / I.S. Semenenko; Ed. Collection: I.S. Semenenko (ed.), L.A. Fadeeva (ed.), V.V. Lapkin, P.V. Panov // Collection of articles on the results of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference. M. : IMEMO RAS, 2011. P. 8–12.
5. Popova O.V. Development of the theory of political identity in foreign and domestic political science / O.V. Popova; Ed. Collection: I.S. Semenenko (ed.), L.A. Fadeeva (ed.), V.V. Lapkin, P.V. Panov // Collection of articles on the results of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference. M. : IMEMO RAS, 2011. P. 13–29.
6. Shakhkova Ya.O. Features and mechanisms of political identification of the population of the Altai Republic / Ya.O. Shakhkova, S.Yu. Aseev, T.A. Aseeva // Sociological Research. 2017. P. 85–94.
7. Shakhbanova M.M. Ethnoconfessional and linguistic processes in the urban space of modern Dagestan. Makhachkala : ALEPH, 2022.
8. Barsukova S.Yu. The experience of youth participation in election campaigns and its impact on their civic position / S.Yu. Barsukova, A.V. Zvyagintsev, L.S. Laptieva // Sociological research. 2021. № 7. P. 90–100.
9. Ramazanov R.O. Political values of Dagestan youth / R.O. Ramazanov // Humanities, socio-economic and social sciences. 2023. № 1. P. 83–86.
10. Ramazanov R.O. Trust of the Dagestani population in political institutions / R.O. Ramazanov // Humanities, socio-economic and social sciences. 2023. № 3. P. 96–99.
11. Russian society and challenges of the time. The fifth book / Edited by M.K. Gorshkov and V.V. Petukhov. M. : The Whole world, 2017.
12. Gafiatulina N.Kh. The social health and identity of modern youth of Russian society as a social security factor / N.Kh. Gafiatulina // State and municipal administration. Scientific notes. 2019. No. 1. S. 216–221.
13. The attitude of the indigenous population to external and internal migrants as the indicator of interethnic tolerance (the case of the south of Russia / M.M. Shakhbanova [et al.] // Contributions to Economics. 2020. P. 417–430.

Информация об авторах

Цараинова Айша Магомедовна

преподаватель 1-ой категории
Северо-Кавказского института,
Всероссийский государственный университет
юстиции (РПА Минюста России), Махачкала
lekar_109@mail.ru
ORCID id: 0009-0004-9683-1200

Мугутдинова Аида Гаджиевна

преподаватель 1-ой категории
Северо-Кавказского института,
Всероссийский государственный университет
юстиции (РПА Минюста России), Махачкала
mag1380@yandex.ru
ORCID id: 0009-0007-0205-8141

Aisha M. Tsarainova

Teacher of the 1st Category North Caucasus Institute,
All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala
lekar_109@mail.ru
ORCID id: 0009-0004-9683-1200

Aida G. Mugutdinova

Teacher of the 1st category North Caucasus Institute,
All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala
mag1380@yandex.ru
ORCID id: 0009-0007-0205-8141

Нурилова Альбина Захарьевна
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Дагестанский государственный
технический университет, Махачкала
alnuza@mail.ru
ORCID id: 0009-0002-7751-4555

Albina Z. Nurilova
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Dagestan State Technical University, Makhachkala
alnuza@mail.ru
ORCID id: 0009-0002-7751-4555

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.038>

УДК 316.72: 659. 1/4

Attribution

cc by

ВОСПРОИЗВОДСТВО ЭКСТРЕМАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Шульгин А.С.

Государственный испытательный центр МО РФ

Аннотация. Актуальность. Как любой социальный феномен, экстремальность имеет отражение в массовой культуре, посредством чего транслируется в более широкие слои общества, тем самым расширяя рамки своего влияния. Являясь по сути замкнутой сферой, экстремальные субкультуры тем не менее получают выход на уровень всеобщего культурного слоя с помощью представленности в массовой культуре. Цель статьи состоит в анализе воспроизводства экстремальности по различным каналам трансляции массовой культуры. Одним из наиболее значимых каналов трансляции в массовой культуре выступают различные средства массовой информации. Задачи. Проанализировать отрицательные и положительные публикации, относящиеся к проявлению экстремальности. К отрицательным публикациям мы отнесем тот пласт информации, который обозначает негативные стороны проявления экстремальности – это, в первую очередь, сообщения о происшествиях, о неорганизованных стихийных выплесках экстремальности, свойственной чаще всего подросткам и незрелому хаотичному сознанию, не осознающему весь спектр последствий своих поступков. Выводы. Экстремальность в современной массовой культуре может воспроизводиться различными способами. Деятельность экстремалов из сферы профессионального спорта освещается регулярными средствами массовой информации – посредством публикаций в журналах, газетах и т.д. Одной из позитивных тенденций современного развития экстремальной сферы становится освещение «изнутри» проблемы осознанности и контроля над опасностью в экстремальной деятельности, что приводит к постепенному смещению в социальном мировоззрении акцентов с идеи риска в сторону идеи контроля над риском и профессионального, прагматичного подхода к осуществлению экстремальной деятельности.

Ключевые слова: массовая культура, экстремальность, социализация, самоидентификация, коммуникация, средства массовой информации, субкультура.

REPRODUCTION OF EXTREME IN MODERN MASS CULTURE

Alexander S. Shulgin

State Testing Center of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Abstract. Relevance. Like any social phenomenon, extremeness is reflected in popular culture, through which it is transmitted to wider layers of society, thereby expanding the scope of its influence. Being essentially a closed sphere, extreme subcultures nevertheless gain access to the level of the general cultural layer through representation in mass culture. The purpose of the article is to analyze the reproduction of extremeness through various channels of broadcasting mass culture. One of the most significant broadcast channels in popular culture are various media. Tasks. Analyze negative and positive publications related to the manifestation of extremeness. We will include as negative publications that layer of information that indicates the negative aspects of the manifestation of extremeness - these are, first of all, reports of incidents, of unorganized spontaneous outbursts of extremeness, most often characteristic of teenagers and an immature chaotic consciousness that is not aware of the full range of consequences of its actions. Conclusions. Extremeness in modern mass culture can be reproduced in various ways. The activities of extreme athletes from the field of professional sports are covered by regular media – through publications in magazines, newspapers, etc. One of the positive trends in the modern development of the extreme sphere is the coverage «from the inside» of the problem of awareness and control over danger in extreme activities, which leads to a gradual shift in the social worldview of emphasis from the idea of risk towards the idea of risk control and a professional, pragmatic approach to the implementation of extreme activities .

Keywords: mass culture, extremeness, socialization, self-identification, communication, media, subculture.

Введение. В разное время проблемами определения массовой культуры занимались такие ученые, как К. Ясперс, Ж. Бодрийар, П. Сорокин, О. Шпенглер и др. Сам же термин «массовая культура» был введен в 40-е гг. XX века исследователями М. Хоркхаймером и Д. Макдональдом и подхвачен представителями Франкфуртской социологической школы. Наибольшее осмысление феномен массовой культуры получил в трудах Х. Ортега-и-Гассета. Осмысляя в своих исследованиях поведение масс, он говорил о том, что «массовая культура представляет собой культуру массового человека, воспринимающего жизнь как поле наслаждений, убежденного, что общество и государство должны удовлетворять его желания» [1].

Стоит согласиться с тем, что, само по себе, явление массовой культуры неоднозначно. С одной стороны, общедоступность приводит к усредненности и стереотипизации, вызванной подстройкой к культурному уровню большинства, масс. С другой же стороны, именно массовая культура позволяет выводить на общедоступный уровень определенные закрытые идеи, тем самым, способствуя расширению поля возможностей отдельной личности. В настоящее время массовая культура крепко впаяна в повседневную жизнь индивида, поэтому отрицать ее тотальное влияние бессмысленно.

«Массовой культурой называют совокупность общемировых потребительских элементов культуры, производимых в больших объемах промышленным способом. Это – культура повседневной жизни, предоставленная большей части общества по самым разным каналам, включая средства массовой информации и коммуникации, с которыми она тесно связана. Поэтому содержание массовой культуры составляет продукция современного промышленного производства, кино, телевидение, книги, газеты и журналы, спорт, туризм и т.д.» [2].

Обсуждения. Результаты. Согласно современному теоретическому осмыслению сущности средств массовой коммуникации как транслятора массовой культуры, выделяют два основных подхода в определении типов их функционирования:

«1) человеко-ориентированный подход, суть которого в том, что люди, скорее, приспосабливают средства массовой коммуникации к своим нуждам и потребностям, чем средства массовых коммуникаций подчиняют себе людей. Сторонники человеко-ориентированного подхода исходили из того, что люди выборочно воспринимают поступающую информацию. Они выбирают ту часть информации, которая совпадает с их мнением, и отвергают ту, которая в это мнение не укладывается»;

2) медиа-ориентированный подход, который основывается на том, что человек подчиняется

действию средств массовой коммуникации. Они воздействуют на него как наркотик, которому невозможно сопротивляться» [3].

Феномен массовой культуры связан непосредственно с развитием средств массовой коммуникации, что подразумевает различные пути передачи информации в социальную сферу.

По этому критерию можно выделить три вида трансляции массовой культуры:

1) средства массовой информации, отличительной особенностью которых выступает регулярность их воздействия и фокусировка на определенных социальных группах. Сюда можно отнести газеты, журналы (в том числе сетевые), телевидение, радио, блогосфера и т.п.;

2) средства массового воздействия, которые имеют признаками нерегулярность воздействия, а также ориентированность на усредненного потребителя. Здесь основными видами актуализации выступают такие сферы, как кино, реклама, массовая литература, мода [4] и т.п.;

3) технические средства коммуникации, которые подразумевают непосредственное общение для передачи информации непосредственно от одного человека другому или группе лиц. Сюда относятся такие каналы, как интернет, телефон и т.п.

Используя вышеуказанную классификацию, рассмотрим, как воспроизводится экстремальность по различным каналам трансляции массовой культуры.

Одним из наиболее значимых каналов трансляции в массовой культуре выступают различные средства массовой информации. Здесь публикации, относящиеся к проявлению экстремальности, можно условно разделить на положительные и отрицательные. К отрицательным публикациям мы отнесем тот пласт информации, который обозначает негативные стороны проявления экстремальности – это, в первую очередь, сообщения о происшествиях, о неорганизованных стихийных выплесках экстремальности, свойственной чаще всего подросткам и незрелому хаотичному сознанию, не осознающему весь спектр последствий своих поступков. В качестве примера приведем несколько сюжетов.

Одними из наиболее опасных и ставших в последнее время популярными для обсуждения в том числе и в среде законоотворчества можно считать модные среди детей и подростков зацепинг и рупинг, которым посвящен ряд новостных материалов, как репортажного, так и аналитического характера. Тем не менее, экстремальность личности может проявляться и организовано, чему примером может служить экстремальный спорт, основными отличительными характеристиками которого можно считать более серьезный, прагматичный подход. Здесь цель четко и осознанно определена, и человек готов к посте-

пенному ее достижению, в том числе, и посредством осваивания спецснаряжения.

Стоит отметить, что изначально трансляция организованной экстремальной субкультуры началась с представления определенных аспектов экстремального спорта в журналах, посвященных классическим видам спорта, ввиду того, что сами экстремальные виды спорта, получая все большее распространение, постепенно актуализировались в форму официальных соревнований. Наиболее классические виды экстремального спорта, получившие официальное признание ранее всего, – различные соревнования по владению горными лыжами (прыжки с трамплина, слалом, фристайл), сноубордом, скалолазание, виндсерфинг и т.п. – регулярно освещаются в прессе, в первую очередь – посредством материалов о проводимых соревнованиях, а также обучающих аналитических инструкций для новичков. В качестве иллюстрации можем привести пример таких классических спортивных изданий (большинство из которых имеют как печатную, так и интернет-версию), регулярно освещающих спортивные соревнования, находящиеся на стыке классического и экстремального видов спорта, как газета «Спорт-Экспресс», «Спорт день за днем», журнал «Лыжный спорт», а также различные рубрики о новостях спорта, в том числе экстремальных, в общероссийских неспециализированных изданиях.

К тому же, в ряде спортивных изданий также отдельно уделяется внимание непосредственно экстремальным видам спорта. В качестве примера приведем рубрику в газете «Спорт-Экспресс» – «Экстремальные виды спорта», где представлены как большие по объему аналитические материалы и интервью, так и новостные заметки о текущих событиях в сфере экстремального спорта. Одним из постоянных ньюсмейкеров-экстремалов у российских журналистов выступает Федор Конюхов. В качестве примера можно привести следующие материалы: «Федор Конюхов: «Следующая цель – увидеть, как «закругляется земля» [5], «Кто помог Конюхову совершить подвиг?» [6], «Федор Конюхов: наперегонки с ветром» [7], «Оскар Конюхов: «Если шар снесет к госгранице, полет придется завершить» [8] (сын и менеджер Федора Конюхова) и т. д.

Таким образом, на примере этих материалов мы можем отметить, что официальная пресса наряду с отрицательным образом стихийного экстремального подростка, зачастую вовлекаемого в движения манипулятивными технологиями, актуализирует также и положительный образ человека, выражающего экстремальность своей личности посредством спортивных достижений, несущего ответственность за свои поступки, обладающего опытом, соответствующими техническими средствами и навыками максимального контроля над ситуацией, которая складывается в процессе достижения необходимого ему результата.

Отдельно можно отметить такой вид экстремального спорта, как виндсерфинг, и связанные с ним романтические образы моря и свободы. Так как экипировка здесь преимущественно подразумевает пляжные костюмы, то зачастую можно наблюдать тиражирование эротических образов, закрепляющих в воспринимающем сознании слияние этого вида спорта с эталоном физического здоровья и привлекательности. Закреплению такого же образа служит профессиональная кино- и телеиндустрия, которая представляет второй (нерегулярный) тип средств массового воздействия. Наиболее классические образы экстремального проявления личности в художественном кино, несомненно, принадлежат альпинистам, ввиду того, что данный вид проявления экстремальности на сегодняшний день выступает как древнейший вид борьбы человеческой личности со стихиями. Для русского кинематографа в качестве ключевого можно вспомнить один из самых первых советских кинофильмов про экстремальные проявления личности – «Вертикаль» (1967), одну из главных ролей в котором исполнил В. Высоцкий и который входит в список самых кассовых кинолент в СССР. Позже появились такие фильмы, как: «Смерть проводника» (1975), «K2: Предельная высота» (1991), «Касаясь пустоты» (2003), «Северная стена» (2008) и др. Изначально художественные фильмы про экстремальные проявления личности человека носили исключительно драматический характер, но уже позднее начали набирать популярность такие жанры, как боевик, приключения, а также молодежная комедия, в которые также стали включаться трюковые сцены, позаимствованные из различных экстремальных субкультур: паркур, серфинг, сноуборд, скейтбординг и т.д.

Отдельно стоит упомянуть такой жанр, как документальное кино и телепередачи. Появление кабельного и спутникового телевидения позволило создать ряд специализированных телеканалов, транслирующих исключительно передачи по тематике экстремального спорта. В 1999 году появился первый в мире телеканал, посвященный исключительно экстремальным видам спорта и адресованный любителям острых ощущений, – Extreme Sports Channel. «На канале Extreme Sports Channel в режиме non-stop транслируются программы о маунтинбайке, скейтбординге, BMX, серфинге, реслинге и многих других захватывающих видах спорта.

А в мае 2006 года начал вещание первый российский канал, посвященный исключительно тематике экстремального спорта – «Русский Экстрим».

Стоит отдельно сказать о том, что профессиональный экстремальный спорт представляет собой весьма затратное мероприятие в финансовом плане: сюда входит и дорогостоящее снаряжение, экипировка, логистические затраты (так как в большинстве случаев соревнования или установление рекордов происходит в труднодо-

ступных для транспорта местах), профессиональная фото- и видеосъемка (что зачастую является необходимым условием для доказательства достижений, а также для саморекламы с целью привлечения последующих финансовых потоков). Поэтому большинство экстремальных спортсменов, известных всему миру, имеют нескольких титульных спонсоров, которые финансируют их проекты.

Реклама также относится ко второй категории средств трансляции массовой культуры, которые характеризуются нерегулярным воздействием и усредненностью потенциального потребителя. Вполне логично, что основными торговыми брендами, пропагандирующими экстремальный спорт, выступают компании, специализирующиеся на выпуске спортивной одежды, снаряжения, а также менее явные в своей связи с экстримом – компании-производители энергетических напитков. Стоит отметить тот факт, что трансляция экстремальности в данном случае проявляется не только в виде включения в рекламные ролики трюков, выполненных профессионалами экстремального спорта. Также, повсеместно распространены такой формат пиар-кампаний, как организация всевозможных фестивалей, соревнований, а также спонсорства различных проявлений экстремальности.

Переходя к третьей группе средств коммуникации, позволяющих транслировать экстремальность в массовую культуру, стоит отметить, что на сегодняшний день она представляет собой все более влиятельную информационную силу. Речь идет о развитии технических средств, позволяющих людям со всего мира обмениваться информацией. Подобное общение более эффективно воздействует на человеческое сознание, так как представляет собой адресное обращение. В качестве основного инструмента, позволяющего лично общаться нескольким людям и группам людей, выступает, несомненно, глобальная сеть и все связанные с ней формы связи [9].

Особое распространение в современном мире получили так называемые социальные сети. И если поклонники экстремального спорта выступают более последовательно, что позволяет им функционировать в рамках специально созданных организаций, то поклонники стихийного выражения экстремальности (преимущественно подростки и неформальная молодежь) предпочитают личный опыт, который транслируют посредством социальных сетей, мессенджеров, свободных видеохостингов и т.п. инструментов интернет-общения.

Интернет предоставляет практически бесплатную возможность демонстрации своих экстремальных достижений. В случае профессионалов этот вопрос решается поиском спонсоров, которые финансируют техническую сторону – профессиональную фото-, видеосъемку, трансляция по определенным каналам коммуникации на

определенную широкую аудиторию. Любитель может позволить себе минимальные технические средства и относительно дешевый канал связи – Интернет. О востребованности подобной схемы косвенно можно судить о наличии огромного количества видеороликов на самом известном видеохостинге YouTube.

Недоступность (как финансовая, так и организационная) таких официальных каналов трансляции, как телевидение, традиционные и сетевые СМИ, приводит к тому, что бесплатные социальные сети, а также программы-мессенджеры, позволяющие создавать массовые группы и рассылки (Telegram, WhatsApp и т.п.), становятся основным средством адресного распространения экстремальной культуры.

Подстраиваясь под социальные тенденции, большинство соцсетей вводит такие форматы публикаций, как онлайн-трансляции, когда пользователь может в режиме реального времени делиться со своими онлайн-друзьями любыми своими действиями. Несомненно, для экстремалов-любителей такой формат является основной возможностью продемонстрировать миру свои подвиги. К тому же благодаря подобным трансляциям пользователь имеет возможность обрести определенный общественный резонанс, набрав большое количество просмотров, создав, таким образом, новостной повод, который впоследствии будет транслироваться уже официальными СМИ.

Заключение. Подводя итоги, мы можем отметить следующее:

1. Экстремальность в современной массовой культуре может воспроизводиться различными способами. Деятельность экстремалов из сферы профессионального спорта освещается регулярными средствами массовой информации – посредством публикаций в журналах, газетах и т.д. При этом все сильнее актуализируется идея инструментального применения экстрима для достижения сторонних целей. Наибольшее распространение получает экономическое измерение экстремальности (связывание отдельных торговых марок с идеей активной экстремальной деятельности, продажа спортивных товаров и снаряжения, предоставление услуг по обучению и т.д.), однако отмечается возможность и иных форм заинтересованности в развитии экстрима (например, приложение внешних по отношению к обществу политических интересов).

2. Существует несколько срезов освещения экстремальной активности в массовой культуре, что напрямую взаимосвязано с типами проявления экстремальности в обществе. К числу наиболее распространенных информационных сообщений относятся критические обзоры стихийного молодежного экстрима и аналитика связанных с ним деструктивных последствий, а также обзоры достижений экстремального спорта, что позволяет судить о полярности официальной прессы в освещении институционально оформленного и стихийного экстрима.

3. В качестве основных каналов продвижения самой идеи экстремальности и ее воплощения, в делах выступают телепередачи, трюковые номера из рекламных роликов, фестивали экстремального спорта, проводимые корпорациями спортивных и смежных групп товаров, а также информационные сообщения личного и публичного характера, опубликованные в сети Интернет.

4. Все более серьезную роль в современном обществе приобретают средства личностной и групповой коммуникации, используемые для распространения информации. Здесь мы можем наблюдать, как информация, предназначенная для не очень широкого круга друзей и подписчи-

ков определенной личности, переходит на уровень массовой трансляции, становясь новостным поводом для средств массовой информации, рассчитанных на широкий усредненный круг получателей.

5. Одной из позитивных тенденций современного развития экстремальной сферы становится освещение «изнутри» проблемы осознанности и контроля над опасностью в экстремальной деятельности, что приводит к постепенному смещению в социальном мировоззрении акцентов с идеи риска в сторону идеи контроля над риском и профессионального, прагматичного подхода к осуществлению экстремальной деятельности.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 119–154.
2. Грушевицкая Т.Г. Культурология / Т.Г. Грушевицкая, А.П. Садохин. М., 2010. 688 с.
3. Володина Л.В. Конструирование реальности средствами массовой коммуникации / Л.В. Володина // Российская массовая культура конца XX века. Материалы круглого стола. 04 декабря 2001 г. Санкт-Петербург. СПб., 2001.
4. Ильин А.Н. Мода как тенденция массовой культуры и ее влияние на человеческую субъектность / А.Н. Ильин // Вестник ОмГУ. 2009. № 2. С. 25–33.
5. Шамоноев О. Федор Конюхов: «Следующая цель – увидеть, как «закругляется земля» / О. Шамоноев // Спорт-Экспресс. 09 сент. 2016. URL : <http://www.sport-express.ru/extreme/reviews/fedor-konyuhov-sleduyuschaya-cel-uvidet-kak-zakruglyaetsya-zemlya-1042418>
6. Сомов Д. Кто помог Конюхову совершить подвиг? / Д. Сомов // Спорт-Экспресс. 05 авг. 2016. URL : <http://www.sport-express.ru/extreme/reviews/kto-pomog-konyuhovu-sovershit-podvig-1028363>
7. Шамоноев О. Федор Конюхов: наперегонки с ветром / О. Шамоноев // Спорт-Экспресс. 12 июля 2016. URL : <http://www.sport-express.ru/extreme/reviews/1020866>
8. Коняева Л. Оскар Конюхов: «Если шар снесет к госгранице, полет придется завершить» / Л. Коняева // Спорт-Экспресс. 07 февр. 2016. URL : <http://www.sport-express.ru/extreme/reviews/oskar-konyuhov-esli-shar-sneset-k-gosgranice-polet-prividetsya-zavershit-1214989>
9. Тужба Э.Н. Адаптационные возможности населения Абхазии / Э.Н. Тужба // Социологические исследования. М., 2010. № 10. С. 34–40.

References:

1. Ortega y Gasset X. Revolt of the masses / X. Ortega y Gasset // Questions of Philosophy. 1989. № 3. P. 119–154.
2. Grushevitskaya T.G. Culturology / T.G. Grushevitskaya, A.P. Sadokhin. M., 2007. 688 p.
3. Volodina L.V. Construction of reality by means of mass communication / L.V. Volodina // Russian mass culture of the late twentieth century. Round table materials. December 04, 2001. St. Petersburg. SPb., 2001.
4. Ilyin A.N. Fashion as a trend in mass culture and its influence on human subjectivity / A.N. Ilyin // Bulletin of Omsk State University. 2009. № 2. P. 25–33.
5. Shamonayev O. Fedor Konyukhov: «The next goal is to see how the earth curls» / O. Shamonayev // Sport-Express. 09 Sep. 2016. URL : <http://www.sport-express.ru/extreme/reviews/fedor-konyuhov-sleduyuschaya-cel-uvidet-kak-zakruglyaetsya-zemlya-1042418>
6. Somov D. Who helped Konyukhov accomplish the feat? / D. Somov // Sport Express. Aug 05. 2016. URL : <http://www.sport-express.ru/extreme/reviews/kto-pomog-konyuhovu-sovershit-podvig-1028363>
7. Shamonayev O. Fedor Konyukhov: racing with the wind / O. Shamonayev // Sport-Express. July 12, 2016. URL: <http://www.sport-express.ru/extreme/reviews/1020866>

8. Konyaeva L. Oscar Konyukhov: «If the balloon drifts to the state border, the flight will have to be completed» / L. Konyaeva // Sport-Express. 07 Feb. 2016. URL : <http://www.sport-express.ru/extreme/reviews/oskar-konyukhov-esli-shar-sneset-k-gosgranice-polet-bridetsya-zavershit-1214989>
9. Tuzhba E.N. Adaptation capabilities of the population of Abkhazia / E.N. Tuzhba // Sociological research. M., 2010. № 10. P. 34–40.

Информация об авторе

Шульгин Александр Сергеевич

кандидат социологических наук,
инженер-испытатель,
старший инструктор (испытатель парашютов)
отдела летных испытаний
Научно-испытательного управления,
Государственный испытательный центр МО РФ,
Московская область, г. Щелково
shulz49220@yandex.ru

Alexander S. Shulgin

Candidate of Sociological Sciences,
Test Engineer,
Senior Instructor (parachute tester)
Flight Test Department
Scientific Testing Department,
State Test Center of the Ministry
of Defense of the Russian Federation,
Moscow region, Shchelkovo
shulz49220@yandex.ru

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.003>
УДК 343.7

Attribution
cc by

К ВОПРОСУ О ЛОГИЧЕСКИХ СЛЕДСТВИЯХ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Агеев Н.В.

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

Аннотация. Актуальность данного исследования заключается в том, что в нем автором проводится систематизация подходов к вопросу о логических следствиях в расследовании преступлений. Цель: публикация посвящена основным направлениям выдвижения и значимости логических следствий при проверке следственных версий. Рассмотрены особенности выдвижения логических следствий по основным группам преступлений. Методы: методологическая основа исследования обусловлена диалектическим подходом, позволившим познавать взаимосвязанные с инициативной и логической деятельностью следователя. В ходе исследования использовались общенаучные (анализ, синтез, индукция и дедукция) и специально-научные (исторический, социологический) методы познания, а также метод контент-анализа. Результаты исследования: учитывая, что в современном обществе роль борьбы с преступностью качественным образом повышается, изучению формирования логических следствий в процессе расследования преступлений должно быть уделено повышенное внимание. Процесс современного расследования основывается на сложной методике, одним из центральных элементов которой является выдвижение вопросов и поиск ответов на них. В этой связи формирование логических следствий представляет собой важную стадию планирования расследования. Вывод. В свете сказанного роль выведения логических следствий очень велика – данная умозрительная деятельность освобождает следователя и оперативных работников, вовлеченных в расследование от целого комплекса заведомо безрезультатных, неэффективных действий.

Ключевые слова: деятельность по организации расследования, следственная версия, выведение логических следствий, логическая и умственная деятельность следователя.

TO THE QUESTION OF LOGICAL CONSEQUENCES IN THE INVESTIGATION OF CRIMES

Nikolay V. Ageev

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

Abstract. The relevance of this study lies in the fact that in it the author systematizes approaches to the issue of logical consequences in the investigation of crimes. Purpose: the publication is devoted to the main directions of the nomination and significance of logical consequences when checking investigative versions. The features of the nomination of logical consequences for the main groups of crimes are considered. Methods: the methodological basis of the study is due to the dialectical approach, which allowed to learn interrelated with the initiative and logical activities of the investigator. The research used general scientific (analysis, synthesis, induction and deduction) and special scientific (historical, sociological) methods of cognition, as well as the method of content analysis. Research results: considering that in modern society the role of combating crime is qualitatively increasing, the study of the formation of logical consequences in the process of investigating crimes should be given increased attention. The process of modern investigation is based on a complex methodology, one of the central elements of which is the nomination of questions and the search for answers to them. In this regard, the formation of logical consequences is an important stage of investigation planning. In light of the above, the role of deducing logical consequences is very great – this speculative activity frees the investigator and operatives involved in the investigation from a whole complex of obviously ineffective, ineffective actions.

Keywords: activities related to the organization of the investigation, the investigative version, deduction of logical consequences, logical and mental activity of the investigator.

Введение. Логические следствия – это мысли об обстоятельствах не только вызванных проверяемым событием, но и об обстоятельствах, нахо-

дящихся с проверяемыми событиями в какой-либо информационной связи. Это факты, явления, действия, вещественные доказательства,

© Агеев Н.В.

существование которых вытекает из выдвинутой версии.

Назначение следствий – подтвердить или опровергнуть версию. Следователь проверяет не саму версию, а обнаруживает те или иные следствия и через них доказывает правильность или ложность версии.

Понятие «логическое следствие» тесно связано с понятием «криминалистическая версия». Криминалистическая версия – это предположение следователя (либо иного участника расследования – например, оперативного работника) по существу расследования, основанное на тех или иных фактах, документах, криминалистической информации – предположение о том, кто является виновным, о ходе преступления и т.д. Т.е. в ходе выдвижения и проверки версий следователь старается дать вероятностную оценку еще не известных фактов, а также правдоподобно объяснить те обстоятельства, которые уже известны следствию.

Не всегда версию можно проверить эмпирическим путем. Более того, поскольку эмпирический путь проверки версий является весьма трудозатратным, требующим серьезных ресурсов, любая версия нуждается в предварительной проверке [6, с. 16].

В этой связи, важным способом проверки следственных версий является дедуктивный (умозрительный) путь – оно предполагает выдвижение из криминалистической версии одного или нескольких логических следствий.

Логическое следствие можно охарактеризовать как факты или обстоятельства, которые логически проистекают (следуют) из предположения, сформулированного следователем или оперативным работником (криминалистической версии). Т.е. логическим следствием можно назвать те или иные факты, которые выводятся из версии, и подтверждают либо опровергают ее.

Обсуждение. Можно сказать, что формирование логических следствий основано на механизме выведения частного из общего [9, с. 160]. Действительно, если версия обоснованная, в ее основе лежат истинные факты, то должны быть какие-то иные фактические данные и обстоятельства, которые подтверждали бы ее истинность.

Приведем пример простого логического следствия в криминалистике.

На место убийства прибыла следственно-оперативная группа. Было установлено, что жертва А. погиб в результате ножевого ранения, которое он получил во дворе, не дойдя до дома. Из опроса свидетелей было установлено, что А. некоторое время назад имел конфликт со своим соседом по лестничной клетке Б. Последний, будучи весьма неуравновешенным человеком, угрожал А. убийством.

Следственная версия: убийцей А. является Б.

Логические следствия:

– если убийцей является Б., то в момент совершения убийства, он находился во дворе дома;

– им могли быть оставлены биологические следы на трупе, следы обуви и т.д.;

– он мог неподалеку выбросить орудие совершения преступления (например, нож) и на данном орудии могли быть оставлены его отпечатки пальцев;

– его мог видеть кто-то из жителей дома, у самой сцены преступления могли быть свидетели и т.п.

Таким образом, надо установить:

– местонахождение Б. в момент совершения убийства;

– наличие следов подозреваемого на месте преступления;

– наличие орудия убийства и следов подозреваемого на нем и т.д.

Подобных логических следствий следует вывести как можно больше – они позволяют как можно полнее нарисовать картину преступления, сузить круг подозреваемых, повысить эффективность следственно-оперативной работы.

Таким образом, роль логических следствий при расследовании преступлений заключается в следующем:

1. Выдвижение логических следствий позволяет рационализировать процесс расследования, сделать его более последовательным и, соответственно, более эффективным.

2. Логические следствия позволяют выбрать наиболее оптимальный способ проверки криминалистической версии.

3. Выдвижение логических следствий позволяет выбрать наиболее оптимальный характер первоначального действия.

Логические следствия представляют собой важный инструмент на стадии планирования расследования и непосредственно расследования преступлений в различных сферах человеческой деятельности.

Рассмотрим особенности выдвижения логических следствий по основным группам преступлений.

1. *Расследование убийств.*

В делах об убийстве любое разрешение несоответствий должно происходить на основе под-

тверждаемых фактов и разумной логики. Основные версии и логические следствия в делах об убийствах формируются на основе осмотра места преступления, исследования трупа (патологоанатомического исследования) и опрос всех доступных свидетелей.

Типичные следственные версии по делам об убийстве [1, с. 140]:

1. Имело место действительно убийство, т.е. сознательное причинение смерти одному лицу другим лицом.
2. Убийства не было, смерть наступила по естественным причинам.
3. Имело место причинение смерти по неосторожности.
4. Имело место самоубийство и т.д.

К логическим следствиям по делам об убийстве можно отнести следующие факты: личные неприязненные отношения между виновным и его жертвой, хулиганство, месть, ревность, корыстные побуждения, а также стремление скрыть другое преступление или облегчить его совершение и т.д.

Ниже приведены несколько вопросов, которые являются фундаментальными для формирования логических следствий в делах об убийстве:

Есть ли у жертвы кто-нибудь, кто хотел бы, чтобы ее убили?

Есть ли у жертвы враги?

Почему жертва была найдена именно в данном месте?

Где жертва работает или часто бывает?

Какова общая репутация жертвы?

Рекомендации по проверке версий и логических следствий:

- Осмотрите тело;
- Проведите собеседование с присутствующими;
- Провести осмотр места преступления;
- Согласуйте с судебно-медицинским экспертом решение о причине и времени смерти;
- Свяжитесь с семьей, чтобы уведомить, идентифицировать и начать виктимологию;
- Продолжайте следственные действия с деловыми и социальными контактами жертвы;
- Координировать научную экспертизу вещественных доказательств и следов.

2. Дела об изнасилованиях.

По делам об изнасилованиях можно выделить несколько типичных криминалистических версий [3, с. 212].

- 1) изнасилование действительно было, и оно было совершено именно тем лицом, на кого показывает жертва;
- 2) имел место оговор – в действительности половое сношение носило добровольный характер;
- 3) полового сношения не было вовсе.

В первом случае из версии вытекают следующие логические следствия: насильник оставил в теле жертвы свои биологические следы, мог оставить на теле жертвы следы побоев, мог быть судим за аналогичные преступления, имеет психологическую предрасположенность к подобного рода деяниям и т.д.

Во втором и третьем случаи логическими следствиями будут факты вражды, мести, корыстного мотива и т.д.

Рекомендации по проверке версий и логических следствий:

- Неотложная медицинская помощь и судебно-медицинская экспертиза.
- Осмотр места преступления.
- Допросите свидетеля и свидетеля потерпевшего, если таковые имеются.
- Наладить продуктивные отношения с потерпевшим, свидетелем, если таковой имеется.
- Тактично провести виктимологическое расследование.
- Координировать научную экспертизу вещественных доказательств.

3. Имущественные преступления.

Имущественные преступления – это любые деяния, в результате которых происходит преступное завладение имуществом (денежные средства, движимое и недвижимое имущество). В эту категорию входят кражи, грабежи, разбои, растраты, мошенничества и любые другие виды незаконного завладения собственностью.

Типичные версии по делам об имущественных преступлениях [2, с. 211].

- 1) действительно имело место незаконное завладение чужим имуществом;
- 2) переход имущества от одного владельца к другому имел законный характер;
- 3) факта завладения чужим имуществом (перехода имущества от одного лица к другому) не было;

4) имел место оговор и т.д.

К типичным логическим следствиям из данных версий можно отнести следующие факты: незаконный переход имущества подтверждается документами, вещественными доказательствами, имели место умышленные действия, корыстный мотив и т.д.

Рекомендации по проверке версий и логических следствий:

– Опросить потерпевшего и свидетелей на месте происшествия.

– Провести осмотр места преступления и найти вещественные доказательства.

– Запросить аудит, оценку финансовых документов.

Таким образом, по разным группам преступлений логические следствия могут быть как общими, так и особенными.

Для того чтобы способ проверки следственных версий путем формирования логических следствий был эффективен, при его использовании должны соблюдаться следующие требования [7, с. 110]:

1) логические следствия должны допускать прямое сопоставление с фактами (непосредственное подтверждение опытом);

2) необходимо выводить возможно большее количество следствий;

3) при этом логические следствия должны быть разнообразными, находящимися в различных формах связи с версией;

4) следствия должны быть как можно более специфичными и редкими;

5) следствия должны быть как можно более конкретными;

6) логические следствия должны характеризоваться определенной степенью вероятности.

Одна из важнейших эвристических функций версий заключается в том, что она позволяет вывести многочисленные, разнообразные, редкие и специфические логические следствия, раскрывающие совершенно новые и подчас необычные (неожиданные) ее стороны и свойства.

Однако далеко не все логические следствия обладают признаками разнообразия, редкости, конкретности и специфичности. В связи с этим следователи не останавливаются лишь на выведении необходимых следствий, поскольку логическое развитие версий предполагает не только необходимое (дедуктивное) логическое следование, но и иные виды следования, в том числе и индуктивного. Поэтому следователь стремится вывести не только необходимые (дедуктивные, однозначные), но и многозначные (индуктивные, вероятностные) логические следствия. Следует специально отметить, что несмотря на дедуктивную форму вывода значительную роль в этом процессе играют индукция и аналогия.

Заключение. Логическое следствие можно охарактеризовать как факты или обстоятельства, которые происходят (следуют) из предположения, сформулированного следователем или оперативным работником (криминалистической версии). Т.е. логическим следствием можно назвать те или иные факты, которые выводятся из версии, и подтверждают либо опровергают ее.

Таким образом, выведение логических следствий из версий является обязательным элементом проверки версий. Знание основных видов логических следствий соответствует всесторонности и полноте расследования, и получению достоверных доказательств.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Белкин Р.С. Введение в методику отдельных видов преступлений. Криминалистика / Р.С. Белкин; Под ред. А.И. Винберга. М., 1959.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. М. : Юристъ, 1997.
3. Криминалистика: учебник / В. Пясковский, Ю.М. Черноус, А.В. Ищенко, А.А. Алексеев [и др.]. М. : «Центр учебной литературы», 2015.
4. Криминология / Под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. СПб. : 2013.
5. Криминалистика. Криминалистическая тактика / Под ред. профессора Р.С. Белкина и доцента Г.Г. Зуйкова. М. : ВШ МВД СССР, 1970. Т. 2.

6. Лузгин И.М. Построение и проверка версии при производстве расследования по уголовному делу / И.М. Лузгин // Вопросы криминалистики. 1963. № 8–9. С. 16.
7. Сергеев Н.И. Криминалистика. М. : Статут, 2017.
8. Тарасов-Родионов П.И. Криминалистика. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1952. Ч. 2.
9. Эйсман А.А. Логика доказывания. М. : Юрид. лит., 1971.

References:

1. Belkin R.S. Introduction to the methodology of CERTAIN types of crimes. Criminalistics / Ed. by A.I. Vinberg. M., 1959.
2. Belkin R.S. Course of criminalistics : in 3 vol. M. : Jurist, 1997.
3. Criminalistics : textbook / V. Pyaskovsky, Y.M. Chernous, A.V. Ishchenko, A.A. Alekseev [et al.]. M. : «Center of Educational Literature», 2015.
4. Criminology / Ed. V.N. Burlakova, N.M. Kropacheva. SPb., 2013.
5. Criminalistics. Criminalistic tactics / Edited by Professor R.S. Belkin and Associate Professor G.G. Zuikov. M. : Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1970. Vol. 2.
6. Luzgin I.M. Construction and verification of the version during the investigation of a criminal case / I.M. Luzgin // Questions of criminalistics. 1963. № 8–9. P. 16.
7. Sergeev N.I. Criminalistics. M. : Statute, 2017.
8. Tarasov-Rodionov P.I. Criminalistics. M. : State Publishing House of Legal Literature, 1952. Part 2.
9. Eisman A.A. Logic of proof. M. : Legal lit., 1971.

Информация об авторе

Агеев Николай Владиславович
кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики,
Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
nikolasbass@yandex.ru

Nikolay V. Ageev
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department of Criminalistics,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
nikolasbass@yandex.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.005>
УДК 343

Attribution
cc by

ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Апкаев Д.М., Зыков Д.А.

Владимирский юридический институт ФСИН России

Аннотация. Актуальность данного исследования заключается в том, что развитие мер профилактики и борьбы с коррупцией является одним из главных направлений в нашей стране. На сегодняшний день сформирована целая система мер, преимущественно состоящая из определенных запретов для кандидатов и действующих сотрудников правоохранительных органов. Вместе с тем, мы полагаем, что достижение существенного снижения коррупционных проявлений в системе правоохранительных органов невозможно лишь путем запретов и ограничений, ведь большое значение в рассматриваемом аспекте должны иметь и поощрительные меры, которых, к сожалению, ни так уж и много.

Проблем, связанных правоприменительной практикой противодействия коррупции в системе правоохранительных органов довольно много. Указанные проблемы связаны как с несовершенством законодательной базы, так и в целом с мировоззрением в нашей стране. Решение данных проблем должно носить комплексный характер, и основаться на успешном отечественном и зарубежном опыте противодействия.

Ключевые слова: коррупция, профилактика, общественная опасность, объект, правовое регулирование.

COUNTERING CORRUPTION IN THE LAW ENFORCEMENT SYSTEM

Damir M. Apkaev, Daniil A. Zykov

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Annotation. The development of measures to prevent and combat corruption is one of the main directions in our country. To date, a whole system of measures has been formed, mainly consisting of certain prohibitions for candidates and current law enforcement officers. At the same time, we believe that achieving a significant reduction in corruption manifestations in the system of law enforcement agencies is impossible only through prohibitions and restrictions, because incentive measures should also be of great importance in this aspect, which, unfortunately, are not so many.

There are quite a lot of problems related to the law enforcement practice of combating corruption in the system of law enforcement agencies. These problems are associated both with the imperfection of the legislative framework, and in general with the worldview in our country. The solution of these problems should be comprehensive and based on successful domestic and foreign experience of counteraction.

Keywords: corruption, prevention, public danger, object, legal regulation.

Введение.

Анализ современных социальных позиций на вопросы взяточничества является достаточно противоречивым. По данным Всероссийского центра исследования общественного мнения, подавляющее большинство граждан России отрицательно относятся к данному социальному явлению. Парадокс заключается в том, что такой же процент населения на вопрос: «Прибегли ли вы к решению конкретных вопросов посредством взяточничества?» ответили положительно [1].

Главная опасность коррупции состоит в подрыве авторитета органов государственной власти и

суверенитета страны, а также в повышении уровня социальной напряженности в обществе.

В качестве отдельной группы преступлений следует рассматривать коррупционные преступления сотрудников правоохранительных органов. Коррупционные преступления будут относиться к «профессиональным» преступлениям, т.е. к таким преступлениям, которые непосредственно связаны с исполнением сотрудниками своих профессиональных или служебных полномочий. Данные преступления совершаются при исполнении сотрудниками своих полномочий, как правило, в рабочее время или же вне его, но, когда виновный выполнял служебные обязанности

Особенностями криминологической характеристики преступлений сотрудников правоохранительных органов на сегодняшний день являются:

- чрезвычайно высокий уровень латентности;
- повышенная общественная опасность;
- взаимосвязь с правовым статусом сотрудника;
- умышленная форма вины и корыстная мотивация как основные характеристики субъективной стороны большинства деяний, а также связь преступной деятельности сотрудников с организованной преступностью, коррупционная направленность.

Режим секретности и недостаточность общественного контроля дает правоохранительным органам поддерживать кажущуюся видимость благополучия относительно состояния преступности в целом, и состояния законности в самих правоохранительных органах в частности [3].

Обсуждение.

Основными причинами коррупции в правоохранительных органах являются:

- несовершенство отдельных норм законодательства, регламентирующего деятельность системы правоохранительных органов, которые при правоприменении нередко создают условия для совершения коррупционных деяний;
- недостаточное антикоррупционное образование сотрудников правоохранительных органов;
- ненадлежащая воспитательная работа руководителей всех уровней;
- отсутствие надлежащего ведомственного контроля со стороны руководителей среднего звена;
- недостаточность принимаемых организационных, системных мер по противодействию коррупции.
- недостаточная прозрачность и закрытость при принятии руководителями ведомств, территориальных органов внутренних дел и их подразделений решений (кадровых, по премированию, государственным закупкам и т.д.);
- избыточная бюрократия и административные барьеры, которые в совокупности формируют негативные факторы, способствующие росту коррупционных проявлений.
- недостает системности и в предупредительно-профилактической работе. Приоритетом должны стать разработка и принятие превентивных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий коррупционных проявлений. При этом внимание должно быть сконцентрировано и на деятельности территориаль-

ных органов внутренних дел и местной полиции, поскольку именно они непосредственно контактируют с населением по широкому кругу вопросов;

- недостаточно внимания уделяется повышению правовой культуры граждан и заинтересованных групп, которые чаще всего контактируют с сотрудниками правоохранительных органов (водители автотранспорта, иностранцы, владельцы, объектов, по отношению к которым органы внутренних дел осуществляют контрольные и разрешительные функции и т.д.). Антикоррупционная пропаганда, в основном, ограничивается разовыми акциями и кампаниями, шаблонными выступлениями в средствах массовой информации, недостаточно задействовано интернет-пространство.
- наличие прямых контактов должностных лиц органов внутренних дел с населением при оказании государственных услуг, административном, уголовном производстве и уголовно-исполнительной деятельности, проводимых проверках.

Направления формирования антикоррупционного поведения государственных служащих в системе правоохранительных органов постоянно совершенствуются.

Анализ юридических норм, посвященных мерам противодействия коррупции в правоохранительных органах, позволяет сформулировать 4 направления формирования антикоррупционного поведения государственных служащих, которые включают:

- 1) антикоррупционные требования правового статуса государственного служащего – оптимизация прав и обязанностей, гарантий, ответственности с учетом особенностей вида деятельности и должностного положения (полномочий);
- 2) стандарт антикоррупционного поведения государственного служащего – установление для соответствующей области деятельности единой системы запретов, ограничений и дозволений, обеспечивающих предупреждение коррупции в данной области;
- 3) нравственные основы антикоррупционного поведения государственной службы – свод общих принципов профессиональной служебной этики и правил служебного поведения, которым рекомендовано следовать государственным служащим, не допуская коррупционно-опасного поведения;
- 4) юридическая ответственность государственных служащих за коррупционные правонарушения наступает в соответствии с законодательством Российской Федерации (уголовная, административная, дисциплинарная и гражданско-правовая).

Эти части объединены и не могут рассматриваться иначе. При этом совместить их в общем случае не получится, потому что каждое направление независимо от содержания и его нужно рассматривать по-разному.

С учетом первого направления, а именно, требования борьбы с коррупцией для того, чтобы государственный служащий жил, важно отметить, что доктрина государственного служащего основана на четком понимании прав и обязанностей государственного служащего в государственной службе и определение положения лица в общественной или семейной организации.

Государственные служащие являются одной из важнейших и необходимых функций государственной службы, выполняемой в системе государственного управления и регулируемой положениями Конституции. Фактически с введением закона начинается сотрудничество или кооперация государственных служащих.

Результаты.

Как мы видим, уровень государственной службы означает наделение полномочиями представителя, организации и управления или административно-хозяйственными функциями, насилие или разделение может привести к коррупционному преступлению. Отсюда вытекает актуальность и важность определения оптимальных пределов полномочий и процедур их реализации, минимизирующих коррупционную составляющую.

При рассмотрении направления антикоррупционного поведения на государственной службе следует иметь в виду, что принят общий кодекс поведения, основанный на соблюдении законности на государственной службе, соответствующий международным стандартам и требованиям. и основополагающие принципы национального права.

Наряду с указанными нормами, в государственных структурах действуют специальные антикоррупционные требования к поведению государственных служащих, установленные профилированными правовыми актами. К такой специфической группе государственных служащих относятся сотрудники органов внутренних дел и сотрудники полиции, входящей структурно в систему правоохранительных органов. Антикоррупционные нормы содержатся в Федеральном законе от 30 ноября 2011 г. № 343-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федеральном законе от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Принятые после серьезного и широкого обсуждения в СМИ и профессиональном сообществе законы, регламентирующие деятельность сотрудников системы МВД России, существенно изменили в лучшую сторону статус сотрудников ведомства, прежде всего, за счет конкретизации полномочий, более четкого опре-

деления правового статуса должностных лиц. Наряду с концептуальным изменением названия «милиция» на «полиция», в законе поставлена цель скорректировать приоритеты в деятельности этого правоохранительного органа, в которой главным является защита личности, общества, государства от преступных посягательств, соблюдая при этом законность, беспристрастность, открытость и публичность, обеспечивая, тем самым, общественную поддержку граждан к себе. Такой подход потребовал серьезного пересмотра прав и обязанностей сотрудников правоохранительных органов [1].

Проведенное исследование позволяет сделать нам вывод о том, что меры, направленные на противодействие коррупции в системе МВД можно условно разделить на:

1. Повышение профессионализма сотрудников органов внутренних дел. Указанная мера достигается за счет проведения различных повышений квалификации сотрудников органов внутренних дел.
2. Организация достойного денежного содержания сотрудников правоохранительных органов, а также мер социального обеспечения. Сюда стоит относить:
 - ежегодные оплачиваемые отпуска, а также оплата проезда до места проведения отпуска;
 - страхование жизни и здоровья сотрудника;
 - льготы для семей сотрудников;
 - предоставление жилища;
 - достойная пенсия по выслуге лет и многое другое.
3. Проведение антикоррупционной экспертизы правовых актов МВД России. Антикоррупционная рецензия произведенных нормативных законных действий МВД РФ ведется при прогнозе использования нормативных законных действий МВД РФ. Мониторинг использования нормативных законных действий МВД РФ ведется подразделениями основного аппарата МВД РФ в согласовании с их ответственности.
4. Принятие специальных требований к лицам, претендующим на занятие высоких должностей в системе МВД России. В частности, лица, которые претендуют занимать должности, где предусмотрен допуск к информации, составляющей государственную тайну, проходят специальную проверку в ФСБ России, а также в подразделениях собственной безопасности ОВД.
5. Создание нравственно и психологически устойчивого кадрового «ядра» путем повышения качества профессионального отбора для службы в правоохранительных органах.
6. Повышение роли воспитательной работы среди личного состава с целью укрепления за-

конности, обеспечения собственной безопасности. Указанной деятельностью занимаются как кадровые подразделения, так и непосредственное руководство отдельного подразделения.

7. Развитие института общественного и парламентского контроля за деятельностью правоохранительных органов, в т.ч., и на основе учета общественного мнения и оценки соответствующих материалов, имеющих в распоряжении соответствующих общественных и парламентских комиссий (советов).

8. Формирование и проведение законодательной процедуры независимой оценки и расследования фактов и материалов о коррупционных правонарушениях (проступках) в случае конфликта интересов между компетентными органами, ранее проводившими по данным фактам проверку или расследование.

9. Усиление контроля в решении вопросов, содержащихся в обращениях граждан и юридических лиц, что позволило бы снизить уровень латентности коррупционных преступлений.

Анализ юридической литературы и практики борьбы с коррупцией в системе ОВД позволяет констатировать факт существования ряда проблем, как правового регулирования, так и практического характера, которые не позволяют в полной мере реализовывать меры по борьбе с данным явлением.

Во-первых, на сегодняшний день не до конца сформирована законодательная база, являющаяся основой для противодействия коррупции в правоохранительных органах. До сих пор нет единого приказа, который отдельно регулировал вопросы профилактики и противодействия коррупции на уровне правоохранительных органов. Указанные факты, безусловно, ведут к тому, что коррупция в системе правоохранительных органов остается на высоких показателях.

Кроме того, нет единой практики применения уголовного закона в части квалификации коррупционных преступлений. Вопросы квалификации взяточничества, по нашему мнению, будут актуальны до тех пор, пока будут иметь место в современном обществе коррупционные преступления.

Взяточничество, как справедливо отмечено многими, является одним из наиболее опасных коррупционных преступлений. Взяточничество и коррупция в целом наносят весомый ущерб росту экономики и социальной стабильности государства, значительно уменьшая поступления в бюджеты различных уровней, вытесняют с рынка честных конкурентов и снижают степень доверия населения к органам власти, а также представителям социальных и финансовых структур.

Составы преступлений, предусмотренные статьями 290 и 291 УК РФ, с точки зрения их построения являются уникальными, поскольку каждое из

них содержит в себе часть единого преступного механизма, и существовать такие преступления раздельно друг от друга в классическом их виде просто не могут.

Определенную своеобразность добавляет также такой элемент уголовного законодательства как посредничество во взяточничестве, условно представляющий собой выделенную в отдельную статью форму соучастия в преступлении дачи-получении взятки. Появление данных норм, по нашему мнению, обусловлено актуальностью данной формы поведения лиц, которые оставались безнаказанными до определенного момента.

Также, результатом определенных переосмыслений законодателем общественных и государственных потребностей стало появление норм о мелком взяточничестве, появление которого следует расценивать как уголовно-правовые меры, направленные на достижение общемировых тенденций индивидуализации и дифференциации наказания, и в целом – демократизации уголовного законодательства.

Казалось бы, столь обширное развитие института о взяточничестве нивелирует все возможные практические и теоретические проблемы. Однако можно констатировать, что при рассмотрении конкретных вопросов о взяточничестве, нами было выявлено большое количество частных проблем квалификации действий лиц по данным составам преступлений.

Указанные противоречия и проблемы, имеющие место в практической судебной и следственной практике, а также в действующем законодательстве в сочетании с тонкостями и несовершенством российского процесса доказывания, представляют собой серьезную проблему привлечения должностных лиц к уголовной ответственности.

Изложенное не может положительно отражаться на борьбе с коррупцией в России, а только лишь способствуют прогрессу отрицательных тенденций, несущих разрушительные социальные последствия.

Общая проблема квалификации взятки в основном состоит из таких частных проблем как соотношение лица с должностным по признакам, установленным действующим уголовным законодательством, а также определение стоимостных характеристик предмета взятки.

В целом же, достижения уголовно-правового института о взяточничестве нами оцениваются как положительные попытки преодоления назревших проблем законодательства и вопросов привлечения должностных лиц к уголовной ответственности. Мелкое взяточничество, посредничество во взяточничестве – все это есть факт переосмысления законодателем традиционных взглядов на взяточничество. Безусловно, юридическая техника построения данных норм

находится не на самом высоком уровне, откровенно допущены логические ошибки, однако, в целом, применению института о взяточничестве данные юридические ошибки не мешают. При этом при должном уровне внимания они могут быть с успехом устранены.

Во-вторых, в ОВД не до конца сформировано нетерпимое отношение к коррупции со стороны правоохранительных органов. Кроме того, регулярно статус сотрудника оскверняется в медийном пространстве, что также влияет на уровень коррупции.

В-третьих, система выявления и пресечения коррупционных преступлений в нашей стране находится на очень низком уровне. Как правило выявляются преступления, совершенные рядовым и младшим начальствующим составом, более высокие ранги как правило остаются безнаказанными и совершают преступления на протяжении продолжительного периода времени.

В-четвертых, на сегодняшний день большая проблема – это кадровый вопрос. Казалось бы, она имеет опосредованный характер к проявлениям коррупционного поведения, вместе с тем, по нашему мнению, она напрямую связана с этим, так как нехватка кадров, способствует тому, что приходится брать на службу тех, кто есть и зачастую кандидаты не соответствуют предъявляемым требованиям, в том числе, и по устойчивости к проявлениям коррупции.

В-пятых, считаем, что правоохранительные органы не в должной мере взаимодействуют с другими органами и организациями по борьбе с коррупцией. В частности, это касается институтов гражданского общества.

Одним из условий для коррупционных проявлений является наличие взаимовыгодного контакта сотрудника полиции правоохранительных органов с гражданином, при оказании государственных услуг и выдаче разрешительных документов.

Для упрощения процедур и минимизации влияния в данных условиях человеческого фактора; на сегодняшний день перечень государственных услуг, оказываемых органами внутренних дел, максимально расширен посредством широкого использования автоматических систем обслуживания населения по принципу «одного окна».

Вместе с тем, автоматизация оказываемых услуг в полной мере не исключает контакт между представителем государственного органа и граждан, поэтому мероприятия, направленные на общий контроль и пресечение отдельных коррупционных проявлений необходимо проводить на постоянной основе.

Главными условиями эффективного и системного противодействия коррупции в правоохранительных органах являются прозрачность при

принятии решений, четкие в изложении и не сложные в применении нормативные правовые акты, меритократия в кадровой политике.

Необходимо создание условий, при которых использование служебных полномочий в корыстных целях будет невозможным.

Особая роль в противодействии коррупции отведена участию представителей гражданского общества, совместно с представителями, которых будут, осуществляется рейдовые мероприятия.

Анализ международного опыта и, в целом, ситуации с коррупцией в правоохранительных органах позволяет нам определить следующие направления совершенствования законодательства и практик с данным неблагоприятным явлением:

- формирование антикоррупционной культуры, образования и воспитания сотрудников правоохранительных органов;
- информационно-разъяснительная работа на антикоррупционную тематику с заинтересованными группами населения;
- выработка системных мер по предупреждению и профилактики коррупции посредством проведения анализа коррупционных рисков и антикоррупционного мониторинга;
- оперативная работа, направленная на выявление и пресечение конкретных коррупционных правонарушений.

Заключение.

Подводя итоги, следует отметить, что проблем, связанных с правоприменительной практикой противодействия коррупции в системе правоохранительных органов, довольно много. Указанные проблемы связаны как с несовершенством законодательной базы, так и, в целом, с правовым образованием населения в нашей стране.

Решение данных проблем должно носить комплексный характер и основаться на успешном отечественном и зарубежном опыте противодействия коррупционным преступлениям со стороны правоохранительных органов.

В целом же, мы считаем, что, хотя борьба с коррупцией и, в том числе – с взяточничеством, является достаточно тяжелой и кропотливой работой, она все-таки возможна. Такая деятельность представляет собой целый комплекс решений и мер различного характера, которые сформулированы в основных государственных программах и программах субъектов РФ по борьбе с коррупцией и взяточничеством. Комплексность решений по борьбе с коррупцией обусловлена комплексом причин, определяющих её уровень и состояние.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Булавин С.П. Правовой статус сотрудника полиции / С.П. Булавин, В.В. Черников // Административное право и процесс. 2011. № 9. С. 2–11.
2. Коррупция в России. Мониторинг. URL : <https://wciom.ru> (дата обращения 03.08.2023).
3. Тамазов Э.И. Латентность коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка / Э.И. Тамазов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5(71). № 1. С. 336–344.

References:

1. Bulavin S.P. The legal status of a police officer / S.P. Bulavin, V.V. Chernikov // Administrative law and process. 2011. № 9. P. 2–11.
2. Corruption in Russia. Monitoring. URL : <https://wciom.ru> (date of the application 03.08.2023).
3. Tamazov E.I. Latency of corruption crimes committed by employees of internal affairs bodies in the field of public order protection / E.I. Tamazov // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2019. Vol. 5(71). № 1. P. 336–344.

Информация об авторах

Апкаев Дамир Маратович
старший преподаватель
кафедры уголовного права и криминологии
юридического факультета
Владимирского юридического института
ФСИН России, г. Владимир
damirrrhan@mail.ru

Зыков Даниил Алексеевич
кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
публично-правовых дисциплин
Владимирского юридического института
ФСИН России, г. Владимир
daniilzykov@mail.ru
ORCID 0000-0001-8607-0023

Damir M. Apkaev
Senior Lecturer of the Department of Criminal Law
and Criminology of the Faculty of Law
of Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir
damirrrhan@mail.ru

Daniil A. Zykov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Public Law Disciplines
of Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia
daniilzykov@mail.ru
ORCID 0000-0001-8607-0023

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.006>
УДК 340.114:340.023

Attribution
cc by

ЧТО ВЛИЯЕТ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ ГРАЖДАН СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?

Волик К.Б., Мартыненко Б.К.

*Северо-Кавказский филиал, Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Российский государственный университет правосудия, г. Краснодар*

Аннотация. Актуальность данного исследования заключается в том, что его авторы проводят анализ факторов, влияющих на формирование правосознания и правовой культуры граждан современной России. Цель: авторы статьи ставят перед собой задачу эмпирически проанализировать комплекс причин, влияющих на формирование и состояние правового сознания граждан сегодняшней России. Особенное внимание уделено семье, молодежи, подростящему поколению. Авторы ставят вопрос о негативном влиянии «Интернета», так как довольно часто в нём размещается недостоверная информация, которая не соответствует действительности. И не случайно в зону риска попадает молодое поколение. Оно не имеет еще выработанного опыта критического осмысления и анализа получаемой информации. Методы: методологическая основа исследования обусловлена диалектическим подходом. В ходе исследования использовались общенаучные (анализ, синтез, индукция и дедукция) и специально-научные (исторический, социологический) методы познания. Выводы и заключения: материалы публикации могут быть использованы для дальнейшего критического осмысления причин, влияющих на формирование правового сознания и правовой культуры, позволяет корректировать государственную политику по правовому воспитанию граждан.

Ключевые слова: регулятор поведения, правосознание, правовая культура, молодежь, семья, элементы, причины, связь, задачи, анализ, искажение правосознания, религия, правовое воспитание.

WHAT INFLUENCES THE FORMATION OF LEGAL AWARENESS AND LEGAL CULTURE OF CITIZENS OF MODERN RUSSIA?

Ksenia B. Volik, Boris K. Martynenko

*North Caucasus Branch, Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education Russian State University of Justice, Krasnodar*

Abstract. The relevance of this study lies in the fact that its authors analyze the factors influencing the formation of legal awareness and legal culture of citizens of modern Russia. Purpose: the authors of the article set themselves the task of empirically analyzing the complex of reasons that influence the formation and state of the legal consciousness of citizens of today's Russia. Particular attention is paid to the family, youth, the younger generation. The authors raise the issue of the negative impact of the «Internet», as quite often it contains false information that does not correspond to reality. It is no coincidence that the younger generation is at risk. It has not yet developed the experience of critical reflection and analysis of the information received. Methods: the methodological basis of the study is due to the dialectical approach. In the course of the study, general scientific (analysis, synthesis, induction and deduction) and special scientific (historical, sociological) methods of cognition were used. Conclusions and Conclusions: The materials of the publication can be used for further critical understanding of the reasons influencing the formation of legal consciousness and legal culture, allows you to adjust the state policy on the legal education of citizens.

Keywords: behavior regulator, sense of justice, legal culture, youth, family, elements, causes, connection, tasks, analysis, distortion of sense of justice, religion, legal education.

Введение.

Правосознание это по своей сути регулятор поведения в праве. Чем это объясняется?

Во-первых, оно отражает и позволяет осмыслить гражданину всевозможные явления социальной действительности, в том числе, что особенно важно, практическое участие индивидов в сфере жизнедеятельности права.

Во-вторых, оно всегда сказывается на действиях граждан.

В-третьих, всегда влияет на мотивы, используемые гражданами по акцептации конкретных решений.

В-четвёртых, оно коренным образом захватывает нужды человека. При этом, вызывая у него конкретные эмоции, обусловленные эмоционально-волевой связью с фактами и метаморфозами социально-правовой реальности.

Однако не следует забывать, что одно и то же, по сущности, правосознание, вместе с тем, разное по характеру переживания и экспансивной направленности, воздействует отнюдь не одинаково на поступки гражданина и всю его последующую практику [6, с. 70].

Несомненно, правосознание выступает как ипостась возраста. Ведь оно вырабатывается на протяжении всей жизни человека. Конечно же, только появившийся на свет ребенок правосознанием не располагает. Правосознание складывается у личности в процессе социализации [5, с. 300].

В тоже время, нормативно-оценочная грань правосознания охватывает и консервативные элементы. И эти элементы, в процессе своего эволюционирования, вполне могут отставать от задач, возникающих перед общественным субъектом. В роли таких элементов могут выступать как сами общественные обыкновения, так и обычаи правового типа. И здесь весьма важно отметить значительную величину персонального правосознания, что выступает как консигнатор, обеспечивающий развитие личности тогда, когда подавляющая часть людей примирились с таким блекаутом.

Обсуждение. Если обратиться к анализу существенных причин, обуславливающих метаморфизм вырабатывания правосознания, то следует подчеркнуть следующую мысль. Все эти причины – социальные, экономические, политические, психологические и т.п., создают довольно непростую систему аллелопатии социума и личности. И если они рассогласованы, то, следовательно, потенциально формируется отрицательное отношение к самому праву.

Симптоматическими причинами, воздействующие на вырабатывание правосознания следует обусловить зависимостью от количества субъектов.

Традиционно, к формальным источникам вырабатывания правосознания причисляют:

– во-первых, легислатуру власти и официальные лица, воздействующие на вырабатывание правосознания. Это воздействие осуществляется формируемой государственной политикой. И как результат этого воздействия – правотворческая и правоприменительная практика;

– во-вторых, организации образования, развивают правосознание через правовое обучение. Это и школа, и колледж, и вуз;

– в-третьих, средства массовой информации (СМИ) выступают как главный источник развития правосознания. Сюда же следует причислить и средства правовой пропаганды, что способствуют распространению идей права в социуме [3, с. 29–34].

К неофициальным же первопричинам, сказывающимся на развитии правосознания, следует причислить близкое окружение человека и религию.

Да, безусловно, колоссальное воздействие на развитие правосознания индивида оказывает его близкий круг общения. И наиболее существенными объектами при этом выступает:

а) взгляды большей части людей, то есть некое усредненное мнение социально-демографической общины, к которой относит себя человек. Речь идёт о положительном или отрицательном воздействии;

б) семья, где возникает и происходит метаморфоза социализации. Здесь мы говорим об источниках вырабатывания начал общественно адаптированного поведения. Именно в семье происходит привитие ребенку общественных смыслов связей [4, с. 36].

Религия также выступает фактором, влияющим на вырабатывание правосознания. Религия – это источник, не только правил религиозных, но и норм нравственных.

В тоже время, на деформацию индивидуального правосознания, наравне с условиями общественной среды, воздействуют и личностные качества человека и условия микросреды его окружения [7, с. 488].

Не менее существенным вопросом сегодняшнего дня выступает проблема роста уровня преступности среди молодежи. Зачастую, это связано с формированием явно завышенных потребностей, конфликтующих с невозможностью их размещения на законном основании. Зачастую, на эти процессы оказывают решающее давление, как прямое, так и косвенное, СМИ и ближайшее окружение [2, с. 167].

Следует отметить и появление новых причин, также существенно влияющих на правосознание граждан (в том числе и, особенно, молодежи).

И здесь на первое место выходят «Интернет» и, возникшие с его помощью, различные социальные сети. Сегодня уже не является секретом, что «Интернет» зачастую выступает в роли «всемирной информационной помойки». Сплошь и рядом, довольно часто в нём размещается недостоверная информация, которая не соответ-

ствуется реалиям жизни. И не случайно в зоне риска располагается молодое поколение. Оно не имеет еще выработанного опыта критического осмысления и анализа получаемой информации [9, с. 58–60].

Далее. Существенным обстоятельством выступает и влияние «звезд» – людей, популярных в обществе. К их мнению большая часть населения довольно активно принимает во внимание. Люди невольно усваивают чужие мнения и правовые установки. А это также сказывается на формировании их правосознания. Зачастую, в погоне за популярностью «селебрити» активно используют эпатаж. Тем самым, они, как бы, акцентируют свою свободу от социально полезного образа действия. Создавая по виду привлекательный образ героя, способного противопоставить себя закону, они фактически пропагандируют негативное поведение. А это также негативно сказывается на индивидуальном правосознании граждан.

Следующим обстоятельством, воздействующим особенно на правосознание молодых людей, выступает катастрофическое понижение общего уровня образования в результате пандемии COVID-19. Широко стали применяться дистанционные формы обучения. А как показала практика, они менее всего подходят для формирования личности в противовес традиционным формам овладения знаниями [9, с. 58]. Конечно, дистанционно можно передавать знания. Однако при этом не удаётся воспитать позитивную модель правомерную поведения.

Негативную роль в понижении уровня правосознания и патриотического воспитания молодежи сыграло утверждение в конце 1990 – начале 2000-е гг. новой доктрины образования. Согласно этой концепции, образование было причислено к сфере услуг. Сложилась ситуация, когда стало одинаково: что подстричься, что отремонтировать обувь, что получить образование. Учащийся стал выступать в роли потребителя этой услуги. Он стал самостоятельно выбирать, какие знания и в каком объеме он хотел бы получить. Конечно же, в этих условиях фактически обесценилась, а фактически анулировалась задача формирования целостной, патриотической личности обучающегося.

И как следствие этого, воспитательная составляющая более чем на двадцать лет выпала из процесса образования, что не могло не сказаться на катастрофическом ослаблении системы подготовки кадров для госслужбы. Именно отсутствие концепции воспитательной работы, отвечающей целям и ценностям правового государства, стало камнем преткновения по формированию мировоззрения, в базу которого был бы положен государственный патриотизм [8, с. 137].

Молодёжь в возрасте от 18 до 27 лет создаёт семьи и становится родителями. И здесь мы наблюдаем парадоксальную ситуацию. А именно? Молодые матери и отцы, которые сами довольно часто не обладают сложившимся пониманием права, должны сформировать первичные правовые установки у своих чад. В результате, у нового поколения воспитываются искаженные, в корне неверные представления, что выработались под воздействием субъективного и необоснованного воззрения родителей [1, с. 20]. А ведь именно семья и образовательные учреждения должны воспитывать у подрастающего поколения общую и правовую культуру. Именно в семье закладывается навык критического осмысления информации. В силу этого, следует приучать молодое поколение заимствовать информацию о праве из публичных источников. А госорганы, в свою очередь, обязаны исполнять контроль за условиями предоставляемой в соцсетях информации, особенно правового характера [1, с. 21].

Заключение. Подводя итоги, мы можем констатировать, что решающее влияние на формирование правосознания граждан и выработку у них позитивной правовой культуры имеет целый ряд факторов:

- 1) ситуации жизни и трудовой практики;
- 2) порядок образования и развития личности;
- 3) воздействие СМИ;
- 4) национальная молодёжная политика.

И если хотя бы в одном из этих направлений возникает нарушение, то тут же, неизбежно обнаруживается искажение правосознания граждан.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Балковская В.Г. Особенности правосознания молодежи в современной России / В.Г. Балковская, П.И. Курпас // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 5А.
2. Гордеев К.А. Правосознание современной российской молодежи / К.А. Гордеев // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. № 5(93).
3. Жамсуева Н.К. Факторы формирования девиантной социализации / Н.К. Жамсуева // Молодежь и общество на рубеже веков. Секция: «Молодежь в конфликтном обществе: воспитание в духе культуры мира». М. : Социс, 2008.
4. Коркунов Н.М. Русское государственное право. М. : НОРМА-М, 2008.
5. Крокинская О.К. Гражданское общество и массовое сознание: несколько социологических фактов. СПб. : Питер, 2010.
6. Матузов Н.И. Теория государства и права : учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. М. : Юристъ, 2012.
7. Огурцов А.П. Правовая культура и правосознание. М. : Право, 2011.
8. Уткин В.Е. Военно-патриотическое воспитание: компетентностный подход / В.Е. Уткин // Высшее образование в России. 2010. № 10.
9. Фатьянов В.М. Роль сетевых коммуникаций в процессе формирования правовой культуры современной Российской молодежи / В.М. Фатьянов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 1.

References:

1. Balkovaya V.G. Features of legal consciousness of youth in modern Russia / V.G. Balkovaya, P.I. Kurpas // Issues of Russian and international law. 2022. Vol. 12. № 5A.
2. Gordeev K.A. Legal consciousness of modern Russian youth / K.A. Gordeev // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2009. № 5(93).
3. Zhamsueva N.K. Factors in the formation of deviant socialization / N.K. Zhamsueva // Youth and society at the turn of the century. Section: «Youth in a conflict society: education in the spirit of a culture of peace». M. : Sotsis, 2008.
4. Korkunov N.M. Russian state law. M. : NORMA-M, 2008.
5. Krokinskaya O.K. Civil society and mass consciousness: several sociological facts. SPb. : Peter, 2010.
6. Matuzov N.I., Malko, A.V. Theory of State and Law : textbook / N.I. Matuzov, A.V. Malko. M. : Jurist, 2012.
7. Ogurtsov, A.P. Legal culture and legal consciousness. M. : Pravo, 2011.
8. Utkin V.E. Military-patriotic education: competence approach / V.E. Utkin // Higher education in Russia. 2010. № 10.
9. Fatyanov V.M. The role of network communications in the formation of the legal culture of modern Russian youth / V.M. Fatyanov // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2018. № 1.

Информация об авторах

Волик Ксения Борисовна

старший преподаватель кафедры
общетеоретических правовых дисциплин,
Северо-Кавказский филиал,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
Российский государственный
университет правосудия, г. Краснодар
martinkb@inbox.ru

Мартыненко Борис Константинович

кандидат юридических наук,
профессор кафедры
общетеоретических правовых дисциплин,
Северо-Кавказский филиал,
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
Российский государственный
университет правосудия, г. Краснодар
ckvorcov@inbox.ru

Ksenia B. Volik

Lecturer of the Department
of General Theoretical Legal Disciplines,
North Caucasian branch,
Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
Russian State University of Justice, Krasnodar
martinkb@inbox.ru

Boris K. Martynenko

Candidate of Law Sciences,
Professor of the Department
of General Theoretical Legal Disciplines,
North Caucasian branch,
Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education
Russian State University of Justice, Krasnodar
ckvorcov@inbox.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.008>
УДК 340.1

Attribution
cc by

ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО КАК ОБЩЕПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН: МНОГООБРАЗИЕ КЛАССИФИКАЦИОННЫХ ОСНОВАНИЙ

Дергунов А.А.

Саратовская государственная юридическая академия

Аннотация. Актуальность данного исследования заключается в том, что его автор рассматривает преимущественное право как общеправовой феномен в многообразии квалификационных оснований. Цель: проведение анализа классификационных оснований дифференциации преимущественного права. На примерах из действующего законодательства автор постарался проиллюстрировать общеправовой характер преимущественного права. Им доказано, что классификация преимущественного права позволяет сделать выводы о его принадлежности как к отраслям права, так и отраслям законодательства, с доминированием первого. Методы: были задействованы такие методы научного познания как диалектический материализм, позволивший показать статику и динамику преимущественного права; системно-структурный метод, продемонстрировавший место и роль преимущественного права в правовой системе России; сравнительный метод, который дал возможность провести сравнение различных оснований дифференциации преимущественного права. Результаты: отмечается, что преимущественное право присутствует как в отраслях публичного, так и частного права; делается вывод о принадлежности преимущественного права сугубо к нормам материальных отраслей. Декларируется поразительное разнообразие субъектов, в отношении которых предусмотрено наличие преимущественного права; выдвигается гипотеза о неразрывной связи преимущественного права со специальным статусом и его подвидами. Выводы и заключения: природа преимущественного права имеет сложный и неординарный характер, что подчеркивает необходимость изучения его классификационных оснований.

Ключевые слова: преимущественное право, классификация, специальный правовой статус, многообразие, общеправовой феномен.

PREEMPTIVE RIGHT AS A GENERAL LEGAL PHENOMENON: DIVERSITY OF CLASSIFICATION GROUNDS

Alexander A. Dergunov

Saratov State Law Academy

Abstract. The relevance of this study lies in the fact that its author considers the pre-emptive right as a general legal phenomenon in a variety of qualification grounds. Purpose: to analyze the classification grounds of differentiation of the preemptive right. Using examples from the current legislation, the author tried to illustrate the general legal nature of the preemptive right. It is proved that the classification of the preemptive right allows us to draw conclusions about its belonging to both branches of law and branches of legislation, with the dominance of the former. Methods: such methods of scientific cognition as dialectical materialism were used, which made it possible to show the statics and dynamics of pre-emptive law; a system-structural method that demonstrated the place and role of pre-emptive law in the legal system of Russia; a comparative method that made it possible to compare various grounds for differentiation of pre-emptive law. Results: it is noted that the preemptive right is present both in the branches of public and private law; it is concluded that the preemptive right belongs exclusively to the norms of material industries. A striking variety of subjects is declared, in respect of which the existence of a pre-emptive right is provided; a hypothesis is put forward about the inextricable connection of the pre-emptive right with a special status and its subspecies.

Keywords: preemptive right, classification, special legal status, diversity, general legal phenomenon.

Введение. Преимущественное право представляет собой достаточно распространенный и весьма разнообразный юридический феномен,

имеющий широкую и многогранную сферу регламентирующего воздействия. Это обуславливает необходимость классификации преимуще-

ственного права в целях его упорядоченности и оптимизации.

Классификация, и это более чем оправданно, применяется при стратификации правовых явлений, феноменов, категорий, которые объективированы в юридических нормах и находят свое отражение в действующем законодательстве [1]. Её функциональное предназначение состоит в упорядочении взаимосвязей участников правоотношений, нивелировании коллизий между нормативными правовыми актами (далее – НПА), в оптимизации правоприменения и повышении эффективности правовой регламентации.

Обсуждение. Упоминание о законодательстве детерминирует восприятие последнего в качестве классификационного основания дифференциации преимущественного права, поскольку именно наличие такого основания детерминирует подразделение соответствующего родового понятия на различные виды.

По нашему мнению, здесь действует классический концепт общей теории права о том, что система права является системой содержания права; система законодательства олицетворяет собой систему НПА и выступает системой форм права [2, с.19].

Соотношение между отраслями, составляющими систему права и систему законодательства вариативно; в зависимости от него может классифицироваться и преимущественное право.

В частности, может существовать отрасль законодательства, которая не коррелирует никакой отрасли права; возможна ситуация, когда отрасль права есть, но нет отрасли законодательства; отрасль права совпадает с отраслью законодательства (как содержание и форма).

Последняя формулировка предполагает, прежде всего, градацию преимущественного права в зависимости от принадлежности к той или иной отрасли права. Соответственно, можно выделить преимущественное право, закрепленное в нормах конституционного, гражданского, административного, трудового, семейного, земельного, жилищного, финансового, уголовно-исполнительного права.

В контексте данной классификации, можно выделить градацию преимущественного права, содержащегося в отраслях публичного и частного права; равным образом отметить, что данный термин присутствует только в отраслях материального права. Сам факт принадлежности преимущественного права сугубо к материальным отраслям в известной мере преюдициален и иллюстрирует некорректность дефинирования преимущественного права через призму особой правовой процедуры.

Нормативная природа преимущественного права детерминирует регламентацию его наличия и реализации. Соответствующие нормативные

положения составляют достаточно сложный комплекс, интегрируя в себе различные способы изложения юридических предписаний. В данной связи, можно предложить градацию преимущественного права, находящегося в статике и динамике.

Обладание и, в особенности, реализация преимущественного права может быть дополнена рядом условий. В зависимости от этого, выделяют преимущественное право, необремененное условиями и обремененное условиями.

Первое связано со статусом субъекта или (и) с каким-либо фактом; при этом вполне допустима интеграция статуса и факта.

В частности, более чем интересным нам представляется нормативное предписание, зафиксированное в абз. 9. п. 5 ст. 23 ФЗ от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» [3] (далее – ФЗ № 76) согласно которому, преимущественное право на оставление на работе при сокращении численности или штата работников предоставляется матерям-одиночкам военнослужащих, которые проходят военную службу по призыву.

Здесь можно констатировать целый конгломерат как предписанных, так и достигаемых факторов, детерминирующих наличие преимущественного права:

- а) родительство (материнство);
- б) женщина признана одинокой матерью;
- в) сын (дочь) является военнослужащим;
- г) военная служба проходит по призыву;
- д) в организации, где женщиной осуществляется трудовая деятельность, проходят мероприятия по сокращению численности или штата работников.

В свою очередь, преимущественное право, может зависеть как от одного (например, ч. 1 ст. 131 Жилищного кодекса РФ), так и от нескольких условий. Примечательно, что условия могут быть связаны с преимущественным правом на обладание какого-либо блага или с реализацией самого преимущественного права. Здесь представляется необходимым уточнить, что преимущественное право всегда коррелирует с определенными условиями, поскольку оно непосредственно связано со специальным статусом, может быть причиной наделением таким статусом и всегда служит критерием отграничения от общего статуса.

Речь тем самым идет о вспомогательных уже по отношению к специальным условиям, связанных с преимущественным правом. В частности, специальный статус может подразделяться на подвиды [4, с. 119].

Тем самым, можно предложить деление преимущественного права на общее и специальное.

Так, например, специальное преимущественное право на зачисление в военные образовательные организации, согласно п. 4 ст. 8 Закона РФ от 15 января 1993 г. № 4301-I «О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы» [5], имеют дети Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы. Это право является специальным относительно преимущественного права тех категорий граждан, которое закреплено, в частности, в п. 11 ст. 71 ФЗ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [6] (далее – Закон об образовании).

Классификация, основанная на наличии преимущественного права в зависимости от специального статуса и его разновидностей, обуславливает стратификацию преимущественного права в зависимости от субъектов, которые оно предназначено

Обладатели преимущественного права более чем разнообразны. Ими могут быть международные организации, иностранные государства, Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальные образования; в качестве гипотезы резонно предположить, что преимущественным правом теоретически могут обладать и иные публично-правовые образования, например, федеральные территории.

Преимущественное право может принадлежать государственным и (или) муниципальным органам либо учреждениям, юридическим лицам, в том числе и международным компаниям и корпорациям.

Спектр преимущественных прав, которые принадлежат физическим лицам, без преувеличения, огромен и гиперболизировано многообразен. Связано это, прежде всего, с диапазоном специального статуса, который, как только что отмечалось выше, может подразделяться на предельно широкое количество подвидов. Как мы полагаем, в дифференциации преимущественного права по субъектам – физическим лицам, более чем ярко выражается кибернетический закон необходимого разнообразия жизни [7, с. 293].

Надо отметить, что в отдельных случаях, преимущественное право может коррелировать с гражданством России; то есть, принадлежать исключительно гражданам РФ (ч. 1.1. ст. 88 Закона об образовании). Но даже в этом случае, по нашему мнению, можно констатировать масштаб специального статуса, который в данном конкретном случае связан с преимущественным правом граждан России обучаться в специализированном структурном образовательном подразделении заграничного МИД РФ.

Специальный статус традиционно стратифицируется на предписанный и приобретенный. Превалирует, безусловно, последний, поскольку наличие специального статуса субъекта (а зна-

чит и преимущественного права) в современных условиях, так или иначе, зависит от индивида (его усилий, рода занятий, действий, поведения, достижений и т.п.). Так, например, военнослужащим, имеющим ученую степень и достигшим предельного возраста пребывания на военной службе, предоставляется преимущественное право при заключении с ними контракта о прохождении военной службы (п. 9 ст. 38 ФЗ № 76).

Вместе с тем, не стоит исключать и присутствие преимущественного права в структуре предписанного специального статуса физического лица. В качестве иллюстрации можно привести какое-либо из преимущественных прав наследника, например, право последнего на вступление жилищно-строительный кооператив.

Многоаспектность преимущественного права субъектов – физических лиц, доказывается и наличием, так называемого, смешанного статуса. В частности, согласно абз. 11 п. 5 ст. 23 ФЗ № 76, одиноким матерям военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, предоставляется преимущественное право на оставление на работе. То, что обладатель названного преимущественного права является родителем (матерью-одиночкой) – это статус достигаемый; а то, что преимущественное право принадлежит ей, как матери военнослужащего по призыву – статус предписанный.

Таким образом, наличие преимущественного права у субъектов зависит от специального статуса, который, в свою очередь, более чем разнообразен и сам подвержен стратификации.

Классификация преимущественного права по субъектам (а равно и по обладателям) предполагает антагонистическую дифференциацию по объектам, что позволяет сделать интересный вывод о том, что преимущественное право распространяется не на предметы материального мира, а на деяния, точнее – действия, ибо, как показывает анализ российского законодательства не может быть преимущественного права на бездействие.

Спектр преимущественных прав на соответствующие действия предельно широк. Преимущественное право может быть связано:

- с действиями в сфере конституционных правоотношений (право на зачисление в образовательные учреждения всех видов и типов);
- в социальном сегменте (право на получение путевок в санатории и санаторно-курортное лечение);
- в сфере действия норм трудового права (право на поступление на работу и на оставление на работе; на занятие определенной должности);
- в секторе административных правовых отношений;

– в отношениях, регламентируемых земельным правом;

– в правоотношениях, возникновение, развитие и существование которых обусловлено нормами семейного и, безусловно, гражданского права.

Здесь можно с уверенностью констатировать, что преимущественное право более чем универсально; его эмиссия проникает как на фундаментальные важнейшие действия (на воспитание и обучение детей, на оставление на работе, на покупку и т.п.), так и на весьма узконаправленные (в частности, преимущественное право пассажира нижней полки в поезде дальнего следования на размещение ручной клади на нижнем месте) [8, п. 175] и более чем специфические (например, преимущественное право на занятия северным домашним оленеводством и промыслом диких северных оленей) [9, ст. 10].

Заключение. Таким образом, резюмируя все вышесказанное, можно отметить следующее.

Взаимобусловленность юридической нормы и источника объективного права в проекции к преимущественному праву детерминирует его классификацию в зависимости от соотношения системы права как содержания и системы законодательства как формы. Так, выделяют:

– преимущественное право, закрепленное в отрасли законодательства, которой не коррелирует отрасль права;

– преимущественное право, объектированное в норме отрасли права, не имеющей отдельной отрасли законодательства;

– преимущественное право, внедренное в норму отрасли права, которой соответствует отрасль законодательства.

Предложенная классификация позволяет сделать вывод о наличии преимущественного права как в отраслях публичного, так и частного права, а равно - об отсутствии данного феномена в нормах процессуального права, что еще раз подчеркивает неверность рассмотрения преимущественного права сквозь призму особой правовой процедуры.

В свою очередь, разновекторность и бланкетность некоторых сгруппированных норм, преду-

сматривающих преимущественное право, дают возможность определять их совокупность в контексте преимущественного права как комплексный институт.

Диспозитивность преимущественного права проявляется в возможности его принятия либо отказа.

Наличие такого основания предопределяет деление преимущественного права на не обремененное условиями и обремененное условиями. Первое связано со статусом субъекта или (и) с каким-либо фактом; при этом вполне допустима интеграция статуса и факта.

Концепт об условиях, сопровождающих преимущественное право, обоснован тогда, когда речь идет о вспомогательных уже по отношению к специальным условиям, связанных с преимущественным правом.

Между тем, такая градация позволяет стратифицировать преимущественное право на общее и специальное, что обосновывает взаимосвязь преимущественного права именно со специальным правовым статусом субъекта и одновременно, допустимость подразделения его на бесконечно большое количество разновидностей последнего.

Непреложная интеграция специального статуса и его подвидов с преимущественным правом детерминирует сепарацию преимущественного права на субъекты, им обладающие, и на объекты, на которое оно направлено. Субъекты, в отношении которых предусмотрено наличие преимущественного права, гиперболизировано разнообразны; в зависимости от оснований надления специальным статусом, их преимущественное право может обозначаться как предписанное, приобретенное и смешанное.

Многообразием характеризуются и объекты, на которые распространяется преимущественное право субъектов; отличительной чертой таких объектов служить не может отсутствие преимущественного права на бездействие.

Все это позволяет сделать вывод о наличии реально существующей в праве автономной системы регуляции, центром которого служит преимущественное право.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Баранов В.М. Классификация в российском законодательстве (теоретико-прикладное исследование) / В.М. Баранов, А.П. Кузнецов, Н.Н. Маршаклова. М. : Юрлитинформ, 2014. 159 с.
2. Петров Д.Е. Отрасль права. Саратов : Саратов. гос. акад. права, 2004. 190 с.
3. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (в ред. от 24.07.2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 23. Ст. 2331.
4. Суменков С.Ю. Правосознание субъектов, наделенных специальным статусом: особенности и формы проявления / С.Ю. Суменков // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23. № 2(88). С. 117–124.
5. Закон РФ от 15 января 1993 г. № 4301-1 «О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы» (в ред. от 03.04.2023 г.) // Российская газета. 1993. 10 февр.
6. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 04.08.2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (Часть I). Ст. 7598.
7. Эшби У.Р. Введение в кибернетику / У.Р. Эшби; Пер. с англ. Д.Г. Лахути; Под ред. В.А. Успенского; С предисл. А. Н. Колмогорова. М. : Изд-во иностр. лит., 1959. 432 с.
8. Правила перевозок пассажиров, багажа, грузобагажа железнодорожным транспортом (утв. Приказом Министерства транспорта РФ от 05 сентября 2022 г. № 352 (в ред. от 13.04.2023 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 08.08.2023)).
9. Закон Республики Саха (Якутия) от 25 июня 1997 г. 3 № 179-1 «О северном домашнем оленеводстве» (в ред. от 27.05.2023 г.) // Якутские ведомости. 1997. 26 июля.

References:

1. Baranov V.M. Classification in Russian legislation (theoretical and applied research) / V.M. Baranov, A.P. Kuznetsov, N.N. Marshakova. M. : Yurlitinform, 2014. 159 p.
2. Petrov D.E. Branch of law. Saratov : Sarat. gos. akad. Pravda. 2004. 190 p.
3. Federal Law № 76-FZ of May 27, 1998 «On the status of military personnel» (as amended on 07.24.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. № 23. Art. 2331.
4. Sumenkov S.Yu. Legal consciousness of subjects endowed with a special status: features and forms of manifestation // Academic Law Journal. 2022. Vol. 23. № 2(88). P. 117–124.
5. Law of the Russian Federation № 4301-1 of January 15, 1993 «On the status of Heroes of the Soviet Union, Heroes of the Russian Federation and Full Cavaliers of the Order of Glory» (as amended on 04.03.2023) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. February 10.
6. Federal Law № 273-FZ of December 29, 2012 «On Education in the Russian Federation» (as amended on 08.04.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. № 53 (Part I). Article 7598.
7. Ashby U.R. Introduction to Cybernetics / Translated from the English by D.G. Lahuti; Edited by V.A. Uspensky; With a preface by A.N. Kolmogorov. M. : Publishing House of Foreign Lit., 1959. 432 p.
8. Rules for the transportation of passengers, baggage, cargo by rail (approved By Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation № 352 dated September 5, 2022 (as amended by 04.13.2023) // Official Internet portal of legal information. URL : <http://pravo.gov.ru> (accessed 08.08.2023)).
9. The Law of the Republic of Sakha (Yakutia) of June 25, 1997 Z № 179-1 «On Northern domestic reindeer husbandry» (as amended by 05.27.2023) // Yakut vedomosti. 1997. July 26.

Информация об авторе

Дергунов Александр Алексеевич
заместитель директора по учебно-воспитательной
и социальной работе
Балаковского филиала Саратовской
государственной юридической академии,
преподаватель кафедры
теории государства и права,
соискатель кафедры теории государства и права
a.dergunov89@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1013-9535>

Alexander A. Dergunov
Deputy Director for Educational and Social Work
of the Balakovo branch
of the Saratov State Law Academy,
Lecturer of the Department of Theory of State and Law,
Candidate of the Department of Theory of State and Law
a.dergunov89@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1013-9535>

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.009>
УДК 316

Attribution
cc by

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ СЕТЕВОГО АНАЛИЗА В ИЗУЧЕНИИ КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Долгополов К.А.

Северо-Кавказский федеральный университет

Аннотация. Актуальность данной публикации заключается в том, что в ней автором проведена систематизация опыта использования методологии сетевого анализа в изучении конвенциональности уголовного наказания. Цель исследования: рассмотреть использование методологии сетевого анализа в изучении конвенциональности уголовного наказания. Показано, что наряду с преимуществами, существует также и множество ограничений при использовании сетевых методов, особенно когда исследователи не принимают во внимание ограничения самих данных. Следующие ограничения данных и аналитические предупреждения важны для любого исследователя, который стремится использовать SNA для изучения конвенциональности уголовного наказания.

Большинство официальных данных о преступлениях, совершенных группой лиц, не учитывают широкую социальную среду, в которой находятся правонарушители.

В статье показано, что данные о преступлениях, совершенных группой лиц, не учитывают правонарушителей, которые могли быть причастны к преступлению, но не были обнаружены, а также всех правонарушителей, которые участвовали в нераскрытых преступлениях. Таким образом, преступления, в отношении которых рассматривались модели группового совершения преступлений, могли быть более серьезными и/или более рискованными, чем те, за которые они не были пойманы.

Ключевые слова: наказание, назначение наказания, конвенциональность, сетевой анализ.

USING THE METHODOLOGY OF NETWORK ANALYSIS IN THE STUDY OF THE CONVENTIONALITY OF CRIMINAL PUNISHMENT

Kirill A. Dolgoplov

North Caucasus Federal University

Abstract. The relevance of this publication lies in that. that in it the author systematized the experience of using the methodology of network analysis in the study of the conventionality of criminal punishment. The article considers the use of the network analysis methodology in the study of the conventionality of criminal punishment. It is shown that along with the advantages, there are also many limitations when using network methods, especially when researchers do not take into account the limitations of the data themselves. The following data limitations and analytical caveats are important to any researcher who seeks to use SNA to study the conventionality of criminal punishment.

Most official data on crimes committed by a group of people do not take into account the broad social environment in which offenders find themselves.

The article shows that data on crimes committed by a group of people do not take into account offenders who could be involved in the crime, but were not detected, as well as all offenders who participated in unsolved crimes. Thus, the crimes for which gang crime patterns were considered may have been more serious and/or more risky than those for which they were not caught.

Keywords: punishment, sentencing, conventionality, network analysis.

Введение. В своем фундаментальном труде «Аутсайдеры» Г. Беккер (1963) отметил, что «самая постоянная трудность в научном изучении преступного поведения – это отсутствие надежных данных» [1, с. 165]. Это мнение применимо ко всем видам исследований преступности, преступников и преступного поведения.

Преступления обычно скрыты и часто остаются нераскрытыми, а преступники склонны поддер-

живать социальные барьеры между собой и представителями других групп, включая исследователей. Не останавливаясь на достигнутом, исследователи ищут новые источники данных и аналитические подходы для более глубокого понимания преступности. В последние годы подходы, основанные на использовании социальных сетей, включающие сбор данных о субъектах уголовного судопроизводства и связях между

ними, открыли новые возможности для изучения преступности и понимания криминальных сетей.

Результаты. Документы уголовного судопроизводства могут дать уникальное представление о характеристиках преступлений и правонарушителей, что позволяет выявить разнообразные связи, существующие между субъектами преступной деятельности. Анализ социальных сетей (SNA) может быть использован для углубления понимания того, как возникающие социальные структуры формируют различные виды преступной деятельности и как можно контролировать преступность [2, с. 143].

Использование анализа социальных сетей для изучения преступных групп и сообществ, занимающихся незаконной деятельностью, такой как торговля наркотиками и терроризм, приобрело большую популярность в последние три десятилетия. В своей статье К. Фауст и Г. Тита предполагают, что эта область развивается так, что «сетевые методы вскоре станут частью стандартного набора инструментов в криминологических исследованиях» [3, с. 178]. Однако наряду с таким ростом исследователи столкнулись с рядом проблем, связанных с извлечением и использованием данных, собранных из материалов уголовного судопроизводства. Подобные источники разнообразны весьма разнообразны и могут быть широко классифицированы, а именно: базы данных преступников, материалы следствия, материалы обвинения, судебные дела, отчеты ведомственных расследований и комиссий и многое другое.

Анализ социальных сетей исследует поведение индивида на микроуровне, структуру взаимоотношений на макроуровне и взаимодействие между ними. Социальные сети являются как причиной, так и результатом индивидуального поведения. Социальные сети предоставляют и ограничивают возможности индивидуального выбора, в то же время индивиды иницируют, строят, поддерживают и разрывают отношения и тем самым определяют глобальную структуру сети.

Составными частями социальной сети являются набор участников и один или несколько наборов связей между этими участниками. Подробная идентификация акторов и связей в сети является важным шагом в проведении анализа социальной сети [4, с. 414]. Акторы – это социальные субъекты в сети; чаще всего, это люди, но иногда это могут быть организации, такие как преступные сообщества или территориальные единицы. Акторы имеют связи друг с другом (ребра сети), а набор связей между акторами – это отношения или взаимодействия. Примерами отношений являются дружеские отношения или соперничество между преступными группировками; в этих случаях связи возникают между парами субъектов.

В криминологических исследованиях также используются записи совместных арестов, записи

полевых разведывательных наблюдений или интервью. Наблюдения за совместными правонарушениями представляют собой отношения ассоциаций между совокупностями субъектов. Записи об ассоциациях затем используются для построения связей между парами лиц на основе их ассоциаций. Например, предполагается, что два лица, наблюдаемые вместе, имеют парные отношения. Этот шаг влечет за собой предположение о наличии связей между парами лиц в результате их совместного участия в наблюдениях.

Обсуждение. Необходимо остановиться на нескольких основных свойствах сети, важных при ее описании.

Во-первых, число узлов и число ребер передают размер сети и объем ребер. На их основе можно определить среднюю степень и плотность сети. Для ненаправленной связи степень узла – это количество ребер, выходящих из данного узла. Для направленной связи, исходящая степень – это число связей, исходящих из узла, а входящая степень – число связей, входящих в узел.

Плотность сети – это количество ребер, деленное на возможное количество ребер, представленное в виде дроби от 0 до 1,0. Плотность сети часто используется в качестве меры сплоченности, однако здесь следует проявлять осторожность, поскольку плотность очень чувствительна к размеру сети; плотность при постоянных средних степенях обязательно уменьшается при увеличении размера сети [5, с. 41].

Положение актора в сети может иметь важные последствия, такие как повышение его влияния, позиционирование как посредника между другими индивидами или предоставление относительно легкого доступа к ресурсам, проходящим через сеть. Различные меры центральности отражают различные аспекты позиции актора [6, с. 215]. Степень узла – это мера центральности, которая отражает объем связей с участием каждого участника.

Центральность по входу и выходу измеряет количество связей, входящих в каждый узел и выходящих из него. Центральность по близости может быть интерпретирована как способность контролировать потоки между другими акторами или быть посредником между ними. Центральность близости основана на расстоянии, на котором актор находится от всех других акторов в сети.

Некоторые показатели центральности требуют наличия связанных сетей. Однако существуют альтернативные показатели, если сеть не является связанной [7, с. 13]. Актор может занимать стратегическое положение в сети, являясь точкой пересечения, удаление которой разъединяет сеть или сделает потоки через сеть менее эффективными, увеличивая длину пути между другими акторами.

Важным теоретическим конструктом к концепции сетевого анализа является социальный капитал. Социальный капитал – это структура возможностей, создаваемая социальными отношениями. В анализе социальных сетей было разработано большое количество показателей для характеристики и сравнения сетевых структур и позиций в сетях. В зависимости от того, что определяет различия в структурах возможностей, анализ может быть сосредоточен на различиях в центральностях, на исследовании сильно связанных кластеров или уникальных позиций. Другие меры позволяют сравнивать сетевые структуры в целом, например, исследовать их эффективность для достижения различного рода целей. Кроме того, статистические сетевые модели могут использоваться для оценки параметров и тестирования сетевых эффектов различных структур стимулирования.

Анализ социальных сетей – это применение науки о сетях к самим социальным сетям. Если говорить иначе, то социальные явления представляются и изучаются с помощью данных о пересекающихся диадах как единицах наблюдения. Следовательно, социальные графы – это простое и удобное математическое представление, которое положено в основу анализа различных типов социальных сетей.

Анализ социальных сетей сегодня достаточно распространен в криминологии, чтобы его можно было назвать «новым». Сегодня можно найти множество научных статей в основных криминологических журналах, в которых либо используются сетевые методы, либо выводится ключевой атрибут социальной среды, в которую включены респонденты.

Главная причина этого заключается в том, что сетевые методы, как правило, значительно превосходят традиционные методы измерения социальной структуры и социального влияния. Учитывая важность социальной среды в этиологии преступности и правонарушений, сетевые методы являются наиболее эффективными, в том числе, для изучения конвенциональности уголовного наказания.

Социальные сети можно определить, как набор субъектов (людей, организаций), которые связаны одним или несколькими типами связей, такими как дружба, родство или членство в преступной организации [8, с. 34]. Картирование и анализ моделей подобных связей составляют основу SNA. Основное предположение заключается в том, что детальное знание социальной структуры, в которую включены индивиды, может быть более информативным для понимания поведения, чем обычные наборы атрибутов, используемые для создания профилей индивидов (возраст, пол, образование или социально-экономический статус). SNA рассматривает индивидов как взаимозависимых от окружающих личностей, а не как индивидов, действующих в вакууме.

Сети можно анализировать с точки зрения одного человека и его связей (эгоцентрический анализ), или же вместо этого анализ может быть основан на «полной» сети связей между членами всей группы (социометрический анализ). Каждый тип сети имеет свой набор инструментов и ограничений.

В настоящее время мода на использование сетевых методов достигла таких масштабов, что возникла целая новая дисциплина – Network Science – с собственным набором журналов и конференций. Network Science исследует влияние сетей на каждый аспект человеческой жизни. То, что влияние сетевых методов дошло до социологических исследований конвенциональности уголовного само по себе не является сюрпризом. Скорее для исследователей преступности, которые уже приняли эти методы, большим сюрпризом является то, что SNA с таким опозданием пришел в социологию права и преступности.

Вклад сетевых методов в криминологические исследования может быть обобщен в улучшении измерения ключевых понятий, связанных с социальным окружением потенциальных или действующих преступников. Как ученые, считающие социальное влияние центральным для понимания этиологии преступности и правонарушений, мы можем предположить, что сетевые методы способны произвести революцию в фундаментальном аспекте этой области. Многие из классических теорий преступности и делинквентности гораздо удобнее проверять с помощью сетевых методов и моделей.

Существует по крайней мере пять областей, в которых анализ социальных сетей внес ключевой вклад в решение существующих криминологических проблем:

- 1) роль выбора и влияния сверстников в делинквентности;
- 2) выбор соучастника преступления;
- 3) границы и преступное сотрудничество между членами преступных группировок;
- 4) социальная организация нелегальных рынков наркотиков;
- 5) структура преступных и террористических организаций.

На исследования конвенциональности уголовного существенное влияние оказала теория дифференциальных ассоциаций (DAT) и ее акцент на частоте и интенсивности социальных взаимодействий с другими людьми. Число исследований, использующих стохастические акторные модели, доступные в программном обеспечении R-SIENA постоянно растет [9, с. 59]. Специализированное сетевое программное обеспечение, такое как R-SIENA, разработано для одновременного моделирования механизмов выбора и влияния.

До того, как исследователи рынка наркотиков перешли на сетевые методы, исследователи столкнулись с проблемой: как описывать структуры, участвующие в незаконном обороте наркотиков, при этом утверждая, что таких организаций либо не существует, либо они слишком гибкие и изменчивые, чтобы их можно было считать таковыми.

Казалось, что организации как единица анализа необходимы для того, чтобы понять тот факт, что наркотики перевозятся на тысячи километров через множество стран. Судебные дела также организованы вокруг этой идеи. Действительно, случайному наблюдателю поначалу может быть трудно понять, как нелегальная продукция может эффективно перемещаться от места производства до конечных потребителей без планирующего и координирующего органа официальной преступной организации. Подход к этому вопросу с точки зрения сетевого анализа позволяет увидеть не только то, что это возможно, но и основной путь, по которому перемещается нелегальная продукция.

Например, Г. Бруинсма и В. Бернаска показали, что при контрабанде краденых автомобилей из Нидерландов в другую страну три отдельных сетевых кластера связаны между собой (сетевой кластер местных воров, кластер местных кузовщиков и кластер зарубежных импортеров и перевозчиков) [10, с. 79]. Причем, для связи между каждым из кластеров необходим всего один человек, но, при этом, нет других связей.

Поворотный момент в понимании организации наркоторговли произошел в 2001 году, когда Карло Морселли опубликовал свой анализ карьеры наркоторговца Говарда Маркса, который до того, как его поймали, действовал почти 30 лет. Опираясь на многочисленные источники по разрекламированному делу Маркса, включая его очень подробную биографию, Морселли приступил к систематическому составлению карты сети наркоторговли Маркса, проследив ее развитие с течением времени [11, с. 204].

Огромная часть нашей жизни в настоящее время включает в себя онлайн-компонент, поэтому неудивительно, что преступники эксплуатируют и используют Интернет для облегчения своей деятельности. Исследования преступных онлайн-сетей можно классифицировать на два типа.

Во-первых, часть социологов подходит к сбору данных о сетях на уровне веб-сайтов, используя гиперссылки между ресурсами в качестве основы для привязки [12, с. 74]. В результате, образуется сеть нелегальных сайтов, представляющих собой уникальный вид сообщества, ориентированного на незаконную деятельность. Уникальным аспектом этих сетей, помимо того, что единичей анализа является сам сайт, предстает факт того, что владельцы сайтов, как правило, не знают лиц, стоящих за сайтами, с которыми они связаны.

Наличие гиперссылки показывает, что создатель первого сайта признает существование второго и содержание этих сайтов так или иначе связано между собой. В. Буррис и его коллеги одними из первых использовали гиперссылки для создания сетей сайтов с общим экстремистским контентом. Они обнаружили, что все сайты правых экстремистов связаны между собой взаимными связями и поэтому могут рассматриваться как единое сообщество, а не как независимые организации.

Б. Вестлайк и М. Бучард изучили сети веб-сайтов, которые, содержали материалы о незаконной эксплуатации детей, построив сети до 300 сайтов вокруг первоначального [13, с. 175]. Они обнаружили, что в сетях с гиперссылками обычно доминируют два крупных сообщества.

Другие ученые использовали чаты и онлайн-форумы, посвященные покупке и продаже нелегальной продукции, для кодификации взаимодействия между участниками форума [14, с. 175]. Из этого комплекса работ, изучающих онлайн-сообщества компьютерных хакеров, стало известно, насколько сложно построить доверие и использовать свои навыки для получения финансового вознаграждения.

Необходимо понимать, что наряду с преимуществами, существует также и множество ограничений при использовании сетевых методов, особенно когда исследователи не принимают во внимание ограничения самих данных. Следующие ограничения данных и аналитические предупреждения важны для любого исследователя, который стремится использовать SNA для изучения конвенциональности уголовного наказания.

Большинство официальных данных о преступлениях, совершенных группой лиц, не учитывают широкую социальную среду, в которой находятся правонарушители

Официальные данные о преступлениях, совершенных группой лиц, не учитывают правонарушителей, которые могли быть причастны к преступлению, но не были обнаружены, а также всех правонарушителей, которые участвовали в нераскрытых преступлениях.

Таким образом, преступления, в отношении которых рассматривались модели группового совершения преступлений, могли быть более серьезными и/или более рискованными, чем те, за которые они не были пойманы.

Один из вопросов, на который еще предстоит ответить исследователям сетей, заключается в том, распространяются и в какой степени, модели группового совершения преступлений, обнаруженные в официальных данных, на нераскрытые преступления. Будущая работа должна продолжить усилия социологов и криминалистов в обеспечении систематического сравнения результатов анализа социальных сетей, проведен-

ного на основе двух или более наборов альтернативных данных.

Заключение. Для того, чтобы использовать SNA на некоторых типах данных, например, аудиовизуальную информацию, необходимо соблюдение множества условий, например, должно быть доступно большое количество различных типов данных и метаданных. Сетевые данные, как и любые другие данные, должны подвергаться строгому контролю качества.

Следующим ограничением является создание потенциально искусственных подгрупп. Многие исследователи сетей используют методы выявления сообществ для организации и понимания социальной структуры изучаемого ими сетевого явления. Хотя это и полезно, но может создать ложную иллюзию существования четко определенных групп в сети, хотя на самом деле ни один из конкретных индивидуумов не считает себя действительным членом группы.

В научной литературе заметно явное отсутствие последовательности в стандартах и методах отчетности. В систематическом обзоре исследований, использующих SNA для изучения преступных сетей Г. Бихлер и Г. Мальм обнаружили, что даже самые основные описательные статисти-

ческие данные приводятся только в половине исследований. Это сродни тому, как в исследованиях по опросам не указывался бы размер выборки. Для того, чтобы облегчить сравнительный подход к изучению конкретных случаев, репликацию и строгий мета-анализ, будущие работы должны включать подробное описание того, как создаются сети, описание процесса выборки и границ сети, набор основных описательных статистик и стандартизированные значения.

Сетевые данные, сами по себе, без учета контекста или узловых атрибутов, приводят к выводам, которые полезны, но иногда весьма условны. Видимость сети, измеряемая центральностями, не обязательно должна автоматически ассоциироваться с положением лидера или высоким социальным статусом в сети.

Большая часть имеющихся сетевых данных представляет сеть конкретных людей, а не всю генеральную совокупность. Поэтому важно, чтобы при интерпретации результатов сохранялись нюансы, привнесенные конкретными участниками сетевого сообщества. Сетевые паттерны, возникающие в эго-сети одного человека должны интерпретироваться только в отношении этого человека.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Беккер Г. Аутсайдеры. Исследования по социологии девиантности = Howard S. Bekker. *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. New-York : Free Press, 1991 / Говард Беккер; Пер. с англ. Наиля Фархатдинова; Под общ. ред. А. Корбуа. М. : Элементарные формы, 2018. 272 с.
2. Drahos P. (Ed.), *Regulatory Theory: Foundations and Applications*, ANU Press, Canberra. 2017.
3. Faust K. Social networks and crime: pitfalls and promises for advancing the field Butts CT / K. Faust, G. Tita. 2009. Revisiting the foundations of network analysis. *Science* 325(5939): 414–16.
4. Friedkin N.E. 1981. The development of structure in random networks: an analysis of the effects of increasing network density on five measures of structure. *Soc. Netw.* 3(1): 41–52.
5. Freeman L.C. 1979. Centrality in social networks conceptual clarification. *Soc. Netw.* 1(3): 215–39.
6. Butts C.T. 2008. Social network analysis: a methodological introduction. *Asian J. Soc. Psychol.* 11(1): 13–41.
7. Baerveldt C. Revisiting selection and influence: An inquiry into the friendship networks of high school students and their association with delinquency / C. Baerveldt, B. Volker, R. Van Rossem // *Canadian Journal of Criminology and Criminal Justice*. 2008. 50:559–87.
8. Bruinsma G. Criminal Groups and Transnational Illegal Markets / G. Bruinsma, W. Bernasco. *Crime, Law & Social Change*. 2004. 41: 79–94.
9. Morselli C. Structuring Mr. Nice: Entrepreneurial opportunities and brokerage positioning in the cannabis trade. *Crime, Law and Social Change*. 2001. № 35(3): 203–244.
10. Burris V. White supremacist networks on the Internet. *Sociological Focus* / V. Burris, E. Smith, A. Strahm. 2000. № 33(2). P. 215–235.
11. Westlake B. Liking and hyperlinking: Community detection in online child exploitation networks / B. Westlake, M. Bouchard // *Social Science Research*. Online First. 2016.
12. Décary-Héту D. Reputation in a dark network of online criminals / D. Décary-Héту, B. Dupont // *Global Crime*. 2013. 14(2–3): 175–196.

13. Sarnecki J. (2001). *Delinquent Networks: Youth Co-offending in Stockholm*. Cambridge, UK: Cambridge University Press
14. Bichler G. Magnetic facilities: Identifying the convergence settings of juvenile delinquents / G. Bichler, A. Malm, J. Enriquez // *Crime & Delinquency*. 2014. № 60. P. 971–998.

References:

1. Becker G. *Outsiders. Studies in the sociology of deviance* = Howard S. Bekker. *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. New-York : Free Press, 1991 / Howard Becker; Translation from English by Naila Farkhatdinova; Under the general editorship of A. Korbut. M.: Elementary Forms, 2018. 272 p.
2. Drahos P. (Ed.), *Regulatory Theory: Foundations and Applications*, ANU Press, Canberra. 2017.
3. Faust K. Social networks and crime: pitfalls and promises for advancing the field Butts CT / K. Faust, G. Tita. 2009. Revisiting the foundations of network analysis. *Science* 325(5939): 414–16.
4. Friedkin N.E. 1981. The development of structure in random networks: an analysis of the effects of increasing network density on five measures of structure. *Soc. Netw.* 3(1): 41–52.
5. Freeman L.C. 1979. Centrality in social networks conceptual clarification. *Soc. Netw.* 1(3): 215–39.
6. Butts C.T. 2008. Social network analysis: a methodological introduction. *Asian J. Soc. Psychol.* 11(1): 13–41.
7. Baerveldt C. Revisiting selection and influence: An inquiry into the friendship networks of high school students and their association with delinquency / C. Baerveldt, B. Volker, R. Van Rossem // *Canadian Journal of Criminology and Criminal Justice*. 2008. 50:559–87.
8. Bruinsma G. Criminal Groups and Transnational Illegal Markets / G. Bruinsma, W. Bernasco. *Crime, Law & Social Change*. 2004. 41: 79–94.
9. Morselli C. Structuring Mr. Nice: Entrepreneurial opportunities and brokerage positioning in the cannabis trade. *Crime, Law and Social Change*. 2001. 35 (3): 203–244.
10. Burris V. White supremacist networks on the Internet. *Sociological Focus* / V. Burris, E. Smith, A. Strahm. 2000. № 33(2). P. 215–235.
11. Westlake B. Liking and hyperlinking: Community detection in online child exploitation networks / B. Westlake, M. Bouchard // *Social Science Research*. Online First. 2016.
12. Décary-Héту D. Reputation in a dark network of online criminals / D. Décary-Héту, B. Dupont // *Global Crime*. 2013. 14(2–3): 175–196.
13. Sarnecki J. (2001). *Delinquent Networks: Youth Co-offending in Stockholm*. Cambridge, UK: Cambridge University Press
14. Bichler G. Magnetic facilities: Identifying the convergence settings of juvenile delinquents / G. Bichler A., Malm, J. Enriquez // *Crime & Delinquency*. 2014. № 60. P. 971–998.

Информация об авторе

Долгополов Кирилл Андреевич
кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса
Юридического института
Северо-Кавказского федерального университета
nadal06@mail.ru

Kirill A. Dolgoplov
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Law and Procedure
of the Law Institute
of the North Caucasus Federal University
nadal06@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.010>
УДК 347.965.6

Attribution
cc by

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ АДВОКАТОВ СИНГАПУРА

Елфимов Д.Б.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Аннотация. В ряде стран дисциплинарные проступки адвоката не требуют применения судебно-исправительных мер социальной защиты, однако в Сингапуре именно Верховный суд принимает решение о том, имеется ли необходимость в проведении разбирательства по факту нарушений, касающихся деятельности адвоката. Кроме того, анализ дисциплинарной ответственности адвоката представляется невозможным без учета моделей предоставления юридической помощи, модели организации адвокатуры.

Цель: проанализировать дисциплинарную ответственность адвокатов Сингапура.

Методы: анализ, синтез, обобщение и систематизация научных источников по проблеме исследования.

Результаты. Рассмотрены факторы, оказавшие влияние на формирование дисциплинарной ответственности в Сингапуре. Проведен анализ нормативно-правовых актов Сингапура, касающихся адвокатской деятельности. Обозначены основные дисциплинарные взыскания, роль Верховного суда Сингапура.

Выводы. Сделан вывод о том, что дисциплинарная ответственность адвокатов в Сингапуре зависит от моделей адвокатуры Сингапура, для которых характерны коммерциализация по американскому типу и допуск иностранных адвокатов к юридической деятельности внутри страны. Дисциплинарная ответственность адвокатов в Сингапуре основана как на нравственном, так и правовом принципе. Нравственный принцип находит отражение в положениях «Правил профессиональной деятельности (профессионального поведения) адвоката от 2015 года», правовой – в положениях «Закона о юридической профессии».

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность, адвокат, юриспруденция, коммерциализация, предупреждение, штраф.

DISCIPLINARY LIABILITY OF LAWYERS IN SINGAPORE

Dmitry B. Elfimov

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

Abstract. In a number of countries, disciplinary misconduct by a lawyer does not require judicial remedies, but in Singapore, it is the Supreme Court that decides whether there is a need for proceedings for misconduct relating to the lawyer's activities. In addition, it is not possible to analyse the disciplinary liability of a lawyer without taking into account the models of legal aid provision and the model of the organisation of the Bar.

Object: To analyse the disciplinary liability of lawyers in Singapore.

Methods: analysis, synthesis, generalisation and systematisation of scientific sources on the research problem.

Findings: The factors that influenced the formation of disciplinary liability in Singapore were considered. The analysis of Singapore's legal acts concerning the advocate's activity was carried out. The main disciplinary sanctions and the role of the Supreme Court of Singapore are outlined.

Conclusions: It is concluded that the disciplinary liability of lawyers in Singapore depends on the models of the Singapore Bar, which are characterised by American-style commercialisation and the admission of foreign lawyers to practice law domestically. Disciplinary liability of lawyers in Singapore is based on both moral and legal principles. The moral one is reflected in the provisions of the Advocates' Professional Activities (Professional Conduct) Rules 2015, while the legal one is reflected in the provisions of the Legal Profession Act.

Keywords: disciplinary liability, lawyer, legal profession, commercialisation, warning, fine.

Введение.

Необходимо говорить о том, что дисциплинарная ответственность адвоката представляет собой основной вид юридической ответственности,

который существует в рамках регулирования его профессиональной деятельности. В отличие от иных видов ответственности, она является наиболее распространенной, так как устанавливается при условии, что адвокат либо нарушает

© Елфимов Д.Б.

служебный долг, либо нарушает правила дисциплины, актуальные для его деятельности. Представляется очевидным, что такие проступки не могут оставаться безнаказанными. И если в Российской Федерации такие нарушения не требуют применения судебно-исправительных мер социальной защиты, то в Сингапуре ситуация противоположная, что и указывает на актуальность настоящего исследования.

Результаты.

В первую очередь, нам представляется необходимым раскрыть содержание общего термина «дисциплина», который является органической частью анализируемого понятия. Научное сообщество демонстрирует отсутствие единого мнения относительно содержания термина «дисциплина». Так, часть исследователей, среди которых необходимо отметить А.И. Копаеву, полагают, что дисциплина неразрывно связана с моральным долгом [0].

Другие ученые акцентируют внимание на том факте, что «дисциплина» предполагает наличие правового начала. В качестве примера указанной точки зрения следует привести В.Э. Абубакирову, полагающую, что дисциплина – это совокупность норм юридической направленности, которые в зависимости от трудовых функций устанавливают трудовые обязанности сотрудников [0].

Существует иная, третья точка зрения, которая объединяет в себе две предыдущие, согласно которой, понятие «дисциплина» включает в себя как нравственный, так и правовой принцип, при условии, что сотрудник соблюдает указанные принципы, то он освобождается от дисциплинарной ответственности.

Полагаем, что именно эта точка зрения наиболее полно отражает сущность дисциплинарной ответственности адвокатов Сингапура, так как, согласно пункту 3 статьи 71 шестой главы «Закона Сингапура о юридической профессии», дисциплинарное производство может быть возбуждено против любого адвоката, нарушившего правила, установленные в соответствии с настоящим разделом [0]. Иными словами, в Сингапуре дисциплинарной ответственности подлежат не только действия адвоката, противоречащие этическим и моральным нормам, но и те действия, что касаются финансовых и профессиональных компетенций. Кроме того, анализ положений «Закона о юридической профессии» позволяет утверждать, что в Сингапуре отсутствует перечень поступков и ситуаций, совершение которых предполагает применение дисциплинарных мер по отношению к адвокату. Напротив, соблюдение требований, указанных в Законе, освобождает адвоката от применения к нему дисциплинарных мер. Акцентируем более подробное внимание на этом.

«Закон о юридической профессии» (Legal Profession Act) является основным законода-

тельным актом, регулирующим юридическую практику в Сингапуре.

Каждый адвокат должен в течение каждого года, предшествующего подаче заявления на получение сертификата практикующего адвоката, уплачивать в Общество юристов Сингапура (аналогично тому, что во многих странах называется Коллегией адвокатов) взнос в размере суммы, не превышающей двести долларов США, который затем передается в Компенсационный Фонд.

Указанный Закон наделяет соискателя профессии особым статусом «Консультанта», что следует из смысла статьи 75D, согласно которой адвокат может принимать или использовать звание «Консультант» лишь при условии, что он в течение десяти лет был: практикующим адвокатом; сотрудником юридической службы; штатным сотрудником юридического факультета Национального университета Сингапура или Школы права Сингапурского университета. Нарушение требований указанной статьи предполагает привлечение к дисциплинарной ответственности, так как в этом случае Совет Адвокатов обращается к Верховному суду и требует наложения штрафа, не превышающего десять тысяч долларов США.

Примечательно, что, согласно статье 82 «Закона о юридической профессии», адвокаты, а также, все сотрудники юридических служб одновременно с этим являются должностными лицами Верховного суда Сингапура. В связи с этим, они подлежат контролю со стороны Верховного суда и несут дисциплинарную ответственность перед ним в случае ненадлежащего исполнения своих обязанностей. В случае, если на практикующего адвоката поступила соответствующая жалоба в Совет Адвокатов, последний обращается к Верховному суду с ходатайством о проведении расследования. Если судья полагает, что заявитель привел веские основания для проведения расследования по своей жалобе, то судья может назначить Дисциплинарный трибунал в соответствии с разделом 90 настоящего Закона.

Следует говорить о том, что в Сингапуре дисциплинарными взысканиями являются:

- предупреждение (порицание);
- отстранение от практики на срок не более пяти лет;
- выплата штрафа в размере не более ста тысяч долларов США.

При этом размер штрафа зависит от того, практикует ли адвокат в данный момент. Так, размер штрафа адвоката, прекратившего деятельность на момент вынесения решения Дисциплинарным трибуналом, не может превышать двадцать тысяч долларов США. Указанные меры также действуют в отношении иностранных адвокатов, осуществляющих трудовую деятельность на территории Сингапура.

Обсуждение. Полагаем, что указанный факт имеет непосредственное отношение к модели допуска иностранных адвокатов к предоставлению юридических услуг. Так, А.В. Васин и Ю.В. Загонек утверждают, что имеют место три вида такой модели: запрещающая, ограничивающая и свободная [0].

Последняя справедлива для адвокатской деятельности в Сингапуре, для нее характерно следующее:

- на законодательном уровне допускается привлекать к участию в процессе иностранных специалистов;
- отсутствуют ограничения, касающиеся их деятельности в принимающем государстве;
- адвокат из другой страны, которого допустили к практике в принимающем государстве, демонстрирует наличие тех же прав, которыми обладают местные адвокаты;
- правовая система открыта для диалога с окружающим миром или государствами-членами региональной организации и готова к конкуренции в сфере предоставления правовых услуг.

Тот факт, что дисциплинарные взыскания для адвокатов в Сингапуре предполагают наложение штрафов в размере до ста тысяч долларов США, позволяет утверждать, что адвокатская деятельность в Сингапуре построена на коммерческой модели, цель которой: получить финансовую выгоду от адвокатов, предоставляющих свои услуги [0].

Одним из наиболее ярких примеров такой модели является древнеримская адвокатура в период становления Империи. И если до этого временного периода адвокатская деятельность считалась привилегированной, то к периоду становления Империи она стала одним из способов получения финансовых выгод от доносительства. Причина этого заключалась в том, что проступки адвокатов предполагали наложение крупных финансовых штрафов. При этом сами услуги адвокатов требовали наличия больших финансовых средств у клиента. В результате, адвокаты не пренебрегали средствами защиты, которые противоречили моральным и нравственным нормам. Фактически, деятельность таких адвокатов стала предпринимательской, в результате чего, адвокаты стали брать в работу лишь те дела, которые были выгодны с финансовой точки зрения; дела велись с нарушением этических норм; в судебных разбирательствах, чаще всего, использовались аморальные приемы. При этом будет ошибкой утверждать, что сингапурская адвокатура как институт была сформирована по образу древнеримской, поскольку она, скорее, является преемницей тех традиций и тенденций, что были характерны для американского сообщества адвокатов восьмидесятих годов двадцатого века. Повышение прибыльности бизнес-адвокатуры в начале 2000-х годов привело к вниманию к профессии со стороны общества.

Адвокатские фирмы стали восприниматься адвокатами, прежде всего, как коммерческие предприятия. Многие российские авторы отмечают о чрезвычайной успешности современной сингапурской модели адвокатуры [5]. Как отмечается, стандарты адвокатской деятельности, характерные для Соединенных Штатов Америки, на сегодняшний день активно принимаются адвокатскими фирмами из Европы в качестве образцов. Юристы из Голландии были первыми после США, кто смог создать крупные фирмы, оказывающие юридические услуги бизнес-сообществу. Англия и Германия были вторыми, кто последовал примеру американцев. Затем, в силу развития производственных мощностей, Китайская Народная Республика и Сингапур обратили внимание на эту юридическую практику.

Представляется необходимым акцентировать внимание на следующем факте. Согласно положениям главы 6 «Закона о юридической профессии», в Сингапуре лицо, не обладающее действующим сертификатом практикующего адвоката, не может предоставлять какие-либо юридические услуги, в частности, не может реализовывать функции нотариуса или представлять клиента в административном или гражданском процессе. Полагаем, что указанная ситуация свидетельствует о том, что в Сингапуре действует модель абсолютной монополии на предоставление правовых услуг. Иными словами, никто кроме представителей адвокатского сообщества не обладает правом на оказание консультационных услуг. В действительности, эта модель характерна не только для Сингапура, так как она успешно функционирует в иных странах: в Германии, Австрии, Греции, Дании и Израиле.

Следует отметить также иной нормативный акт Сингапура, «Правила профессиональной деятельности (профессионального поведения) адвоката от 2015 года», содержащий в себе адвокатские принципы, касающиеся этических и моральных норм [7]. Такими принципами являются:

- практикующий юрист имеет первостепенный долг перед судом, который имеет приоритет над долгом юриста перед его клиентом;
- обязательства юриста-практика перед клиентом находятся в зависимости от обязательств юриста-практика перед судом и подчиняются им. Их реализация служит поддержке авторитета и целостности сингапурской правовой системы и профессии юриста;
- практикующий юрист обязан честно и добросовестно выполнять все свои обязанности перед любым судом, в котором он выступает, клиентами юриста, общественностью и другими представителями юридической профессии;
- реализуя свою деятельность, практикующий юрист должен руководствоваться законодательством Сингапура;
- деятельность адвоката должна обеспечивать доступ населения к правосудию;

– практикующий юрист должен быть справедливым и вежливым по отношению к каждому человеку в том, что касается его профессионального поведения;

– практикующий юрист должен следить за тем, чтобы его профессиональное поведение всегда соответствовало ценностям юридической профессии в каждой юрисдикции, в которой практикующий юрист имеет право заниматься юридической практикой, а при предоставлении консультаций в любой другой юрисдикции – ценностям юридической профессии в этой другой юрисдикции;

– практикующий юрист должен быть в курсе всех актуальных изменений в законодательстве в области своей практики.

Нарушение указанных принципов может стать предметом разбирательства в Дисциплинарном трибунале либо по инициативе клиента, либо по собственной инициативе Совета юристов.

Заключение.

На основании вышеизложенного приходим к следующим выводам. Дисциплинарная ответственность адвокатов в Сингапуре основана как на нравственном, так и правовом принципе. Нравственный находит отражение в положениях

«Правил профессиональной деятельности (профессионального поведения) адвоката от 2015 года», согласно которым, основными принципами деятельности адвоката являются следующие:

– долг перед судом превалирует над долгом перед клиентом;

– деятельность адвоката должна демонстрировать характер честности и добросовестности по отношению к судебной инстанции;

– деятельность должна коррелировать с законодательством Сингапура;

– адвокат должен быть справедливым и вежливым;

– профессиональное поведение должно соответствовать ценностям юридической профессии.

Правовой принцип раскрывается в положениях «Закона о юридической профессии». При этом орган, принимающий решение о назначении разбирательства по факту нарушения адвокатом правил и принципов, представлен Верховным судом Сингапура. Дисциплинарными взысканиями являются: предупреждение (порицание); отстранение от практики на срок не более пяти лет; выплата штрафа в размере не более ста тысяч долларов США.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Абубакирова В.Э. Трудовая дисциплина и дисциплина труда: сходства и различия понятий / В.Э. Абубакирова // В сборнике: достижения и перспективы экономических наук. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Научный центр «Аэтерна». 2014. С. 3–4.
2. Васин А.В. Допуск иностранных юристов на национальные рынки юридических услуг: опыт зарубежных стран и его актуальность свете предстоящей российской реформы / А.В. Васин, Ю.В. Загонек // Закон. 2017. № 11. С. 101–109.
3. Власова А.В. Организация адвокатуры в зарубежных странах / А.В. Власова; Под общей ред. Е.П. Ткачевой // В сборнике: Новые технологии в социально-гуманитарных науках и образовании: современное состояние, проблемы, перспективы развития. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции : в 4-х ч. 2018. С. 39–41.
4. Понятие и значение дисциплины труда / А.И. Копаева, К.М. Сулык, О.А. Умрилова, Д.М. Гребеньцев, Ю.И. Чикунова // Трибуна ученого. 2022. № 8. С. 122–124.
5. Романов А.А. Особенности профессионального статуса адвоката в Сингапуре / А.А. Романов, Е.Ю. Налимова // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 12. С. 57–60.
6. Legal Profession Act. URL : <https://www.sile.edu.sg/pdf/Legal%20Profession%20Act.pdf> (дата обращения: 15.09.2023).
7. Legal Profession (Professional Conduct) Rules 2015. URL : <https://sso.agc.gov.sg/SL/LPA1966-S706-2015?ProvIds=P11-#pr4-> (дата обращения 15.09.2023).

References:

1. Abubakirova V.E. Labour discipline and labour discipline: similarities and differences of concepts / V.E. Abubakirova // In the collection: achievements and prospects of economic sciences. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Scientific Centre «Aeterna». 2014. P. 3–4.

2. Vasin A.V. Admission of foreign lawyers to the national markets of legal services: the experience of foreign countries and its relevance in the light of the upcoming Russian reform / A.V. Vasin, Y.V. Zagonek // Law. 2017. № 11. P. 101–109.
3. Vlasova A.V. Organisation of the Bar in foreign countries / A.V. Vlasova; Under the general editorship of E.P. Tkacheva // In collection: New technologies in social and humanitarian sciences and education: current state, problems, prospects of development. Collection of scientific papers on the materials of the International scientific-practical conference : in 4 parts. 2018. P. 39–41.
4. The concept and meaning of labour discipline / A.I. Kopaeva, K.M. Sulyk, O.A. Umriylova, D.M. Grebenschikov, Y.I. Chikunova // Tribuna scholar. 2022. № 8. P. 122–124.
5. Romanov A.A. Features of the professional status of a lawyer in Singapore / A.A. Romanov, E.Y. Nalimova // Arbitration and Civil Procedure. 2019. № 12. P. 57–60.
5. Legal Profession Act. URL : <https://www.sile.edu.sg/pdf/Legal%20Profession%20Act.pdf> (date of the application 15.09.2023).
6. Legal Profession (Professional Conduct) Rules 2015. URL : <https://sso.agc.gov.sg/SL/LPA1966-S706-2015?Provs=P11-#pr4-> (date of the application 15.09.2023).

Информация об авторе

Елфимов Дмитрий Борисович
аспирант,
Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина
dmitry_elfimov@mail.ru

Dmitry B. Elfimov
Postgraduate Student,
Moscow State Law University
named after O.E. Kutafina
dmitry_elfimov@mail.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.012>

УДК 342.53

Attribution

cc by

ПЕРСПЕКТИВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ В ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Емельянцеv А.Э.

*Крымский филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Симферополь, Россия*

Аннотация. Актуальность данного исследования заключается в том, что его автор выявил перспективы использования нейронных сетей в законотворчестве и их влияние на обеспечение прав и свобод человека. Цель исследования. Изучение особенностей искусственного интеллекта в юридической деятельности и их влияние на обеспечение прав человека на примере использования нейронных сетей в законотворческой деятельности.

Методы. Сравнительный анализ, исторический метод, сравнительно-правовой.

Результаты. В данных материалах рассмотрены возможности внедрения искусственного интеллекта в законотворческий процесс России, а также раскрыты достоинства и недостатки такого внедрения и их влияние на права человека. Указывается на установление базовых правовых основы обслуживания и использование нейронных сетей в ряде государств.

Выводы. Использование нейронных сетей в значительной мере может облегчить процессы взаимодействия человека и органов публичной власти при соблюдении надлежащих принципов и условий в их обучении и тренировке, что в целом позитивно отразится на реализации прав и свобод человека в России.

Ключевые слова: законотворчество, парламентаризм, искусственный интеллект, этика искусственного интеллекта.

PROMISING USE OF NEURAL NETWORKS IN LAWMAKING AND THEIR IMPACT ON ENSURING HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS

Alexey E. Emeliantsev

Crimean Branch of the Russian State University of Justice, Simferopol, Russia

Abstract. The relevance of this study lies in the fact that its author identified the prospects for the use of neural networks in lawmaking and their impact on ensuring human rights and freedoms. Objective. To study the features of artificial intelligence in legal activity and their impact on ensuring human rights by the example of the use of neural networks in lawmaking.

Methods. Comparative analysis, historical method, comparative legal.

Results. In these materials, the possibilities of introducing artificial intelligence into the legislative process of Russia are considered, as well as the advantages and disadvantages of such implementation and their impact on human rights are revealed. It is pointed out that the establishment of the basic legal basis for the service and the use of neural networks in a number of states.

Conclusions. The use of neural networks can greatly facilitate the processes of interaction between a person and public authorities, subject to the proper principles and conditions in their training and training, which in general will have a positive impact on the realization of human rights and freedoms in Russia.

Keywords: lawmaking, parliamentarism, artificial intelligence, ethics of artificial intelligence.

Введение. Упоминание нейросети сегодня встречается очень часто, но далеко не все правильно понимают его значение. Многим и сегодня симбиоз техники и человеческой нервной системы кажется недостижимым. Вместе с тем, ученые уже давно ведут исследования в области нейросетевых технологий. Теоретические основы были сформированы еще в 40–60-х годах

XX века, развитие технологий на протяжении последних 60 лет позволило воплотить идеи исследователей в реальность [1].

В науке существует несколько подходов к определению понятия нейронных сетей. На наш взгляд, следует консолидировать их и определить как математические модели, помещенные в

цифровые вычислительные устройства, которые имитируют работу нервной системы человека, с целью решения конкретной поставленной задачи под контролем человека. Они состоят из соединенных вместе вычислительных алгоритмов, которые обрабатывают и передают информацию, а также обучаются на основе большого количества данных [1; 2; 3; 4].

Искусственный интеллект (ИИ) в виде нейросетей сейчас повсеместно начинает использоваться во многих областях, таких как медицина, производство и транспорт. В обозначенных сферах нейронные сети могут использоваться для решения разнообразных задач, таких как распознавание образов, прогнозирование результатов и оптимизация процессов.

Результаты. Однако в праве к использованию нейронных сетей относятся достаточно настороженно, что обусловлено спецификой внедрения и применения и недостаточной изученностью ряда аспектов.

Среди позитивных аспектов, направленных на развитие данного процесса, является установление базовых правовых основы обслуживания и использование нейронных сетей в ряде государств.

Так, использование нейронных сетей базируется на таких принципах как:

- уважение основополагающих прав человека;
- недискриминация;
- качество и безопасность использования;
- прозрачность, беспристрастность и достоверность данных;
- обязательный контроль со стороны пользователя [2].

Обсуждение. В Российской Федерации активно начинают применяться упрощенные модели нейронных сетей в деятельности органов исполнительной и судебной власти, как на федеральном, так и на региональном уровнях [3; 4]. Формируется необходимая правовая основа, например в виде «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [3].

Яркими примерами использования данной технологии является внедрение нейросети «Vika» в мобильное приложение электронной автоматизированной системы «Госуслуги Югры», позволяющее упростить процесс подачи обращений граждан в органы государственной власти данного субъекта, и как итог более эффективная реализации ст. 33 Конституции РФ [5].

Кроме этого, искусственный интеллект планируется привлечь к процессу отбора кандидатов в

судьи. По мнению главы Совета судей РФ Виктора Момотова, ему можно поручить формирование предварительной характеристики кандидата на основе данных и составление общего представления для оценки и окончательного вывода по таким критериям, как профессиональные и личные качества, добросовестность и компетентность [6].

В отношении использования нейронных сетей в деятельности органов законодательной (представительной) власти наблюдается недостаточная заинтересованность со стороны отечественных исследователей и законодателей, что является, по нашему мнению, серьезным недостатком в вопросах перспективного позитивного использования данной технологии, позволяющее более качественно обеспечить и реализовать как права граждан, так и увеличить эффективность деятельности парламентариев.

Анализируя потенциал нейросети в иных сферах, как нам представляется, на стадии выявления потребности в разработке и принятии нормативно-правового акта в виде федерального либо регионального закона, алгоритмы нейронных сетей можно настроить таким образом, чтобы оперативно рассмотреть данные опросов общественного мнения, сложившейся судебной и правоприменительной практики и выявить общий результат, а также спрогнозировать возможные последствия действия такого закона. Это может сэкономить законодателям значительное время и усилия при проведении юридических исследований, помогая им принимать более обоснованные решения и разрабатывать совершенное законодательство. Совершенное законодательство в итоге позволит в значительной мере улучшить взаимодействие граждан и органов публичной власти.

На стадии законодательной инициативы, возможно использовать нейронные сети для формирования подробной пояснительной записки законопроекта, социально-экономического обоснования принятия разрабатываемого нормативно-правового акта.

В рамках парламентских процедур доработки законопроекта профильными комитетами, нейросети могут помочь в процессе составления сравнительных таблиц, выявить возможные правовые коллизии и провести аналог правовой, лингвистической экспертизы под контролем соответствующих специалистов и привлекаемых внешних экспертов и ученых.

Использование верно обученных алгоритмов нейронных сетей позволит избежать и технических ошибок в тексте нормативно-правового акта.

Однако необходимо учитывать, что нейронные сети могут содержать ошибки и предвзятость, особенно если они обучены на данных, которые отражают определенные предубеждения. Также, существуют и риски, связанные с возникновени-

ем угроз приватности и безопасности данных. Поэтому при использовании нейронных сетей в законодательном процессе, необходимо убедиться в точности и безопасности данных и использовать их только в качестве дополнительного инструмента для принятия решений.

Заключение. Таким образом, использование нейронных сетей в значительной мере может облегчить процессы взаимодействия человека и органов публичной власти, позволит повысить эффективность деятельности законодательных органов, всех уровней публичной власти на различных стадиях законотворческого процесса, что

позитивно отразится на качестве принимаемых законов, позволит усилить обеспечение и реализацию права человека, а также повысить уровень доверия к обществу к органам публичной власти. Однако бездумное и вольное использование данной технологии может иметь обратный эффект; для предотвращения его негативного влияния следует одновременно обеспечить надлежащий уровень безопасности и качества данных для обучения нейронных сетей. В этой связи, разумным, на наш взгляд, является проведение дальнейших исследований и популяризация исследуемой темы среди научного юридического сообщества и практиков в данной сфере.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Кирова Л.М. Правовые аспекты использования нейронных сетей / Л.М. Кирова, М.Л. Макаревич // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 1(27). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-ispolzovaniya-neyronnyh-setey> (дата обращения 27.03.2023).
2. Гурбанов Р.А. оглы. Европейская хартия об этических принципах применения искусственного интеллекта в судебных системах: ценностные ориентиры / Р.А. Гурбанов оглы. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 1. С. 78–79.
3. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Официальный портал правовой информации.
4. Деев С.А. Перспективы и проблемы применения искусственного интеллекта в правотворческой деятельности и в правоприменении / С.А. Деев // Молодой ученый. 2022. № 38(433). С. 111–114. URL : <https://moluch.ru/archive/433/95100> (дата обращения 25.04.2023).
5. Проект Депинформтехнологий Югры «Нейронная сеть для Госуслуг» занял третье место в номинации «Лучший проект по цифровизации региона» // Официальный сайт администрации ХМАО – Югра. URL : <https://depit.admhmao.ru/vse-novosti> (дата обращения 15.06.2023).
6. Нейросети могут подключить к процессу отбора кандидатов в судьи Российской агентств правовой и судебной информации // Официальный сайт российского агентства правовой и судебной информации. URL : <https://clck.ru/34oj4m> (дата обращения 15.06.2023).

References:

1. Kirova L.M. Legal aspects of the use of neural networks / L.M. Kirova, M.L. Makarevich // Innovative economy: prospects for development and improvement. 2018. № 1(27). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-ispolzovaniya-neyronnyh-setey> (date of the application 27.03.2023).
2. Gurbanov R.A. ogly. The European Charter on Ethical Principles of the use of Artificial Intelligence in judicial systems: value orientations / R.A. Gurbanov ogly // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2020. № 1. P. 78–79.
3. Decree of the President of the Russian Federation dated 10.10.2019 № 490 «On the development of artificial intelligence in the Russian Federation» (together with the «National Strategy for the Development of artificial Intelligence for the period up to 2030») // Official portal of legal information.
4. Deev S.A. Prospects and problems of the use of artificial intelligence in law-making activities and in law enforcement / S.A. Deev // Young scientist. 2022. № 38(433). P. 111–114. URL : <https://moluch.ru/archive/433/95100> (date of the application 04/25/2023).
5. The Ugra Depinformtechnologies project «Neural network for Public Services» took the third place in the nomination «The best project for digitalization of the region» // Official website of the administration of KhMAO – Ugra. URL : <https://depit.admhmao.ru/vse-novosti> (date of the application 06/15/2023).
6. Neural networks can be connected to the process of selecting candidates for judges of the Russian Legal and Judicial Information Agency // The official website of the Russian Legal and Judicial Information Agency. URL : <https://clck.ru/34oj4m> (date of the application 06/15/2023).

Информация об авторе

Емельянцев Алексей Эдуардович
преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Крымский филиал Российского
государственного университета правосудия
lexfutur@yandex.com

Alexey E. Emeliantsev
Lecturer of the Department
of State and Legal Disciplines,
Crimean branch
of the Russian State University of Justice
lexfutur@yandex.com

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.045>

УДК 340

Attribution

cc by

ТЕХНИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В РАМКАХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ

Зацепин М.Н., Зацепин А.М.

Уральский государственный юридический университет

Аннотация. Цель. В данной статье были рассмотрены технические аспекты исследования доказательств в рамках криминологических расследования преступлений.

Методы. При обсуждении конкретных методов исследования, применяемых в рамках общих методологических принципов, нужно проводить различие в зависимости от того, подвергается ли мы анализу явление на общем или единичном уровнях. Совершенно очевидно, что одни методы применяются к исследованию массового явления и совсем другие – к анализу единичного явления.

Результаты. При расследовании события преступления в уголовном судопроизводстве они находятся в неразрывной связи с проблемными обстоятельствами, подлежащими доказыванию в процессе судопроизводства. Методы собирания доказательств, т.е. обычных фактов, явлений, событий совершающихся в жизни людей, существующими объективно и вступающими в сферу уголовного судопроизводства при совершении правонарушения имеет большое значение и находится в компетенции следствия и органов дознания.

Выводы. На основе анализа большого числа единичных явлений мы приходим к таким выводам, с использованием которых может быть проведена соответствующая группировка для анализа массового явления и могут быть выделены факторы, на основе которых мы можем разработать гипотезу исследования для выхода на уровень обобщения со статистическими методами исследования. При исследовании единичного случая, в ходе анализа условий воспитания, школьного обучения лица, совершившего преступление, отношений на работе, семейных и других общественных связей мы можем вскрыть такие явления, которые можно признать в качестве детерминирующих при совершении преступления или формировании преступника. Эти факторы в силу их повторяемости будут пригодны для гипотетического обобщения, на основе которого они затем могут быть использованы как индекс при статистическом анализе массового явления.

Ключевые слова: технические методы исследования, преступление, доказательства, статистика, статистические материалы.

TECHNICAL METHODS OF EVIDENCE RESEARCH WITHIN THE FRAMEWORK OF CRIMINOLOGICAL PRINCIPLES

Mikhail N. Zatsepin, Alexander M. Zatsepin

Ural State Law University

Annotation. Goal. In this article, the technical aspects of the investigation of evidence in the framework of criminological investigations of crimes were considered.

Methods. When discussing specific research methods used within the framework of general methodological principles, a distinction should be made depending on whether we are analyzing a phenomenon at a general or individual level. It is quite obvious that some methods are applied to the study of a mass phenomenon and quite others to the analysis of a single phenomenon.

Results. When investigating the event of a crime in criminal proceedings, they are inextricably linked with problematic circumstances that are subject to proof in the course of legal proceedings. Methods of collecting evidence, i.e. ordinary facts, phenomena, events occurring in people's lives that exist objectively and enter the sphere of criminal proceedings when committing an offense is of great importance and is within the competence of the investigation and the bodies of inquiry.

Conclusions. Based on the analysis of a large number of individual phenomena, we come to such conclusions, using which an appropriate grouping can be carried out for the analysis of a mass phenomenon and factors can be identified on the basis of which we can develop a research hypothe-

sis to reach the level of generalization with statistical research methods. In the study of a single case, in the course of analyzing the conditions of upbringing, schooling of a person who committed a crime, work relationships, family and other public relations, we can reveal such phenomena that can be recognized as determinative in the commission of a crime or the formation of a criminal. These factors, due to their repeatability, will be suitable for hypothetical generalization, on the basis of which they can then be used as an index in the statistical analysis of a mass phenomenon.

Keywords: technical research methods, crime, evidence, statistics, statistical materials.

Введение. В последние годы статистика становится мощным средством социального познания, обзоры причин преступности составляются в практических органах суда и прокуратуры, стремятся обосновать выводы и предложения собранным и отработанным ими статистическим материалом, которым воспользуемся для примеров и мы. Динамика направляемых следователями уголовных дел в суд, ежегодно увеличивается к предыдущему году, одновременно возрастает и количество возвращенных, а (методы сбора первичного материала) таковы, что невозможно определить предмет доказывания [6].

Характер методов анализа преступного деяния как единичного явления определяет тот факт, что оно возникает таким же образом, как и всякое другое человеческое поведение. Физическому действию или бездействию, выражающему преступное деяние, предшествует такой же психический процесс, какой предшествует любому другому поступку человека. Из этого следует, что при анализе преступления наряду с учетом его специфических особенностей (общественной опасности, виновности) нужно брать за основу методы, применяемые при анализе любого человеческого поведения, то есть общие методы психологии поведения.

В соответствии своих полномочий, определения, выносимые судами в связи с направлением материалов на дополнительное расследование, изучение их показывает, что основными причинами являются ошибки понимания способов собирания доказательств, когда проявляются нарушения и в большинстве случаев возвращенных дел на доследование суды ссылаются на нарушения требования Закона и необходимости его соблюдения [2].

Основным и, в сущности, применяемым во всех случаях, объективным методом исследования является наблюдение. Его надлежит понимать широко, в логическом смысле, как наблюдение, осуществляемое при помощи органов чувств. Речь идет о таком постоянном методе познания, в рамках которого в зависимости от характера явления, образующего предмет наблюдения, а равно в зависимости от имеющегося в распоряжении наблюдателя материала, поочередно применяются логические методы анализа и синтеза, индукции и дедукции. Во всяком случае, нужно сказать, что необходимы условия для того, чтобы наблюдение отвечало требованиям научного анализа, ибо в отличие от наблюдения, взятого в обыденном смысле, наблюдение, со-

ответствующее требованию науки, не может ограничиваться простой регистрацией явлений и факторов.

Научное наблюдение прежде всего должно быть целенаправленным. Цель наблюдения определяется предметом науки или же ее указывает теоретическая позиция, соответствующая специальным требованиям исследования данной науки. Предмет наблюдения, то есть явление, подлежащее анализу, необходимо выделить из общей связи, в зависимости от аспекта наблюдения те или иные явления и связи нужно отграничить от явлений и связей, не являющихся существенными. Это выделение, казалось бы, идет в ущерб полноте, однако, по нашему мнению. Отделение несущественных явлений и связей обеспечивает возможность относительной полноты наблюдения над существенными явлениями и связями. Только таким образом можно обеспечить действительность наблюдения, так как вследствие бесконечного разнообразия взаимных связей между явлениями нельзя проводить наблюдение одновременно всех явлений, следовательно, предпосылка правильного наблюдения состоит в том, чтобы на основе запланированной целевой установки брать в качестве предмета наблюдения только те явления, которые представляются существенными и соответствуют характеру исследования.

В познавательном процессе, проведенном с помощью метода наблюдения, можно провести регистрацию соответствующих явлений, однако она может не удовлетворить требованиям научного исследования. Требования, предъявляемые к криминологическим исследованиям, не могут сводиться к простому описанию соответствующих явлений, кроме того, необходимо также раскрыть причинные и иные связи между анализируемыми явлениями и дать соответствующее объяснение. Основу для такого объяснения составляют фактические данные, полученные путем наблюдения, имеющийся познавательный материал, связанный с этими явлениями, а равно теории, созданные к этому моменту и основанные на практическом опыте. Если в процессе познания мы встречаемся с новыми явлениями, в отношении которых у нас нет еще данных или накопленного практического опыта, тогда возникает необходимость сформулировать гипотезу, которой мы можем подкрепить свои объяснения [7].

В этом случае объяснение, несомненно, приобретает несколько субъективный характер, однако последующая проверка выдвинутых гипотез, более точное их формулирование, подкрепление

© Зацепин М.Н., Зацепин А.М.

или замена новыми аргументами на основе новейших данных, полученных в процессе наблюдения, все это способно исключить элементы субъективизма. Следовательно, наблюдение является научным методом только тогда, когда явления не только описываются, регистрируются, но и объясняются [4].

Далее, эти общие принципы метода наблюдения нужно применить к конкретному анализу. Наблюдение в отношении преступления проводится в двух направлениях – в отношении его объективных и субъективных признаков. В процессе наблюдения объективных черт мы изучаем внешние признаки преступления, формы его проявления, способ и средства совершения, прочие объективные обстоятельства и последствия преступления. Знание внешних признаков преступления дает возможность сделать выводы относительно способностей, характера, направленности исполнителя преступления, то есть о всей его личности, что образует основу для наблюдения в плане субъективных моментов для глубокого изучения его личности. Естественно, на практике эти два направления не разграничиваются так резко, при анализе единичных явлений учитывается совместная взаимодействующая роль и объективных, и субъективных факторов, поэтому только такое наблюдение может дать соответствующий результат. Постепенная роль объективных факторов определяет начальный момент и сам ход процесса наблюдения, то есть его продвижение от внешних факторов к внутренним. Как показывает анализ, следователи недостаточно «серьезно» относятся к выдвиганию и исследованию всех реально возможных версий об обстоятельствах, характере события, собранные доказательства тщательно не исследуют, как смягчающие, так и отягчающие вину подозреваемых и обвиняемых. Не устанавливают весь круг фактических обстоятельств, могущих оказать существенное влияние на решение дела, не всегда дают оценку обстоятельствам в их точном соответствии с действительностью [3].

Непосредственное наблюдение за поведением исполнителя преступления начинается с возбуждения уголовного дела и является необходимым в течение всего процесса его расследования и судебного рассмотрения, так как таким путем могут быть получены данные, характеризующие личность субъекта преступного деяния. Следует далее изучить социальное положение исполнителя в прошлом и в настоящем, что включает обстоятельства, касающиеся его воспитания, условий пребывания в школе, семье, в трудовом коллективе и т.д., то есть обстоятельства, характеризующие весь его жизненный путь, который на практике можно воссоздать только реконструктивным образом, частично путем его собственных показаний, частично же путем изучения обстановки. Соответствующие факты из числа перечисленные выше опираются, в частности, на информацию соучастников. Наблюдение применяют также в процессе исполнения

наказания. Более того, анализ эффективности наказания свидетельствуют о необходимости продолжения наблюдения и в стадии после отбытия наказания, а может быть, и еще позже. Из характера обстоятельств, образующих предмет наблюдения, следует, что практически этим методом могут пользоваться органы, на которые возложена функция уголовного преследования и исполнения наказания. Эта деятельность может быть непосредственной, но она может осуществляться и в опосредованной форме, как, например, изучение обстоятельств совершения преступления и прошлого исполнителя, которые можно наблюдать только путем реконструкции.

В следственной практике не изжит такой «системный» рудимент и достаточно случаев, переоценки признательных показаний обвиняемых, без учета обстоятельств, что они должны подтверждаться совокупностью других фактических данных и закрепления доказательств участия в совершении конкретного преступления [5].

Для научного работника в принципе существует только возможность опосредованного и последующего наблюдения, хотя в отдельных случаях и в отношении некоторых частных явлений он может применить этот метод и непосредственно. Однако обычно мы опираемся на наблюдение, проведенное должностными лицами. Практически это происходит посредством изучения и обработки словесной информации, записей, официальных документов, собранных органами, проводящими наблюдение. Сфера наблюдения научных работников может быть расширена, если в нее включить, с одной стороны, проведение соответствующей научной деятельности в форме непосредственного наблюдения, с другой стороны, ее расширение может быть достигнуто, если внимание органов уголовного преследования будет обращено на наблюдение и фиксирование обстоятельств, существенных с криминологической точки зрения.

Проблемные обстоятельства невольно побуждают орган дознания или следователя, в ряде случаев не проверяя возможные версии совершения преступлений, в том числе выдвинутые обвиняемыми, не устанавливается в полном объеме сумма похищенного имущества, недостаточно исследуется личность обвиняемых, в результате чего неполнота предварительного следствия приводит к невозможности проверить их достоверность в судебном разбирательстве [1].

Сам по себе метод наблюдения является недостаточным для того, чтобы получить представление о конкретных причинах и иных связях какого-либо преступления. Наблюдение как объективный метод пригоден для того, чтобы получить картину внешнего проявления преступления, внешнего поведения исполнителя или осужденного и его социального положения. Наблюдение является исходной позицией, открывающей возможность сделать умозаключения относительно

личности преступника, раскрыть характерные особенности его психики. В процессе анализа психических особенностей личности отыскивают те социальные детерминанты, которые воздействовали на нее таким образом, что она противопоставила себя требованиям общества и проявилась в совершении преступления.

Для анализа личности в этом направлении пригоден метод индивидуальной беседы, интервью. Задача его заключается в том, чтобы на основе объективного наблюдения, опираясь на полученные фактические данные, а равно на выводы, извлеченные из них, вскрыть содержание психики индивида. В процессе беседы исследователь стремится к тому, чтобы поговорить с изучаемым лицом прежде всего о его деянии, а также о содержании предшествовавшего этому психического процесса жизни изучаемого. Понятно, что непременным дополнением метода индивидуальной беседы является метод наблюдения, следовательно, здесь имеет место комбинированное применение обоих методов. По своему характеру индивидуальная беседа является субъективным методом. Объективность его в значительной мере зависит от собственных мнений. Взглядов и точек зрения исследователя.

Вследствие этого нужно как применительно к исследователю. Так и применительно к исследуемому лицу стремиться к тому. Чтобы снизить неизбежный субъективизм до самых минимальных пределов. В целях исследователь должен заранее иметь в своем распоряжении как можно больше объективной информации, так как значение ее, с одной стороны, гарантирует от того, что исследователь станет рабом минутных и поверхностных впечатлений, с другой – это значение нейтрализует проявление субъективных элементов при раскрытии объективных данных, касающихся исследуемого лица. Нужно, далее, следить за тем, чтобы уровень беседы соответствовал умственным способностям опрашиваемого лица. Следует создавать надлежащую атмосферу для того, чтобы преодолеть очень часто встречающуюся сдержанность, иногда упрямую оппозицию и побуждать исследуемую личность к искренности. Вообще следует стимулировать лицо к сотрудничеству, беседа не может быть шаблонной, в ходе ее следует стремиться заинтересовать опрашиваемое лицо, тогда оно само проявит готовность оказать помощь в работе, направленной на раскрытие анализируемых явлений.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Верховный суд выпустил четвертый Обзор практики за 2021 г. (17.02.2022). URL : <https://pravo.ru/story/239259>
2. Женщины в РФ стали совершать больше преступлений. 31.10.2022 г. URL : <https://parvo/news/243643>
3. Раскрытый свидетель и переписанные решения: вышел новый вестник ВККС. 08.06.2022. URL : <https://pravo.ru/story/240695>
4. Рубинштейн С. Основы общей психологии. М., 1940.
5. Смягчающие обстоятельства и смена подсудности: уголовные позиции ВС за май. (06.07.2022) URL : <https://pravo.ru/story/241459>
6. Суддеп опубликовал статистику судимости в России. 12.10.2022 г. URL : <https://parvo.ru/news/243360>
7. B. Fogarasi. Logika, 311 old

References:

1. The Supreme Court has issued the fourth Review of Practice for 2021 (17/02/2022). URL : <https://pravo.ru/story/239259>
2. Women in the Russian Federation began to commit more crimes. (31.10.2022) URL : <https://parvo/news/243643>
3. Uncovered witness and rewritten decisions: a new bulletin of the VKKS has been released. 08.06.2022. URL : <https://pravo.ru/story/240695>
4. Rubinstein S. Fundamentals of General psychology. M., 1940.
5. Mitigating circumstances and change of jurisdiction: criminal positions of the Armed Forces for May. (06.07.2022). URL : <https://pravo.ru/story/241459>
6. The Judicial Department has published statistics on criminal records in Russia. (12.10.2022). URL : <https://parvo.ru/news/243360>
7. B. Fogarasi. Logic, 311 old.

Информация об авторах

Зацепин Михаил Николаевич

доктор юридических наук,
профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
аналитик управления научных исследований
и международного сотрудничества УрГЮУ,
вице-президент
Российской криминологической ассоциации
mnz-1958@mail.ru

Зацепин Александр Михайлович

доктор юридических наук,
доцент,
профессор кафедры уголовного права УрГЮУ,
член Российской криминологической ассоциации,
старший прокурор отдела по надзору
за оперативно-разыскной деятельностью
прокуратуры Свердловской области
tp0507@ya.ru

Mikhail N. Zatsepin

Doctor of Law,
Professor,
Honored lawyer of the Russian Federation,
Research Directorate Analyst and International
Cooperation of Ural State Law University,
Vice President of the Russian Criminological Association
mnz-1958@mail.ru

Alexander M. Zatsepin

Doctor of Law,
Associate Professor,
Professor of the Department of Criminal Law
of Ural State Law University,
Member of the Russian Criminological Association,
Senior Prosecutor of the Department for Supervision
of Operational Investigative Activities
of the Prosecutor's Office of the Sverdlovsk region
tp0507@ya.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.013>

УДК 343

Attribution

cc by

ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗ ОТ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Зыков Д.А., Савин А.А.

Владимирский юридический институт ФСИН России

Аннотация. Актуальность данной темы обусловлена незнанием большинства граждан о возможном исключении уголовной ответственности даже при начале осуществления запрещённого действия или бездействия. Человек обязан знать не только о запретах и дозволениях, но и об исключениях, возложенных на него обществом и государством. В этом, казалось бы, противоречии окажет помощь установление временных отрезков и субъективное стремление избежать губительного результата своей деятельности, при которой преступления, попадающие под условия уголовной статьи декриминализируются согласно законодательству Российской Федерации. Каждый человек носитель субъективной истины, а общество со временем рассудит её подлинность и правильность, поэтому не так страшно допустить неверный шаг, чем в последствие не поменять направление неправильного движения.

Ключевые слова: преступление, наказание, уголовный закон, добровольный отказ, состав преступления.

PROBLEMS OF PRACTICAL IMPLEMENTATION OF THE LAW ON VOLUNTARY REFUSAL TO COMMIT A CRIME

Daniil A. Zykov, Andrei A. Savin

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Abstract. The relevance of this topic is due to the ignorance of the majority about the possible exclusion of criminal liability even at the beginning of the prohibited action or omission. A person is obliged to know not only about prohibitions and permits, but also about the exceptions imposed on him by society and the state. In this seemingly contradiction, the establishment of time intervals and the subjective desire to avoid the disastrous result of their activities will help, in which crimes falling under the conditions of the article are decriminalized according to the legislation of the Russian Federation. Every person is a bearer of subjective truth, and society will eventually judge its authenticity and correctness, therefore it is not so scary to make a wrong step than not to change the direction of the wrong movement later.

Keywords: crime, punishment, criminal law, voluntary refusal, corpus delicti.

Введение.

Каждый год на территории России регистрируются около 2 миллионов преступлений. Большинство дел, которые не несут достаточной или необходимой доказательной базы, прекращаются в досудебном порядке. По причине нежелания снижения репутации, правоохранительные органы не отправляют в судебные инстанции дела, у которых нет перспектив разрешения. Эффективность данного подхода подкрепляет уменьшение количества оправдательных приговоров.

Политический курс государства, работа в сфере повышения правового сознания и подавлению авторитетов в преступной среде приносят свои плоды.

Определим влияние уровня запрещённости на назначение наказания при совершении действий или бездействий, подпадающих под действие норм уголовного законодательства РФ.

В подавляющем большинстве, превалируют преступления небольшой тяжести, наверное, по причине того, что наиболее частые преступления – хищения чужого имущества, предусматривающий этот состав. В случае же совершения неоконченного преступления, подпадающего под признаки преступного злодеяния средней, тяжкой или особо тяжкой статьи, доказать свою невиновность или своевременное исправление будет, в высшей степени, проблематично, так как почти со стопроцентной вероятностью довести дело до конца не позволяют внешние факторы, а не внутреннее убеждение о своей ошибке.

© Зыков Д.А., Савин А.А.

Обсуждение.

Согласно официальным источникам, уровень жизни в России с каждым годом повышается: уменьшается количество правонарушений и преступлений [1], увеличивается средняя заработная плата, продолжительность жизни жителей государства, проводятся экономические мероприятия для пресечения бедности и многое другое. Однако любая положительная статистика содержит в себе и тёмную сторону: повышенная продолжительность жизни – «старение» населения, заработная плата повышается у начальников, а не у рабочего класса, снижается уровень преступности, а с ним и количество оправдательных приговоров.

По нашему мнению, не следует опираться только на одни статистические данные, т.к. из истории известно, что её всегда возможно подкорректировать под интересы правящей элиты, составляющей меньше десятой процента населения. Необходимо иметь устойчивую гражданскую позицию по всему списку проблемных вопросов и обдуманно относиться к любому виду информации.

Ежегодная регрессия преступной активности бесспорно идёт на пользу всему публично-правовому институту, но институт добровольного отказа при этом ущемляется, так как более компетентные и подготовленные специалисты легко докажут твою личную неправоту, чем будут способствовать скорейшему прекращению уголовного дела.

Необходимо обратить внимание читателя на то, что в исследованиях по уголовному праву и криминологии добровольный отказ от совершения преступления понимается как «стремление законодателя заинтересовать одних граждан в активном участии в борьбе с преступностью, других – побудить к добровольному отказу от преступления, ... в обмен на их безусловное освобождение от уголовной ответственности или возможность такого освобождения, либо фиксированное наказание» [2].

Результаты.

Базисом публично-правовых отношений, относящихся к преступлениям, являются Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, Конституция. Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

По общему мнению, в источниках уголовного права написано всё предельно ясно и без многозначного понимания. Как не трагично, но даже этот стиль, закреплённый в законе норм, не заполняет весь спектр возникающих вопросов: Какой именно этап преступления является точкой невозврата? До какого времени всё ещё поправимо? Должен ли мыслительный переворот в

сознании влиять на декриминализацию содеянного?

Пленумы Верховного суда помогают разобраться в возникших проблемах, однако и они не в состоянии охватить всё.

Попытаемся ввести несколько предложений, после которых ни у правоведов, ни у обычных граждан не должно остаться недопониманий касательно добровольного отказа в совершении преступления.

Во-первых, полагаем необходимым внести поправку в Уголовный кодекс в самую статью «Добровольный отказ от совершения преступления» пункт о наличии уголовной ответственности за совершённое деяние, и исключаящее назначение любого вида уголовного наказания, потому что, фактически, при овладении информацией о каком-то противоправном деянии сотрудники правоохранительных органов привлекают подозреваемого к ответственности по делу, но в большинстве случаев прекращают производство.

Во-вторых, мнение Пленума Верховного суда по поводу вопроса о самовольном отказе требуется закрепить в его постановлении, затрагивающем всесторонне предмет обсуждения. Это разрешит в безболезненной форме конечную позицию законодательных органов и оставит любого рода прения в прошлом.

В-третьих, юридически разделить понятия внутреннего и внешнего отказа от совершения преступления, возникающие в сознании и в реальности. Внутренний отказ – до начала процесса преступления, а внешний – после произведения конкретных действий до наступления непоправимых последствий.

В обоих случаях после сделанного выбора человеку следует незамедлительно обращаться в органы внутренних дел, которые в специальном порядке удостоверятся в правильности показаний и перестанут его притеснять.

Кроме указанного выше, присутствует мнение о том, как переиначить добровольный отказ до деятельного раскаяния и, объединив эти нормы, создать новую – радикальную корректировку злоумышленника. В этой норме не будет иметь значение изменение по протеканию (исполнению) или окончанию уголовно-наказуемого правонарушения; востребовано будет лишь одно желание исправиться. Лицо будет подлежать уголовной ответственности и наказываться в размере доли от максимального наказания за данное преступление, например, 1/10, 1/20 от нижней границы санкции нормы, но не менее минимально установленного срока – двух месяцев. Необходимость применения неотвратимости наказания заключается в том, что любое запрещённое деяние обязано быть отмеченным и наказание санкционировано государством.

Подозрительное затишье в этом вопросе наталкивает на раздумья: Принесёт ли непогрешимый правовой акт исключительно пользу всем или его намеренно не доводят до стадии совершенного? Все ли члены общества сейчас зависимы от недоделанной работы правосоздателей?

Полагаем, что нужно придерживаться точки зрения, по которой брешь в одной правовой системе предопределяет пробелы и в других отраслях права, а потому безучастность в этой ситуации немислима и требует отклика всех участников общественных отношений. В противном случае, неразрешимая совокупность обстоятельств дестабилизирует положение граждан и, в результате, предвечёт произвол беззакония.

По своему нахождению в кодексе, норма об отпущении от преступного деяния уже является уникальной и парадоксальной. В России это новшество законодателем позаимствовалось у западных государств и охранителями порядка воспринялось в начале недоброжелательно, потому что появилась лишняя обязательная работа, не несущая за собой ничего хорошего сотрудникам государственного аппарата, кроме привилегированного статуса преступника – «исправленный до назначения наказания».

Заключение.

Добровольный отказ от совершения преступления является носителем неоднозначной правовой природы, которую можно улучшить, создать без изъянов и пререканий, пробелов и неточностей. В настоящий момент вероятность быть оправданным и доказать, что на самом деле имел место добровольный отказ, менее 0,003 %, а куда больше шансов присутствует при досудебном рассмотрении дела, но если дело доходит до суда – обвиняемому с большей долей вероятности придется мириться с поражением. Достоин ли преступник такой неутешительной статистики? – вопрос достаточно дискуссионный.

Особым условием применения рассматриваемой нормы – отсутствие общепризнанного состава

преступления, а именно, субъективной стороны. Вина, как таковая, отсутствует: по прямому волеизъявлению несостоявшегося преступника преступный акт прекращается добровольно, окончательно и бесповоротно, хотя продолжение было допустимо и реально. Самостоятельная инициатива перестановки ошибочных убеждений поощряется законом, поэтому груз ответственности за неоконченное преступление не возлагается ни на кого.

На самом деле, эта норма несёт в себе больше философский подтекст, ибо каждый человек вправе заблуждаться, а затем поменять мнение и исправить источник собственной неосведомлённости [3]. Начало совершения преступления ещё не сулит ничего катастрофического ни преступнику, ни обществу равно до того момента, как сам нарушитель закона будет не в состоянии что-либо изменить. Переосмысление внутренних установок – нестабильный процесс. Здесь либо принимаешь одобряемую законом модель поведения, либо меняешься безвозвратно в худшую сторону. Этот выбор влияет на дальнейшую судьбу преступника, заставляет его одуматься или развращает полностью. Вопросы о необходимости этого правового института отпадают априори.

Человек в одностороннем порядке избирает свой жизненный путь и единолично отвечает за последствия сделанного выбора. Воздержаться от вредного во благо пользы для общества, перестать разрушать и начать создавать, оставить за собой следы грязи или указывающие и подталкивающие на новые свершения – самостоятельное решение любого человека. Величие поступков, как ни печально осознавать, поддается оценке позднее смерти человека. Каждый человек - носитель субъективной истины, а общество со временем рассудит её подлинность и правильность, поэтому не так страшно допустить неверный шаг, чем в последствие не поменять направление неправильного движения. Статья 31 УК предусматривает этот неточный шаг, но не рассчитывает на дальнейший порочный курс.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Состояние преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2022 года. Сводные статистические данные Официальный сайт МВД РФ. URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677>
2. Гамалей А.А. Компромиссные нормы в праве: общие характеристики и возможности использования / А.А. Гамалей, М.А. Мусинова // Российский следователь. 2020. № 8.
3. Арендаренко А.В. Принцип социальной справедливости в уголовном праве Российской Федерации. Теоретико-правовые аспекты. М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2017. С. 228–229.

References:

1. The state of crime in the Russian Federation in January – December 2022. Summary statistics Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677>
2. Gamalei A.A. Compromise norms in law: general characteristics and possibilities of use / A.A.Gamalei, M.A. Musinova // A Russian investigator. 2020. № 8.
3. Arendarenko A.V. The principle of social justice in the criminal law of the Russian Federation. Theoretical and legal aspects. M. : Unity-Dana, Law and Law, 2017. P. 228–229.

Информация об авторах

Зыков Даниил Алексеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
публично-правовых дисциплин
Владимирского юридического института
ФСИН России, г. Владимир
daniilzykov@mail.ru
ORCID 0000-0001-8607-0023

Савин Андрей Александрович

старший преподаватель
кафедры публично-правовых дисциплин,
Владимирского юридического института
ФСИН России, г. Владимир
Aasavin33@mail.ru
ORCID 0000-0002-8576-1196

Daniil A. Zykov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir
daniilzykov@mail.ru
ORCID 0000-0001-8607-0023

Andrei A. Savin

Senior Lecturer
of the Department of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir
Aasavin33@mail.ru
ORCID 0000-0002-8576-1196

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.014>

УДК 343.9.01

Attribution

cc by

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ В КРИМИНОЛОГИИ (РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ПОДХОД)

Карлеба В.А.

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены исторические этапы развития криминологического знания о личности преступника и предпринята попытка провести научный анализ указанных теоретических положений, существовавших на различных исторических этапах развития криминологии, что свидетельствует об актуальности данного исследования.

Целью данной работы является – расширить научные представления о личности преступника, показать и обосновать детерминанты становления личности преступника.

Методы, использованные при написании данной статьи: системно-структурный анализ (системный подход), а также сравнительный, логический, исторический и аналитический.

Результаты: рассмотрев существующие криминологические теории о личности преступника, автор полагает, что современные криминологические взгляды должны базироваться на междисциплинарном подходе к изучению личности преступника. В результате такого комплексного подхода криминологическая наука сможет аккумулировать знания и достижения различных наук, как естественных, так и гуманитарных: психологии, юриспруденции, социологии, физики, математики, медицинских наук.

Выводы: в современной криминологии существуют различные направления в изучении личности преступника и причинных факторов преступного поведения. Результаты научных исследований должны быть глубоко проанализированы, представлены широкой общественности и пройти правовую экспертизу, после чего используются для противодействия преступности.

Ключевые слова: теория личности, личность преступника, свойства личности преступника, мотив, цель, ориентировка личности, акцепторы результата действия, функциональная система психической деятельности, предупреждение преступлений, криминологические теории.

QUESTIONS OF PERSONALITY THEORY IN CRIMINOLOGY (RETROSPECTIVE APPROACH)

Vladimir A. Karleba

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

Abstract. This article examines the historical stages in the development of criminological knowledge about the personality of the criminal and attempts to conduct a scientific analysis of these theoretical positions that existed at various historical stages in the development of criminology.

The purpose of this work is to expand scientific ideas about the personality of a criminal, to show and substantiate the determinants of the formation of a criminal's personality.

Methods used in writing this article: system-structural analysis (systems approach), as well as comparative, logical, historical and analytical.

Results: having examined existing criminological theories about the personality of a criminal, the author believes that modern criminological views should be based on an interdisciplinary approach to the study of the personality of a criminal. As a result of such an integrated approach, criminological science will be able to accumulate knowledge and achievements of various sciences, both natural and humanities: psychology, law, sociology, physics, mathematics, medical sciences.

Conclusions: in modern criminology there are various directions in the study of the personality of the criminal and the causal factors of criminal behavior. The results of scientific research must be deeply analyzed, presented to the general public and undergo legal examination, and then used to combat crime.

Keywords: personality theory, criminal personality, criminal personality properties, motive, goal, orientation of personality, acceptors of the result of action, functional system of mental activity, crime prevention, criminological theories.

Введение.

Непременным составляющим элементом любого социального события является личность. Сегодня научное понимание истории человечества – это не только изготовление орудий труда, его общественное разделение, накопление богатств, изменение форм организации труда и распределения производственной продукции, но и деятельность личности на каждом этапе их развития.

Как феномен человеческого бытия личность исследуется многими науками. Отсюда существует множество ее понятийных определений. В то же время, достигнутые результаты в изучении личности позволяют ученым утверждать о сформировавшейся в социальной психологии теории личности.

Любое научное социально-историческое, социально-экономическое исследование нельзя признать полным без анализа личностного характера проблемы или явления. В зависимости от направления и содержания научного исследования углубленно рассматриваются биологические, антропологические, геронтологические, экономические, социальные, духовные, нравственные, психологические и другие факторы обусловленности и поведения человека.

Криминология, в данном случае, не является исключением. Используя категории философии и социальной психологии (человек, индивид, деятельность, личность, индивидуальность), она расширяет и углубляет объем указанных понятий, вскрывает взаимосвязи причинности и условий формирования свойств личности, а относительно субъектов права разрабатывает характерно-личностную структуру, типологию личности преступника с различными акцентами ее биологической и социальной природы.

Результаты.

Предпосылки научных взглядов о происхождении человека возникли в Древней Греции. В период античности яркой их вершиной стало учение Аристотеля (IV век д.н.э.), изложенное им в трактатах «История животных», «О частях животных», «О душе» (рус. пер. 1937) и ряде других, в которых ученый, выделив человека из природы как живое существо, в противовес религиозно-мифологическим представлениям рассматривал его в единстве «тела и души», дал первую систему психологических понятий, утвердившихся к тому времени. Высшим проявлением души Аристотель считал разум и волю, и саму душу представил формой проявления способного к жизни тела человека. Концептуальная строгость его воззрений в психологии (науке о душе) сохранилась до рассвета средневековья.

С началом эпохи Ренессанса и вслед за ней – Возрождения в науке обострилось внимание к сущности бытия и роли человека в его преобразовании. В философии и психологии возникла

необходимость в разграничении концептуальных границ исследования общего для них объекта «Homo sapiens», а также более глубокого толкования понятий, раскрывающих его сущность на основе новых открытий в естествознании и медицине. В этот период человек, с присущими ему ролевыми функциями в обыденной и общественной жизни, со своими индивидуальными отличительными признаками (свойствами), полностью утвердился в искусстве и литературе. Не образы Богов, а субъективный образ человека становится самым распространенным образом мировой литературы и портретной живописи. «Весь мир – театр. В нем женщины, мужчины – все актеры, И каждый не одну играет роль» [1].

В данном примере роль – это общение, игра, учение, занятие (труд), т.е. действия, деятельность индивида, в результате которой он становится в современном понимании личностью. Именно в деятельности индивид обретает общественный опыт, а вместе с ним качества и свойства психики, связанные с приспособлением к условиям жизнедеятельности, среде обитания, изменяя их при необходимости, потребности.

Условия общественной жизни и состояние науки о человеке и обществе в XIX веке предопределили окончательное разграничение в философии и психологии таких понятий как человек – индивид – личность – индивидуальность. Терминологически «личность» утверждается как научная абстракция, характеризующая представителя социума. Она понимается как проявление человеком общественно-психологических свойств. В науке сложились направления изучения личности, разные школы по этим направлениям. Принципиальные мировоззренческие расхождения между ними прошли в определении границ соотношения в личности биологического и социального, о наследовании их. Полярно разошлись взгляды на происхождение свойств личности: заданы от рождения и формируются на основе опыта деятельности. Наука продолжала множить терминологические определения понятия «личность». На наш взгляд, емкое определение дал К. Маркс: «Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [2].

Надо понимать, что «сущность человека» и «конкретная личность» – не одно и то же. Рамки деятельности индивида – это его граница с обществом. В этих границах он отличается от других, является индивидуальность. «Из всего многообразия свойств человека выделяются те, которые обуславливают общественно значимое поведение или деятельность человека. Основное место в них, поэтому занимают система мотивов и задач, которые ставит себе человек, свойства его характера, обуславливающие поступки людей (то есть, те их действия, которые реализуют или выражают отношения человека к другим людям), и способности человека, то есть свойства, делающие его пригодным к историче-

ски сложившимся формам общественно полезной деятельности» [3].

Таким образом, понятие «личность» и связанная с ним «роль», характеризуют взаимодействия индивидов и в социологии являются важными категориями перехода к индивидуально психологическим явлениям. Например, к интересу. «Интерес есть, с одной стороны, социально-экономическое, а с другой – индивидуально-психологическое» [4].

Социальное всегда рефлегирует в сознании и побуждает к действию. «Объективным моментом интереса является положение субъекта, субъективным моментом – идеальные побудительные силы: желания, стремления, мотивы деятельности. Предметы и объекты этих мотивов оказываются содержанием интереса, отражаются в сознании субъекта сообразно его положению, положение же выражается в содержании интереса.

Следовательно, интерес есть выражение (обнаружения, проявления) внутренней сущности субъекта и отражения объективного мира, совокупности материальных и духовных ценностей человеческой культуры в сознании этого субъекта» [5].

Надо иметь в виду, что интерес обусловлен социальным положением лица, а также его групповой и корпоративной принадлежностью. В процессе жизни и деятельности самой личности на его интересы влияют мотивы, установки и ориентации, что и образует, в конечном счете, ее индивидуальность. «В общем потоке деятельности, который образует человеческую жизнь в ее высших, опосредованных психическим отражением проявлениях, анализ выделяет, во-первых, отдельные (особенные) деятельности – по критерию побуждающих их мотивов. Далее выделяются действия – процессы, подчиняющиеся сознательным целям. Наконец, это операции, которые непосредственно зависят от условий достижения конкретной цели» [6].

Таким образом, рассматривая общественные отношения как систему, в которой функционирует человек, дифференцируя его социальные роли и функции, мы приходим к личности и ее социальному типу, отличающемуся мотивами, целями, установками и ориентацией.

Полностью разделяем точку зрения, данную в следующих определениях:

«Мотив – любое психическое явление, становящееся побуждением к действию.

Цель – как психическое явление, субъективный образ желаемого результата ожидаемой деятельности или действия, взаимодействующий со стремлением его объективизации.

Ориентировка личности – способность психически отражать и оценивать временные, простран-

ственные и социальные (в частности, нравственные и правовые) особенности воспринимаемого ею» [7].

«Установка личности – готовность к определенной активности, зависящая от наличия потребности и объективной ситуации ее удовлетворения» [8].

Рассмотренные нами принципиально важные выводы ученых – социологов и психологов различных школ о единстве в индивиде социального и психологического образуют фундамент теории личности и позволяют в криминологии разрабатывать на строго научной основе подходы и методики исследования личности преступника, меры общей и индивидуальной профилактики правонарушений.

За пределами достижения возможного и желаемого результата на этих направлениях – биологические особенности индивида, которые менее исследованы, а поэтому должны обязательно учитываться в криминологии.

Обсуждение.

Надо иметь в виду, что достигнутое устойчивое единство взглядов социологов и кримиологов по критериям типологии личности до сих пор оспариваются представителями антропологической и психоаналитической школ уголовного права.

Представители антропологической школы, а ее основателем является психиатр и антрополог Ч. Ломброзо, полагают, что преступниками люди не становятся, а рождаются.

Так, Ч. Ломброзо в своей основной работе «Новейшие успехи науки о преступнике» (1896, в рус. пер. СПб, 1897) разработал систему признаков «прирожденного преступника», выявив которые, можно решить, является ли обследуемый человек (индивид) преступником или нет.

В конце своей научной деятельности Ч. Ломброзо признал важную роль и социологических причин преступности, а поэтому его антропологическая теория получила название биосоциальной и продолжает толковаться и разрабатываться учеными некоторых стран.

Австрийский невропатолог, психиатр и психолог З. Фрейд является родоначальником различных школ и течений под общим обозначением фрейдизм, стремящихся применять его психологическое учение на практике. Основным движущим фактором психики З. Фрейд считал не деятельность, а сексуально-половой инстинкт, обозначив его словом «либидо», расширив понятие этого слова до сравнительного с «голодом» [9]. Энергия бессознательных психологических влечений составляет, по мнению этого ученого, стержневую характеристику любой человеческой деятельности и действий индивида, в т.ч. преступника.

Пределы научной обоснованности представленных теорий по сей день обсуждаются российскими социологами и криминологами. Наибольший накал дискуссии по указанным проблемам в СССР пришелся на 70-е годы прошлого века. Общая позиция ее участников обозначилась тем, что при изучении личности преступника как одного из важнейших объектов криминологии необходимо сотрудничество ученых, представляющих естественные, медицинские, общественные и другие науки.

Это объясняется тем, что поведение человека определяется общественно-историческими условиями не непосредственно, а через определенную психологическую деятельность. В то же время, психическая деятельность является функцией мозга и нервной системы, которые в значительной мере детерминированы наследственностью. «При этом неблагоприятные условия воспитания формируют морально отрицательный продукт, выражающий сочетание социальной патологии и определенной психической типологии» [10].

В то же время, качества, которые унаследованы человеком при рождении и характеризуют подвижность его нервных процессов, а также их устойчивость «сами по себе преступного поведения не предопределяют. Они лишь задают человеку определенную динамику психической деятельности» [11].

Необходимо признать, что проблема соотношения социального и биологического в личности преступника детерминирована причинными факторами (качествами личности) которые определяют преступное поведение. Указанные качества могут передаваться генетически (интеллект, темперамент, память, внимание, восприятие информации, скорость реакции и т.д.), а могут приобретаться в процессе жизни (коммуникабельность, терпимость, отзывчивость, целеустремленность, инициативность, настойчивость, выдержка и т.д.). К числу негативных качеств личности, приобретаемых в социуме, можно отнести зависть, злость, жестокость, лживость, жадность, мстительность и другие (всего, более 50 качеств).

В нашей стране концептуальные положения психологии и физиологии тесно связаны с именами И.М. Сеченова и И.П. Павлова, которые впервые связали физиологические и психические подходы с анализом поведения человека, рассматривая эту взаимосвязь как систему.

Теоретические положения указанных ученых, продолжил разрабатывать П.К. Анохин, который предложил теорию функциональной системы, которая целиком основана на биологических факторах. Теория функциональных систем психической деятельности (ФСГД) перекинула «концептуальный мост» между физиологией и психологией. Она позволяет рассматривать физиологические и психические процессы в неразрывном единстве. Он ввел в физиологию такие

понятия, как акцептор результатов действия (АРД), афферентный синтез, обратная афферентация, связанных с нейродинамической характеристикой процесса принятия решения. В конечном счете, они и стали средством анализа нейрофизиологических механизмов целенаправленного поведения.

Так, П.К. Анохина считает, что цель – это феномен опережающего отражения, а причиной поведенческого акта – образ (модель) будущего события. Она – цель – существует до действия (в нейрофизиологическом выражении как определенная нервная активность) закономерно и неизбежно вызывающая другие процессы, формирующие действие. Вместе с тем, цель является закономерным следствием процесса выбора необходимых элементов из фонда памяти. Из этих элементов в конкретный момент выстраивается модель цели, она и направляет поведение. «Сознание... с самого начала есть общественный продукт, и остается им, пока вообще существуют люди» [12].

Таким образом, механизмы поведения в теории ФСГД рассматриваются как иерархия систем, включающая молекулярный, физиологический и психологические уровни проявлений организма человека и сознания личности. Многие в этих механизмах и системах требует дальнейших исследований. Однако ясно, что биологическое в человеке является только предпосылкой социального.

Американский психолог, доктор философии Кэрролл Е. Изард такими предпосылками на основе конкретных экспериментов считает эмоции, которые связаны со всеми физиологическими процессами. Первичные из них (принятие, отвращение, гнев, страх, радость, горе, испуг, ожидание или любопытство) являются врожденными, обеспечившие или обеспечивающие выживание генотипа и каждого индивида на всех эволюционных этапах и возрастных уровнях развития. Сочетание указанных и некоторых других эмоций (интерес – возбуждение, удовольствие – радость, отвращение – омерзение, презрение – пренебрежение, страх – ужас, стыд – застенчивость, вина – раскаяние, а также их диады и триады) ученый называет фундаментальными эмоциями. Именно они являются основой мотивационной сферы личности, а всякое мотивированное действие является функцией эмоций и познавательных процессов [13].

Поскольку биологическое – только предпосылки социального, причины отклонений в поведении людей надо искать в их бытии.

Видный мыслитель XX столетия американец Э. Фромм связывает эти отклонения с социальными болезнями общества. Считая себя представителем философской системы «диалектического гуманизма», он утверждает, что «человека формирует его практическая жизнь ... в каждый исторический период он формируется преобладающим образом жизни, который, в свою оче-

редь, определяется способом производства» [14]. Вместе с тем, стремление произвести или потреблять не может являться основой общественной мотивации. Ученый полагает, что преобладание таких устремлений в обществе «уродуют человека». Такое общество, и формируемую в нем личность, Э. Фромм рассматривает как явление социальной патологии. «Эта – болезнь не новая. Она неизбежно началась с разделения труда» [15].

Итак, усилиями многих мыслителей современная теория личности приобрела предельно четкие границы. Ученые систематизируют те или иные уникальные человеческие свойства, раскрывают истоки их формирования, а поэтому пришли к выводу о том, что сам по себе, человек не плох и не хорош. Он открыт как самосозидатель и объект познания. Существующие различные научные подходы к раскрытию феномена личности шаг за шагом приближают нас к истине. В естественных науках о человеке наиболее важными проблемами остаются наследственность и изменчивость, роль биологических предпосылок, создающих условия для развития сознания и мышления.

Имеет право на существование и научное предположение о существовании особой «психической энергии» в виде пассионарности – внутреннего необратимого стремления к деятельности. В своей исторической цикличности она меняет людей и целые этносы. «Мутируют только отдельные ... особи, но этого может оказаться достаточно для того, чтобы возник новый тип людей» [16]. Автор приведенных строк – выдающийся русский ученый Л.Н. Гумилев полагал, что пассионарность есть физиологически наследованный признак, связывающий личность человека с биосферой планеты.

Заключение.

В русле развития теории личности, которая рассматривает как внешнюю, так и внутреннюю мыслительную деятельность человека, осуществляются и современные исследования российских криминологов по изучению личности

преступника. «Нет смысла говорить о личности преступника как о научной проблеме, если преступника не присущи некоторые черты, отличающие их от тех, кто не совершает преступлений» [17]. «Задача заключается в том, чтобы глубже проникнуть в сущность данного феномена и разрабатывать методики выявления криминальных качеств и прогнозирования на этой основе индивидуального преступного поведения [18].

До настоящего времени подходы к выполнению этих задач у российских криминологов были разные и по-прежнему связаны с различным пониманием научного факта – личности преступника.

Соглашаясь, в принципе, на возможность плюрализма мнений по этому вопросу, мы обращаем внимание на необходимость вычленения из всего многообразия свойств личности преступника, таких важных свойств личности, как идеал и отчуждение. Это очень важно для глубокого понимания сегодняшнего правонарушителя и разработки соответствующих экономических, идеологических и правовых мер общего и индивидуального предупреждения преступлений.

Психика человека аккумулирует и отражает всю совокупность экономических, идеологических, нравственных, религиозных, правовых и других отношений, из которых складывается образ жизни в конкретном историческом обществе.

При анализе личности правонарушителя необходимо выделить те опосредованные психикой свойства, которые в наибольшей степени импульсируют и провоцируют правовые отклонения в поведении личности на данном историческом этапе развития общества и с присущим ему образом жизни.

По нашему мнению, современное состояние преступности в России не в последнюю очередь связано со сменой общественного идеала (по определению М. Горького – «посоха человечества»), породившего «плюрализм индивидуализма» и другие заметные перемены в общественном и индивидуальном сознании, в числе которых и отчужденность личности.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. В. Шекспир. Полн. собр. соч. в 8 т. Т. 5, М., 1959. С. 47.
2. К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч. Т. 3. С. 119–120.
3. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959. С. 119–120.

4. Кон Н.С. Социология личности. М. : Политиздат, 1967. С. 26.
5. Здравомыслов А.Г. Проблемы интереса в социологической теории. И., 1964. С. 29.
6. Леонтьев А.Н. Деятельность, Сознание, Личность. М. : Политиздат, 1977. С. 109.
7. Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий. М. : «Высшая школа», 1981.
8. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М., 1966. С. 231–232.
9. З. Фрейд. Очерки по психологии сексуальности. М. : МЦ «Система», 1990. С. 10.
10. Мясущев В.Н. Методологическое значение медицинской психологии. Сб. «Методологические и теоретические проблемы психологии». Кишинев, 1970. С. 303.
11. Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975. С. 107.
12. Анохин П.К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М., 1968. Философский смысл проблемы естественного и искусственного интеллекта. Вопросы философии; 1973. № 6. С. 90–91.
13. Изард К. Эмоции человека / К. Изард Пер. с англ. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. 440 с.
14. Фромм Э. Душа человека / Э. Фромм; Пер. М. : Республика, 1992. С. 315–319.
15. Фромм Э. Душа человека / Э. Фромм; Пер. М. : Республика, 1992. С. 322–323.
16. Гумилев Л.Н. Биосфера и импульсы сознания. Природа. 1978. № 12. С. 102–105.
17. Долгова А.И. Изучение личности преступника / А.И. Долгова // Советское государство и право. 1978. № 6. С. 79.
18. Иншаков С.М. Криминология. М. : Юриспруденция, 2001. С. 23.

References:

1. Shakespeare V.. Complete works : in 8 vol. Vol. 5. M., 1959. P. 47.
2. Marx K. and Engels F. German ideology. Essay. Vol. 3. P. 119–120.
3. Rubinstein S.L. Principles and ways of development of psychology. M., 1959. P. 119–120.
4. Kon N.S. Sociology of personality. M. : Politizdat, 1967. P. 26.
5. Zdravomyslov A.G. Problems of interest in sociological theory. I., 1964. P. 29.
6. Leontiev A.N. Activity, Conscience, Personality. M. : Politizdat, 1977. P. 109.
7. Platonov K.K. A short dictionary of the system of psychological concepts. M. : «Higher School», 1981.
8. Uznadze D.N. Psychological research. M., 1966. P. 231–232.
9. Z. Freud. Essays on the psychology of sexuality. M. : MC «Sistema», 1990. P. 10.
10. Myasishchev V.N. Methodological significance of medical psychology. Collection «Methodological and theoretical problems of psychology». Chisinau, 1970. P. 303.
11. Noah I.S. Methodological problems of Soviet criminology. Saratov, 1975. P. 107.
12. Anokhin P.K. Biology and neurophysiology of conditioned reflex. M., 1968. The philosophical meaning of the problem of natural and artificial intelligence. Questions of Philosophy. 1973. № 6. P. 90–91.
13. Izard K. Human emotions / Trans. from English. M. : Publishing house of Moscow. un-ta, 1980. 440 p.
14. Fromm E. The soul of man. Per. M.: Republic, 1992. P. 315–319.
15. Fromm E. The soul of man. Per. M.: Republic, 1992. P. 322–323.
16. Gumilev L.N. Biosphere and impulses of consciousness. Nature. 1978. № 12. P. 102–105.
17. Dolgova A.I. Studying the personality of a criminal / A.I. Dolgova // The Soviet state and law. 1978. № 6. P. 79.
18. Inshakov S.M. Criminology. M. : Jurisprudence, 2001. P. 23.

Информация об авторе

Карлеба Владимир Александрович
Заслуженный юрист Российской Федерации,
кандидат исторических наук,
доцент,
доцент кафедры уголовного процесса,
Кубанский государственный аграрный университет
им. И.Т. Трубилина
karleba@mail.ru

Vladimir A. Karleba
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Criminal Procedure,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
karleba@mail.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.040>

УДК 34.09

Attribution

cc by

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОГО КОНТРОЛЯ: ДОКТРИНАЛЬНЫЙ ОБЗОР

Крикорова Д.А.

Кубанский государственный университет

Аннотация. В работе проводится доктринальный анализ зарубежного опыта реализации антикоррупционного контроля, что является свидетельством её актуальности в данной области научного знания. Настоящая статья представляет собой исследование с опорой на вторичные источники. Доктринальные зарубежные мнения были собраны в основном из опубликованных журналов, включая онлайн-статьи, отчеты зарубежных правительства и независимых организаций. По результату работы автором делается ряд выводов. В частности, проведенное исследование показало, что в зарубежной литературе не изучается антикоррупционный контроль, как самостоятельный элемент теории права. Однако исследователи включают рассматриваемый контроль в авторские стратегии по предотвращению коррупции. Также, проведенный анализ показал, что решения проблем коррупции включает в себя комплексный и междисциплинарный подход. В связи с этим, изучение вопросов предупреждения коррупции проводится не только юристами, но и политологами, социологами, криминологами и другими учеными в области гуманитарных специальностей. Изученная зарубежная специальная литература свидетельствует о том, что последующая разработка учений антикоррупционного контроля требует учет все более сложных концептуальных разработок, связанных с (взаимосвязанными) изменениями в международном и национальном праве и процессах управления по противодействию с коррупцией.

Ключевые слова: антикоррупционный контроль, коррупция, противодействие коррупции, зарубежный опыт, зарубежные исследования.

FOREIGN EXPERIENCE IN THE IMPLEMENTATION OF ANTI-CORRUPTION CONTROL: A DOCTRINAL REVIEW

Diana A. Krikorova

Kuban State University

Abstract. The paper provides a doctrinal analysis of foreign experience in the implementation of anti-corruption control. This article is a study based on secondary sources, which is evidence of its relevance in this field of scientific knowledge. Doctrinal foreign opinions were collected primarily from published journals, including online articles, foreign government reports, and independent organizations. Based on the results of the work, the author draws a number of conclusions. In particular, the study showed that anti-corruption control is not studied in foreign literature as an independent element of the theory of law. However, researchers include the control in question in the author's strategies to prevent corruption. The analysis also showed that solving the problems of corruption includes a comprehensive and interdisciplinary approach. In this regard, the study of corruption prevention issues is carried out not only by lawyers, but also by political scientists, sociologists, criminologists and other scientists in the field of humanitarian specialties. The studied foreign specialized literature indicates that the subsequent development of anti-corruption control exercises requires taking into account increasingly complex conceptual developments associated with (interrelated) changes in international and national law and anti-corruption management processes.

Keywords: anti-corruption control, corruption, anti-corruption, foreign experience, foreign research.

Введение.

На сегодняшний день коррупция в мире фактически переросла из локальной проблемы, став действительно системной угрозой для национальной безопасности всех государств [15, с. 39].

В условиях глобализации и развития общественных отношений рассматриваемый феномен приобретает универсальные черты, которые «бросают» серьезный вызов человеческому обществу [17, с. 154].

© Крикорова Д.А.

Обсуждение. Следует заметить, что вопросы антикоррупционного контроля стали предметом изучения многих гуманитарных наук. Анализ научной литературы показывает, что на сегодняшний день необходима системная разработка контрольной (надзорной) деятельности с целью противодействия коррупции.

Изучение правовой базы отечественного законодательства, а также – специальной литературы свидетельствует о недостаточности либо отсутствии общих положений реализации антикоррупционного контроля, что приводит к необходимости анализа зарубежного опыта.

Следует отметить, что различным государствам мира присущи различные правовые системы со своими особыми юридическими основами, правовыми концепциями и категориями, юридическими конструкциями, спецификой внутреннего строения права, в том числе, в части противодействия коррупции. Кроме различий существуют также и сходства, которые были заимствованы, либо выработаны самостоятельно.

Таким образом, становления правовых государств, их динамичное развитие и формирование отдельных доктринальных подходов ведет к повышенному вниманию зарубежного опыта, что приводит к необходимому анализу и изучению зарубежной научной литературы.

Результаты.

Для осмысления зарубежных доктринальных подходов по вопросу реализации антикоррупционного контроля следует отметить, что под подобным контролем понимается разновидность контрольно-проверочной деятельности субъектов правоотношений, направленной на формирование объективного суждения о состоянии результативности антикоррупционной деятельности органа публичной власти, предприятия, организации, включая в себя принятие мер по противодействию коррупции. Также, следует указать на то, что именно контроль позволяет своевременно отреагировать на негативные коррупционные проявления. Он способствует нормальному функционированию государственных органов и реализации правоотношений между всеми субъектами права.

Проведенный анализ зарубежных исследований показал, что в них не исследуется антикоррупционный контроль в «чистом» виде. Большинство изученной специальной литературы сводится к раскрытию вопросов предупреждения и противодействия коррупции, что также свойственно для отечественной науки. Наибольший интерес вызывают те исследования, которые выстроены в рамках реализации Конвенции ООН против коррупции [16]. Стоит заметить, что зарубежная литература разделяет меры по предупреждению коррупции на государственном и негосударственном (частном) уровнях. Про коррупционные издержки на государственном уровне упоминается в работах американских профессоров права

Frank Anechiarico и James B. Jacobs [1], французских специалистов в сфере экономики Emmanuelle Auriol и Aymeric Blanc [3], на локальном уровне в трудах испанского профессора экономики Antonio Argandoña [2], английского доктора права Оксфордского университета Armando Castro [4], профессора менеджмента Университета штата Аризона Donald Lange [10] и многих других. Значительная часть специализированной литературы с эмпирическими исследованиями, посвященной государственному сектору, подчеркивает отрицательные последствия коррупции, выраженные в снижении инвестиционной деятельности [11], ущербе производительности и экономическому росту [7], ухудшении качества закупочных услуг [12], препятствовании эффективному и действенному распределению ресурсов государственных расходов [14] и т.д.

Все зарубежные исследователи схожи в мнении о том, что противодействовать коррупции можно только с применением комплексного подхода, выраженного в активизации политики, применения специальных разработанных инструментов, в том числе мер контроля [5].

Множество современных исследований посвящено внедрению электронного контроля для противодействия коррупции. Например, профессор Lijun Chen и доктор философии Aretogbo Komlan Aklirikou из школы общественных дел Чжэцзянского университета используя международные вторичные данные из 191 страны, демонстрируют положительную связь между развитием электронного правительства и его контролем над коррупцией [6]. Следует заметить, что в настоящее время в отечественной правовой системе России активно внедряются электронные системы в управление, что также положительно влияет на предотвращение коррупционных проявлений.

Интерес вызывает проведенное исследование магистра бухгалтерского учета Университета Западной Австралии Kiky Srirejeki, в котором описывается разработка стратегии антикоррупционного контроля. По мнению автора, подобная стратегия включает в себя предварительный контроль, охватывающий вопросы вознаграждения и поощрения государственных служащих, проведение мониторинга, информирование общества о нарушениях, создание специализированного органа по борьбе с коррупцией, и контроль «постфактум», в который входит вопросы наказания [9].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что автор контроль в сфере противодействия коррупции разделяет на стадии: предварительный и последующий. Вместе с тем, автором упускается из виду текущий контроль, который имеет самое важное значение по предупреждению коррупции.

В работе преподавателя кафедры африканистики и международного развития Эдинбургского университета Jean-Benoît Falisse и Nastassia Leszczynska указывается на то, что одной из

наиболее распространенных и малозатратных мер контроля, направленных на то, чтобы воспрепятствовать взяточничеству граждан и государственных служащих, является проведение мероприятий по повышению осведомленности, основанных на общедоступных информационных сообщениях о борьбе с коррупцией[8]. Также, по мнению ученых, необходимо проводить антикоррупционные кампании, так как именно они в краткосрочной перспективе могут обеспечить более высокую экономическую эффективность, чем обширный, но часто неиспользуемый, антикоррупционный правовой арсенал.

Также, вызывает интерес исследование представителей Университета Рома Тре (Италия) Federico Ceschel, Alessandro Hinna и Fabian Homberg, посвященного стратегии государственного сектора по борьбе с коррупцией [5].

Оно содержит три основных вклада в рассматриваемую область.

Во-первых, сосредоточив внимание на мерах по борьбе с коррупцией.

Во-вторых, отводя центральную роль организационному и индивидуальному уровню в исследованиях коррупции, они переключили внимание на практику и процессы реализации, которые могут повлиять на их эффективность в государственных учреждениях.

В-третьих, исходя из комплексного характера обзора, им предлагается программа будущих исследований по предотвращению коррупции.

Следует отметить проведенное исследование профессора поведенческих наук и наук о принятии решений в Пенсильванском университете Eugen Dimant [13], в котором замечается, что

современные исследования, направленные на устранение дефицита теории, должны учитывать все более сложные концептуальные проблемы, связанные с (взаимосвязанными) изменениями в международном и национальном управлении по противодействию с коррупцией, в том числе, в вопросах антикоррупционного контроля.

Заключение.

Подводя итог доктринальному анализу реализации антикоррупционного контроля, можно сделать следующее выводы.

1. Зарубежный научный опыт свидетельствует, что в литературе не изучается антикоррупционный контроль, как самостоятельный элемент теории права. Вместе с тем, стоит заметить, что исследователи включают рассматриваемый контроль в авторские стратегии по предотвращению коррупции.

2. Анализ зарубежной литературы показал, что решения проблем коррупции включает в себя комплексный и междисциплинарный подход. В связи с этим, изучение вопросов предупреждения коррупции проводится не только юристами, но и политологами, социологами, криминологами и другими учеными в области гуманитарных специальностей. Следует отметить, что в зарубежных исследованиях уделяется большое внимание причинам и условиям проявления коррупции.

3. Изученная научная литература показала, что разработка учений антикоррупционного контроля требует учет все более сложных концептуальных разработок, связанных с (взаимосвязанными) изменениями в международном и национальном праве и процессах управления по противодействию с коррупцией.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Anechiarico F., & Jacobs J.B. The pursuit of absolute integrity: How corruption control makes government ineffective. University of Chicago Press. 1996.
2. Argandoña A. Private-to-Private Corruption. Journal of Business Ethics. 2003. № 47. P. 253–267.
3. Auriol E., & Blanc A. Capture and corruption in public utilities: The cases of water and electricity in Sub-Saharan Africa. Utilities Policy. 2009. № 17(2). P. 203–216.
4. Castro A., Phillips N. & Ansari S. Corporate corruption: A review and an agenda for future research. Academy of Management Annals. 2020. № 14(2). P. 935–968.
5. Ceschel F., Hinna A. & Homberg F. Public Sector Strategies in Curbing Corruption: A Review of the Literature. Public Organiz Rev. 2022. № 22. P. 571–591. URL : <https://doi.org/10.1007/s11115-022-00639-4>
6. Chen L., & Aklikokou A.K. Relating e-government development to government effectiveness and control of corruption: a cluster analysis. Journal of Chinese Governance. 2021. № 6(1). P. 1–19.

7. Hall R.E., & Jones C.I. Why do some countries produce so much more output per worker than others? The Quarterly Journal of Economics. 1999. № 114(1). P. 83–116.
8. Jean-Benoît Falisse & Nastassia Leszczynska Do Anti-Corruption Messages Improve Public Service Delivery? Insights from a Lab-in-the-Field Experiment in Burundi, The Journal of Development Studies. 2022. № 58:1. P. 96–114.
9. Kiky Srirejeki. Revisiting Corruption Control Strategies: Review and Implications for Anti-Corruption Design Policy. International Sustainable Competitiveness Advantage. 2020. P. 163–174. URL : <http://www.jp.feb.unsoed.ac.id/index.php/sca-1/article/view/1906/1781>
10. Lange D. A multidimensional conceptualization of organizational corruption control. Academy of Management Review. 2008. № 33(3). P. 710–729.
11. Mauro P. Corruption and Growth. Quarterly Journal of Economics. 1995. № 110(3). P. 681–712.
12. Rose-Ackerman S. The pursuit of absolute integrity: How corruption control makes government ineffective. Journal of Policy Analysis and Management: The Journal of the Association for Public Policy Analysis and Management. 1997. № 16(4). P. 661–664.
13. Schmidt D. Anti-Corruption: What Do We Know? Research on Preventing Corruption in the Post-Communist World. Political Studies Review. 2007. № 5(2). P. 202–232. URL : <https://doi.org/10.1111/j.1478-9299.2007.00129.x>
14. Tanzi V. & Davoodi H. Corruption, Public Investment, and Growth. International Monetary Fund Working Paper. 1997. 97/139.
15. Ковалев К.А. Антикоррупционный контроль на государственной службе / К.А. Ковалев // КиберЮрист. 2020. № 4(4). С. 39–45.
16. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства РФ, 26.06.2006. № 26. Ст. 2780.
17. Крикорова Д.А. Понятие антикоррупционного контроля: теоретико-правовой анализ / Д.А. Крикорова // Теория и практика общественного развития. 2023. № 3(181). С. 154–157.

References:

1. Anechiarico F., & Jacobs J.B. The pursuit of absolute integrity: How corruption control makes government ineffective. University of Chicago Press. 1996.
2. Argandoña A. Private-to-Private Corruption. Journal of Business Ethics. 2003. № 47. P. 253–267.
3. Auriol E., & Blanc A. Capture and corruption in public utilities: The cases of water and electricity in Sub-Saharan Africa. Utilities Policy. 2009. № 17(2). P. 203–216.
4. Castro A., Phillips N. & Ansari S. Corporate corruption: A review and an agenda for future research. Academy of Management Annals. 2020. № 14(2). P. 935–968.
5. Ceschel F., Hinna A. & Homberg F. Public Sector Strategies in Curbing Corruption: A Review of the Literature. Public Organiz Rev. 2022. № 22. P. 571–591. URL : <https://doi.org/10.1007/s11115-022-00639-4>
6. Chen L., & Aklirikou A.K. Relating e-government development to government effectiveness and control of corruption: a cluster analysis. Journal of Chinese Governance. 2021. № 6(1). P. 1–19.
7. Hall R.E., & Jones C.I. Why do some countries produce so much more output per worker than others? The Quarterly Journal of Economics. 1999. № 114(1). P. 83–116.
8. Jean-Benoît Falisse & Nastassia Leszczynska Do Anti-Corruption Messages Improve Public Service Delivery? Insights from a Lab-in-the-Field Experiment in Burundi, The Journal of Development Studies. 2022. № 58:1. P. 96–114.
9. Kiky Srirejeki. Revisiting Corruption Control Strategies: Review and Implications for Anti-Corruption Design Policy. International Sustainable Competitiveness Advantage. 2020. P. 163–174. URL : <http://www.jp.feb.unsoed.ac.id/index.php/sca-1/article/view/1906/1781>
10. Lange D. A multidimensional conceptualization of organizational corruption control. Academy of Management Review. 2008. № 33(3). P. 710–729.
11. Mauro P. Corruption and Growth. Quarterly Journal of Economics. 1995. № 110(3). P. 681–712.
12. Rose-Ackerman S. The pursuit of absolute integrity: How corruption control makes government ineffective. Journal of Policy Analysis and Management: The Journal of the Association for Public Policy Analysis and Management. 1997. № 16(4). P. 661–664.
13. Schmidt D. Anti-Corruption: What Do We Know? Research on Preventing Corruption in the Post-Communist World. Political Studies Review. 2007. № 5(2). P. 202–232. URL : <https://doi.org/10.1111/j.1478-9299.2007.00129.x>
14. Tanzi V. & Davoodi H. Corruption, Public Investment, and Growth. International Monetary Fund Working Paper. 1997. 97/139.
15. Kovalev K.A. Anti-corruption control in the public service / K.A. Kovalev // CyberJurist. 2020. № 4(4). P. 39–45.
16. United Nations Convention against Corruption (adopted in New York on October 31, 2003 by Resolution 58/4 at the 51st plenary meeting of the 58th session of the UN General Assembly) // Collected Legislation of the Russian Federation, 06/26/2006. № 26. Art. 2780.
17. Krikorova D.A. The concept of anti-corruption control: theoretical and legal analysis / D.A. Krikorova // Theory and practice of social development. 2023. № 3(181). P. 154–157.

Информация об авторе

Крикорова Диана Арсеновна
аспирантка кафедры теории
и истории государства и права
юридического факультета имени А.А. Хмырова,
Кубанский государственный университет, Краснодар
pilila@rambler.ru

Diana A. Krikorova
Graduate Student of the Department
of the Theory and History of State and Law
Faculty of Law named after A.A. Khmyrova,
Kuban State University, Krasnodar
pilila@rambler.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.017>
УДК 342.9

Attribution
cc by

ПРОЕЗД НА ЗАПРЕЩАЮЩИЙ СИГНАЛ СВЕТОФОРА ИЛИ ОСТАНОВКА ЗА СТОП-ЛИНИЕЙ: ВОПРОС КВАЛИФИКАЦИИ

Лобачев Д.А.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

Аннотация. Ни в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации (далее по тексту аннотации – «КоАП»), ни в Правилах дорожного движения не содержится четких критериев, по которым проезд на запрещающий сигнал светофора (запрещающий жест регулировщика) (ч. 1, ч. 3 ст. 12.12 КоАП) отличается от невыполнения требований Правил дорожного движения об остановке перед стоп-линией при запрещающем сигнале светофора (запрещающем жесте регулировщика) (ч. 2 ст. 12.12 КоАП). В правоприменительной практике также отсутствует единое решение данного вопроса, о чем свидетельствуют диаметрально противоположные подходы при фактически одинаковых обстоятельствах правонарушений. Проблема разграничения рассматриваемых составов видится в том, что объективная сторона правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.12 КоАП, сформулирована чрезмерно широко, без описания элемента или места на дороге, которые должен проехать водитель транспортного средства. В результате этого, по сути, любые случаи переезда стоп-линии, места установки светофора можно квалифицировать как проезд на запрещающий сигнал светофора. Но подобная практика неправомерна и не соответствует логике законодателя, предусмотревшего самостоятельную ответственность за невыполнение требований Правил дорожного движения об остановке перед стоп-линией.

Ключевые слова: административные правонарушения, нарушение Правил дорожного движения, проезд на запрещающий сигнал светофора, остановка за стоп-линией, статья 12.12 КоАП.

DRIVING TO A FORBIDDING TRAFFIC LIGHT OR STOPPING BEHIND A STOP LINE: QUALIFICATION ISSUE

Denis A. Lobachev

Samara National Research University named after Academician S.P. Koroleva

Abstract. Neither the Code of Administrative Offences of the Russian Federation (hereinafter referred to as the «Administrative Code») nor the Rules of Road Traffic contain clear criteria by which travel to a traffic light prohibiting signal (prohibiting gesture of a traffic controller) (Part 1, Part 3 of Article 12.12 of the Administrative Code) differs from non-compliance with the requirements of the Rules traffic about stopping in front of the stop line at a forbidding traffic light signal (forbidding gesture of the traffic controller) (Part 2 of Article 12.12 of the Administrative Code). There is also no single solution to this issue in law enforcement practice, as evidenced by diametrically opposite approaches in virtually identical circumstances of offenses. The problem of differentiation of the considered compositions is seen in the fact that the objective side of the offense provided for in Part 1 of Article 12.12 of the Administrative Code is formulated excessively broadly, without describing the element or place on the road that the driver of the vehicle must pass. As a result of this, in fact, any cases of moving the stop line, the places where the traffic light is installed can be classified as driving to a traffic light prohibiting signal. But this practice is illegal and does not correspond to the logic of the legislator, who provided for independent responsibility for non-compliance with the requirements of the Traffic Rules about stopping in front of the stop line.

Keywords: administrative offenses, violation of traffic rules, driving to a traffic light prohibiting signal, stopping behind a stop line, Article 12.12 of the Administrative Code.

Введение.

В силу пункта 6.13 Правил дорожного движения, утвержденных Постановлением Правительства

РФ от 23.10.1993 № 1090, при запрещающем сигнале светофора (кроме реверсивного) или регулировщика водители должны остановиться перед стоп-линией, а при ее отсутствии: на пере-

крестке – перед пересекаемой проезжей частью, не создавая помех пешеходам; перед железнодорожным переездом; в других местах – перед светофором или регулировщиком, не создавая помех транспортным средствам и пешеходам, движение которых разрешено.

Действия водителя транспортного средства, допустившего пересечение стоп-линии при запрещающем сигнале светофора (запрещающем жесте регулировщика) могут быть квалифицированы, либо по ч. 1 / ч. 3 ст. 12.12 КоАП, предусматривающей ответственность за проезд/повторный проезд на запрещающий сигнал светофора (запрещающий жест регулировщика), либо по ч. 2 ст. 12.12 КоАП за невыполнение требований Правил дорожного движения об остановке перед стоп-линией. Актуальность вопроса правильности квалификации действий водителя в данном случае сопряжена с тем, что ни Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (далее по тексту статьи – «КоАП»), ни Правила дорожного движения не содержат в себе критериев (признаков), по которым возможно было бы разграничить проезд на запрещающий сигнал светофора от невыполнения требований Правил дорожного движения об остановке перед стоп-линией при запрещающем сигнале светофора. При этом очевидно, что рассматриваемые составы нарушений отличаются друг от друга не только характером, степенью общественной опасности, но и правовыми последствиями для правонарушителя, особенно, если речь идёт о повторном проезде на запрещающий сигнал светофора (ч. 3. ст. 12.12 КоАП), влекущем за собой штраф в размере пяти тысяч рублей или лишение права управления транспортными средствами на срок от четырех до шести месяцев (кроме того, согласно части 1.3 статьи 32.2 КоАП правило о возможности оплатить штраф в размере половины суммы наложенного административного штрафа в данном случае не применяется).

Результаты и обсуждение.

В работе Госавтоинспекции как основного субъекта обеспечения безопасности дорожного движения, нередко, в основе решения о разграничении указанных составов административных правонарушений лежит такой субъективный критерий как степень выезда транспортного средства за стоп-линию.

Судебная практика по данному вопросу также не отличается стабильностью, при схожих фактически обстоятельствах решения судов могут быть диаметрально противоположными. Так, в ряде случаев, сам по себе, проезд места установки светофора на запрещающий сигнал суды признают достаточным для квалификации действий нарушителя по ч. 1 ст. 12.12 КоАП, указывая на то, что диспозиция указанной нормы не требует установления проезда перекрестка или пересечения проезжих частей в границах перекрестка [см., напр. 1]. Напротив, в других делах отсут-

ствие факта проезда перекрестка суды указывают как на обстоятельство, исключающее состав административного правонарушения, предусмотренный ч. 1 ст. 12.12 КоАП [см., напр. 2].

Проблема разграничения рассматриваемых составов административных правонарушений видится в том, что объективная сторона правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.12 КоАП, сформулирована чрезмерно широко (проезд на запрещающий сигнал светофора или на запрещающий жест регулировщика), что даёт возможность её различного толкования.

Законодатель не указывает элемент или место на дороге, которые должен проехать водитель транспортного средства. В результате этого, неясно, какие конкретно действия включает в себя объективная сторона данного правонарушения и позволяет, по сути, любые случаи переезда стоп-линии (а также места установки светофорного столба или нахождения регулировщика) квалифицировать как проезд на запрещающий сигнал светофора или запрещающий жест регулировщика. Но данный подход неправомерен и противоречит логике законодателя, который в ч. 2. ст. 12.12 КоАП выделил в отдельную группу правонарушения, выражающегося в невыполнении требований Правил дорожного движения об остановке перед стоп-линией при запрещающем сигнале светофора.

Согласно толковому словарю С.И. Ожегова, слово «проезд» означает «место, где можно проехать». В контексте КоАП, существительное «проезд» использовано законодателем со значением действия, характеризующего некий процесс, который можно описать глаголами «проехать, проезжать». Последние понятия, в свою очередь, означают «передвигаясь на чём-нибудь миновать, преодолеть пространство» [3]. С учетом этого и наличия ч. 2. ст. 12.12 КоАП, автор полагает, что смысл слова «проезд», в контексте диспозиции ч. 1 ст. 12.12 КоАП, выражен в том, что виновное лицо на запрещающий сигнал светофора должно преодолеть определенный дорожный элемент (пространство), а не просто пересечь стоп-линию, место установки светофора, остановившись на перекрестке или пешеходном переходе. Исходя из Правил установки светофоров (ГОСТ Р 52289-2019), утвержденных приказом Росстандарта от 20.12.2019 № 1425-ст [4], светосигнальное устройство может устанавливаться для регулирования очередности пропуска транспортных средств и пешеходов в местах, где сигнал светофора имеет действие на определенном пространстве, например, пешеходный переход, перекресток, а также - для разрешения или запрещения движения только непосредственно в месте установки светофора, например, перед въездом в тоннель. Указанное положение ГОСТ также косвенно подтверждает вывод о том, что проезд на запрещающий сигнал светофора предполагает, что водитель не только въехал на перекресток или пешеходный переход, но и продолжил своё движение, проехав

регулируемый светофором участок дорожного движения. Поэтому, если водитель пересек стоп-линию на запрещающий сигнал светофора, но остановился на перекрестке, то есть в пределах действия сигнала светофора, то его действия не могут быть квалифицированы по ч. 1 ст. 12.12 КоАП.

Указанная позиция находит своё подтверждение в отдельной судебной практике, согласно которой выезд за стоп-линию при запрещающем сигнале светофора, если водитель не продолжил движение на запрещающий сигнал светофора через перекресток, подлежит переквалификации на ч. 2 ст. 12.12 КоАП РФ [см., напр. 5]. Данный подход позволяет не только внести ясность в содержание объективной стороны административного правонарушения, но и отграничить проезд на запрещающий сигнал светофора от невыполнения требований Правил дорожного движения об остановке перед стоп-линией. При этом следует признать, что имеющаяся неоднозначность в описании объективной стороны состава правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.12 КоАП, не исключает иного толкования исследуемой нормы, что не способствует единству правоприменительной практики.

Кроме того, отметим, что текущая редакция ч. 1 ст. 12.12 КоАП выступает условием для формирования необоснованно широких пределов усмотрения для правоприменителя, поскольку при равных обстоятельствах действия лица могут быть оценены, и как проезд на запрещающий сигнал светофора (ч. 1 / ч. 3 ст. 12.12 КоАП), и как невыполнение требований об остановке перед стоп-линией (ч. 2 ст. 12.12 КоАП). В подобном рода положениях закона, возможно усмотреть наличие коррупциогенного фактора, требующего принятия мер по его устранению в соответствии с Федеральным законом от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [6].

Заключение.

В качестве способа решения проблемы спорности толкования ч. 1 ст.12.12 КоАП и её «конкуренции» с ч. 2 ст. 12.12 КоАП автор предлагает возможным предложить дополнить данную статью КоАП примечанием, уточняющем порядок её применения, предусмотрев в нём правило о том, что въезд на перекресток, пешеходный переход, иное место действия запрещающего сигнала светофора или жеста регулировщика без последующего продолжения движения в запрещённом направлении подлежит квалификации по ч. 2 ст. 12.12 КоАП.

В заключении, также хотелось бы выразить позицию по спорному вопросу квалификации действий водителя транспортного средства, который

двигаясь по полосе, предназначенной для поворота (направо или налево), пересекает стоп-линию, выезжает по прямой траектории на перекресток и останавливается на нём, не совершая поворота. При этом указанные действия водитель совершает при запрещающем сигнале дополнительной секции светофора (регулирующей движение на поворот), но при разрешающем сигнале для движения прямо через перекресток.

В этой ситуации, квалификацию действий водителя по ч. 1 ст. 12.12 КоАП (проезд на запрещающий сигнал светофора) нельзя признать законной по следующим причинам:

— во-первых, как было обосновано выше диспозиция ч. 1 ст. 12.12 КоАП предполагает именно проезд перекрестка в запрещённом направлении, а не просто выезд на него;

— во-вторых, движение по прямой траектории после переезда стоп-линии и до момента остановки транспортного средства на перекрестке осуществлялось в соответствии с разрешающим сигналом светофора для движения прямо.

Полагаем, что в рассматриваемом примере квалификация будет зависеть от последующих действий водителя. Так, если лицо продолжит движение через перекресток, прямо по полосе, предназначенной исключительно для поворота, то он нарушит требования дорожного знака 5.15.2 «Направления движения по полосе» и его действия образуют состав административного правонарушения, предусмотренный ч. 1 ст. 12.16 КоАП. Данный подход получил ясное разъяснение в пункте 37 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2022), в котором указано об ошибочности квалификации действий водителя в описанной ситуации как проезд на запрещающий сигнал светофора, поскольку световой сигнал дополнительной секции светофора означает запрещение движения в направлении, регулируемом этой секцией (пункт 6.3. Правил дорожного движения), и не запрещает движение транспортных средств в иных направлениях [7]. В случае же, если водитель транспортного средства, остановившись на перекрестке, завершит поворот только после того, как включится разрешающий сигнал дополнительной секции светофора для поворота, то, по мнению автора, в действиях лица будет отсутствовать какой-либо состав административного правонарушения. В данном случае, лицо не пересекает стоп-линию на запрещающий сигнал светофора (поскольку движение прямо разрешено) и не совершает поворота на запрещающий сигнал светофора, следовательно, оно не допускает противоправных действий, предусмотренных ч. 1 или ч. 2 ст. 12.12 КоАП и вменение ему любого из указанных нарушений нельзя признать законным.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Решение Московского районного суда города Твери от 02.08.2022 по делу № 12-434/2022; Решение Промышленного районного суда города Самары от 14.06.2023 № 12-378/2023. КонсультантПлюс (дата обращения 22.06.2023). URL : <http://www.consultant.ru>
2. Решение Советского районного суда города Самары от 20.02.2021 № 12-36/2021. КонсультантПлюс. Дата обращения 22.06.2023. URL : <http://www.consultant.ru>
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка (дата обращения 14.08.2023). URL : [https:// ozhegov.info/slovar](https://ozhegov.info/slovar)
4. ГОСТ Р 52289-2019. Национальный стандарт Российской Федерации. Технические средства организации дорожного движения. Правила применения дорожных знаков, разметки, светофоров, дорожных ограждений и направляющих устройств. М., 2020.
5. Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции 13 апреля 2022 г. по делу № 16-1679/2022, решении Самарского областного суда от 23 сентября 2021 г. № 21-1471/2021. КонсультантПлюс (дата обращения 22.06.2023). URL : <http://www.consultant.ru>
6. Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2022), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 21.12.2022. КонсультантПлюс (дата обращения 14.08.2023). URL : <http://www.consultant.ru>.

References:

1. The decision of the Moscow District Court of the city of Tver dated 02.08.2022 in case № 12-434/2022; The decision of the Industrial District Court of the city of Samara dated 14.06.2023 № 12-378/2023. ConsultantPlus (date of the application 22.06.2023). URL : <http://www.consultant.ru>
2. The decision of the Soviet District Court of the city of Samara dated 02/20/2021 № 12-36/2021. ConsultantPlus. (date of the application 22.06.2023). URL : <http://www.consultant.ru>
3. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language (date of the application 14.08.2023). URL : <https://ozhegov.info/slovar>
4. GOST R 52289-2019. National Standard of the Russian Federation. Technical means of traffic management. Rules for the use of road signs, markings, traffic lights, road fences and guiding devices. M., 2020.
5. Resolution of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction on April 13, 2022 in case № 16-1679/2022, decision of the Samara Regional Court of September 23, 2021 № 21-1471/2021. ConsultantPlus (date of the application 22.06.2023). URL : <http://www.consultant.ru>
6. Federal Law № 172-FZ of 17.07.2009 «On Anti-corruption expertise of Regulatory legal acts and Draft Regulatory Legal Acts» // SZ RF. 2009. № 29. Art. 3609.
7. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 3 (2022), approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 21.12.2022. ConsultantPlus. (date of the application 14.08.2023). URL : <http://www.consultant.ru>

Информация об авторе

Лобачев Денис Александрович
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Самарский национальный исследовательский
университета имени академика С.П. Королева,
г. Самара
lobachevda@ssau.ru

Denis A. Lobachev
Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor,
Associate Professor of the Department
Criminal Procedure and Criminology,
Samara National Research University
named after academician S.P. Korolev,
Samara
Samaralobachevda@ssau.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.020>
УДК 34.09

Attribution
cc by

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РОССИИ

Матвеева Т.П.

Владимирский юридический институт ФСИН России

Аннотация. Актуальность данной публикации заключается в том, что в ней проведен правовой анализ нормативно-правового регулирования рынка труда иностранных граждан в Российской Федерации. Автор обозначил проблемы миграции иностранных работников и их пребывание на территории России при вступлении в трудовые отношения.

Наше государство и создает определенные правовые механизмы по облегчению оформления, въезда, пребывания иностранных граждан на территории РФ, но этого не достаточно. В результате создаются предпосылки как для неумышленного нарушения законодательства иностранными работниками и российскими работодателями, так и сознательного применения ими различных нелегальных подходов. Также. следует повысить ответственность за нарушение миграционного законодательства, усилить контроль за внешней и внутренней миграцией, пресечь коррупционные действия в этой области.

Выдвинуто предложение об усовершенствовании миграционного законодательства.

Ключевые слова: иностранные граждане, визовый режим, иммиграционные потоки, трудовая деятельность, безвизовый режим.

PROBLEMS OF EMPLOYMENT OF FOREIGN CITIZENS IN RUSSIA

Tamara P. Matveeva

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Annotation. The article provides a legal analysis of the legal regulation of the labor market of foreign citizens in the Russian Federation. The author outlined the problems of migration of foreign workers and their stay on the territory of Russia when entering into labor relations. A proposal has been put forward to improve migration legislation.

Our state creates certain legal mechanisms to facilitate the registration, entry, and stay of foreign citizens on the territory of the Russian Federation, but this is not enough. As a result, prerequisites are created both for unintentional violations of the law by foreign workers and Russian employers, and for their conscious use of various illegal approaches. It is also necessary to increase responsibility for violation of migration legislation, strengthen control over external and internal migration, and stop corrupt actions in this area.

Keywords: foreign citizens, visa regime, immigration flows, labor activity, visa-free regime.

Введение.

Право на свободный выбор профессии или рода деятельности в Российской Федерации закрепляется в статьях 34 и 37 Конституции РФ.

Анализируя рынок труда можно сказать, что он развивается по тем же требованиям, что и рынок товаров и услуг. Только спрос и предложение здесь определяет особый товар – работниками. Спрос на рабочую силу может формировать ценовую политику на нее. Если предложений много, то и цена может быть ниже.

Нестабильность экономической ситуации в нашей стране, в странах дальнего и ближнего зарубежья порождают приток иностранной рабочей силы на территорию государства. Беженцы,

переселенцы, да и просто мигранты из других стран, особенно из бывших республик Советского Союза в последнее время прибывают в Россию в поисках работы.

Обострившаяся социально-экономическая ситуация, нестабильность, социальные конфликты на почве расизма; к тому же, и политическое положение таких республик, как Таджикистан, Узбекистан, Украина и других заставила иностранных граждан устраиваться даже на низкооплачиваемые работы.

Обсуждение.

Иностранные граждане и раньше приезжали в РФ, но ситуация отслеживалась государством, ограничивая число мигрантов.

Непредсказуемость рынка труда, снижение производительности, отсутствие мотивации, низкие зарплаты и большой приток дешевой рабочей силы в настоящее время характеризуют российский рынок труда. Когда работодатели приглашают высококвалифицированных специалистов на работу, то это - положительный момент, это способствует развитию экономики. В сложившейся же сейчас ситуации миграционные потоки стали носить глобальный характер. Ситуация значительно обострилась особенно в последнее время, когда нахлынул поток низкоквалифицированных работников, неофициально устраивающихся на работу, беженцев, переселенцев.

Нестабильность трудового рынка, социального положения иностранных граждан, отсутствие гарантий в сфере трудовых отношений обостряют, к тому же, и политическую ситуацию в нашей стране.

Правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывающих на территорию РФ, закреплено в российском законодательстве (Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации») [3], в Трудовом кодексе РФ (гл. 50.1) [2] и иных нормативных правовых актах.

Трудовая деятельность иностранцев в нашем государстве определяет, что иностранный гражданин или лицо без гражданства имеет право устраиваться на работу в Российской Федерации по найму, но, в этом случае, должны соблюдаться все условия, которые определяют его правовое положение в соответствии с российским законодательством.

Иностранный гражданин может пребывать на территории РФ, имея приглашение на въезд, который дает право на оформление визы и миграционной карты.

Визовый режим, определяющий нахождение на территории Российской Федерации, установлен для большинства стран. Например, граждане стран – членов ЕС с 2022 года в обязательном порядке должны иметь визу. И в соответствии с ст. 5 ФЗ № 115-ФЗ о правовом положении иностранных граждан, срок временного пребывания в нашей стране указывается в визе. С некоторыми государствами у РФ заключено соглашение о безвизовом режиме. Граждане этих государств, например, Узбекистана, Таджикистана, ДНР, ЛНР, стран ЕАЭС могут въехать на территорию нашего государства без визы. Это в последнее время значительно увеличило иммиграционный поток в Россию, что создало определенные трудности среди населения и потребовало от государства поиска новых путей решения возникающих в связи с этим проблем, как в трудовой, так и в социальной сфере.

Например, за 2022 год в РФ с целью поиска работы прибыло 3,47 млн иностранных граждан,

что значительно больше, чем в 2021 году. По аналитическим данным аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza каждый четвертый иностранец прибывал в поисках трудоустройства [4].

Тем не менее, для иностранцев предусмотрен ряд ограничений и особенностей осуществления трудовой деятельности на территории России, которые также непосредственно затрагивают и работодателя. В частности, на последнем лежат обязанности и ответственность, связанные с получением разрешения на привлечение иностранных работников, разрешений на работу, приглашений, постановке на учет по месту пребывания, обеспечением жильем, медицинской помощью, уведомлением государственных органов о заключении и изменении трудовых или гражданско-правовых договоров с такими лицами.

Работодателем для иностранца в России может выступать не любое физическое или юридическое лицо, а только те из них, которые получили разрешение на привлечение и использование иностранных работников. Но в большинстве случаев, нарушая трудовое законодательство, работодатели привлекают иностранных работников не легально, или часто трудовые правоотношения заменяются гражданско-правовыми в рамках договора об оказании услуг. В соответствии с ч. 3 ст. 13 федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», для привлечения иностранного гражданина для выполнения необходимых услуг по гражданско-правовому договору заказчик таких работ и услуг также должен получить разрешение на привлечение и использование иностранных работников.

Для заключения с иностранцем договора (трудового или гражданско-правового), с одной стороны, работодатель должен иметь разрешение на привлечение и использование иностранных работников, а с другой – работник должен иметь разрешение на работу или оформить патент. К тому же, работодатель должен заплатить государственную пошлину за каждого привлекаемого иностранца, которого он планирует взять на работу в размере 10000 рублей, кроме всего государственная пошлина для получения разрешения на работу из миграционной службы составляет еще 3500 рублей [2].

Несмотря на то, что использование труда иностранных граждан крайне выгодно работодателям с экономической точки зрения, так как труд таких рабочих стоит дешевле по сравнению с гражданами России, их оформление и дальнейшее сопровождение является достаточно сложным процессом. Часто использование иностранной рабочей силы работодателями осуществляется без оформления документов, тем самым ограничивая их правовой статус и социальные гарантии, предусмотренные российским трудовым законодательством. Например, несмотря на трудности въезда и оформления за 2022, по ста-

тистике МВД РФ 11,8 млн иностранных работников было поставлено или перерегистрировано на учете в миграционной службе МВД РФ. И более 40 % мигрантов зарегистрировалось в Москве и Московской области [5].

Поэтому можно сказать, что одной из важных проблем в России является проблема нелегальной миграции.

Также, среди серьезных проблем, связанных с миграционными потоками, можно назвать обострение с каждым годом криминогенной обстановки. По данным МВД, в стране с начала 2023 года число преступлений, совершенных мигрантами увеличилось почти на 6,3 % [5]. Но нельзя сказать, что это касается только российского общества. Нестабильность политической обстановки и сложная криминогенная ситуация наблюдается во всем мире.

Определенные проблемы возникают также в связи с медленной интеграцией мигрантов в российское общество. Низкий социальный статус, отсутствие нормального образования, определяет им устройство лишь на низкооплачиваемые неквалифицированные работы. К тому же, этим пользуются отдельные работодатели, так как наш работник не станет работать за низкую зарплату.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Результаты.

На основании изложенного следует констатировать, что свою роль в этом играет как чрезмерно усложненная процедура привлечения иностранных работников, так и постоянно изменяющаяся нормативная база в данной области. Хотя, наше государство и создает определенные правовые механизмы по облегчению оформления, въезда, пребывания иностранных граждан на территории РФ, но этого не достаточно. В результате создаются предпосылки как для неумышленного нарушения законодательства иностранными работниками и российскими работодателями, так и сознательного применения ими различных нелегальных подходов. Также, следует повысить ответственность за нарушение миграционного законодательства, усилить контроль за внешней и внутренней миграцией, пресечь коррупционные действия в этой области.

Заключение. Устранение многих проблем, связанных с трудовой занятостью иностранных граждан в России, согласование спроса и предложения на рабочую силу, совершенствование современной миграционной политики позволит не только снизить миграционную ситуацию в государстве, стабилизировать рынок труда, помочь иностранным работникам быстрее интегрироваться в современное общество, но и укрепит экономику государства.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ. URL : http://aero.garant.ru/internet/?utm_source=base&utm_medium=button&utm_content=Poluchit_demo&utm_campaign=knopka-v-shapke (дата обращения 10.09.2023).
2. Налоговый кодекс РФ часть 2 от 05 августа 2000 года № 117-ФЗ (пп. 23 п. 1 ст. 333.28 НК РФ). URL : <https://www.consultant.ru>
3. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан». URL : <https://base.garant.ru/184755>
4. Приток мигрантов в РФ. 2023 г. URL : <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/pritok-trudmigrant-2022>
5. Статистические сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации. URL : <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/40830191>

References:

1. The Labor Code of the Russian Federation: Federal Law № 197-FZ of December 30, 2001. URL : http://aero.garant.ru/internet/?utm_source=base&utm_medium=button&utm_content=Poluchit_demo&utm_campaign=knopka-v-shapke (date of the application 09/10/2023).
2. Tax Code of the Russian Federation Part 2 of August 5, 2000 N 117-FZ (item 23, item 1 of Article 333.28 of the Tax Code of the Russian Federation). URL : <https://www.consultant.ru>
3. Federal Law № 115-FZ of 25.07.2002 «On the legal status of foreign citizens». URL : <https://base.garant.ru/184755>

4. The influx of migrants to the Russian Federation. 2023. URL : <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/pritok-trud-migrant-2022>
5. Statistical data on the migration situation in the Russian Federation. URL : <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/40830191>

Информация об авторе

Матвеева Тамара Павловна

старший преподаватель
кафедры частноправовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
ФСИН России, г. Владимир
matveeva33@mail.ru

Tamara P. Matveeva

Senior Lecturer of the Department
of Private Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir
matveeva33@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.022>
УДК 343.13

Attribution
cc by

НОВЫЙ УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: КТО ОН?

Наумов А.М.¹, Рябчиков В.В.²

¹Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

²Владимирский юридический институт ФСИН России

Аннотация. Актуальность данной публикации заключается в том, что её авторы провели систематизацию представлений в юридической науке о новом участнике судопроизводства. В 2009 году в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации была включена новая глава 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». Но только в 2018 году законодатель ввел нового участника уголовного судопроизводства – лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 56.1 УПК РФ). Данная статья была помещена в раздел 8 УПК РФ «Иные участники уголовного судопроизводства» сразу за статьей 56 УПК РФ «Свидетель». Среди ученых сложились три основных подхода к данному вопросу. Одни исследователи относят нового участника уголовного процесса ближе к обвиняемому, другие – к свидетелю. Есть ещё третья точка зрения, согласно которой в процессуальном статусе нового участника уголовного судопроизводства сочетаются признаки и обвиняемого, и свидетеля, но при этом его нельзя отнести ни к обвиняемому, ни к свидетелю.

Ключевые слова: лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, свидетель, обвиняемый.

A NEW PARTICIPANT IN CRIMINAL PROCEEDINGS: WHO IS HE?

Andrey M. Naumov¹, Vadim V. Ryabchikov²

¹Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation,

²Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Abstract. The actuality of this publication lies in the fact that its authors have systematized ideas in legal science about a new participant in legal proceedings. In 2009, a new chapter 40.1 «Special procedure for the adoption of a judicial decision when concluding a pre-trial agreement on cooperation» was added to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. But it was only in 2018 that the legislature introduced a new participant in criminal proceedings – a person whose criminal case was singled out for separate proceedings in connection with the conclusion of a pre-trial cooperation agreement with him (Art. 56.1 of the Code of Criminal Procedure). This article was placed in section 8 of the Code of Criminal Procedure «Other Participants in Criminal Proceedings» immediately after article 56 of the Code of Criminal Procedure «Witness». There are three main scientific approaches to this issue. Some researchers refer the new participant to the accused, others to the witness. There is a third view that the procedural status of the new participant in criminal proceedings combines the characteristics of both the accused and the witness, but that he cannot be regarded as either an accused or a witness.

Keywords: the person in respect of whom the criminal case is allocated to a separate proceeding in connection with the conclusion of a pre-trial cooperation agreement with him, the witness, the accused.

Введение.

В 2009 году в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации была включена новая глава 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». Но только в 2018 году

законодатель ввел нового участника уголовного судопроизводства – лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 56.1 УПК РФ).

Данная статья была помещена в раздел 8 УПК РФ «Иные участники уголовного судопроизводства» сразу за статьей 56 УПК РФ «Свидетель».

Результаты. В период времени с введения института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовно-процессуальном законе в 2009 году и вплоть до принятия Федерального закона от 30 октября 2018 года № 376-ФЗ в судебной практике выработалось два различных подхода к определению процессуального статуса лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, при допросе его по основному уголовному делу в отношении его соучастников.

Первый подход был основан на признании лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве свидетелем по уголовному делу с разъяснением его прав и обязанностей и предупреждением об ответственности по статьям 307 и 308 УК РФ за дачу заведомо ложных показаний и за отказ от дачи показаний. Впрочем, по замечанию В.С. Латыпова [7, с. 216], некоторые судьи не предупреждали об уголовной ответственности по статьям 307 и 308 УК РФ, а ограничивались разъяснением необходимости давать правдивые показания по делу. Допрос этого лица в суде производился по правилам, предусмотренным для допроса в качестве свидетеля.

Второй подход заключался в признании такого лица обвиняемым по уголовному делу, с разъяснением ему всех соответствующих процессуальных прав и обязанностей. Такое лицо, естественно, не предупреждалось об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Допрос этого лица в суде производился по правилам допроса обвиняемого.

Большое значение в унификации подхода к данному вопросу сыграло опубликование Постановления Конституционного Суда РФ № 17-П от 20 июля 2016 года, где была изложена правовая позиция Конституционного Суда РФ, суть которой заключается в наличии особого процессуального статуса лица, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве и допрашиваемого по основному уголовному делу в отношении соучастников, причем его процессуальный статус не совпадает ни с процессуальным статусом свидетеля, ни с процессуальным статусом обвиняемого.

Данное лицо не может быть свидетелем, поскольку свидетель не имеет своего интереса в деле и является процессуально нейтральным к делу лицом, а лицо, заключившее соглашение, напрямую заинтересовано в исходе дела и не может считаться процессуально нейтральным лицом, поскольку по этому делу ему предъявлено обвинение.

В тоже время, данное лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве не должно иметь процессуальный статус обвиняемого, поскольку уголовное дело в отношении него выде-

лено в отдельное производство и его уголовное преследование в рамках основного уголовного дела не осуществляется. Уголовное преследование осуществляется только в отношении его соучастников.

Конституционный Суд РФ рекомендовал законодателю внести соответствующие изменения в уголовно-процессуальный закон для того, чтобы претворить выраженную им правовую позицию в нормы законодательства.

Федеральным законом от 30 октября 2018 года № 376-ФЗ введены две новые статьи: 56.1 УПК РФ – лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве и 281.1 УПК РФ – допрос и оглашение в суде его показаний.

Поскольку ст. 56.1 УПК РФ стала содержаться в 8 главе «Иные участники уголовного судопроизводства», что не соответствует позиции Постановления Конституционного Суда РФ № 17-П от 20 июля 2016 года, а также, из-за сложности процессуального статуса лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, и допущенных законодателем недостатков в законодательном закреплении его правового статуса, в научной среде возникла дискуссия по процессуальному статусу нового участника процесса.

Обсуждение.

Можно выделить три основных подхода к определению процессуального статуса этого участника уголовного процесса: первый подход склонен причислять это лицо к свидетелю, второй подход – к обвиняемому, третий подход – ни к свидетелю, ни к обвиняемому.

Представителями всех данных точек зрения новый участник уголовного судопроизводства именуется по-разному, поскольку, по мнению большинства исследователей, нынешнее наименование этого участника процесса очень длинное и не очень удачное, поскольку не отражает сущность его процессуального статуса.

С.А. Яковлева и П.С. Конюшков именуют нового участника уголовного судопроизводства «соучастником, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве» [11, с. 96].

Другой автор, Эдилова П. В. предлагает определить нового субъекта уголовно-процессуальных отношений как контрактанта; т.е. лица, с которым после его обращения в прокуратуру заключено досудебное соглашение о сотрудничестве [10, с. 181].

А.В. Пилюк называет нового участника судопроизводства «сообвиняемым». Автор полагает, что ««сообвиняемый» никогда и ни при каких обстоятельствах не должен быть приравнен к свидетелю, процессуальный статус этих участников уголовного судопроизводства отличается принципиально» [8, с. 56].

По мнению М.Е. Кубриковой, в УПК РФ следует закрепить (работа была написана в 2013 году – от автора), что осужденный по выделенному делу, с которым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, является свидетелем по основному делу в отношении иных соучастников. При этом его перед допросом в качестве свидетеля необходимо предупреждать об ответственности за отказ от дачи показаний, за дачу заведомо ложных показаний, об уголовной ответственности за заведомо ложный донос [4, с. 14].

С.М. Куценко провела интервьюирование сотрудников органов предварительного следствия, которые полагают, что «нового участника уголовного судопроизводства следует назвать более кратким и лаконичным названием. Исходя из предназначения получаемых от него показаний, мы позволим именовать его «изобличитель»» [5, с. 16].

Известный процессуалист В.А. Лазарева именуется нового участника процесса «заинтересованным свидетелем» [6, с. 16].

По мнению С.С. Безрукова, «статью 56.1 УПК РФ следовало озаглавить «Свидетель по соглашению». При этом анализируемая статья более органично смотрелась бы в главе 6 УПК РФ среди участников, выступающих на стороне обвинения (хотя и такой подход не будет идеальным)» [1, с. 83].

По мнению В.С. Латыпова, нового участника уголовного процесса следует именовать «особый свидетель». Он считает «необходимым упростить наименование нового участника уголовного судопроизводства, изложив название ст. 56.1 в следующем виде: «Статья 56.1. Лицо, являющееся источником сведений»» [7, с. 216]. По его мнению, «именно такое название позволяет обосновать позицию законодателя, в соответствии с которой, новый участник (ст. 56.1 УПК

РФ) указан после свидетеля (ст. 56 УПК РФ), являющегося лицом, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний [7, с. 216].

Ф.М. Кобзарев полагает, что «законодатель избрал наиболее оптимальное решение – путем отнесения данного субъекта к иным участникам уголовного судопроизводства и более близкого к статусу свидетеля, и не просто свидетеля, а к свидетелю со стороны обвинения» [3, с. 226].

А.В. Победкин считает, что «усилиями Конституционного Суда РФ и законодателя в уголовном судопроизводстве без насущной потребности появился новый участник: по фактическому его положению в уголовном процессе – обвиняемый, по процессуальному статусу – заинтересованный в исходе уголовного дела свидетель, не несущий уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний» [9, с. 53].

О новом участнике процесса, как о «свидетельствующем соучастнике» [2, с. 47] говорит А.А. Бояринцев. По его мнению, «справедливо выдвинуть тезис о некоем законодательном оформлении такого участника уголовного процесса, как свидетельствующий соучастник» [2, с. 48].

Заключение.

Если следовать правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении № 17-П от 20 июля 2016 года, то правильным следует признать представителей той точки зрения, которые утверждают, что по своему процессуальному статусу новый участник уголовного процесса не может быть отнесен ни к обвиняемому, ни к свидетелю, но при этом имеет определенные черты и от обвиняемого, и от свидетеля.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Безруков С.С. Проблемы реализации решений Конституционного Суда Российской Федерации в уголовном судопроизводстве / С.С. Безруков // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3(90). С. 78–87.
2. Бояринцев А.А. «Заинтересованный» свидетель – особенности правового положения / А.А. Бояринцев // Законность. 2022 г. № 10. С. 47–51.
3. Кобзарев Ф.М. К вопросу об определении процессуального статуса нового свидетеля обвинения в уголовном процессе / Ф.М. Кобзарев // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 2. С. 225–228.

4. Кубрикова М.Е. Актуальные вопросы института досудебного соглашения о сотрудничестве : автореф. дис. ... на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 26 с.
5. Куценко С.М. Современный взгляд на институт досудебного соглашения о сотрудничестве / С.М. Куценко // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 2. С. 14–17.
6. Лазарева В.А. Лицо, в отношении которого... / В.А. Лазарева // Мировой судья. 2019. № 2. С.15–19.
7. Латыпов В.С. Новелла процессуального законодательства, или новый этап развития института содействия правосудию / В.С. Латыпов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10. № 2. С. 213–218.
8. Пиук А.В. Актуальные проблемы досудебного соглашения о сотрудничестве / А.В. Пиук // Уголовный процесс. 2016. № 12. С. 54–56.
9. Победкин А.В. Ни обвиняемый, ни свидетель: создание «сущего без нужды» / А.В. Победкин // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. С. 47–54.
10. Эдилова П.В. Некоторые проблемные аспекты заключения досудебного соглашения о сотрудничестве / П.В. Эдилова // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 5. С. 180–185.
11. Яковлева С.А. Вопросы определения процессуального статуса лица, совершившего преступление в соучастии и заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве / С.А. Яковлева, П.С. Конюшков // Марийский юридический вестник. 2017. № 2(21). С. 95–99.

References:

1. Bezrukov S.S. Problems of implementation of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in criminal proceedings / S.S. Bezrukov // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3(90). P. 78–87.
2. Boyarintsev A. «Interested» witness – features of the legal situation / A. Boyarintsev // Legality. 2022. № 10. P. 47–51.
3. Kobzarev F.M. On the issue of determining the procedural status of a new prosecution witness in criminal proceedings / F.M. Kobzarev // Bulletin of Kostroma State University. 2019. № 2. P. 225–228.
4. Kubrikova M.E. Current issues of the Institute of pre-trial cooperation agreement : abstract of dis. ... for the degree of candidate of legal sciences. Chelyabinsk, 2013. 26 p.
5. Kutsenko S.M. A modern look at the institute of a pre-trial cooperation agreement / S.M. Kutsenko // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2. P. 14–17.
6. Lazareva V.A. The person in respect of whom... / V.A. Lazareva // Justice of the Peace. 2019. № 2. P. 15–19.
7. Latypov V.S. Novella of procedural legislation, or a new stage in the development of the Institute for Assistance to justice / V.S. Latypov // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2. P. 213–218.
8. Piyuk A.V. Actual problems of pre-trial cooperation agreement / A.V. Piyuk // Criminal Trial. 2016. № 12. P. 54–56.
9. Pobedkin A.V. Neither the accused nor the witness: the creation of «being without need» / A.V. Pobedkin // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. P. 47–54.
10. Edilova P.V. Some problematic aspects of concluding a pre-trial agreement on Gaps in Russian legislation. 2016. № 5. P. 180–185.
11. Yakovleva S.A. Issues of determining the procedural status of a person who committed a crime in complicity and concluded a pre-trial cooperation agreement / S.A. Yakovleva, P.S. Konyushkov // Mari Legal Bulletin. 2017. № 2(21). P. 95–99.

Информация об авторах

Наумов Андрей Михайлович

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
уголовно-правовых дисциплин,
Владимирский филиал РАНХиГС
при Президенте РФ, г. Владимир
Naumov_a@vlad.ranepa.ru

Рябчиков Вадим Вячеславович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры публично-правовых дисциплин
Владимирского юридического института
ФСИН России, г. Владимир
9040315660@mail.ru
ORCID 0009-0001-6908-7963

Andrey M. Naumov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Law Disciplines,
Vladimir branch of the RANEPA
under the President of the Russian Federation, Vladimir
Naumov_a@vlad.ranepa.ru

Vadim V. Ryabchikov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir
9040315660@mail.ru
ORCID 0009-0001-6908-7963

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.026>

УДК 347

Attribution

cc by

СУДЕБНОЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ И ГОНОРАР УСПЕХА

Попова Ю.А., Мустафин Р.Ф.

Кубанский государственный университет

Аннотация. Актуальность данной научной статьи заключается в том, что в ней исследуется феномен судебного инвестирования и его взаимосвязь с практикой начисления гонорара успеха в юридических процессах. Судебное инвестирование представляет собой финансирование юридических процессов третьими сторонами, не имеющими непосредственного интереса в споре. Гонорар успеха, в свою очередь, представляет собой плату адвокату или юристу, зависящую от успешного исхода дела. Авторы проводят параллель судебного инвестирования с гражданско-правовыми договорами: договором цессии и договором финансирования с уступкой денежного требования, выявляют сложность единоразового финансирования судебных споров, особенно в случае физических лиц, а также применения дополнительных механизмов судебного инвестирования – заключения договора займа или кредитного соглашения. В статье анализируются общая характеристика данных явлений, их законодательная база, возможность применения, а также их влияние на справедливость юридической системы и моральные аспекты, выявляются как положительные, так и отрицательные аспекты судебного инвестирования и гонорара успеха.

Ключевые слова: судебное инвестирование, гонорар успеха, гражданский процесс, гражданское право, судебные расходы, инвестор.

JUDICIAL INVESTMENT AND SUCCESS FEE

Yulia A. Popova, Rafael F. Mustafin

Kuban State University

Abstract. This scientific article explores the phenomenon of judicial investment and its relationship with the practice of charging success fees in legal processes. Judicial investment is the financing of legal processes by third parties who do not have a direct interest in the dispute. The success fee, in turn, is a fee to a lawyer or lawyer, depending on the successful outcome of the case. The authors draw a parallel between judicial investment and civil law contracts: a cession agreement and a financing agreement with the assignment of a monetary claim, identify the complexity of one-time financing of litigation, especially in the case of individuals, as well as the use of additional mechanisms of judicial investment – the conclusion of a loan agreement or a loan agreement. The article analyzes the general characteristics of these phenomena, their legislative framework, the possibility of application, as well as their impact on the fairness of the legal system and moral aspects, identifies both positive and negative aspects of judicial investment and success fee.

Keywords: judicial investment, success fee, civil procedure, civil law, court costs, investor.

Введение.

Статья 45 Конституции РФ, закрепила право каждого предпринимать меры по защите своих прав и свобод, используя все доступные законные средства. В дополнение к этому, Основной закон также обеспечивает возможность обращения за судебной защитой прав и свобод граждан (ст. 46 Конституции РФ), а также гарантирует право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ) [1]. Тем не менее, из-за ограниченности финансовых ресурсов, необходимых для защиты собственных прав и законных интересов, а также вследствие нигилизма, многие участники гражданских

отношений воздерживаются от инициирования судебных процессов. Причиной данной ситуации является то обстоятельство, что в современном обществе, в котором мы проживаем, экономическая структура описывается как «финансовый капитализм»:

- увеличение общей стоимости финансовых активов, которые обращаются по всему миру;
- расширение разнообразия финансовых инструментов;
- разделение реальной экономики и финансовой системы;

– увеличение нормы прибыли финансовых учреждений, что дает им возможность генерировать значительные бонусы для финансовых трейдеров. Социальное обеспечение, жилье, пенсии, высшее образование, медицинская страховка и другие аспекты становятся объектами; то есть, происходит их превращение в товары [2, с. 64].

Результаты.

В свете вышеизложенного, возможным решением данной задачи стало использование механизма судебного инвестирования, что предотвращает возможность вовлечения «инвесторов» для покрытия судебных расходов, связанных с процессом разбирательства. Описанный механизм начал активно применяться в России после появления в 2016 году Platforma-online, специализирующейся на финансировании судебных споров [3, с. 194]. В 2019 году судебное сообщение также высказало поддержку распространению судебного инвестирования. В частности, председатель Совета судей РФ В.В. Момотов представил на IV Московском юридическом форуме прогрессивные идеи о развитии рынка «судебного инвестирования», где предлагается коммерческое финансирование судебных процессов с возможностью получения доли от присужденной суммы. Анализируя обширный западный опыт, он отметил, что высокие судебные расходы могут оказаться недоступными для непрофессиональных участников процесса, и подчеркнул перспективу присуждения «гонораров успеха» в существенных масштабах [4]. Основой здесь служат нормы гражданского законодательства, которые гарантируют свободу заключения договоров и содержат общие положения о выполнении обязательств, как например, статья 327.1 Гражданского кодекса РФ, регулирующая исполнение обязательств.

Однако, несмотря на позитивные аспекты идеи «судебного инвестирования», в российских условиях она сталкивается с сопротивлением, как со стороны законодательства, так и судебной практики.

Создание профессиональной финансовой среды на судебном рынке должно предшествовать всестороннему улучшению существующей системы разрешения споров. Само появление такого рынка является следствием зрелой судебной системы, а не причиной: инвесторы проявляют интерес там, где система настолько предсказуема, что допускает построение стабильного бизнеса [5]. Кроме того, существует проблема отсутствия легального определения понятия «судебное инвестирование» в российском законодательстве.

Обсуждение.

На данный момент, существуют лишь точки зрения ученых. Например, Олег Ципкин считает судебное финансирование возможностью для истца защитить свои права, даже если у него нет

средств на оплату адвоката, и при этом его требование подвергается дополнительной экспертизе и оценке рисков и перспектив дела. Такое сотрудничество получает положительную оценку от многих экспертов, так как оно способствует улучшению качества рассмотрения судебных споров и повышению качества юридических услуг [6].

За рубежом институт финансирования в современной форме начал активно развиваться в таких странах, как США, Великобритания, Австралия, начиная с 1990-х годов. Этот процесс был спровоцирован легализацией через изменения в законодательстве и установлением судебной практики.

Комиссией ООН по праву международной торговли было дано определение финансирования третьими сторонами, как действия субъекта («третьей стороны, осуществляющей финансирование»), не являющегося участником спора, предоставить средства или иные формы поддержки одной из сторон спора (обычно истцу или его представителям) в обмен на вознаграждение, размер которого зависит от результата спора. Примером поддержки этой практики может служить решение швейцарского Федерального суда, который закрепил данное финансирование как выражение конституционно гарантированной свободы торговли. В результате этого решения Швейцария, по мнению Французского клуба юристов, превратилась в «приют для компаний, специализирующихся на финансировании судебных процессов» [7].

Совет адвокатских палат и юридических обществ Европы выразил мнение, что «практика финансирования судебных процессов третьими сторонами позволяет обеспечить доступ к правосудию для сторон, не располагающих достаточными средствами для защиты своих прав. Финансирование судебных процессов третьими сторонами может сгладить дисбаланс между сторонами в судебном процессе» [8].

На законодательном уровне, правила судебного инвестирования и требования к потенциальным судебным инвесторам, включая минимальный уровень уставного капитала, закреплены, например, в Сингапуре и Гонконге (поправки 2017 года в Закон о гражданском праве и в Законодательство об арбитраже и медиации соответственно).

Действие норм о судебном инвестировании также распространяется на определенные процедуры в национальных судах в Сингапуре и Гонконге (включая медиацию и исполнение арбитражных постановлений). В Сингапуре с 2021 года эти нормы также применяются к национальному арбитражу [9–11].

Европейский парламент разрабатывает рамочный законодательный акт «Директиву о регулировании финансирования судебных процессов третьими сторонами». Этот проект законода-

тельного акта, включающийся в нормативные правовые акты государств-членов ЕС, разработан после принятия Резолюции Европейского парламента от 13 сентября 2022 года «О рекомендациях Комиссии в отношении ответственного частного финансирования судебных процессов» [12].

В российском же гражданском процессуальном праве существует дискуссия относительно того, следует ли отождествлять судебное инвестирование с каким-либо видом гражданско-правового договора, что повышает степень актуальности данного научного анализа.

По мнению А.И. Бычкова, одним из эффективных методов осуществления финансирования судебных процессов может быть заключение договора цессии. Такой договорный механизм представляет собой универсальное решение, поскольку он позволяет передать любые имущественные права, включая будущие, на сторону, не являющуюся участником спора на момент заключения сделки. Кроме того, договор цессии предоставляет участнику судебного разбирательства возможность избежать потенциальных убытков при проигрыше спора, так как права требования передаются инвестору.

Другой вариант реализации судебного инвестирования – это договор финансирования с уступкой денежного требования, также известный как договор факторинга. В соответствии с пунктом 1 статьи 824 Гражданского кодекса РФ, договор финансирования с уступкой денежного требования (договор факторинга) предполагает, что одна сторона обязуется передать финансовому агенту денежные требования к третьему лицу (должнику) и оплатить соответствующие услуги, в то время как финансовый агент обязуется выполнить ряд действий, связанных с этими денежными требованиями [13]. Отличительной чертой данного договора является его долгосрочный характер, формирующий продолжительные связи между клиентом и финансовым агентом. Это обстоятельство придает определенную сложность единоразовому финансированию судебных споров, особенно, в случае физических лиц.

В контексте же заключения договора о простом товариществе (или договора о совместной деятельности) находится возможность эффективного воплощения процесса судебного инвестирования. В этом соглашении два или более участника (товарищи) обязуются объединить свои вклады и сотрудничать без образования юридического лица, с целью извлечения прибыли или достижения другой законной цели. В данной ситуации, целью, безусловно, становится успешное разрешение судебного спора. Однако перед выбором такого соглашения, важно провести предварительное обсуждение с «инвестором» относительно ведения процесса, а также учесть фактор солидарной ответственности товарищей, в случае проигрыша спора.

Дополнительным механизмом судебного инвестирования выступает заключение договора займа или кредитного соглашения. В этих документах следует установить цель, срок предоставления денежных средств инвестором и определить минимальные процентные ставки за пользование денежной суммой.

По нашему мнению, данный способ финансирования судебных процессов несет больше ограничений, чем преимуществ. Примерно так, заемщик несет значительные риски по возврату суммы долга, в силу отсутствия гарантированной победы в судебном споре. Кроме этого, как подчеркивает А.Е. Михалева, обязательность предоставления залога для удовлетворения потребностей кредитора, в некоторых случаях, придает дополнительные риски финансируемой стороне [3].

Исходя из вышеизложенного, становится ясным, что ни один из законодательно урегулированных договоров, предусмотренных Гражданским кодексом РФ, не обеспечивает полную реализацию судебного финансирования. Решение этой проблемы, по нашему мнению, лежит во введении в ГК РФ нового типа соглашения – договора о финансировании судебных процессов, а также в установлении на законодательном уровне процедуры судебного инвестирования. В данном контексте мы считаем целесообразным опираться на опыт зарубежных стран, где данный институт давно внедрен и протестирован.

В 2020 году законодательство предоставило адвокатам право на получение «гонорара успеха» за оказание юридических услуг. Это Правила, в соответствии с п. 4.1 ст. 25 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», регулирующие включение условий в соглашение о предоставлении правовой помощи, определяющих выплату (размер выплаты) вознаграждения за правовую помощь, зависящего от результата оказания адвокатом юридической помощи («гонорар успеха»). Это условие может быть включено в соглашение, чтобы обеспечить гражданам конституционное право на качественную юридическую помощь, особенно тем, у кого нет финансовой возможности оплатить адвоката, и в других законных случаях. Теперь, адвокаты имеют возможность связать размер вознаграждения с итогом своей работы, получая оплату только при успешном завершении дела. Практикующие адвокаты уверены – гонорар успеха обещает великое будущее [14]. По словам юриста Дмитрия Урякина, гонорар успеха предоставляет возможность гибко устанавливать размер вознаграждения юристов, включая снижение долговой нагрузки на клиента. «Во многом, именно такой фактор обуславливает его привлекательность для клиентов, которые могут испытывать сомнения в успехе своего дела, но готовы рискнуть, осознавая, что их потери будут минимальными», – прокомментировал эксперт.

Примеры из практики подчеркивают сложности института гонорара успеха. Один из заметных случаев – дело «Аэрофлота», где адвокатов Диану Кибец и Александра Сливко обвинили в особо крупном мошенничестве на 250 млн рублей по договору оказания юридических услуг с гонораром успеха. В апреле Гагаринский районный суд г. Москвы приступил к рассмотрению уголовного дела, по которому адвокатам грозит до восьми лет лишения свободы (№ 01-0221/2021). Так, адвокаты дошли до апелляционного суда, который постановил: приговор Гагаринского районного суда от 06 июля 2022 года в отношении Александрова ... Давыдовой ..., Сливко ..., Кибец Дины Сергеевны изменить, уменьшить размер причиненного ими ущерба до.. Смягчить назначенное наказание в виде лишения свободы... Исключить из приговора указание о назначении каждому из осужденных дополнительного наказания в виде штрафа. В остальной части этот же приговор оставить без изменения, апелляционные жалобы – без удовлетворения [15; 16].

Еще одно громкое уголовное дело вспыхнуло в 2018 году в отношении Игоря Третьякова из АК «Третьяков и партнеры». Ему предъявили обвинение в мошенничестве. Третьяков должен был защищать интересы «НПО Лавочкина» в спорах с Роскосмосом и за это ему обещали гонорар успеха в размере 8 % разницы между заявленными истцом и удовлетворенными требованиями. Фигуранты дела не признают вину и утверждают, что спасли стратегическое предприятие от банкротства, выиграв разбирательства по искам, поданным «Роскосмосом» к НПО на сумму почти 50 млрд рублей. Пока приговора по этому делу нет: Химкинский городской суд Московской области должен был вынести его еще в апреле, однако, вернул дело в прокуратуру.

Зурабян поднимает еще одну проблему института гонорара успеха – часто клиент готов оплачивать представление только когда оно необходимо. «Когда потребность отпадает и результат достигнут – зачем платить адвокату?» поясняет эксперт. Юрист может подать иск, но это долго, часто неэффективно и всегда рискованно с точки зрения репутации: мало кто согласится обратиться в юридическую фирму, которая часто судится со своими клиентами, подчеркивает Зурабян. Колбун видит сложности и в том, что клиенты и их поверенные разговаривают на разных языках – первые на русском, а вторые – на юридическом. Доверители часто не понимают, какие условия приводят к оплате гонорара, так как эти условия зависят от процессуально-правовых юридических аспектов, выраженных в специфической лексике договора [17].

В связи с этим, необходимо обратить внимание на существующие правила, дабы избежать и минимизировать существующие проблемы, так как в них содержится ряд общих требований по применению гонорара-успеха:

– исключается возможность включения условия о «гонораре успеха» в соглашение об оказании юридической помощи по уголовному делу

или по делу об административном правонарушении;

– поскольку соглашение подразумевает неопределенность достижения положительного результата, условие об обусловленном вознаграждении считается разумным и обоснованным;

– условие о «гонораре успеха» не гарантирует или обещает положительный результат юридической помощи;

– соглашение должно четко и однозначно указывать на результат оказания юридической помощи, который определит размер вознаграждения;

– «гонорар успеха» может быть выражен как фиксированная денежная сумма, так и как процент от размера удовлетворенных или отклоненных требований доверителя.

Возможны и другие способы расчета вознаграждения:

– соглашение может предусматривать разделение вознаграждения на обусловленную и независимую части, включая предоплату (аванс);

– исключается включение условия об авансовой выплате всего «гонорара»;

– при заключении соглашения адвокат обязан предупредить доверителя о том, что взыскание с другого лица судебных издержек, покрывающих «гонорар успеха», не гарантировано;

– если соглашение предусматривает обусловленное вознаграждение за этапы оказания помощи, невыплата или частичная выплата этого вознаграждения может рассматриваться как оферта на расторжение соглашения или условие о прекращении прав и обязанностей, за исключением обязанности выплаты вознаграждения;

– стороны могут предусмотреть случаи, когда адвокат обязуется вернуть ранее выплаченное обусловленное вознаграждение, например, при отмене судебного решения удовлетворяющего требования доверителя;

– соглашение может содержать обязательное условие выплаты обусловленного вознаграждения (полностью или частично), если доверитель отказывается от соглашения до достижения желаемого результата.

Заключение.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что судебное инвестирование и гонорар успеха имеют как положительные, так и отрицательные аспекты.

С одной стороны, судебное инвестирование может способствовать доступу к правосудию для тех, кто не имеет финансовой возможности оплатить юридические услуги.

Гонорар успеха, в свою очередь, может мотивировать адвокатов и юристов более активно и эффективно представлять интересы своих клиентов. Более того, существует проблема, вызванная тем, что законодательно институт судебного инвестирования не закреплен.

Однако, несмотря на отсутствие прямого правового регулирования, схема, позволяющая инвестировать в судебные процессы, уже существует, благодаря применению уступки права требования. Данный способ является сложным, неудобным для систематического применения. В связи с этим, практикующие юристы приловчились подменять «судебное инвестирование» определением размера гонорара успеха в соглашениях, облекая этот феномен в различную правовую форму.

На сегодняшний день отсутствуют какие-либо политико-правовые основания для запрета «гонорара успеха»; это – обычное договорное условие; следовательно, внедрение в практику такого условия очень выгодно, особенно если адвокат уверен в положительном результате, это дает возможность получить большее вознаграждение [18].

Следует отметить и заинтересованность в данном вопросе самих Доверителей в силу того, что, чаще всего, это происходит при рассмотрении споров, вытекающих из гражданско-правовых договоров, например, спора о признании сделки недействительной или признания права собственности за Доверителем на объект. В данных случаях сам доверитель заинтересован опреде-

лить вознаграждение адвокату при достижении важного для него исхода дела. Есть случаи, когда Доверитель сам выступает инициатором определения гонорара успеха, демонстрируя полную уверенность в положительном исходе дела.

Таким образом, необходим баланс между стимулированием профессиональных юридических услуг и поддержанием независимости судебной системы.

Необходимо принятие специального законодательного акта о судебном инвестировании. Этот закон должен детально регулировать взаимоотношения между сторонами данной процедуры, устанавливая их права и обязанности, разрешая возможные конфликты интересов, а также – обеспечивая процессуальную независимость судебных представителей и др. Следует отметить и то, что все изменения, в том числе, закрепление возможности использования гонорара успеха в Федеральном законе от 02.12.2019 № 400-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», вступившим в силу 01.03.2020 года, были внесены исключительно в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». Данный закон распространяет свое действие исключительно на адвокатов, при этом изменения не коснулись ГК РФ. Поэтому будут ли суды удовлетворять иски о взыскании гонорара успеха от юристов (представителей по доверенности), без статуса адвоката или нет – пока неизвестно.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс.
2. Четвериков А.О. Судебное инвестирование (финансирование судебных процессов третьими сторонами) и региональная экономическая интеграция: перспективы правового регулирования / А.О. Четвериков // Международное право. 2023. № 2. С. 58–72.
3. Мустафин Р.Ф. Институт судебного инвестирования: состояние и перспективы развития / Р.Ф. Мустафин, С.А. Мустафина, Е.А. Ильяхенко // Юристы-Правоведь. 2020. № 4(95). С. 192–195.
4. Судебное инвестирование: перспективы в России. URL : <https://www.advgazeta.ru/mneniya/sudebnoe-investirovanie-perspektivy-v-rossii/?ysclid=11430s9k8856492289> (дата обращения 08.08.2023).
5. Судейское сообщество готово к диалогу по проблеме судебного инвестирования. URL : <https://www.advgazeta.ru/novosti/sudeyskoe-soobshchestvo-gotovo-k-dialogu-po-probleme-sudebnogo-investirovaniya> (дата обращения 08.08.2023).
6. В России могут появиться кредиты на судебные расходы. URL : <https://pravo.ru/news/229353> (дата обращения 08.08.2023).
7. Financement du procès par les tiers. Rapport du Club des juristes: Commission financement de procès par les tiers. 2014. 72 p. URL : https://www.leclubdesjuristes.com/wp-content/uploads/2014/01/CDJ_Rapport_Financement-proces-par-les-tiers_Juin-2014.pdf (date of the application 08.08.2023).

8. Conseil des barreaux européens (CCBE). Premiers commentaires du CCBE sur les recommandations du Parlement européen à la Commission sur le financement privé responsable du règlement de contentieux. 13/05/2022. URL : https://www.eesc.europa.eu/sites/default/files/files/fr_rol_20220225_contribution-for-the-2022-rule-of-law-report.pdf (date of the application 08.08.2023).
9. Eken C.A detailed comparison of third-party funding regulations in Hong Kong and Singapore. URL : <https://globalreferral.group/a-detailed-comparison-of-third-party-funding-regulations-in-hong-kong-and-singapore> (date of the application 08.08.2023).
10. Junpeng D. Comparative Analysis of Third-Party Funding of Arbitration in Singapore and Hong Kong / D. Junpeng // Ученый XXI века. 2022. № 4(85). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/comparative-analysis-of-third-party-funding-of-arbitration-in-singapore-and-hong-kong> (date of the application 08.08.2023).
11. De Patoul O. The Third Party Litigation Funding Law Review: Singapore / O. De Patoul // The Law Reviews. 08 December 2022. URL : <https://thelawreviews.co.uk/title/the-third-party-litigation-funding-law-review/singapore> (date of the application 08.08.2023).
12. Résolution du Parlement européen du 13 septembre 2022 contenant des recommandations à la Commission sur le financement privé responsable du règlement de contentieux (2020/2130(INL)). URL : https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2020-0178_FR.html (date of the application 08.08.2023).
13. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) // СПС КонсультантПлюс.
14. Совет ФПА принял правила применения «гонорара успеха». URL : <https://www.advgazeta.ru/novosti/sovet-fpa-prinyal-pravila-primeneniya-gonorara-uspekha> (дата обращения 08.08.2023).
15. Адвокаты Дина Кибец и Александр Сливко приговорены к реальным срокам лишения свободы. URL : <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokaty-dina-kibets-i-aleksandr-slivko-prigovoreny-k-realnym-srokam-lisheniya-svobody> (дата обращения 08.08.2023).
16. Постановление суда апелляционной инстанции. URL : <https://mos-gorsud.ru/rs/gagarinskij/services/cases/criminal/details/ac3e4200-8d30-11eb-b2b9-8f925a270464?caseNumber=01-0221/2021> (дата обращения 08.08.2023).
17. Гонорар успеха: плюсы, минусы и перспективы. URL : <https://pravo.ru/story/231578> (дата обращения 08.08.2023).
18. Утверждены правила применения адвокатами нормы закона о «гонораре успеха». URL : <https://www.garant.ru/news/1343405> (дата обращения 08.08.2023).
19. Снять запрет на «гонорар успеха. URL : <https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/snyat-zapret-na-gonorar-uspekha> (дата обращения 17.08.2023).

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // SPS ConsultantPlus
2. Chetverikov A.O. Judicial investment (financing of lawsuits by third parties) and regional economic integration: prospects of legal regulation / A.O. Chetverikov // International law. 2023. № 2. P. 58–72.
3. Mustafin R.F. Institute of Judicial Investment: state and prospects of development / R.F. Mustafin, S.A. Mustafina, E.A. Ilyashenko // Jurist-Pravoved. 2020. № 4(95). P.192–195.
4. Judicial investment: prospects in Russia. URL : <https://www.advgazeta.ru/mneniya/sudebnoe-investirovanie-perspektivy-v-rossii/?ysclid=ll430s9k8856492289> (date of the application 08.08.2023).
5. The judicial community is ready for a dialogue on the issue of judicial investment. URL : <https://www.advgazeta.ru/novosti/sudeyskoe-soobshchestvo-gotovo-k-dialogu-po-probleme-sudebnogo-investirovaniya> (date of the application 08.08.2023).
6. Loans for court expenses may appear in Russia. URL : <https://pravo.ru/news/229353> (date of the application 08.08.2023).
7. Financement du procès par les tiers. Rapport du Club des juristes: Commission financement de procès par les tiers. 2014. 72 p. URL : https://www.leclubdesjuristes.com/wp-content/uploads/2014/01/CDJ_Rapport_Financement-proces-par-les-tiers_Juin-2014.pdf (date of the application 08.08.2023).
8. Conseil des barreaux européens (CCBE). Premiers commentaires du CCBE sur les recommandations du Parlement européen à la Commission sur le financement privé responsable du règlement de contentieux. 13/05/2022. URL : https://www.eesc.europa.eu/sites/default/files/files/fr_rol_20220225_contribution-for-the-2022-rule-of-law-report.pdf (date of the application 08.08.2023).
9. Eken C.A detailed comparison of third-party funding regulations in Hong Kong and Singapore. URL : <https://globalreferral.group/a-detailed-comparison-of-third-party-funding-regulations-in-hong-kong-and-singapore> (date of the application 08.08.2023).
10. Junpeng D. Comparative Analysis of Third-Party Funding of Arbitration in Singapore and Hong Kong / D. Junpeng // Ученый XXI века. 2022. № 4(85). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/comparative-analysis-of-third-party-funding-of-arbitration-in-singapore-and-hong-kong> (date of the application 08.08.2023).
11. De Patoul O. The Third Party Litigation Funding Law Review: Singapore / O. De Patoul // The Law Reviews. 08 December 2022. URL : <https://thelawreviews.co.uk/title/the-third-party-litigation-funding-law-review/singapore> (date of the application 08.08.2023).
12. Résolution du Parlement européen du 13 septembre 2022 contenant des recommandations à la Commission sur le financement privé responsable du règlement de contentieux (2020/2130(INL)). URL : https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2020-0178_FR.html (date of the application 08.08.2023).
13. Civil Code of the Russian Federation (Civil Code of the Russian Federation) // SPS ConsultantPlus.

14. The FPA Council adopted the rules for the application of the «success fee». URL : <https://www.advgazeta.ru/novosti/sovet-fpa-prinyal-pravila-primeneniya-gonorara-uspekha> (date of the application 08.08.2023).
15. Lawyers Dina Kibets and Alexander Slivko were sentenced to real terms of imprisonment. URL : <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokaty-dina-kibets-i-aleksandr-slivko-prigovoreny-k-realnym-srokam-lisheniya-svobody> (date of the application 08.08.2023).
16. The decision of the court of appeal. URL : <https://mos-gorsud.ru/rs/gagarinskij/services/cases/criminal/details/ac3e4200-8d30-11eb-b2b9-8f925a270464?CaseNumber=01-0221/2021> (date of the application 08.08.2023).
17. Success fee: pros, cons and prospects. URL : <https://pravo.ru/story/231578> (date of the application 08.08.2023).
18. The rules for the application of the law on «success fee» by lawyers have been approved. URL : <https://www.garant.ru/news/1343405> (date of the application 08.08.2023).
19. Lift the ban on «success fee». URL : <https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/snyat-zapret-na-gonorar-uspekha> (date of the application 17.08.2023).

Информация об авторах

Попова Юлия Александровна

доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры
гражданского процесса и международного права
юридического факультета имени А.А. Хмырова,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар
gppmp@law.kubsu.ru

Мустафин Рафаэль Фаильевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
гражданского процесса и международного права
юридического факультета имени А.А. Хмырова,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар
mustafinrf@yandex.ru

Yulia A. Popova

Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Department
Civil Procedure and International Law
Faculty of Law named after A.A. Khmyrova,
Kuban State University, Krasnodar
gppmp@law.kubsu.ru

Rafael F. Mustafin

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Civil Procedure and International Law
Faculty of Law named after A.A. Khmyrova
Kuban State University, Krasnodar
mustafinrf@yandex.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.027>

УДК 347.9

Attribution

cc by

К ВОПРОСУ О МЕДИЦИНСКОМ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИИ В КОНТЕКСТЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ РАБОТНИКА К ОТВЕСТВЕННОСТИ ПО СТ. 81ТК РФ

Рябова О.А.¹, Рябов П.Р.²

¹Владимирский юридический институт ФСИН России,

²Адвокатская палата Московской области, г. Москва

Аннотация. Актуальность данной публикации заключается в том, что в ней рассматривается проблема привлечения к ответственности работника, появившегося на работе в состоянии опьянения. Особый акцент авторы делают на доказательства, используемые для подтверждения факта опьянения работника. Отмечается, что, с юридической точки зрения, единственным доказательством, способным подтвердить состояние опьянения, является заключение, выданное после медицинского освидетельствования. Авторы указывают на то, что иные доказательства не могут лечь в основу привлечения работника к дисциплинарной ответственности по п. б ч. 6 ст.81 ТК РФ. Следует отметить, что большинство авторов и опрошенных в ходе данного исследования представителей юридического и медицинского сообщества высказывают однозначное мнение о том, что опьянение нельзя подтвердить ничем, кроме медицинского освидетельствования.

Также, одним из выводов, сделанных в данной работе, является необходимость создания комплексной системы, регулирующей привлечение работника к ответственности по данному основанию и ее законодательное закрепление.

Ключевые слова: работник, работодатель, состояние опьянения, дисциплинарное взыскание, медицинское освидетельствование, доказательства.

ON THE ISSUE OF MEDICAL EXAMINATION IN THE CONTEXT OF BRINGING AN EMPLOYEE TO RESPONSIBILITY UNDER ARTICLE 81 OF THE RF TTC

Olga A. Ryabova¹, Pavel R. Ryabov²

¹Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir,

²Law Chamber of the Moscow region, Moscow

Abstract. The article considers the problem of bringing to justice an employee who appeared at work in a state of intoxication. The authors place special emphasis on the evidence used to confirm the fact of intoxication of an employee. It is noted that from a legal point of view, the only evidence capable of confirming the state of intoxication is the conclusion issued after a medical examination. The authors point out that other evidence cannot form the basis for bringing an employee to disciplinary responsibility under subclause of Part 6 of Article 81 of the Labor Code of the Russian Federation. It should be noted that most of the authors and representatives of the legal and medical community interviewed during this study express an unequivocal opinion that intoxication cannot be confirmed by anything other than a medical examination. Also, one of the conclusions of this work is the creation of a comprehensive system regulating the involvement of an employee to responsibility on this basis and its legislative consolidation.

Keywords: employee, employer, state of intoxication, disciplinary action, medical examination, evidence.

Введение.

Одним из оснований расторжения трудового договора по инициативе работодателя является появление работника на работе в состоянии опьянения [1].

Трудовой кодекс РФ (далее ТК РФ) оговаривает несколько видов опьянения, которые могут привести к нарушению трудовых обязанностей. Причем, достаточно однократного появления работника в состоянии опьянения, чтобы работодатель принял решение прекратить трудовые правоотношения с указанным лицом.

Безусловно, п. б п. 6 ст. 81 ТК РФ, является регулятором серьезнейшего нарушения трудовых обязанностей лица, которые, помимо всего прочего, могут привести к тяжелейшим последствиям. Однако вопрос определения доказательств наличия у лица алкогольного опьянения на настоящий момент времени является открытым, что вызывает споры и нарушения прав работников и работодателей при применении указанной нормы.

Результаты.

Современный подход к рассматриваемой проблеме нигде не сформулирован в качестве системного, который отражал бы все этапы разрешения ситуации, возникающей, когда есть подозрение на то, что работник появился на работе в состоянии опьянения. Существующие правила и положения, не взаимосвязанные между собой, регулируют порядок отстранения от работы работника, пришедшего на работу в состоянии опьянения, порядок проведения медицинского освидетельствования [2]. Однако единого нормативного акта, который носил бы комплексный подход к рассматриваемой ситуации и распространялся бы на все без исключения ситуации, связанные с подозрением на появление работника в состоянии опьянения, не существует. Указанный факт порождает множество спорных ситуаций.

Единственным и упоминаемым во всех нормативных документах способом определения состояния алкогольного опьянения является медицинское освидетельствование. Однако не определен порядок направления работника на медицинское освидетельствование. Хотя это является важной составляющей закономерного исхода ситуации, когда работодатель подозревает, что работник появился на работе в состоянии опьянения, причем как для самого работодателя, так и для работника. Особое внимание следует обратить на то, что не определено в какой конкретно организации и за чей счет будет проводиться медицинское освидетельствование.

Нам видится, что наиболее правильным решением в данной ситуации стало бы заключение работодателем договора с медицинской организацией, которая будет проводить медицинского освидетельствования работников в необходимых случаях. Оплату указанных медицинских услуг должен производить работодатель, а в случаях, когда медицинским освидетельствованием будет установлено состояние опьянения, сумму, затраченную на освидетельствование, работодатель сможет вычесть из заработной платы работника. А если работник в рассматриваемой ситуации откажется от медицинского освидетельствования, то данный факт станет основанием для привлечения его к дисциплинарной ответственности.

Безусловно, в тех случаях, когда посредством медицинского заключения работником будет доказано, что отказ от освидетельствования и

состояние, похожее на опьянение, было следствием «лекарственного опьянения» или иного патологического состояния, то это может стать основанием для отмены дисциплинарного взыскания и восстановления на работе.

Возвращаясь к доказательствам состояния опьянения у работника, необходимо отметить, что недопустимыми должны являться факты, когда основанием для дисциплинарного взыскания за появление на работе в состоянии опьянения, будут становиться свидетельские показания, визуальный осмотр работника и т.д.

Следует понимать, что перечисляемые в медицинских пособиях признаки опьянения могут быть схожи с патологическими состояниями, вызываемыми некоторыми заболеваниями (например инсульт или прединсультное состояние), а также являться следствием приема лекарственных препаратов, которые могут вызвать состояние, схожее с внешними проявлениями состояния опьянения. Вышеуказанное, является неоспоримым аргументом против применения иных доказательств, кроме медицинского освидетельствования.

Обсуждение.

В этом смысле, вызывает необходимость обсуждения Постановление Пленума ВС РФ от 17.03.2004 № 2, которое разъясняет в п. 42, что опьянение может быть подтверждено другими доказательствами, кроме как медицинским заключением и оценены судом. Так, Определением СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10 июля 2023 г. № 78-КГ23-16-К3, были отменены судебные акты предыдущих инстанций, которые признали незаконным увольнение работника по п. б ч. 6 ст. 81 ТК РФ вследствие отсутствия медицинского заключения [3]. Однако Верховный суд увидел в действиях судов нарушение норм материального права и отправил дело на новое рассмотрение, указав, чтобы суд первой инстанции, который будет рассматривать дело, обратил внимание на имеющиеся в деле доказательства состояния опьянения лица.

Таким образом, складывается тревожная ситуация, когда суды, используя разъяснения Пленума ВС РФ от 17.03.2004 № 2, могут активизировать судебную практику, где в основу судебных актов могут лечь спорные и не способствующие установлению истины доказательства.

Правовой взгляд на существующую проблему доказательств нахождения лица в состоянии опьянения анализируется многими учеными опосредованно от правоотношений, присущих той или иной отрасли права.

С точки зрения определения состояния лица в контексте рассматриваемой проблемы, это не является определяющим. Наличие или отсутствие опьянения, с точки зрения психофизиологического состояния человека, является одинаковым для любой правовой ситуации. Основная мысль сводится к тому, что определить

наличие опьянения без специальных познаний невозможно. Так, А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский указывают на то, что состояние опьянения не всегда доступно непосредственному наблюдению. Они отмечают, что наличие опьянения и его установление требует специальных медицинских знаний [5].

Полагаем, что данное мнение является бесспорным. Многие авторы в своих работах указывают на сложность процесса выявления состояния опьянения [4]. Это доказывает, что определить наличие опьянения у лица может лишь специалист со специальными познаниями в этой области. Следует отметить, что большинство авторов и опрошенных в ходе данного исследования представителей юридического и медицинского сообщества высказывают однозначное мнение о том, что опьянение нельзя подтвердить ничем, кроме медицинского освидетельствования.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Заключение.

Резюмируя вышесказанное, хочется еще раз отметить назревшую необходимость в четкой регламентации процесса привлечения работника к ответственности по п. 6 ч. 6 ст. 81 ТК РФ и обратить внимание на необходимость проведения медицинского освидетельствования, результаты которого должны являться превалярующим доказательством, в случае возникновения правового спора. Кроме этого, законодатель, вне зависимости от отрасли права, в рамках которого требует разрешения вопрос наличия или отсутствия у человека опьянения, должен выработать единый критерий (критерии) доказанности последнего, с целью исключения ошибки, сведения к минимуму возможности субъективной оценки и формирования единства правоприменительной практики.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Гарант: справочная правовая система. URL : <https://base.garant.ru/12125268> (дата обращения 02.09.2023).
2. О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического) (Зарегистрировано в Минюсте России 11.03.2016 № 41390): Приказ Минздрава России от 18.12.2015 № 933н (с изменениями и дополнениями) // Гарант: справочная правовая система. URL : <https://base.garant.ru/71350220> (дата обращения 15.08.2023).
3. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10 июля 2023 г. N 78-КГ23-16-К3 // Гарант: справочная правовая система. URL : <https://dzen.ru/?clid=2363721-471&from=chromehp&win=558&yredirect=true>
4. О проблеме диагностики опьянения у водителей транспортных средств / А.А. Бурцев, А.А. Бувин, А.В. Надеждин, М.В. Федоров, А.Ю. Колгашкин // Медицина. 2023. № 2. С. 11–20.
5. Смирнов А.В. Следственные действия в российском уголовно процессе : учеб. пособие / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. СПб. : СПбГИЭУ, 2004. 73 с.

References:

1. The Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 № 197-FZ (with amendments and additions) // Garant: reference legal system. URL : <https://base.garant.ru/12125268> (date of the application 02.09.2023).
2. On the procedure for conducting a medical examination for intoxication (alcoholic, narcotic or other toxic) (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on 11.03.2016 № 41390): Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated 18.12.2015 № 933n (with amendments and additions) // Garant: reference legal system. URL : <https://base.garant.ru/71350220> (date of the application 15.08.2023).
3. Definition of the IC on civil cases of the Supreme Court of the Russian Federation of July 10, 2023 № 78-KG23-16-K3 // Guarantor: reference legal system. URL : <https://dzen.ru/?clid=2363721-471&from=chromehp&win=558&yredirect=true>
4. On the problem of diagnosing intoxication among vehicle drivers / A.A. Burtsev, A.A. Buvin, A.V. Nadezhdin, M.V. Fedorov, A.Yu. Kalgashkin // Medicine. 2023. № 2. P. 11–20.
5. Smirnov A.V. Investigative actions in the Russian criminal process : textbook / A.V. Smirnov, K.B. Kalinovskiy. SPb. : SPbSUE, 2004. 73 p.

Информация об авторах

Рябова Ольга Алексеевна

старший преподаватель
кафедры частноправовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт ФСИН России
frau.lelya2012@yandex.ru

Рябов Павел Ричардович

адвокат Адвокатской палаты Московской области
rich.riabov@yandex.ru

Olga A. Ryabova

Senior Lecturer of the Department
of Private Law Disciplines
of the Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia
frau.lelya2012@yandex.ru

Pavel R. Ryabov

Lawyer of the Moscow Region Chamber of Advocates
rich.riabov@yandex.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.028>

УДК 342

Attribution

cc by

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Савельева О.Е.¹, Шаназарова Е.В.²

¹*Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых,*

²*Владимирский юридический институт ФСИН России*

Аннотация. В статье разбираются правовое регулирование и теоретические аспекты неприкосновенности частной жизни в трудовых правоотношениях, и эта тема является весьма актуальной, потому что любая частная жизнь человека является одним из присущих элементов правового статуса личности. Подобное право закреплено в главном нормативно-правовом акте РФ – Конституции Российской Федерации. При этом соответствующая охрана частной жизни с позиций государства способствует поддержанию необходимого уровня гарантий, установленных Конституцией РФ. Ввиду того, что обеспечение неприкосновенности частной жизни гражданина обеспечивается не только в трудовых отношениях, но также и в иных, связанных с ним правоотношениях, предполагаем, что следует дополнить перечень принципов, перечисленных в ст. 2 ТК РФ, принципом обеспечения неприкосновенности личной жизни как в трудовых, так и других связанных с этим отношениях.

Ключевые слова: права человека и гражданина, частная жизнь, неприкосновенность, трудовые правоотношения, правовое регулирование.

INVIOABILITY OF PRIVATE LIFE IN LABOR RELATIONS: THEORETICAL ASPECTS AND LEGAL REGULATION

Olga E. Savelyeva¹, Elena V. Shanazarova²

¹*Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov,*

²*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*

Abstract. The article examines the legal regulation and theoretical aspects of privacy in labor relations. Any private life of a person is one of the inherent elements of the legal status of an individual. Such a right is enshrined in the main regulatory legal act of the Russian Federation – the Constitution of the Russian Federation. At the same time, the appropriate protection of private life from the standpoint of the state contributes to maintaining the necessary level of guarantees established by the Constitution of the Russian Federation. In view of the fact that ensuring the inviolability of a citizen's private life is ensured not only in labor relations, but also in other legal relations related to him, we assume that the list of principles listed in Article 2 of the Labor Code of the Russian Federation should be supplemented with the principle of ensuring the inviolability of personal life both in labor and other related relations.

Keywords: human and civil rights, private life, inviolability, labor relations, legal regulation.

Введение.

Частная жизнь является мерой возможного поведения человека в области частного права и не допускает вторжения третьих лиц. При этом в настоящее время имеется ряд неразрешенных вопросов, которые имеют значение для реализации права на частную жизнь. Так, не дано четкое определение права на частную жизнь, что имеет значение, как на теоретическом, так и на практическом уровне. Помимо этого, отсутствуют границы при определении сфер частной жизни. Эти факторы могут приводить к нарушению еди-

нообразия как в судебной практике, так и в личных отношениях: при определении возможностей личности контролировать распространяемую информацию, которая в информационном обществе распространяется весьма быстро и сложнообратимо.

Вместе с тем, имеется ряд нерешенных вопросов, которые говорят о необходимости исследования данного вопроса.

В структуре населения граждан России подавляющее большинство из них имеет работу. При

этом в процессе осуществления своих должностных полномочий, работник находится под работодателем контролем, так как он является неотъемлемой частью процесса, позволяющего повысить производительность труда, предотвратить утечку конфиденциальной информации и т.д.

Следовательно, работник не обладает на работе такими же правами на частную жизнь и не может рассчитывать на такую степень частной жизни, какая гарантирована ему в рамках дома. Однако, в то же время, в период пандемии COVID-19 большинство работников работало по удаленной системе, что предполагало оборудование рабочего места в пределах дома.

Обсуждение.

Следует подметить что, на сегодняшний день существуют всевозможные программы, которые позволяют работодателю удаленно отслеживать степень работоспособности работника. Например, есть программы, позволяющие отслеживать время активной деятельности пользователя за компьютером, а также доступ к рабочей почте сотрудника, количество периодов отдыха во время работы и т.д. Помимо этого, работодатель может также осуществлять мониторинг социальных сетей работника, частично получать медицинскую информацию (например, в случае требования медицинской книжки). Ввиду этого, границы частной жизни работника стираются.

Такой уровень «слежки» за деятельностью работника побуждает за собой обращение работников в судебные инстанции, в том числе, и в Европейский суд по правам человека [1, с. 61–68].

Нельзя рассуждать о том, что, в данном контексте, затрагиваются исключительно трудовые права граждан, либо эта сфера регулируется исключительно нормами Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ). Мы считаем, что в данной ситуации также задействованы и нормы Конституции РФ.

Многие ученые, например, С.А. Иванов, Р.З. Лившиц говорят о том, что потребность граждан в защите их частной жизни находит выражение только в том случае, когда эти потребности находят отражение в юридических актах.

По мнению С.Ю. Головина и Ю.В. Иванчина, именно в процессе трудовых правоотношений и в трудовом законодательстве наиболее концентрированно отражаются основные свободы и права человека [2].

При этом многие из авторов стали задаваться вопросом о том, что работодатель чрезмерно вмешивается в личную жизнь граждан, особенно в период сбора различной информации о кандидате при устройстве на работу. Так, например, сейчас действует технология мэтчинг (Profile Matching). Наиболее подробно она была изучена

в работах А.А. Туманова. Данная программа действует таким образом, что она собирает сведения об активности лица в Интернете и выдает собранные данные.

В России, на сегодняшний день, действует определенная правовая регламентация, касающаяся обработки персональных данных, в результате чего, применение такой программы в Российской Федерации ставится под вопрос.

Одним из первых в науке отечественного трудового права к личным неимущественным правам И.Н. Басаргин отнес также право работника на неприкосновенность личной жизни в то время, когда работник осуществляет возложенные на него трудовые функции.

Стоит отметить, что в статье 8 Европейской конвенции по правам человека предусматривается право любого на уважение его частной корреспонденции. При этом в такие переписки не допускается также и вмешательство публичных властей. Следовательно, нормы российского уголовного права подчеркнули это, так как ограничение права на частную жизнь возможно только при применении пер уголовного наказания в отношении осужденного лица.

В то же время, по мнению М.В. Лушников, в российском трудовом законодательстве до сих пор не предусмотрено правового механизма, который бы позволял надлежащим образом гарантировать неприкосновенность частной жизни граждан.

В момент заключения трудового договора большое значение отведено запрету требовать от кандидата на должность тех документов, которые не предусмотрены ТК РФ, а также - другими федеральными законами, Указами Президента и Постановлениями Правительства РФ (ч. 3 ст. 65 ТК РФ).

Не мене важным нам представляется положение гл. 14 ТК РФ «Защита персональных данных работника», которое регулирует требования по обработке персональных данных работника.

И если практика российских правоприменителей остается достаточно спорной, то достаточно широкий подход имеют решения Европейского суда по правам человека.

На основе анализа судебной практики, проведенного Е.В. Сыченко, наиболее часто осуществляются следующие неправомерные действия в отношении работника со стороны работодателя [3, с. 54–79]:

- отсутствие конкретизации в проявлении принципов уважения достоинства работника, а, вместе с тем, неприкосновенности частной жизни;
- не соблюдается должная защита от психологического преследования работника на его рабочем месте;

— зачастую, допускается непропорциональное установление наблюдения за сотрудниками (например, путем установления видеонаблюдения).

При этом наиболее яркими причинами такого несоблюдения могут являться следующие причины [4, с. 845–848]:

— «советская» наследственность в области труда, т.к. ранее практически не существовало таких понятий, как «частная собственность» и «личная жизнь»; и большая часть жизни проходила в «коллективном» наблюдении;

— еще одной причиной ряд авторов признает наличие общественной жизни между сотрудниками за пределами работы (распространение за пределами работы такой информации, которую работник не озвучивал на работе, но которая по стечению обстоятельств стала известна работодателю или широкому кругу коллег);

— отрицание управляющими и директорами наличия частной жизни на работе ввиду боязни понижения рейтингов, упадка продаж и т.д.

Результаты.

Ввиду того, что обеспечение неприкосновенности частной жизни гражданина обеспечивается

не только в трудовых отношениях, но также и в иных, связанных с ними, правоотношениях, мы предполагаем, что следует дополнить перечень принципов, перечисленных в ст. 2 ТК РФ, принципом обеспечения неприкосновенности личной жизни, как в трудовых, так и в других, связанных с этим принципом, отношениях.

Мы считаем, что, так как в иных материальных кодексах (УК РФ, ГК РФ) закреплено право на частную жизнь, следует также дополнить Трудовой кодекс РФ в ч. 1 ст. 21 ТК РФ правом работника на неприкосновенность частной жизни при осуществлении им трудовой деятельности, а, соответственно, в ч. 2 ст. 22 ТК РФ прописать корреспондирующую обязанность работодателя уважать данное право.

Заключение.

Таким образом, хотя на сегодняшний день в рамках трудового законодательства не содержится четкого определения частной жизни, по нашему мнению, такое понятие является межотраслевым. В то же время, считаем необходимым закрепить одним из принципов трудового права принцип защиты частной жизни работников при осуществлении ими деятельности по исполнению рабочих обязательств.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Сыченко Е.В. Принцип неделимости прав человека в практике Европейского суда по правам человека / Е.В. Сыченко // Международное правосудие. 2016. № 2(18). С. 61–68.
2. Головина С.Ю. Защита от насилия и домогательств в сфере труда: вызовы и возможности для России и Казахстана / С.Ю. Головина, Е.В. Сыченко, И.В. Войтковская // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 53. С. 624–647.
3. Сыченко Е.В. Вклад Европейского суда по правам человека в понимание прав человека в сфере труда / Е.В. Сыченко // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 5. С. 54–79.
4. Мхитарян А.С. Нарушения в сфере персональных данных работников: практика ЕСПЧ / А.С. Мхитарян // Норма. Закон. Законодательство. Право : Сб. материалов XXIII Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых. Пермь, 2021. С. 845–848.

References:

1. Sychenko E.V. The principle of indivisibility of human rights in the practice of the European Court of Human Rights / E.V. Sychenko // International justice. 2016. № 2(18). P. 61–68.
2. Golovina S.Yu. Protection from violence and harassment in the sphere of labor: challenges and opportunities for Russia and Kazakhstan / S.Yu. Golovina, E.V. Sychenko, I.V. Voitkovskaya // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2021. Iss. 53. P. 624–647.
3. Sychenko E.V. Contribution of the European Court of Human Rights to the understanding of human rights at work / E.V. Sychenko // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. 2019. № 5. P. 54–79.
4. Mkhitarian A.S. Violations in the field of personal data of employees: the practice of the ECHR / A.S. Mkhitarian // Norm. Law. Legislation. Law : Collection of materials of the XXIII International Scientific and Practical Conference of Young Scientists. Perm, 2021. P. 845–848.

Информация об авторах

Савельева Ольга Евгеньевна

доцент кафедры финансового права
и таможенной деятельности,
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
oes57@mail.ru

Шаназарова Елена Витальевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт ФСИН России,
г. Владимир
alyonapov@mail.ru
ORCID 0000-0002-4609-8838

Olga E. Savelyeva

Associate Professor of the Department
of Financial Law and Customs Activities,
Vladimir State University
named after Alexander Grigorievich
and Nikolai Grigorievich Stoletov, Vladimir
oes57@mail.ru

Elena V. Shanazarova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Public Law Disciplines
Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir
alyonapov@mail.ru
ORCID 0000-0002-4609-8838

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.029>
УДК 343.9

Attribution
cc by

ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ СУБЪЕКТА ВНУТРИКОРПОРАТИВНЫХ ХИЩЕНИЙ В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ И СЛЕДОВЫХ КАРТИН ЭТИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (ЧАСТЬ 1)

Сердюк А.А.

*Сибирский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ*

Аннотация. Вопросы типологии личности преступника применительно к конкретным видам уголовно-наказуемых посягательств, равно как и соответствующие им вариации следовой картины преступлений, по-прежнему сохраняют свою актуальность в научных исследованиях криминалистов. В статье рассматривается и приводится содержание типологических характеристик и видов субъектов внутрикорпоративных хищений в сфере страхования со ссылкой на примеры судебной практики, а также содержание следовых картин этих преступлений.

В статье автор выделяет восемь криминалистически релевантных характеристик лиц, совершающих внутрикорпоративные хищения в сфере страхования. Возможные комбинации вышеперечисленных признаков-особенностей позволяют выделить несколько разновидностей личности типичного преступника, совершающего внутрикорпоративные хищения в сфере страхования. Каждая разновидность отличается объемом возможностей для совершения и сокрытия ВХС и, что определяет, соответственно, особенности следовых картин. Освещенные в настоящей статье аспекты обуславливают необходимость продолжения прикладных научных исследований на этом направлении криминалистической науки.

Ключевые слова: внутрикорпоративные хищения в сфере страхования, типологические характеристики субъектов хищений, следовые картины преступлений.

THE TYPOLOGY OF THE PERSONALITY OF THE SUBJECT WITHIN CORPORATE EMBEZZLEMENT IN THE INSURANCE INDUSTRY AND THE TRACE PATTERNS OF THESE CRIMES (PART 1)

Alexander A. Serdyuk

*Siberian Institute of Management of the branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation*

Abstract. The issues of the typology of the criminal's personality in relation to specific types of criminally punishable assaults, as well as the corresponding variations of the trace pattern of crimes, still remain relevant in the scientific research of criminologists. The article discusses and provides the content of typological characteristics and types of subjects of intra-corporate theft in the insurance sector with reference to examples of judicial practice, as well as the content of the trace patterns of these crimes.

In the article, the author identifies eight criminally relevant characteristics of persons committing intra-corporate theft in the insurance sector. Possible combinations of the above features allow us to identify several types of personality of a typical criminal who commits intra-corporate theft in the insurance industry. Each variety differs in the volume of opportunities for the commission and concealment of VHS and, which determines, respectively, the features of trace patterns. The aspects highlighted in this article make it necessary to continue applied scientific research in this area of forensic science.

Keywords: Inside corporate embezzlement in the insurance industry. Typological characteristics of the subjects of theft. Trace patterns of crimes.

Введение.

Вопросы типологии личности преступника применительно к конкретным видам уголовно-наказуемых посягательств, равно как и соответствующие им вариации следовой картины преступлений, по-прежнему сохраняют свою акту-

альность в научных исследованиях криминалистов.

Н.И. Малыгина справедливо обращает внимание на то, что в криминалистике вопрос о системе индивидуальных особенностей человека сохраняет свою актуальность, оставаясь неразрешен-

© Сердюк А.А.

ным. «Так, систему свойств человека различные ученые представили в качестве совокупности разнообразных ее составляющих:

– телесных, психических и атрибутивных (Н.Н. Демидов);

– физических, биологических и социальных свойств (А.М. Кустов);

– социальных, соматических, психических, психологических, сопутствующих свойств и признаков человека (Г.И. Поврезнюк);

– социальных и физических (В.А. Снетков); социальных, биологических, психологических (либо психических) свойств человека (А.М. Зинин, В.А. Жбанков, Т.С. Волчецкая, В.Я. Колдин);

– социально-демографических признаков, нравственно-психологических, свойств (И.А. Макаренко); личностных уровней ценностей, отношений и притязаний преступника (Р.Л. Ахмедшин [и др.]) [1, с. 86–87].

Применительно к субъекту преступной деятельности, по свидетельству А.Ф. Лубина, картина столь же пестрая: «Одна группа авторов делают упор на возрастные, психологические, физические особенности личности (И.Ф. Герасимов, Л.Я. Драпкин, Е.П. Ищенко). Другая группа криминалистов выделяет, прежде всего, интересы и потребности личности, знания и убеждения человека, интеллектуальные и волевые свойства, нравственные качества и установки, темперамент и т.д. (Л.Д. Самыгин, Н.П. Яблоков). Третья группа имеет в виду социальное и семейное положение, профессиональную принадлежность, образовательный и культурный уровень, а также биологические и психические особенности субъекта (В.Я. Колдин)».

Не вдаваясь в полемику по данной проблематике, выразим согласие с А.Ф. Лубиным в том, что «...каждый выделяемый элемент должен соответствовать не столько абстрактным моделям деятельностного подхода, вообще, сколько прикладным задачам криминалистического изучения преступной деятельности, а именно: соответствует ли элемент или его параметр типологии частных версий» [2, с. 202].

Отметим также, что «очень уместными выглядят конкретные примеры, которые приводит В.А. Образцов, говоря о характеристике лиц, совершающих преступления: наличие или отсутствие возможности легального доступа к предмету посягательства, соотношение места его жительства, работы, отдыха с местом совершения преступления и др.» [3, с. 41].

Обсуждение.

В данной логике, представим описание типовых особенностей личности лиц, совершающих входящие в сферу нашего научного интереса внутрикорпоративные хищения в сфере страхования

(далее – ВХС), а также – типовых следовых картин данных преступлений.

Полагаем необходимым говорить о следующих криминалистически релевантных характеристиках лиц, их совершающих:

1) наличие знаний в области экономики и предпринимательства, юриспруденции и страхового бизнеса;

2) компетентность в области страхового дела, опыт работы в сфере страхования;

3) обладание навыками управления средними и большими коллективами, разветвленными сетями коммерческих организаций;

4) доступ к документам строгой отчетности;

5) легальный доступ к денежным средствам, уплачиваемым страхователями в виде страховых премий, и являющихся предметом хищений;

6) занятие определенного должностного положения, возможность использования в преступных целях должностных и служебных полномочий;

7) наличие подчиненных сотрудников, возможность манипулирования их действиями по службе;

8) обладание деловыми связями с руководством страховых организаций, иными профессиональными коммуникациями, что обуславливает существование определенного «кредита доверия» со стороны вышестоящего руководства и позволяет, в течение определенного периода времени, скрывать следы совершенных преступлений.

Результаты.

Возможные комбинации вышеперечисленных признаков-особенностей позволяют выделить несколько разновидностей личности типичного преступника, совершающего ВХС. Каждая разновидность отличается объемом возможностей для совершения и сокрытия ВХС и, что определяет, соответственно, особенности следовых картин.

Тип 1 «Расхититель-дилетант». Это тип субъектов преступной деятельности «внешнего контура» - лиц, которые действуют путем имитации страхования, реализуют различные «страховые» фальсификаты. Часто такие расхитители не имеют трудовых или коммерческих взаимоотношений со страховыми компаниями, но распространяют рекламу о своих посреднических услугах в сфере страхования, оказывают консультации по вопросам страхования, представляясь страховыми агентами (страховыми консультантами, менеджерами по страхованию и т.п.). Имущественный ущерб от преступной деятельности таких расхитителей, как правило, причиняется страхователям, но страховым организациям в

данных ситуациях также причиняется существенный вред – деловой репутации, интересам, связанным с охраной коммерческой тайны, а также вред, выражающийся в дезорганизации деятельности страховой организации, сохранностью ценных документов и др.

Так, приговором Реутовского городского суда Московской области по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 159 УК РФ осуждены М. и П. за совершение преступления при следующих обстоятельствах. М, П. и неустановленное следствием лицо, вступили в преступный сговор на мошенничество. Суд установил, что М. и П., не являясь сотрудниками страховых организаций либо уполномоченными на оформление полисов страхования, распределили роли в совершении преступления следующим образом. Неустановленное лицо должно было предоставлять М. поддельные бланки полисов ОСАГО, электронные шаблоны заполнения поддельных страховых полисов ОСАГО и данные о страхователях; М. должен был изготавливать готовые для реализации бланки страховых полисов ОСАГО; П. должен был реализовывать изготовленные М. поддельные страховые полисы ОСАГО владельцам транспортных средств, данные на которые предоставляло неустановленное лицо. Согласно договоренности, М., П. и неустановленное лицо покушались на мошенничество в отношении Т. и Б. [4].

В приведенном примере обращает на себя внимание фигура «неустановленного следствием лица». Данное лицо, имея доступ к электронным шаблонам заполнения страховых полисов, а также – к информации о страхователях, очевидно, имело опыт работы в сфере страхования, было связано с осуществлением деятельности в области страхования (работало страховым агентом или другим посредником, сотрудником страховой компании и пр.). В противном случае, трудно предположить, что данное лицо, во-первых, рассматривало страхование как направление своей преступной деятельности; во-вторых, имело знания и навыки, достаточные для оформления высокого качества подделок страховых полисов; в-третьих, располагало данными о лицах, заинтересованных в приобретении полисов страхования.

Таким образом, в группах «расхитителей-дилетантов», зачастую, присутствует лицо с профессиональными знаниями и навыками. Это лицо изначально инициирует преступную деятельность, подыскивает соучастников-дилетантов, планирует их преступления, обеспечивает сокрытие следов.

С учетом изложенного, можно назвать следующие типовые особенности следовых картин ВХС «расхитителей-дилетантов»:

1) преступниками используются широкие возможности приобретения оригинальных бланков страховых полисов и иных документов строгой отчетности, а также – соответствующих подделок;

2) в Интернете, в популярных социальных мессенджерах можно обнаружить значительно число ресурсов, в которых рекламируются услуги страхования, предлагаются различные формы сотрудничества по реализации страховых продуктов, а также, разъясняются возможности получения дохода от выполнения технических услуг в сфере страхования (например, работа администратором, онлайн-консультантом и пр.); в таких «нишах» обычно кроются возможности для вовлечения в орбиту преступной деятельности лиц, испытывающих сложности с трудоустройством;

3) преступники располагают техническими возможностями для изготовления высокого качества подделок; соответственно, материальные следы преступной деятельности обнаруживают себя на различного рода электронных носителях информации, компьютерах и иной компьютерной технике, в мессенджерах и сервисах электронной почты;

4) нередко, сбытчиками вышеуказанных документов (как оригинальных, так и поддельных) выступают бывшие или действующие сотрудники страховых организаций, страховые агенты и другие посредники в сфере страхования; данные лица, пользуясь слабостями в системе контроля оборота документов строгой отчетности (например, пробелами учета испорченных бланков полисов и др.), имеют возможность аккумулировать у себя в значительных объемах документы строгой отчетности и сбывать их другим лицам с целью последующей реализации;

5) серьезную угрозу несет в себе возможность оформления электронных полисов страхования, когда страхователю необходимо ввести определенные данные на соответствующем сайте, осуществить оплату страховой премии, а затем – получить по электронной почте страховой полис; в таких случаях, зачастую хищения совершаются путем создания сайтов – «двойников»; т.е. на этапе рекламирования страховых услуг, либо путем изготовления фальшивых полисов, на основании полученных от страхователя данных, т.е. на этапе подготовки и предоставления полиса.

Тип 2 «Расхититель – сотрудник страховой организации, агент или иной посредник». Данный тип расхитителя может действовать по нескольким относительно самостоятельным «сценариям» преступной деятельности, связанной с ВХС.

«Сценарий 1» описан выше, когда сотрудник страховой организации, агент или иной посредник пользуются недостатками в системе отчета и отчетности страховой организации, похищают оригинальные бланки страховых полисов и других документов строгой отчетности, либо на основе таких документов изготавливают подделки (самостоятельно или путем использования других лиц). Затем, самостоятельно либо путем приискания и вовлечения других лиц осуществляют сбыт страховых фальсификатов, имея в

своем распоряжении сведения о потенциальных страхователях из информационных баз данных страховщика либо из иных источников информации (рекламирования услуг компаниями-партнерами, рекламу через интернет и пр.).

«Сценарий 2» не связан с изготовлением и сбытом сфальсифицированных страховых продуктов. Здесь, речь идет о присвоении и растрате денег, уплачиваемых страхователями за приобретение реальных страховых продуктов.

Так, приговором Советского районного суда г. Брянска, С. осужден по ч. 4 ст. 160 УК РФ за совершение присвоения и растраты при следующих обстоятельствах. Согласно приговора С. являлся сотрудником и далее заместителем директора коммерческой организации ООО «А.», которая выступала партнером страховой компании ООО «Р.» по продаже полисов ОСАГО и других страховых продуктов. В силу занимаемой должности, С. организовывал и контролировал партнерские продажи страховых продуктов, привлекал партнеров, обеспечивал выполнение плана сборов страховых премий, организовывал учет поступивших через партнеров сборов. Было также установлено, что до работы в ООО «А.» С. более 3 лет состоял в трудовых отношениях со страховой организацией ООО «Р.». В период времени с января 2016 г. по сентябрь 2016 г., С. от агентов Л., М., Щ., Б. вместе с отчетами о реализованном страховом продукте получил деньги в общем размере 3,2 млн. руб. страховой премии, которые подлежали зачислению на расчетный счет ООО «Р.». Из данных средств С. присвоил 1,4 млн рублей. В судебном заседании С. показал, что денежные средства от агентов Л., М., Щ. не получал, а также что задолженность перед страховой организацией ООО «Р.» возникла по вине данных агентов. По показаниям свидетеля Ш. – юриста ООО «Р.», в сентябре 2016 г. по поручению руководства она подготовила претензии в адрес агентов Л., М., Щ., поскольку за ними обнаружилась дебиторская задолженность. Агенты пояснили, что отчеты и наличные денежные средства сдавали лично С. и имеют подписанные им акты выполненных работ. В 2017 г. по поручению руководства подготовила иск к страховым агентам, и в ходе судебного разбирательства выяснилось, что у ответчиков имеются дополнительные соглашения, подписанные С., которые предусматривают возможность внесения наличных денежных средств. С. в суде подтвердил получение от агентов наличных денежных средств. После этого, ООО «Р.» было подано заявление в полицию, и была установлена причастность С. к недостатке денежных средств [5].

В этих ситуациях, характерными являются типовые особенности материальных следов ВХС, которые связаны с документальным закреплением следующих вопросов:

1) регламентация деятельности материально ответственных сотрудников страховых организа-

ций (трудовые договоры, дополнительные соглашения к ним, должностные инструкции, регламенты, доверенности, фирменные бланки, печати и др.);

2) регламентация взаимодействия материально ответственных сотрудников страховых организаций с сетью агентов (физлицами, ИП, организациями-посредниками); в том числе, по вопросам поступления от них страховых премий (в безналичной или наличной формах), отчетах о выполненных работах и реализованных страховых продуктах, отчетах об использовании, порче или утрате бланков строгой отчетности. К соответствующим документам, в первую очередь, относятся агентские и трудовые договоры, акты выполненных работ и дополнительные соглашения к ним, агентские отчеты и др. При тщательном исследовании данных документов может быть выявлен источник недостачи денежных средств, а также – суммы присвоенных средств. В негативном аспекте отметим, что во многих случаях, выявлению источника недостачи денежных средств предшествует процедура обращения страховой организации в суд с исковыми требованиями о взыскании задолженности с агентов; и только в процессе соответствующего разбирательства выясняется характер возникшего долга и реальный должник.

Тип 3 «Расхититель – руководитель «среднего звена» страховой организации или организации-посредника». Для данного типа расхитителей характерно, что по мере служебного роста возрастают их возможности для вышеуказанных манипуляций с поступающими от подчиненных денежными средствами. Имеющийся значительный опыт работы в сфере страхования, осведомленность о типичных недостатках систем отчета и отчетности, часто провоцируют опытных сотрудников на присвоение вверенных средств, формируют в них уверенность в сокрытии данных фактов, укрепляют мнение о возможности своевременно нивелировать растрату, убедить руководство в «технических» причинах недостатка, оперативно восполнить их либо возложить вину на других лиц. Примечательно также, что, во многих случаях, расхитители демонстрировали профессиональное выгорание, граничащее с безразличием к риску уголовной ответственности и самоуверенностью в благоприятном исходе выявленного руководством компании инцидента.

Тип 4. «Расхититель – топ-менеджер или руководитель страховой организации». Ярким примером, в данном случае, может служить громкое дело руководителя страховой организации «Северная казна», которая являлась одной из крупнейших региональных компаний с филиалами в 150 городах России и клиентской базой свыше 600 тыс. человек. «За 2014 год сборы превысили 5 млрд рублей, выплаты составили более 2 млрд рублей» [6].

По версии следователей, в течение 2014–2015 гг. директор компании М. направлял в Центральный Банк РФ сфальсифицированную отчетность,

поддерживая видимость наличия страховых резервов... «Подобные фальсификации М. совершались с 2007 года..., но в уголовное дело эти эпизоды не вошли, так как ст. 172.1 УК РФ была введена в УК РФ лишь в 2014 году. В ходе следствия выяснилось, что часть ценных бумаг, являющихся активами страховой компании, отдавались на хранение в компании-депозитари, которые были «фирмами-однодневками». В итоге, по подсчетам следствия, было сфальсифицировано активов на 1 млрд. рублей. Второй эпизод касался мошенничества с недвижимостью страховой компании... после назначения в «Северную казну» временной администрации М. договорился о продаже недвижимости, чтобы она не попала в конкурсную массу» [7]. Судом первой инстанции М. был признан виновным в инкриминированных следствием преступлениях [8], но по эпизоду мошенничества М. в апелляции был оправдан [9].

Криминалистически релевантные особенности личности данного типа расхитителей состоят, прежде всего, в том, что они рассматривают, возглавляемую ими страховую организацию, как свою персональную «вотчину», с ресурсами которой можно делать все, что заблагорассудится.

Для них характерно профессионально безответственное поведение, которое, в частности, выражается в:

1) систематическом составлении фиктивных документов и фальсификации отчетности;

2) сокрытии реальных показателей деятельности от органов страхового надзора;

3) «жонглировании» активами страховой компании;

4) манипулировании сотрудниками;

5) пренебрежении целью и задачами подлинно страховой деятельности;

6) манкировании обязательствами перед клиентами и партнерами;

7) обесценивании значимости деловой репутации, истории компании;

8) использовании поступающих денежных средств от заключенных договоров страхования на цели, не связанные со страхованием.

Выводы.

Результатом принимаемых данными лицами соответствующих управленческих решений, как правило, становится банкротство страховых организаций и их уход с рынка «по-английски». При этом, что еще более важно, таким банкротствам предшествует различная по длительности и содержанию организованная преступная деятельность.

Освещенные в настоящей статье аспекты обуславливают необходимость продолжения прикладных научных исследований на этом направлении криминалистической науки.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Малыгина Н.И. Криминалистическое учение о лице, совершившем преступление : дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.12. Саратов, 2017. С. 86–87.
2. Лубин А.Ф. Избранные труды. М. : Блок-Принт, 2021. 624 с.
3. Образцов В.А. Учение о криминалистической характеристике преступлений / В.А. Образцов // Криминалистика : учебник. М. : Юрист, 1995. С. 41.
4. Архив Реутовского городского суда Московской области. Уголовное дело № 1-229/2018. Приговор Реутовского городского суда Московской области от 24.04.2019 г. // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». URL : <https://sudact.ru/regular/doc/nZ9SipwA5Amv> (дата обращения 10.02.2023).
5. Архив Советского районного суда г. Брянска. Уголовное дело № 1-38/2019. Приговор Советского районного суда г. Брянска от 08.04.2019 г. // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». URL : <https://sudact.ru/regular/doc/uoV9Z88ASWmN> (дата обращения 10.02.2023).
6. Лесовских И. «Северная казна» опустела на два года // Официальный сайт портала «Insur-info». URL : <https://www.insur-info.ru/press/126246> (дата обращения 10.02.2023).
7. Архив Октябрьского районного суда г. Екатеринбург. Уголовное дело № 1-17/2017. Приговор Октябрьского районного суда г. Екатеринбург от 13.03.2017 г. // Официальный сайт Октябрьского районного суда г. Екатеринбург. URL : https://oktiabrsky-svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&sr_num=1&name_op=doc&number=31349677&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения 10.02.2023).

8. Суд изменил приговор Александру Меренкову / Официальный сайт портала «Агентство страховых новостей АСН». URL : <https://www.asn-news.ru/news/62892> (дата обращения 10.02.2023).

References:

1. Malykhina N.I. Criminalistic teaching about a person who committed a crime : dis. ... doct. jurid. sciences: 12.00.12. Saratov, 2017. P. 86–87.
2. Lubin A.F. Selected works. M. : Blok-Print, 2021. 624 p.
3. Obraztsov V.A. The doctrine of criminalistic characteristics of crimes / V.A. Obraztsov // Criminalistics : textbook. M. : Jurist, 1995. P. 41.
4. Archive of the Reutovsky City Court of the Moscow region. Criminal case № 1-229/2018. The verdict of the Reutovsky City Court of the Moscow region dated 04/24/2019 // Website «Judicial and regulatory acts of the Russian Federation». URL : <https://sudact.ru/regular/doc/nZ9SipwA5Amv> (date of the application 10.02.2023).
5. Archive of the Soviet District Court of Bryansk. Criminal case № 1-38/2019. Verdict of the Soviet District Court of Bryansk from 08.04.2019 // Website «Judicial and regulatory acts of the Russian Federation». URL : <https://sudact.ru/regular/doc/uoV9Z88ASWmN> (date of the application 10.02.2023).
6. Lesovskikh I. «The Northern Treasury» has been empty for two years // The official website of the portal «Insur-info». URL : <https://www.insur-info.ru/press/126246> (date of the application 10.02.2023).
7. Archive of the Oktyabrsky District Court of Yekaterinburg. Criminal case № 1-17/2017. The verdict of the Oktyabrsky District Court of Yekaterinburg from 13.03.2017 // The official website of the Oktyabrsky District Court of Yekaterinburg. URL : https://oktiabrsky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=31349677&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (date of the application 10.02.2023).
8. The court changed the sentence to Alexander Merenkov / The official website of the portal «Insurance News Agency ASN». URL : <https://www.asn-news.ru/news/62892> (date of the application 10.02.2023).

Информация об авторе

Сердюк Александр Александрович
преподаватель кафедры
уголовного права и процесса,
Сибирский институт управления (филиал)
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
alex@serd.uk

Alexander A. Serdyuk
Lecturer of the Department
of Criminal Law and Procedure,
Siberian Institute of Management (branch)
of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President
of the Russian Federation
alex@serd.uk

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.039>
УДК 347.9

Attribution
cc by

К ВОПРОСУ ОБ ОБЖАЛОВАНИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДА ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ ОБ ОСТАВЛЕНИИ ИСКА БЕЗ ДВИЖЕНИЯ

Скрипниченко Д.А.¹, Куемжиева Е.Г.²

¹ООО «Юридическое агентство «ТАН», Краснодар,

²Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина, Краснодар

Аннотация. В статье систематизированы подходы, связанные с оставлением искового заявления без движения, вынесением судом общей юрисдикции определения об оставлении искового заявления без движения, проблемы, возникающие у истца, в связи с оставлением искового заявления без движения и не возможностью обжаловать такое определение в суд апелляционной инстанции. Подобный подход и определяет актуальность данного исследования. Авторами обосновывается позиция включения в гражданско-процессуальное законодательство возможности обжалования определения об оставлении искового заявления без движения, в связи с множественностью процессуальных злоупотреблений со стороны суда в части оставления иска без движения по «надуманным» основаниям. Обосновывается вывод, что при процессуальной возможности обжалования определения об оставлении иска без движения, суд исключил бы непредусмотренные ГПК РФ основания для фактического «приостановления» движения иска, а истец получил бы возможность скорейшего рассмотрения спора по существу, а не затягивания процесса.

Ключевые слова: исковое производство, определение об оставлении искового заявления без движения, определение о возвращении иска, истец.

ON THE ISSUE OF APPEALING THE RULING OF A COURT OF GENERAL JURISDICTION TO LEAVE THE CLAIM WITHOUT PROGRESS

Dmitry A. Skripnichenko¹, Elena G. Kuemzhieva²

¹TAN Legal Agency LLC, Krasnodar,

²Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilina, Krasnodar

Abstract. The article discusses issues related to leaving the statement of claim without progress, the issuance by a court of general jurisdiction of a ruling on leaving the statement of claim without progress, the problems that arise for the plaintiff in connection with leaving the statement of claim without progress and the inability to appeal such a determination to the appellate court. This approach determines the relevance of this study. The authors substantiate the position of including in civil procedure legislation the possibility of appealing against a ruling to leave a claim without progress, due to the multiplicity of procedural abuses on the part of the court in terms of leaving a claim without progress on «far-fetched» grounds. The conclusion is substantiated that with the procedural possibility of appealing the ruling to leave the claim without progress, the court would exclude grounds not provided for by the Code of Civil Procedure of the Russian Federation for the actual «suspension» of the movement of the claim, and the plaintiff would have the opportunity to quickly consider the dispute on the merits, rather than delaying the process.

Keywords: claim proceedings, ruling on leaving the statement of claim without progress, ruling on returning the claim, plaintiff.

Введение.

Судами общей юрисдикции выносятся определения суда, которые по своей важности разрешения процессуальных вопросов имеют принципиальное значение для правильного, всестороннего и разумного по срокам рассмотрения гражданского дела.

В силу ч. 1 ст. 224 ГПК РФ [1], судебные постановления суда первой инстанции, которыми дело

не разрешается по существу, выносятся в форме определений суда.

Определение суда первой инстанции – это облеченное в письменную форму мнение (позиция) суда не по существу дела в целом, а по отдельным, частным вопросам, возникающим в связи с производством по делу в данном суде [2].

В ГПК РФ законодатель указал определения, которые могут быть обжалованы в вышестоящей

© Скрипниченко Д.А., Куемжиева Е.Г.

инстанции. В качестве основания отнесения определения суда подлежащего обжалованию в рамках рассмотрения гражданского дела, законодатель в ст. 331 ГПК РФ устанавливает следующие критерии:

1. Определение может быть обжаловано отдельно от принятого решения в вышестоящую инстанцию при прямом указании на это в самом ГПК РФ.

2. В случае если вынесенное определение суда исключает возможность дальнейшего движения дела.

Вышеуказанные условия дают право сторонам и другим лицам, участвующим в деле в суде первой инстанции, обжаловать вынесенное в рамках рассмотрения гражданского дела определение суда.

Второе условие не вызывает вопросов со стороны участников процесса, является абсолютно логичным и закономерным в части защиты прав и законных интересов участников гражданского процесса, дающее возможность обжалования определения, которым по сути оканчивается рассмотрение дела в суде первой инстанции.

В частности, не вызывает сомнений право сторон обжаловать определение об оставлении искового заявления без рассмотрения, определений о приостановлении и прекращении производства по делу. При вынесении судом указанных определений, рассмотрение дела приостанавливается на неопределенный срок или прекращается, что, безусловно, существенным образом затрагивает права и законные интересы участников процесса, которые имеют право обратиться в вышестоящие суды за проверкой законности и обоснованности вынесенных определений судом первой инстанции.

Результаты и обсуждение.

На практике зачастую возникает «вопрос» в части возможности обжалования определений, право на обжалование которых, императивно должно быть закреплено в ГПК РФ. Иными словами, если в нормах закона не содержится прямое указание на возможность обжалования конкретного определения, то стороны соответственно не имеют права подачи частной жалобы в вышестоящий суд на такое определение. Данное обстоятельство, с нашей точки зрения, не всегда способствует своевременному и всестороннему рассмотрению гражданского дела в суде первой инстанции, а также значительно усложняет само гражданское судопроизводство.

Определение об оставлении искового заявления без движения, не исключает дальнейшего движения дела, но возможность его обжалования не предусмотрена действующими нормами ГПК РФ.

Исковое заявление может быть оставлено без движения в силу ст. 136 ГПК РФ в случае, если

судья установит, что исковое заявление подано в суд без соблюдения требований, установленных ст. 131, 132 ГПК РФ, которые, в свою очередь, носят закрытый, исчерпывающий характер сведений, которые должны содержаться в исковом заявлении, а также перечень документов, прилагаемых к иску.

При установлении таких императивно закрепленных нарушений со стороны истца, суд может вынести определение об оставлении искового заявления без движения, в котором обязан указать, какие обстоятельства послужили основанием для оставления иска без движения, что необходимо исправить либо дополнительно представить истцу, а также указать срок, в течение которого истцу необходимо совершить указанные действия с целью устранения обстоятельств оставления иска без движения и вынесения определения о принятии искового заявления.

Суды, зачастую, пользуются отсутствием в законодательстве закрепленного права участников процесса на обжалование определения об оставлении искового заявления без движения и выносят необоснованные определения.

Суд, при вынесении определения об оставлении искового заявления без движения, выходит за «рамки» требований, установленных в ст. 136 ГПК РФ в части возможности оставить иск без движения. В определении суд указывает на обязанность истца представить дополнительные доказательства, устанавливает, что документы к иску представлены в виде копий, когда требуются оригиналы, обязывает представить опись вложения об отправке иска со всеми документами в адрес ответчика и иных лиц, нотариально удостоверенную копию диплома представителя о высшем юридическом образовании и т.д.

В свою очередь, вопрос предоставления тех или иных дополнительных доказательств по делу ставится на обсуждение сторон (участников процесса) в рамках предварительного судебного разбирательства, или в ходе основного судебного разбирательства, в случаях установления, что без предоставления конкретных доказательств невозможно осуществить правильное и всестороннее рассмотрение спора по существу. Более того, законодательно предусмотрено, что истец обязан представить доказательства, обосновывающие правовую позицию по спору, но в каждом конкретном деле истец фактически самостоятельно определяет круг предоставляемых им доказательств, которые суд примет или нет в качестве подтверждения правовой позиции, и закон не обязывает истца представлять конкретные доказательства по тому или иному спору.

Абсолютно аналогичная ситуация и с предоставлением оригиналов документов вместе с поданным исковым заявлением. В рамках требований статьи 132 ГПК РФ истец обязан предоставить только оригинал документа, подтверждающего уплату государственной пошлины. Остальные

документы могут представляться в виде копий, а в ходе предварительного или основного судебного заседания копии документов сличаются судом с оригиналов.

В рамках принятия иска к рассмотрению, суд не имеет процессуального права оставлять исковое заявление без движения в виду необходимости предоставления дополнительных доказательств или оригиналов тех и или иных документов, поскольку у истца просто может не оказаться таких документов (дополнительных) доказательств.

Также, остро встаёт вопрос в части процессуальных сроков рассмотрения гражданского дела. После вынесения судом определения об оставлении искового заявления без движения, такое определение должно быть отправлено не позднее следующего дня после дня его вынесения (п. 2 ч. 1 ст. 136 ГПК РФ). Однако, на практике, в силу обстоятельств, не зависящих от истца, определение высылается в его адрес значительно позже следующего дня и получает истец определение уже с истекшими сроками для исправления оснований, послуживших причиной оставления иска без движения или с минимально оставшимся сроком.

Таким образом, истец полностью лишается возможности представления своей позиции в части вынесенного определения об оставлении иска без движения в виду пропуска срока, либо фактически успеваешь вложиться в указанный в определении срок, но с учетом отправки документов в суд (сдачи в канцелярию), суд получает документы от истца за истечением сроков, указанных в определении и, как правило, уже с вынесенным определением о возвращении иска.

В свою очередь, истец лишен прямой возможности обжаловать незаконное определение суда об оставлении искового заявления без движения. Как указал Верховный Суд РФ в п. 67 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» [3] возражения относительно указанных определений суда первой инстанции могут быть включены, соответственно, в апелляционные либо частную жалобу, представление (например, доводы о незаконном оставлении искового заявления без движения могут быть включены в частную жалобу на определение о возвращении искового заявления).

Истцу дана возможность обжаловать определение о возвращении искового заявления, с указанием на незаконность доводов суда в рамках вынесенного определения об оставлении искового заявления без движения. Истцу необходимо дождаться вынесения судом определения о возвращении искового заявления и только после этого подать частную жалобу с доводами о незаконности оснований оставления искового заявления без движения.

Фактически у истца происходит двойное обжалование двух определений суда в рамках частной жалобы на определение о возвращении иска. Связано это с тем, что доводы суда, послужившие основанием для возвращения иска, аналогичны доводам, изложенным в определении суда об оставлении искового заявления без движения. Ведь, именно в связи с не устранением обстоятельств, послуживших основанием для оставления иска без движения в установленный срок, суд выносит определение о возвращении иска.

При получении определения о возвращении искового заявления у истца возникает «правовая дилемма»: подавать частную жалобу на определение о возвращении искового заявления с доводами о незаконности оставления искового заявления без движения или в кратчайшие сроки вновь подать исковое заявление со всеми документами в суд с первой инстанции.

При подаче частной жалобы на определение о возвращении иска судебный процесс займет дополнительное время до рассмотрения жалобы судом вышестоящей инстанции, что в итоге приведет к затягиванию разрешения вопроса по существу.

Вынося необоснованное определение об оставлении искового заявления без движения, суд, тем самым снимает с себя дополнительную нагрузку в части рассмотрения дела по существу. Ведь, далеко не каждый истец будет обжаловать определение о возвращении иска, а скорее вновь подаст весь пакет документов в суд первой инстанции. В свою очередь, при принятии того же искового заявления в суде общей юрисдикции, такое заявление, как правило, отписывается иному судье, который и будет определять правовую «судьбу» иска.

Заключение.

Считаем, что, если бы нормами ГПК РФ разрешалось истцу обжаловать определение об оставлении искового заявления без движения в вышестоящие инстанции, суды первой инстанции значительно меньше злоупотребляли своим правом на оставление иска без движения, зная, что такое определение может быть обжаловано и отменено вышестоящей инстанцией.

Помимо этого, истец имел бы возможность скорейшего рассмотрения своего иска по существу, не дожидаясь вынесения определения о возвращении искового заявления.

Законодательное закрепление в ГПК РФ возможности подачи частной жалобы именно на определение об оставлении иска без движения минимизирует судебные ошибки и злоупотребления, даст возможность судам апелляционной инстанции в полном объеме исследовать все документы, приложенные к исковому заявлению, что исключит все сомнения в части оснований, послуживших для оставления искового заявления без движения судом первой инстанции.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
2. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Особенная часть. М. : НОРМА, 2007. С. 295.
3. О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 // Российская газета. № 144. 02.07.2021.

References:

1. Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002 № 138-FZ // SZ RF. 2002. № 46. Art. 4532.
2. Osokina G.L. Civil process. Special part / G.L. Osokina. M. : NORM, 2007. P. 295.
3. On the application by courts of the norms of civil procedural legislation regulating proceedings in the appellate court: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 22, 2021 № 16 // Rossiyskaya Gazeta. № 144. 07/02/2021.

Информация об авторах

Скрипниченко Дмитрий Александрович
ведущий специалист
ООО «Юридическое агентство «ТАН», Краснодар
dmitriy@vip-civilist.ru

Куемжиева Елена Геннадьевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процесса,
Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина, Краснодар
kuemzhieva-elena@yandex.ru

Dmitry A. Skripnichenko
Leading Specialist
of TAN Legal Agency LLC, Krasnodar
dmitriy@vip-civilist.ru

Elena G. Kuemzhieva
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Civil Procedure,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilina, Krasnodar
kuemzhieva-elena@yandex.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.032>
УДК 340.12(075)

Attribution
cc by

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ ИММАНУИЛА КАНТА НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

Чимаров С.Ю., Демидов А.В., Тонышев А.В.
Санкт-Петербургский университет МВД России

Аннотация. Актуальность данного исследования заключается в том, что в нем авторами проведен философско-правовой анализ концептуальных воззрений И. Канта на деятельность полиции в правовом государстве. Цель: публикация посвящена вопросам философского-правового осмысления Иммануилом Кантом пределов компетенции полиции как правоохранительного учреждения в системе государственного управления. Авторами сформулированы предложения о целесообразности интегрирования отдельных аспектов философского наследия немецкого мыслителя на область полицейской деятельности, с точки зрения допустимого участия полиции в отдельных мероприятиях, сопряженных с ограничением прав человека и направленных в интересах благополучия общества. Методы: целеполагание выбора методологической основы исследования обусловлено необходимостью диалектического подхода к постижению кантовской концепции, философско-правовые контуры которой зафиксированы в части уточнения миссии полиции в правовом государстве с республиканской формой правления. В ходе исследования применялись общенаучные (анализ, синтез, индукция и дедукция) и специально-научные (исторический, эвристический, аксиологический) методы познания, а также метод контент-анализа. Результаты исследования: в публикации нашли отражение кантовские воззрения: во-первых, на допустимое участие полиции в отдельных мероприятиях, сопряженных с ограничением прав человека и во имя укрепления общественного порядка; во-вторых, на деонтологический смысл профессионального служения полицейского как государственного служащего. Выводы и заключения: материалы публикации могут быть использованы в процессе самообразования начальствующих лиц полиции и для более углубленного изучения преподавательским составом и научными сотрудниками образовательных организаций системы МВД России.

Ключевые слова: философия права, государство, полиция, права человека, общественный порядок, правоприменение, деонтология, добрая воля.

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ANALYSIS OF IMMANUEL KANT'S CONCEPTUAL VIEWS ON POLICE ACTIVITIES IN A LEGAL STATE

Sergey Yu. Chimarov, Alexander V. Demidov, Alexander V. Tonyshev
St. Petersburg university of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The relevance of this study lies in the fact that the authors conducted a philosophical and legal analysis of I. Kant's conceptual views on the activities of the police in a state governed by the rule of law. Purpose: the publication is devoted to the issues of philosophical and legal understanding by Immanuel Kant of the limits of the competence of the police as a law enforcement agency in the system of public administration. The authors formulated proposals on the advisability of integrating certain aspects of the philosophical heritage of the German thinker into the field of policing, from the point of view of the acceptable participation of the police in certain events associated with the restriction of human rights and aimed at the well-being of society. Methods: the goal-setting of the choice of the methodological basis of the study is due to the need for a dialectical approach to comprehending the Kantian concept, the philosophical and legal contours of which are fixed in terms of clarifying the mission of the police in a rule of law state with a republican form of government. During the study, general scientific (analysis, synthesis, induction and deduction) and special scientific (historical, heuristic, axiological) methods of cognition, as well as the method of content analysis, were used. Research results: the publication reflects Kantian views: firstly, on the acceptable participation of the police in certain events associated with the restriction of human rights and in the name of strengthening public order; secondly, on the deontological meaning of the professional service of a police officer

as a public servant. Conclusions and conclusions: the publication materials can be used in the process of self-education of police commanders and for a more in-depth study by teaching staff and researchers of educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs system.

Keywords: philosophy of law, state, police, human rights, public order, law enforcement, deontology, good will.

Введение. Обширный свод философско-правовых суждений, в части выявления роли полицейского ведомства в демократическом правовом государстве, содержит ряд особо значимых выводов немецкого мыслителя и видного представителя философии права Иммануила Канта (1724–1804). Акцентируя внимание на выявлении роли полиции в системе государственного устройства, этот ученый, прежде всего, исходил из сущностных основ самой идеи правового государства, ориентированного на обеспечение необходимого блага своим гражданам.

По мысли И. Канта, гражданско-правовое состояние спокойствия между людьми; суть - состояние всеобщего мира по своей природе противоречит естественному бытию индивидов в их совокупности. Исходя из отмеченного, государство и весь комплекс его институций, руководствуясь пониманием подлинной миссии правового и республиканского государства, обязаны проводить неуклонную линию на поддержание в обществе необходимого мира.

Таким образом, выявление наиболее значимых выводов кантианского учения относительно понимания парадигмы общественного спокойствия, имеет непреходящее значение для предметного поля современной полицистики и по-прежнему актуально для современной модели российского общества XXI в.

Обсуждение. Обосновывая «первое дефинитивное условие» функционирования правового государства и его республиканского «обрамления», немецкий философ указывает на целесообразность организации государства на следующих началах:

- 1) обеспечения свободы граждан;
- 2) соблюдения каждым принципов зависимости как подданного государства и общепринятому в нем универсальному общему законодательству;
- 3) проявления закона правового равенства для всех [1, с. 12].

Со временем, полиция как государственное учреждение обрела статус «мирообразующей силы, которая стала определять как гражданское общество, так и сам мир» [2, р. 1], — замечает английский ученый Дж. Траффорд.

Ключевой идеей полноценной реализации полицейской функции в масштабах государства, получившей обстоятельную кантианскую оценку, выступает осознание каждым служащим полиции как правоохранителя своего места в общей системе поддержания общественного спокой-

ствия, базовым условием которого является приверженность личного состава полиции канонам кантианской этики, сводимой к постулатам деонтологии. В соответствии с оценкой представителей зарубежной правоведческой мысли, этико-правовая теория И. Канта основана на утверждении того, что в окружающем нас мире и даже за его пределами трудно обнаружить нечто «хорошее без ограничений», за исключением доброй воли [3].

Данный кантианский вывод, по определению, корреспондирует правоохранительному функционалу полицейской деятельности. При этом деонтологический характер этических взглядов И. Канта проявляется в предложенном им правиле определения моральности поступка, при выявлении которого следует сосредоточиться на правильности или неправильности конкретно совершенного действия или поступка, на предмет его соответствия общепринятым правилам абсолютного значения.

Таким образом, И. Кант исходит из примата действия принятых в обществе правил морали, переводя на второстепенную позицию идеологию консеквенциализма, сводимую к нравственной оценке результатов произошедшего.

Отмеченное означает, что любой государственный служащий, включая полицейского, при совершении им профессионально значимых действий обязан руководствоваться правильными мотивами, результирующий вектор которых, с точки зрения их нравственной ценности, может быть определен как мотив долга: мы делаем то, что правильно, потому что это правильно, и это правильно, потому что это наш долг.

Согласно кантианской этики, действие из чувства долга тождественно обладанию человеком действия «доброй волей». Следовательно, поступок имеет моральную ценность, если он мотивирован долгом, а моральный человек – это тот, кто действует из мотива долга. «Если действие мотивировано каким-либо фактором, кроме долга, то оно не имеет моральной ценности» [4].

Проводя соотношение между правовым статусом государства и отдельного человека, И. Кант заключает, что государство внутренне организовано в соответствии с общей объединенной волей его народа, что дает такому государству окончательную власть в отношении распределительной справедливости [5, р. 33].

Несомненного внимания заслуживают размышления И. Канта относительно пределов компетенции полиции, применительно к контролю за сопряженностью действий граждан согласно ве-

лению разума. Как нам представляется, в первую очередь, отмеченное касается тех, кто занят интеллектуальным трудом вообще и наукой, в частности.

Именно по этой причине, политико-правовая философия кантианского учения основывается на утверждении о том, что «цель вечного мира в обществе может быть достигнута только тогда, когда правители регулярно консультируются с философами: философ-ясновидец, ввиду удобства постижения вершин мудрости одним лишь смелым скачком, без труда, может незаметно собрать вокруг себя большое число сторонников (ведь дерзость заразительна), чего полиция в царстве науки не может потерпеть» [6, с. 242].

Соотнеся философию со здоровьем разума, и именно в этом, усматривая воздействие философского учения на умственное развитие общества, И. Кант возводит на один уровень с философией фармакопею и врачей, предназначенных для поддержания физического здоровья человека. При этом общий надзор за правильным соблюдением фармакологических и врачебных правил, по мысли И. Канта, должен быть вменен полиции.

Таким образом, полиция «должна бдеть» за тем, чтобы как в философии, так и в других отмеченных областях каждый выполнял свои обязанности исключительно на профессиональном уровне [7, с. 248–249].

Как отмечает И.В. Кильдюшев, кантианские взгляды на роль полиции в жизни общества коррелируют определению философами XVII–XVIII вв. «объемов понятия «полиция» как ранне-модерной формы биополитического контроля» [8, с. 503].

Резюмируя изложенное, следует отметить, что для И. Канта «просвещение становится неотъемлемым в стремлении не столько к картезианской определенности, сколько к стабильности посредством создания мира в его рамках, границах и пределах» [2, р. 3]. Вместе с тем, И. Кант исходит из того, что дело полиции заключается в слежении за безусловностью соблюдения «области моральности» [9, с. 537].

Уточняя соотношение между правовым статусом государства и отдельного человека, И. Кант заключает об объективности внутренней организации государства в соответствии с общей единой волей его народа, что дает такому государству окончательную власть в отношении распределительной справедливости [10, р. 33].

По нашему мнению, данный кантианский тезис имеет прямое отношение к деятельности полиции, само призвание которой направлено на поддержание в обществе справедливых начал между его членами.

В прямой постановке И. Кантом сформулировано основное предназначение полиции, суть которо-

го сформулировано им в «Предисловии ко второму изданию» работы «Критика чистого разума». «Главная задача полиции состоит только в предупреждении насилий одних граждан над другими, для того чтобы каждый мог спокойно и правильно заниматься своим делом» [5, с. 40], – констатирует философ.

Наряду с отмеченным, И. Кант заключает о непреходящем значении в интересах поддержания государства такого вида права в пределах компетенции полиции, как право надзора (лат. «*ius inspectionis*» – право на осмотр), «благодаря которому, от государства не остается скрытой никакая связь, которая может иметь влияние (исходящее от членов тайных политических или религиозных обществ) на публичное благо общества (лат. «*publicum*» – общественный); когда этого требует полиция, не может быть никакого отказа в раскрытии их организации. Но надзор и обыск частного жилища – это для полиции случай крайней необходимости; право на это она должна получать от высшей власти в каждом отдельном случае» [11, с. 249], – утверждает И. Кант.

Указанное суждение немецкого мыслителя в последующем нашло свое воплощение в девяти принципах правоприменения, разработанных современником данного философа и известным реформатором полицейского дела Робертом Пилем (1788–1850).

В историю мировой полицистики отмеченные принципы вошли в качестве «пилианских принципов». В частности, согласно пятому принципу Р. Пила, «Поиск и сохранение полицией общественной поддержки осуществляются не благодаря общественному мнению, а в силу постоянной демонстрации полицией абсолютно беспристрастного служения закону» [12, с. 34].

Заключение. Проведенное исследование кантианского подхода к пониманию предмета полицейской деятельности в правовом государстве позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Представленный анализ философского понимания И. Кантом правоохранительной миссии полицейской институции в системе государственного управления свидетельствует о целесообразности восприятия полиции в качестве одного из ключевых инструментов по обеспечению в обществе должного спокойствия и полноценной реализации обширной совокупности прав человека и гражданина.

2. Эффективность функционирования полицейского ведомства в определяющей степени проявляется:

– во-первых, в обоснованной деятельности его служащих, незыблемо соблюдающих требования принципа законности;

– во-вторых, в установлении гармонии между обществом и полицией, концентрированным вы-

ражением которой является поддержание ситуации общественного доверия граждан к личному составу полиции, включая осознание обществом подлинной роли указанного государственного института в решении задач по противодействию преступности и обеспечению в стране общественного порядка.

3. Рассмотренные суждения и некоторые выводы И. Канта применительно к области полицейской деятельности, несомненно, представляют научный и практический интерес в плане более обстоятельного постижения ряда принципиаль-

ных установлений относительно правоохранительного статуса полиции.

Отмеченное предопределяет очевидное значение наиболее предметного и углубленного изучения философско-правового наследия И. Канта относительно полицейской компетенции в правовом государстве, как преподавательским составом и научными сотрудниками образовательных организаций системы МВД России, так и начальствующими лицами российской полиции, в плане расширения их мировоззренческого горизонта на окружающий мир.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Кант И. Вечный мир. Философский очерк. М. : Библиотека для самообразования, 1905. 73 с.
2. Trafford J. The World as Police / J. Trafford // Rhizomes: Cultural Studies in Emerging Knowledge. 2022. Iss. 38. P. 1–15.
3. Doyle-Gillespie E. Kant on the Beat: Kantian Ethics and the Modern Police Officer / E. Doyle-Gillespie // Virtual & In-Person. March 2022. URL : https://events.jhu.edu/archive/kant_on_the_beat_kantian_ethics_ (date of the application 03.09.2023).
4. Teri-Ann W. A critical analysis of deceptive practices in policing. October 2021. URL : [https:// crim-soc.hull.ac.uk/2021/10/19/deceptive-policing](https://crim-soc.hull.ac.uk/2021/10/19/deceptive-policing) (date of the application 03.09.2023).
5. Кант И. Критика чистого разума. М. : Наука, 1999. 655 с.
6. Кант И. О вельможном тоне, недавно возникшем в философии / И. Кант // Сочинения : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 8. С. 225–245.
7. Кант И. Благая весть о близком заключении договора о вечном мире в философии / И. Кант // Сочинения : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 8. С. 246–255.
8. Кильдюшов О.В. Полицейское государство как симптом: немецкая классическая философия и биополитика модерна (Гегель vs Фихте) / О.В. Кильдюшов // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. № 22 (3). С. 503–517.
9. Кант И. Письмо «Кант – Боровскому» (между 6 и 22 марта 1790 г.) / И. Кант // Сочинения : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 8. С. 535–538.
10. Wyrębska-Đermanović E. The World Republic, The State of States or The League of Nations? Kant's Global Order Revisited / E. Wyrębska-Đermanović // International Journal of PChilosophy. 2019. № 10. P. 27–42.
11. Кант И. Об изначально злом в человеческой природе // Сочинения : в 6 т. М. : «Мысль», 1965. Т. 4. Ч. 2. 478 с.
12. Чимаров С.Ю. К вопросу о «принципах правоприменения» Роберта Пиля в деятельности полиции / С.Ю. Чимаров // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3(75). С. 33–34.

References:

1. Kant I. Eternal Peace. Philosophical essay. M. : Library for self-education, 1905. 73 p.
2. Trafford J. The World as Police / J. Trafford // Rhizomes: Cultural Studies in Emerging Knowledge. 2022. Iss. 38. P. 1–15.
3. Doyle-Gillespie E. Kant on the Beat: Kantian Ethics and the Modern Police Officer / E. Doyle-Gillespie // Virtual & In-Person. March 2022. URL : https://events.jhu.edu/archive/kant_on_the_beat_kantian_ethics_ (date of the application 03.09.2023).
4. Teri-Ann W. A critical analysis of deceptive practices in policing. October 2021. URL : [https:// crim-soc.hull.ac.uk/2021/10/19/deceptive-policing](https://crim-soc.hull.ac.uk/2021/10/19/deceptive-policing) (date of the application 03.09.2023).
5. Kant I. Critique of pure reason. M. : Nauka, 1999. 655 p.
6. Kant I. About the noble tone that has recently emerged in philosophy / I. Kant // Essays : in 8 vol. M. : Choro, 1994. Vol. 8. P. 225–245.
7. Kant I. The good news about the imminent conclusion of an agreement on eternal peace in philosophy / I. Kant // Essays : in 8 vol. M. : Choro, 1994. Vol. 8. P. 246–255.

8. Kildyushov O.B. The police state as a symptom: German classical philosophy and biopolitics of Modernity (Hegel vs Fichte) / O.B. Kildyushov // Bulletin of the RUDN. Series: Sociology. 2022. № 22(3). P. 503–517.
9. Kant I. Letter to «Kant – Borovsky» (between March 6 and 22, 1790) // Works : in 8 vol. Vol. 8. M. : Choro, 1994. P. 535–538.
10. Wyreńska-Đermanović E. The World Republic, The State of States or The League of Nations? Kant's Global Order Revisited / E. Wyreńska-Đermanović // International Journal of PChilosophy. 2019. № 10. P. 27–42.
11. Kant I. On the inherently evil in human nature / I. Kant // Essays : in 6 vol. Vol. 4. Part 2. M. : «Thought», 1965. 478 p.
12. Chimarov S.Yu. On the question of «principles of law enforcement» by Robert Peel in the activities of the police / S.Yu. Chimarov // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 3 (75). P. 33–34.

Информация об авторах

Чимаров Сергей Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор, профессор кафедры
управления персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет МВД России
serg120756@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8323-6953>

Демидов Александр Владимирович

кандидат юридических наук,
доцент,
заместитель начальника
кафедры теории и истории государства и права,
Санкт-Петербургский университет МВД России
sandem@bk.ru

Тонышев Александр Владимирович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
управления персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет МВД России
alben2011@mail.ru

Sergey Yu. Chimarov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Personnel Management and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
serg120756@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8323-6953>

Alexander V. Demidov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Deputy Head of the Department
of Theory and History of State and Law,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
sandem@bk.ru

Alexander V. Tonyshev

Associate Professor of the Department
of Personnel Management and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
alben2011@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.033>
УДК 340

Attribution
cc by

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Шумов П.В.¹, Штанов Д.О.²

¹Владимирский юридический институт ФСИН России,

²Юридический институт Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

Аннотация. В статье поднимается проблема злоупотребления процессуальными правами в арбитражном судопроизводстве, что и определяет её актуальность. Авторы приходят к выводу о том, что существующих правовых мер недостаточно для недопущения фактов нарушений. Они лишь ограничивают стороны в совершении определенных процессуальных действий, однако, сильного влияния на лицо, злоупотребляющим правом, это не окажет. Существующих правовых мер недостаточно для недопущения фактов нарушений. Они лишь ограничивают стороны в совершении определенных процессуальных действий, однако, сильного влияния на лицо, злоупотребляющим правом, это не окажет.

В этой связи, они предлагают ужесточить и повысить меры ответственности за злоупотребление в виде закрепленных штрафных санкций.

Все виды и формы злоупотребления правом имеют огромный негативный потенциал. Факты процессуальных нарушений приводят к игнорированию принципов осуществления правосудия, прежде всего, нарушению разумных сроков рассмотрения дела и состязательности сторон.

Ключевые слова: арбитражный суд, арбитражный процесс, процессуальные права, процессуальные обязанности, злоупотребление правом, участники судопроизводства.

ABUSE OF RIGHT IN THE ARBITRATION PROCESS: THEORY AND PRACTICE

Petr V. Shumov¹, Daniil O. Shtanov²

¹Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,

²Vladimir State University named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletov's

Abstract. The article raises the problem of abuse of procedural rights in arbitration proceedings. The authors come to the conclusion that existing legal measures are not enough to prevent violations. They only limit the parties in performing certain procedural actions, however, this will not have a strong impact on the person abusing the right. The existing legal measures are insufficient to prevent violations. They only restrict the parties in the commission of certain procedural actions, however, this will not have a strong impact on the person abusing the right.

In this regard, we propose to tighten and increase the measures of responsibility for abuse in the form of fixed penalties.

All types and forms of abuse of law have a huge negative potential. The facts of procedural violations lead to ignoring the principles of the administration of justice, first of all, violation of reasonable deadlines for the consideration of the case and the adversarial nature of the parties.

Keywords: arbitration court, arbitration process, procedural rights, procedural duties, abuse of rights, participants in legal proceedings.

Введение.

В настоящее время проблема злоупотребления процессуальными правами является дискуссионной, поскольку среди ученых (как теоретиков, так и практиков) отсутствует единый подход к пониманию и толкованию большого количества вопросов, связанных с злоупотреблением пра-

вами в процессе (определение понятия, мер ответственности, классификации).

Обсуждение.

Следует отметить, что законодательного закрепления понятия «злоупотребление» отсутствует. Если ссылаться на Арбитражный процессуальный кодекс, то в нем лишь упоминается,

что пользование своими процессуальными правами лицами, которые участвуют в процессе, должно осуществляться добросовестно. То есть, злоупотребление характеризуется как поведение, которое противоречит поведению добросовестному. При этом добросовестность участников процессуальных отношений по действующему законодательству предполагается; то есть, считается существующей, пока другой стороной не доказан факт правонарушения. Согласно Конституции РФ, которая закрепляет данный принцип, добросовестность характеризуется тем, что реализация участниками процессуальных отношений своих прав не должна иметь целью нарушение прав иных лиц.

Рассмотрим распространенные среди научной литературы определения категории злоупотребления процессуальными правами.

Так, например, Т.П. Подшивалов процессуальное злоупотребление характеризует как «любые действия участников судебного процесса, которые не служат целям разрешения спора» [1, с. 52]. А.В. Юдин рассматривает злоупотребление процессуальными правами, как «особую форму процессуального правонарушения, которое является умышленным, а действия участников гражданского и арбитражного процесса, а иногда и суда, являются недобросовестными и сопровождаются нарушениями условий осуществления субъективных процессуальных прав» [2].

П.В. Шумов и Д.С. Карлин определяют злоупотребление правом как «выполнение или невыполнение лицами, участвующими в деле, своих процессуальных прав или обязанностей, с целью срыва судебного заседания, затягивания судебного процесса, воспрепятствования рассмотрению дела и принятия законного и обоснованного судебного решения» [3, с. 139].

Данные авторы выделяют обязательные признаки, которые присущи злоупотреблению: «Действия и (или) бездействия лиц, участвующих в деле, формально, выглядящие правомерными, но таковыми не являющиеся по сути; Действия и (или) бездействия лиц, участвующих в деле, имеющие своей целью усложнить и затянуть процесс, сорвать судебное заседание».

Вместе с тем, следует отметить, что попытки дать определение понятию злоупотребление процессуальными правами далеко не совершенны, необходима дополнительная работа ученых и законодателей в этом направлении, что делает дальнейшее исследование вопроса актуальным [3].

Злоупотребление процессуальными правами осуществляется с целью получения процессуальной выгоды, нивелирования принципов правосудия.

В этой связи, важен вопрос закрепления в арбитражном и гражданском законодательстве

конкретного состава гражданского правонарушения в виде злоупотребления правом, в который должны входить:

- наличие противоправности в действиях лица, нанесшего вред;
- наличие вины, причинно-следственная связь между действиями лица и последствиями, и, в частности, причинение процессуального вреда, под которым понимается нарушение процессуальных прав лиц, которые участвуют в производстве, в форме злоупотребления правами или невыполнении процессуальных обязанностей.

Практика по обжалованию участниками процесса любых определений и решения также осуществляется для затягивания процесса. Зачастую, стороны обжалуют даже такие определения, обжалование которых в принципе не предусмотрено законом.

В свою очередь, каждый этап обжалования имеет свой процессуальный срок (от подготовки дела к передаче его в суд апелляционной инстанции до принятия жалобы и назначения судебного заседания для ее рассмотрения). Все это делается для получения дополнительного процессуального времени и затягиванию процесса (постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.10.2010 № А40-104565/09-18-517).

Результаты.

Действующее арбитражное законодательство не закрепляет виды злоупотреблений, они формируются и пополняются через осуществление правосудия. При этом, четкая и понятная классификация процессуальных нарушений, не менее важна, чем меры ответственности за их совершение.

В настоящее время, формы злоупотребления правом постоянно изменяются и трансформируются. Вместе с тем, существуют самые распространенные и часто используемые виды злоупотребления. Отметим их.

Самым «безопасным», с точки зрения возможных процессуальных последствий злоупотреблением, является подача процессуальных документов с нарушениями, влекущими их бездействие. Если сторона захочет затянуть процесс, то ей не составит труда не приложить к встречному иску или какому-либо другому документу платежное поручение на уплату госпошлины или доказательства направления иска другим сторонам по делу. Следует отметить, что прямого запрета в законодательстве на это нет, то есть данные действия признаются допустимыми.

Зачастую, сами действия суда могут способствовать злоупотреблениям из-за сложившейся судебной практикой по рассмотрению споров. К таким действиям, в том числе, относится привлечение к делу третьих лиц, заинтересованных в разрешении спора. Немаловажным мотивом

при принятии судьей решений является уверенность в том, что вышестоящая инстанция его не отменит. Одним из безусловных оснований процессуальной отмены решения является непривлечение к участию в деле третьих лиц (постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 10.05.2011 по делу № А33-3766/2010).

Вместе с тем, привлечение организации или физ. лица, права и интересы которого затрагиваться не будут, негативных последствий для судьбы рассмотрения дела иметь не будет.

В этой связи, у суда, в некоторых ситуациях, возникает сложность в привлечении третьих лиц, что влечет за собой увеличение сроков рассмотрения дела (необходимость уведомления вновь привлеченных лиц, направления им исковых материалов).

Большое количество судебных споров (в основном связанных с строительством) не может обойтись без назначения по делу судебной экспертизы. Это – увеличивает срок рассмотрения дела на несколько месяцев, а в случаях, когда разрешаются подрядные споры, экспертиза назначается и до года. При этом, зачастую, стороны могут быть не согласны с заключением эксперта, что приводит к назначению повторной или дополнительной экспертизе.

Приостановление рассмотрения дела до вступления в законную силу решения по связанному делу также является распространенным способом затягивания процесса. Истец подает заявление к тому же ответчику только по другому предмету спора, то есть инициирует назначение параллельного дела.

Заключение.

В завершении настоящей статьи хотим отметить, что действующее процессуальное законодательство содержит лишь несколько видов санкций за злоупотребление процессуальными правами. Прежде всего, это отнесение судебных расходов на нарушителя, наложение судебных

штрафов, а также – отказ в удовлетворении жалоб и ходатайств и иные.

Следует поддержать позицию П.В. Шумова и Д.С. Карлина в статье «Ответственность за злоупотребление процессуальными правами в арбитражном судопроизводстве»: санкции, которые закреплены в АПК, можно разделить на две группы, характеризующиеся общими признаками:

«1. Меры имущественного воздействия, в том числе выплата денежных компенсаций в пользу оппонента, применение штрафов или возложение судебных расходов (ч. 2 ст. 111 АПК РФ, ч. 3 ст. 225.10-1 АПК РФ);

2. Меры неимущественного воздействия, а именно отказ в совершении процессуальных действий (ч. 5 ст. 49 АПК РФ, ч. 4 ст. 70 АПК РФ, ч. 5 ст. 159 АПК РФ)».

Мы приходим к выводу о том, что существующих правовых мер недостаточно для недопущения фактов нарушений. Они лишь ограничивают стороны в совершении определенных процессуальных действий, однако, сильного влияния на лицо, злоупотребляющим правом, это не окажет.

В этой связи, предлагаем ужесточить и повысить меры ответственности за злоупотребление в виде закрепленных штрафных санкций.

Все виды и формы злоупотребления правом имеют огромный негативный потенциал. Факты процессуальных нарушений приводят к игнорированию принципов осуществления правосудия, прежде всего, нарушению разумных сроков рассмотрения дела и состязательности сторон.

Вместе с тем, отдельный вид наказания не может решить проблемы, которую мы обозначили. Лишь комплексное закрепление на законодательном уровне конкретных мер ответственности, на уровне отдельной статьи конкретного состава правонарушения, может гарантировать вынесение своевременного решения, основанного на законе.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Подшивалов Т.П. Запрет злоупотребления процессуальными правами в арбитражном процессе / Т.П. Подшивалов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2017. Т. 17. № 1. С. 51–55.
2. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами при рассмотрении дел в арбитражных судах: проблемы теории и практики / А.В. Юдин // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2007. № 7. 10 с.

3. Шумов П.В. Понятие, признаки, формы и цели злоупотребления правом в арбитражном судопроизводстве / П.В. Шумов, Д.С. Карлин // Наука Красноярья. 2021. Т. 10. № 4-2. С. 139–143.
4. Шумов П.В. Ответственность за злоупотребление процессуальными правами в арбитражном судопроизводстве // П.В. Шумов, Д.С. Карлин // Наука Красноярья. 2022. Т. 11. № 3-2. С. 134–137.

References:

1. Podshivalov T.P. Prohibition of abuse of procedural rights in the arbitration process / T.P. Podshivalov // Vestnik SUSU. Series «Law». 2017. Vol. 17. № 1. P. 51–55.
2. Yudin A.V. Abuse of procedural rights when considering cases in arbitration courts: problems of theory and practice / A.V. Yudin // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2007. № 7. 10 p.
3. Shumov P.V. Concept, signs, forms and purposes of abuse of right in arbitration proceedings / P.V. Shumov, D.S. Karlin // Science of Krasnoyarsk. 2021. Vol. 10. № 4-2. P. 139–143.
4. Shumov P.V. Responsibility for abuse of procedural rights in arbitration proceedings / P.V. Shumov, D.S. Karlin // Science of Krasnoyarsk. 2022. Vol. 11. № 3-2. P. 134–137.

Информация об авторах

Шумов Петр Владимирович

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
теории и истории государства и права
факультета права и управления
Владимирского юридического института
ФСИН России;
доцент кафедры гражданского права и процесса
юридического института
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых г. Владимир
pshumov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4721-7421

Штанов Даниил Олегович

магистрант юридического института
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
daniel.shtanov@gmail.com

Petr V. Shumov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Theory and History of State and Law
of the Faculty of Law and Management
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service of Russia;
Associate Professor of the Department
of Civil Law and Procedure
Law Institute Vladimir State University
named after Alexander Grigorievich
and Nikolai Grigorievich Stoletov, Vladimir
pshumov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4721-7421

Daniil O. Shtanov

Master's Student at the Law Institute
Vladimir State University
named after Alexander Grigorievich
and Nikolai Grigorievich Stoletov, Vladimir
daniel.shtanov@gmail.com

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.034>
УДК 343.3/7

Attribution
cc by

ПЕНАЛИЗАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ, В РОССИИ В ПЕРИОД X–XVIII ВВ.: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Якубов С.Ф.

Кубанский государственный университет

Аннотация. В статье на основе компаративистского метода осуществлено историко-правовое исследование становления и развития процесса пенализации преступлений, связанных с незаконным оборотом психоактивных веществ, в России периода X–XVIII вв. с целью определения его специфики и основных тенденций, что и характеризует её актуальность. В итоге изучения целого ряда источников отечественного права, начиная от Устава Владимира Святославовича и вплоть до Артикула воинского 1715 г. и Морского устава, автор определил основные направления пенализации преступлений, связанных с незаконным оборотом психоактивных веществ, установил ее специфику: сохранявшееся на протяжении X–XVIII вв. разделение процесса пенализации в отношении деяний, непосредственно образующих незаконный оборот психоактивных веществ, и преступлений, в которых они выступали орудием; отнесение незаконных действий с психоактивными веществами к преступлениям против веры и обусловливание этим суровости наказания; феномен гендерной пенализации в отношении женщин; установление смертной казни как за деяния, составляющие незаконный оборот психоактивных веществ, так и за убийство путем отравления.

Ключевые слова: криминализация, пенализация, психоактивные вещества, незаконный оборот, уголовная ответственность, наказание, смертная казнь.

PENALIZATION OF CRIMES RELATED TO ILLEGAL TRAFFICKING IN PSYCHOACTIVE SUBSTANCES IN RUSSIA IN THE PERIOD X–XVIII CENTURIES: RETROSPECTIVE ANALYSIS

Sergey F. Yakubov

Kuban State University

Abstract. The article, based on the comparative method, carries out a historical and legal study of the formation and development of the process of penalization of crimes related to illicit trafficking in psychoactive substances in Russia during the X–XVIII centuries in order to determine its specifics and main trends, which characterize its relevance. As a result of studying a number of sources of domestic law, starting from the Charter of Vladimir Svyatoslavovich and up to the Military Article of 1715 and the Naval Charter, the author identified the main directions of penalization of crimes related to the illicit trafficking of psychoactive substances, established its specificity: preserved throughout the X–XVIII centuries, the separation of the process of penalization in relation to acts that directly constitute illicit trafficking in psychoactive substances and crimes in which they acted as an instrument; classifying illegal actions with psychoactive substances as crimes against faith and stipulating the severity of punishment; the phenomenon of gender penalization against women; establishing the death penalty both for acts constituting illicit trafficking in psychoactive substances and for murder by poisoning.

Keywords: Criminalization, penalization, psychoactive substances, illegal circulation, criminal liability, punishment, death penalty.

Введение.

История пенализации преступлений, связанных с незаконным оборотом психоактивных веществ, неразрывно связана с развитием медицины, формированием государственной социальной политики и борьбой за централизацию власти.

Несмотря на то, что территория Древней Руси не располагала к активному распространению по-

требления наркотических средств, ядовитых и психотропных веществ, в языческих обрядах активно использовались некоторые из них. Ряд российских авторов обращают внимание на то, что древние славяне применяли для врачевания более 100 психоактивных веществ, которые получали из луговых трав, лесных мхов, ягод, грибов и т.п. [1, с. 17; 2, с. 26]. Исследователи истории развития противодействия потреблению психоактивных веществ в России справедливо

указывают, что в древнерусских источниках все они получили единое наименование – «зелье» [3].

Результаты.

Ретроспективный анализ истории института ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом психоактивных веществ, на протяжении X-XVIII вв. в России отчетливо свидетельствует о том, что уже в Уставе князя Владимира «О десятинах, судах и людях церковных» (1051–1054 гг.) устанавливался строгий запрет на использование психоактивных веществ в ходе языческих обрядов. Однако потребление таковых было наказуемо лишь в законодательстве Петра I. Отдельные нормативные установления в законодательных актах указанного периода традиционно регламентировали наказуемость причинения смерти путем отравления. Изначально, незаконный оборот психоактивных веществ рассматривался как преступление против веры, что, прежде всего, формировало концепт греха, то есть посягательства против Бога. Санкция за указанные деяния устанавливалась максимально строгой и предусматривала смертную казнь.

Следовательно, начиная с момента возникновения российской государственности, происходило формирование системы государственного контроля оборота психоактивных веществ.

По мере развития государства и общества целенаправленно указанный процесс трансформировалось и шло по пути от решения задачи вытеснения язычества, создания единой нации и формирования устойчивой государственности до обеспечения стабильности государственной власти, защиты семейных устоев (да не убей жена мужа) и здоровья населения. В законодательстве рассматриваемого периода происходит четкий водораздел между психоактивными веществами как предметом преступления против веры и психоактивными веществами как орудием убийства.

Процесс пенализации соответствующих деяний обладал ярко выраженной спецификой.

Во-первых, это установление на протяжении всего рассматриваемого периода суровой санкции – смертной казни. В Соборном уложении 1649 г. в отношении отравителей был закреплен принцип талиона – смертная казнь отравителя путем отравления.

Во-вторых, наиболее строго наказывалось отравление мужа женой, за что предусматривалась смертная казнь путем закапывания заживо.

В результате формировался регрессивный феномен гендерной пенализации. Кроме того, хотя законодательство и не устанавливало иммунитетов в отношении уголовной ответственности священнослужителей, правоприменительная практика свидетельствовала о неприменении

смертной казни за хранение психоактивных веществ в отношении данной группы.

В-третьих, наказуемость указанных деяний в период X–XVIII вв. была обусловлена не стремлением обеспечить охрану здоровья населения, а целью укрепления государственной власти, обеспечения стабильности в обществе через проникновение христианской морали.

В-четвертых, в рассматриваемый период категоричный аппарат уголовно-правовых норм опирался на понятие «зелье», и лишь к XVIII в. произошло его вытеснение категорией «отрава», что дает основание для вывода о постепенной переоценке законодателем объекта преступного посягательства, связанного с незаконным оборотом психоактивных веществ.

В-пятых, развитие процессов криминализации и пенализации деяний, образующих нелегальный оборот психоактивных веществ, привело к конструированию двух видов квалифицированных убийств – путем отравления и отравление со специальным субъектом – женою мужа.

Обсуждение.

Следует констатировать, что формирование политики противодействия потреблению психоактивных веществ на заре российской государственности отражало потребность в консолидации территории и общества под властью единого правителя и единого религиозного концепта – христианства, что требовало разрыва родоплеменных связей и низложение идей язычества как их духовного оплота. Именно поэтому первые упоминания о наказуемости потребления и использования психоактивных веществ совпадают с крещением Руси и свидетельствуют о суровости наказания – вплоть до смертной казни (ст. 38 Устава князя Владимира Святославовича «О десятинах, судах и людях церковных» (1051–1054 гг.)) [4; 5, с. 22]. Обращает на себя внимание явно выраженное гендерное звучание указанной нормы, поскольку в ней речь идет о жене-«зелейнице». Думается, это отражало существовавшую практику времени, так как в язычестве чаще всего ведуниями были именно женщины. Помимо указания на неизбежность наказания при изобличении зелейницы Устав содержал норму о расторжении брака (ст. 53). Вместе с тем в летописях имеются свидетельства того, что незаконные действия с «зельем» совершали и мужчины. Так, в летописи за 1379 г. приводятся сведения о том, что был «пойман священник с лютыми зельями и за вину свою сослан в заточение на озеро Ланче» [6, с. 352].

В авангарде борьбы с язычеством и его обрядами стояла христианская церковь, на которую власть возложила функцию не только внедрения нового религиозного верования, но и низложение активных носителей язычества – ведов-врачевателей. Священнослужители, наделенные полномочиями розыска, изобличения и поимки лиц, осуществляющих «ведьство», «зелениче-

ство», «чародеяния», «волхования», стали преследовать жрецов, волхвов и других представителей язычества [7, с. 17]. Подобная политика закреплялась и в более поздних источниках древнерусского права. Так, Смоленская уставная грамота (1136 г.) князя Ростислава Мстиславовича относит к подсудности церковного суда (епископа) дела о применении зелий и убийстве, совершенном с их применением: «судить их сам епископ ... зелья и душегубства – тяжа епископля» (ст. 11) [8, с. 212, 215, 219–220]. Аналогичные положения закреплялись и в ст. 9 новгородского Устава великого князя Всеволода «О церковных судах, и о людях, и о мерилах торговых» (редакция XIII–XIV вв.) [9, с. 345–369].

Прежде всего, вне закона были объявлены языческие обряды, так называемое «ведьмство» [10, с. 56]. Согласно ст. 9 Устава князя Владимира Святославовича «О десятинах, судах и людях церковных» (1051–1054 гг.) (Пространная редакция, XII в. – первая четверть XIII в.) запрещались «ведовство, изготвление зелий, колдовство». В соответствии со ст. 16, лечение больных возлагалось на лекарей, находившихся под покровительством церкви. В Русской правде содержались запреты на проведение лечения без воли больного и осуществление обрядов с использованием «зелья» [11, с. 109].

Многие отечественные авторы обращают внимание на то, что указанные нормы были сформированы под влиянием Византийской парадигмы взаимоотношений человека и Бога [12, с. 199; 13, с. 31]. Согласно бытовавшим в Византии в тот период представлениям, «всякое колдовство от бога отвлекает, ибо всякий занимающийся чародейством есть богоотступник и должен быть наказан смертью» [14, с. 307]. В этой связи, А.А. Левенстим на основе изучения «правил Отцов церкви» писал, что Устав князя Владимира «точнее называется Устав по греческим Номоканонам Самодержца русской земли Великого князя Владимира Киевского и всея Руси, крестившего русскую землю, о церковных судах и десятинах и о церковных людях» [14, с. 307]. Был солидарен с подобными выводами и другой дореволюционный ученый – И.В. Сергеевич [15, с. 303].

Вместе с тем, несмотря на концепцию греха, применительно к использованию психоактивных веществ для врачевания, в названный период времени устанавливалось наказание только за использование указанных средств врачевателями. Следовательно, ответственность за их потребление в древнерусском праве отсутствовала. Несомненно и то, что на повестке дня не стоял вопрос о вредности для общества и здоровья отдельных лиц психоактивных веществ. Сходный вывод сформулирован в работах ряда отечественных авторов [16, с. 10; 17, с. 7, 10]. По сути, на заре российской государственности происходит переход контроля над оборотом психоактивных веществ от языческих жрецов к христианской церкви. Так, ст. 16 Устава князя Вла-

димира Святославовича лечение больных возлагалось на лекарей, находившихся под покровительством Церкви. Справедлив в этом аспекте вывод Д.Я. Самоквасова о том, что место языческого закона занимает христианский закон [18, с. 5].

Помимо криминализации использования зелья в языческих обрядах, самостоятельная ответственность предусматривалась для лиц, использующих психоактивные вещества с целью убийства [19, с. 213–217].

По мнению В.М. Грибовского, Устав князя Владимира предусматривал «зелейничество» как особый вид убийства (отравление). Применительно к другим церковным уставам он рассматривает «зелейничество» как составление ядов [20, с. 95, 99]. Пенализация указанного деяния была максимально суровой, поскольку за него предусматривалась смертная казнь (ст. 11 Грамоты князя Ростислава Мстиславовича) [21, с. 213–217]. Данный подход находит подтверждение и в Лаврентьевской летописи, описывающей установление наказания для лиц, собирающих травы, копающих корни для изготовления «чревоотравного зелья»: смертная казнь через отравление его же зельем [22].

Таким образом, несмотря на первые шаги формирования уголовной ответственности за незаконный оборот психоактивных веществ, уже в X в. законодательство Руси разграничивало ответственность за применение зелья в языческой медицине (ведьство) и за использование его для причинения смерти. Обращает на себя внимание ситуация, отражающая объективную многогранность психоактивных веществ, которые в преступлении могут приобретать роль либо предмета незаконного врачевания, либо орудия реализации преступного замысла. Тем не менее, пенализация в обоих случаях была сурова и предполагала смертную казнь.

Несмотря на предпринятые беспрецедентные меры, народное целительство на Руси продолжало свое существование в активной форме. Это обуславливалось, прежде всего, отсутствием иной альтернативы – так называемой, научной медицины. Между тем, уже в дореволюционных научных источниках данная политика подвергалась справедливой критике. В качестве основного аргумента выступало несомненное преимущество традиционного знахарства – его историческая адаптация к природно-климатическим условиям жизни в тех или иных местностях страны [23, с. 9].

Неудачи в деле искоренения традиционного врачевания были обусловлены также и тем, что государство выбрало неэффективный силовой метод подавления вместо использования мягкого перехода и постепенного вытеснения языческих обрядов и народного целительства современной для своего времени фармакологией и медициной.

Концепт приравнивания народного целительства к греху, внедряемый представителями официальной христианской религии, разбивался о проверенный веками народом опыт врачевания, тем более, что аптеки как оплот научной фармакологии начали появляться в России лишь во второй половине XVI в. Первая возникла в Москве в 1581 г. Однако с появлением аптек возникают новые криминальные вызовы – изготовление и сбыт контрафактных лекарственных средств. Не утрачивает своей значимости и проблема использования психоактивных веществ в качестве орудия убийства.

Как отмечает П.Е. Заблудовский, в указанный период нередко фиксировались случаи насильственной смерти, в том числе и бояр, лекарствами, приобретенными в зеленых лавках [24, с. 25].

В дошедших до нашего времени документах содержатся примеры применения указанных положений. Так, в 1497 г. великий князь Иван Васильевич (1440–1505 гг.) заподозрил свою жену в том, что к ней приходят зеленницы, задержал посетительниц, обыскав и обнаружив зелье, велел их утопить ночью в реке Москве [25, с. 101].

Дальнейшее развитие пенализация незаконного оборота психоактивных веществ получила в «Стоглаве» (1551 г.). Данный источник права содержал в своей структуре гл. 93 «Ответ о том же еллинском бесовании и волховании и чародейнии», в которой определялась наказуемость таких деяний, как ведовство (ворожба), потворы (колдовство), чародейство, волхование и зеленничество, «упрекание три: бляднею и зелнии, и еретичеством» [26, с. 337]. Указанные деяния относились к исключительной подсудности духовного суда. В Стоглаве прямо указывалось, что всякое волхование «отречено есть от бога, яко бесовское служение есть» [27].

Процесс укрепления российской государственности и централизации власти, стремление перенаправить в государственную казну максимальные потоки поступлений неизбежно вели к постепенному отделению церкви от государства.

Первые отголоски данного процесса проявились в Московском государстве уже к середине XVII в., в частности, в передаче контроля над оборотом психоактивных веществ в компетенцию воевод. С конца XVI в. все аптекари были подчинены специальному должностному лицу, именуемому аптекарским боярином.

Под эгидой государства по всей Московии активно развивалась сеть аптек. В 1699 г. был создан контролирующий орган в сфере фармацевтики – Аптекарский приказ. В его компетенцию входила обязанность контроля качества поставляемых в царские палаты лекарств [28, с. 10]. В целях контроля запрета на потребление табака, отнесенного в рассматриваемый период к ядовитым веществам, «Наказ о градском благочинии» царя Алексея Михайловича предписывал «объезжим

головам» совместно с «десятскими, назначениями из местного населения» днем и ночью контролировать соблюдение указанного запрета, как на улицах, так и в корчмах [29, с. 74].

Таким образом, данное положение является собой первый опыт заботы государства именно о сохранении здоровья населения, что для рассматриваемого периода, безусловно, прогрессивно.

Как и в источниках древнерусского права, в Соборном уложении отражен подход к суровой пенализации, проявившийся в установлении смертной казни за отравление зельем (ст. 23 гл. XXII Соборного уложения 1649 г.) [30, с. 369–371]. Указанный документ, закрепляя безапелляционное отношение государства к указанным деяниям как преступным – «лихое дело», оперировал категорией «лихое зелье». Многие из знахарей торговали ядами и были замешаны в делах об отравлении [31, с. 209]. Специфика пенализации в рассматриваемом источнике проявилась в том, что в качестве наказания за указанные деяния применялось отравление. Многие исследователи справедливо указывают на пример реализации, в данном случае, принципа табуации [32, с. 334; 33, с. 255].

Обращает на себя внимание изменение терминологии закона. Так, в гл. 22 Соборного уложения 1649 г. произошел отказ от категории «зелье», широко используемой в законодательстве предыдущих периодов, в пользу понятия «отрава» [34].

Таким образом, законодатель более точно формализовал в норме специфику предмета преступления, отображая его общественно опасные свойства, что свидетельствует о постепенном формировании в недрах средневекового права понимания направленности данной группы преступлений на здоровье человека.

Сохранялся суровый подход к пенализации и в отношении лиц, совершивших убийство путем отравления. Так, ст. 14 гл. XXII Соборного уложения 1649 г. предусматривала смертную казнь в случае, если «жена учинит мужу своему смертное убийство или окормит его отравою», а ст. 23 этой главы устанавливала, что «кто кого отравит зельем, и от той отравы тот, кого отравят, умрет, и того, кто такое злое дело учинит, пытать накрепко... и пытать его, казнити смертию» [35, с. 155, 156; 36, с. 249, 250; 37, с. 130–131].

Особо следует обратить внимание на специфику отношения к пенализации отравления, совершенного женой, поскольку в данном случае в законе прописывался конкретный способ смертной казни – вкапывание убийцы и ее соучастниц в землю стоя или на коленях по плечи вместе с руками [38, с. 577]. Столь жестокая смертная казнь была отменена лишь Указом от 19 февраля 1689 г. [39, с. 15], которым окапывание заменялось отсечением головы. Для отравителей мужчин способ смертной казни не устанавливался. Подобные карательные меры были обуслов-

лены социальным заказом, поскольку специфика общества того времени, особенности заключения браков, бесправное положение женщины и ее полная зависимость от мужа зачастую провоцировали совершение отравления мужей [40, с. 63].

Сохранение смертной казни было обусловлено не только высокой степенью общественной опасности, но и высокой распространенностью в российской действительности XVI–XVII вв. отравлений [37, с. 390]. Об этом свидетельствует и издание именного указа от 23 декабря 1689 г. «О казни волшебников за предсказывание возмущения и за обещание обратит, посредством чародейства, благорасположение Царя Петра Алексеевича и Матери Его, Царицы Наталии Кирилловны, к преступникам и о наказании соучастников в сих преступлениях» [41, с. 48–52].

Абсолютизация государственной власти в начале XVIII в. отразилась и на проблеме контроля оборота психоактивных веществ. В начале XVIII в. был издан Указ Петра I от 22 ноября 1701 г. «О заведении в Москве вновь осьми аптек с тем, чтоб в них никаких вин не было продаваемо; о введении оных Посольскому приказу и об уничтожении зеленых лавок» [42, с. 177]. К ряду компромиссных мер следует отнести включение в Воинском Артикуле 1715 г. незаконного врачевания в число преступлений против веры. Однако контроль их оборота оставался в руках государства. Согласно п. 9 и 10 Указа о создании в г. Санкт-Петербурге Генерал-полицмейстерского управления 1718 г., на полицию возлагалась обязанность осуществления надзора за всеми подозрительными домами [32]. Надлежало их досматривать и о таких дворах подавать «извещения и явки», и, кроме того, контролировать лиц, склонных к потреблению опьяняющих веществ [43].

Расширение границ Российской империи породило проблему распространения опиумокурения (Амурская, Приморская и Туркестанская области). Императорской волей были изданы Указы о запрете опиумокурения и гашишекурения [44, с. 15].

Как было отмечено ранее, в главе первой «О страхе божии» Артикула воинского устанавливался запрет на незаконное врачевание с использованием сильнодействующих и ядовитых препаратов, что относилось к чародейству [45, с. 91–113]. Аналогичные положения имелись и в главе «О благом поведении на корабле» Морского устава [46, с. 49]. Достаточно суровой была санкция за данное деяние, хотя она и ставилась в зависимость от факта наступления вредных последствий – без таковых предусматривалось жестокое заключение, «в железах, гонянием шпицрутен ...». Если же в результате чародейства наступал вред здоровью, то за это предусматривалась смертная казнь в виде сожжения. Особо следует подчеркнуть, что в указанный период времени к числу наказуемых относилось

потребление психоактивных веществ. В Артикуле воинском сохранялась суровая пенализация в отношении использования ядов для отравления – смертная казнь через колесование (арт. 162). Как и в Соборном уложении, законодатель оперировал категорией «отрава», постепенно отказываясь от архаичного термина «зелье».

В Морском уставе от 13 января 1720 г. (кн. V «О штрафах», гл. XV «О смертном убийстве») в ст. 107 устанавливалось наказание в виде смертной казни за убийство, в том числе совершенное путем отравления психоактивными веществами [47, с. 76]. Расширение рамок уголовной ответственности за отравление происходит за счет привлечения к ней не только за умышленное деяние, но и совершенное по неосторожности. Ярким свидетельством того является Именная указ с боярским приговором от 04 марта 1686 г. «О наказании лекарей за умерщвление больных по умыслу или по неосторожности» [48, с. 747–748].

В дальнейшем, монархи последовательно продолжали политику жесткого контроля за легальным оборотом лекарственных средств и тотального запрета немедицинского обращения психоактивных веществ.

Так, сенатским указом от 01 июля 1729 г. «О запрещении медицинской практики людям, не имеющим свидетельств о знании медицины» был введен запрет на врачевание лицами, не имеющими медицинского образования [49, с. 219].

Законом от 23 апреля 1733 г. «Об учреждении полиции в городах» [50, с. 163], Указом Анны Иоанновны от 08 января 1733 г. «О запрещении продавать в рядах, в лавках и на торжках мышьяк и всякие ядовитые материалы и о наказании, кто в таковой непозволительной продаже окажется виновным» [51, с. 12–13], Уставом благочиния [51, с. 169] и Полицейским Уставом от 08 апреля 1782 г. [51, с. 174] именно на полицию возлагалась функция обнаружения и пресечения незаконного оборота психоактивных веществ. Указ Анны Иоанновны от 08 января 1733 г. устанавливал строжайший запрет на торговлю в зеленых лавках ядовитыми веществами.

Важной вехой в процессе упорядочения оборота лекарственных психоактивных веществ явилось принятие 20 сентября 1789 г. Аптекарского устава, в целом ряде пунктов которого (п. 17, 18) прописывались правила оборота соответствующих лекарственных препаратов.

Заключение.

Проведенное исследование отчетливо свидетельствует об уходящей глубоко в историю отечественного права традиции суровой пенализации деяний, связанных с незаконным оборотом психоактивных веществ, что имело под собой причины политического, духовного и экономического содержания. Сравнительно-правовой ана-

лиз позволяет понять не только парадигму становления уголовной политики в период X–XVIII вв., но и определить перспективы ее развития на

современном этапе в отношении установления эффективного социального контроля над оборотом психоактивных веществ.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ : учеб. пособие / Под ред. А.Н. Сергеева. М., 2001.
2. Харьковский Е.Л. Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ / Е.Л. Харьковский; Под ред. А.В. Наумова. М., 2003.
3. Калачев Б.Ф. Наркотики на Руси. URL : http://narkotiki.ru/research_5283.html (дата обращения 12.06.2023).
4. Березин С.В. Психология наркотической зависимости и созависимости : монография / С.В. Березин, К.С. Лисецкий, Е.А. Назаров. М., 2001.
5. Шалагин А.Е. Незаконный оборот наркотиков – угроза национальной безопасности : монография. М., 2015.
6. Неволин К.А. Полное собрание сочинений. Т. VI: Исследования о различных предметах законоведения. СПб., 1859.
7. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ : учеб. пособие / Под ред. А.Н. Сергеева.
8. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / Под ред. О.И. Чистякова. Т. I: Законодательство Древней Руси. М., 1984.
9. Устав кн. Всеволода // Серафим Владимирович Юшков (Труды выдающихся юристов). М., 1989.
10. Георгиевский Э.В. К вопросу о Законе Русском и его уголовно-материальных установлениях / Э.В. Георгиевский // Сибирский юридический вестник. 2004. № 4.
11. Кочетков А.Д. История становления российского законодательства в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ / А.Д. Кочетков // Молодой ученый. 2021. № 9(351).
12. Суворов Н.С. Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права. Ярославль, 1888.
13. Федоров А.В. Ответственность за деяния с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами по праву княжеского периода и русского централизованного государства (X–XVII вв.) / А.В. Федоров // Наркоконтроль. 2009. № 4.
14. Левенстим А.А. Суеверие и уголовное право / А.А. Левенстим // Вестник права. XXXVI. Книга первая. СПб., 1906.
15. Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910.
16. Зелик В.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты противостояния наркотизму в России : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001.
17. Шмелева Е.Г. Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта: уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008.
18. Самоквасов Д.Я. История русского права. Изд. 2-е. М., 1899.
19. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / Под ред. О.И. Чистякова. Законодательство Древней Руси. М., 1984. Т. 1.
20. Грибовской В.М. Древнерусское право (Краткий обзор чтений по истории русского права). Вып. I. Пет-роград, 1915.
21. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / Под ред. О.И. Чистякова. Т. 1: Законодательство Древней Руси.
22. Лаврентьевская летопись 1377 г. URL : https://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php (дата обращения 12.06.2023).
23. Бертенсон Л.Б. Несколько слов о знахарском и шарлатанском врачевании и о германском законопроекте, направленном к ограничению вреда от такого врачевания / Л.Б. Бертенсон // Журнал русского общества охраны народного здоровья. 1911. № 2.
24. Заблудовский П.Е. История медицины и здравоохранения. М., 1966.
25. Штамм С.И. Судебник 1497 года. М., 1955.
26. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / Под ред. О.И. Чистякова. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985.

27. Стоглав. Собор 1551 г. URL : https://azbyka.ru/otechnik/pravila/stoglav/#0_99 (дата обращения 12.06.2023).
28. Фисюн В.В. Противодействие незаконному обороту лекарственных средств и фармацевтических препаратов (уголовно-правовой и криминологический аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
29. Дьяков С.В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999.
30. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / Под ред. О.И. Чистякова. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985.
31. Левенстим А.А. Суеверие и уголовное право // Вестник права. XXXVI. Книга вторая. СПб., 1906.
32. Калачев Н. Об уголовном праве по Судебнику царя Иоанна Васильевича / Н. Калачев // Юридические записки, издаваемые П. Редкиным. Т. II. М., 1842.
33. Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни. Изд. 2-е. СПб., 1896.
34. Соборное Уложение 1649 года. URL : <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm#22> (дата обращения 12.06.2023).
35. Полное собрание законов Российской империи. Т. I (1649–1675). СПб., 1830.
36. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / Под ред. О.И. Чистякова. Т. 3. Акты Земских соборов. М., 1985.
37. Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987.
38. Именной указ от 11 мая 1663 г. «О окапывании в землю жен за убийство мужей» подтверждал: «таких женок... окапывать в землю по-прежнему» // Полное собрание законов Российской империи. Т. I (1649–1675). СПб., 1830.
39. Именной указ с боярским приговором «О неокапывании в землю жен за убийство мужей их, а об отсечении им головы» от 19 февраля 1689 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. III (1689–1699). СПб., 1830.
40. Фейербах П.А. Уголовное право. Книга вторая, содержащая положительную или особенную часть уголовного права с приложением российских уголовных законов, к каждому преступлению порознь относящихся. СПб., 1811.
41. Полное собрание законов Российской империи. Т. III (1689–1699). СПб., 1830.
42. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (ПСЗРИ). Т. IV. 1700–1712. Ст. 1879. СПб., 1830.
43. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. V. № 3203.
44. Левинов И.С. Бузо-гашишный вопрос на наших окраинах. СПб., 1909.
45. Бытко Ю.И. Сборник нормативных актов по уголовному праву России X–XX веков / Ю.И. Бытко, С.Ю. Бытко. Саратов, 2006.
46. Полное собрание законов Российской империи. Т. VI (1720–1722). СПб., 1830.
47. Полное собрание законов Российской империи. Т. VI (1720–1722). СПб., 1830.
48. Полное собрание законов Российской империи. Т. II (1676–1688). СПб., 1830.
49. Полное собрание законов Российской империи. Т. VIII (1728–1732). СПб., 1830.
50. Законодательство периода становления абсолютизма / Под общ ред. О.И. Чистякова. М., 1994. Т. 4.
51. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (ПСЗРИ). Т. IX. 1733–1736. Ст. 6304.

References:

1. Counteraction to illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances : tutorial / Ed. A.N. Sergeyev. M., 2001.
2. Kharkovsky E.L. Criminal liability for illegal circulation of narcotic drugs and psychotropic substances / Ed. A.V. Naumov. M., 2003.
3. Kalachev B.F. Drugs in Rus'. URL : http://narkotiki.ru/research_5283.html (date of the application 06/12/2023).
4. Berezin S.V., Lisetsky K.S., Nazarov E.A. Psychology of drug addiction and codependence : monograph. M., 2001.
5. Shalagin A.E. Drug trafficking is a threat to national security : monograph. M., 2015.
6. Nevolin K.A. Full composition of writings. T. VI: Studies on various subjects of jurisprudence. SPb., 1859.
7. Counteraction to illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances: tutorial / Under ed. A.N. Sergeyev.
8. Russian legislation of the X–XX centuries : in 9 vol. / Ed. O.I. Chistyakov. T.I. Legislation of Ancient Rus'. M., 1984.
9. Charter book. Vsevolod // Serafim Vladimirovich Yushkov (Proceedings of outstanding lawyers). M., 1989.
10. Georgievsky E.V. To the question of the Russian Law and its criminal-material regulations // Siberian Legal Bulletin. 2004. № 4.
11. Kochetkov A.D. The history of the formation of Russian legislation in the field of combating illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances // Young scientist. 2021. № 9(351).
12. Suvorov N.S. Traces of Western Catholic Church Law in the Monuments of Ancient Russian Law. Yaroslavl, 1888.
13. Fedorov A.V. Responsibility for acts with narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances by the law of the princely period and the Russian centralized state (X–XVII centuries) // Narcocontrol. 2009. № 4.
14. Levenstim A.A. Superstition and criminal law // Herald of Law. XXXVI. Book one. SPb., 1906.

15. Sergeevich V. Lectures and research on the ancient history of Russian law. SPb., 1910.
16. Zelik V.A. Criminal-legal and criminological aspects of countering drug addiction in Russia : dis. ... cand. legal sciences. Krasnodar, 2001.
17. Shmeleva E.G. Illegal circulation of potent or poisonous substances for the purpose of sale: criminal law and criminological aspects : author. dis. ... cand. legal sciences. Tyumen, 2008.
18. Samokvasov D.Ya. History of Russian law. Ed. 2nd. M., 1899.
19. Russian legislation of the X–XX centuries : in 9 vol. / Ed. O.I. Chistyakov. Vol. 1. Legislation of Ancient Rus'. M., 1984.
20. Gribovskoy V.M. Old Russian Law (A Brief Review of Readings on the History of Russian Law). Iss. I. Petrograd, 1915.
21. Russian legislation of the X–XX centuries : in 9 vol. / Ed. O.I. Chistyakov. Vol. 1: Legislation of Ancient Rus'.
22. Laurentian chronicle of 1377. URL : https://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php (date of the application 12.06.2023).
23. Bertenson L.B. A few words about sorcerer's and quack healing and the German bill aimed at limiting the harm from such healing // Journal of the Russian Society for the Protection of People's Health. 1911. № 2.
24. Zabludovsky P.E. History of medicine and public health. M., 1966.
25. Strain S.I. Sudebnik of 1497. M., 1955.
26. Russian legislation of the X–XX centuries : in 9 vol. / Ed. O.I. Chistyakov. Vol. 2. Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state. M., 1985.
27. Stoglav. Cathedral of 1551. URL : https://azbyka.ru/otechnik/pravila/stoglav/#0_99 (date of the application 06/12/2023).
28. Fisyun V.V. Counteraction to the illegal circulation of medicines and pharmaceuticals (criminal and criminological aspects) : author. dis. ... cand. legal sciences. M., 2011.
29. Dyakov S.V. State crimes (against the foundations of the constitutional order and state security) and state crime. M., 1999.
30. Russian legislation of the X–XX centuries : in 9 vol. / Ed. O.I. Chistyakov. Vol. 2. Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state. M., 1985.
31. Levenstim A.A. Superstition and criminal law // Herald of Law. XXXVI. Book two. SPb., 1906.
32. Kalachev N. On criminal law according to the Sudebnik of Tsar John Vasilyevich / N. Kalachev // Legal notes published by P. Redkin. M., 1842. Vol. II.
33. Kistyakovskiy A.F. Study on the death penalty. Ed. 2nd. SPb., 1896.
34. Cathedral Code of 1649. URL : <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm#22> (date of the application 06/12/2023).
35. Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. I (1649–1675). SPb., 1830.
36. Russian legislation of the X–XX centuries : in 9 vol. / Ed. O.I. Chistyakov. Vol. 3. Acts of Zemsky Sobors. M., 1985.
37. Cathedral code of 1649. Text. Comments. L., 1987.
38. The nominal decree of May 11, 1663 «On digging wives into the ground for the murder of their husbands» confirmed: «such wives ... dig in the ground as before» // Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. I (164).

Информация об авторе

Якубов Сергей Фрунзикович
соискатель кафедры уголовного права
и криминологии юридического факультета,
Кубанский государственный университет,
Краснодар
kup_kubgu@mail.ru

Sergey F. Yakubov
Candidate of the Department
of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law,
Kuban State University, Krasnodar
kup_kubgu@mail.ru

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.004>
УДК 330

Attribution
cc by

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ НИГЕРИИ

Алию С.А.

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность данного исследования заключается в том, что в нём автором развитие инновационной системы в Нигерии в условиях инвестирования выводит проблему на новый уровень. Однако анализ происходящих тенденций показывает, что в отдельных случаях бизнес и зарубежные инвесторы делают для этого больше усилий, чем государственные институты.

Цель: изучить особенности развития национальной инновационной системы Нигерии.

Методы: анализ, синтез, обобщение и систематизации научных источников по проблеме исследования.

Результаты. Рассмотрены тенденции инновационного развития Нигерии. Отмечено, что по причине недостаточных инвестиционных вложений в образование, в Нигерии наблюдается значительный отток специалистов, при этом образовательными проектами управляют зарубежные партнеры. Выявлено, что на смену неэффективному сельскому хозяйству и торговле с низкой добавленной стоимостью пришли инвестиции, телекоммуникации, производство, услуги и транспорт.

Выводы. Установлено, что инвестиции в инновации не всегда дают положительные эффекты. Сделан вывод о том, что становление национальной инновационной системы Нигерии происходит противоречиво. Ключевой проблемой, препятствующей полному становлению национальной инновационной системы Нигерии, является дефицит квалифицированных кадров, обеспечить которыми власти страны пока не способны. Несмотря на функционирование небольшого числа крупных технологических компаний, большая часть инновационных компаний представлена микропредприятиями.

Ключевые слова: инновации, национальная инновационная система, технологические центры, экосистема рынков, инвестиции.

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE NATIONAL INNOVATION SYSTEM OF NIGERIA

Sunday A. Aliu

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The development of the innovation system in Nigeria in terms of investment brings the problem to a new level. However, an analysis of current trends shows that in some cases, business and foreign investors make more efforts for this than state institutions.

Object: to study the features of the development of the national innovation system in Nigeria.

Methods: analysis, synthesis, generalization and systematization of scientific sources on the research problem.

Findings: The tendencies of innovative development of Nigeria are considered. It is noted that due to insufficient investment in education, there is a significant outflow of specialists in Nigeria, while educational projects are managed by foreign partners. It is revealed that investment, telecommunications, manufacturing, services and transport have replaced inefficient agriculture and trade with low added value.

Conclusions: It has been established that investment in innovation does not always have positive effects. It is concluded that the formation of the national innovation system in Nigeria is contradictory. The key problem hindering the full development of Nigeria's national innovation system is the shortage of qualified personnel, which the country's authorities are not yet able to provide. Despite the functioning of a small number of large technological companies, most of the innovative companies are represented by micro-enterprises.

Keywords: innovations, national innovation system, technology centers, market ecosystem, investments.

Введение.

Важнейшим элементом национальной социально-экономической политики выступает инновационная политика, устанавливающая цели, задачи, направления и методы работы в научно-технической сфере. В данном контексте, современная Нигерия обладает достаточными возможностями для реализации инновационной политики (высокий процент экономически активного населения, теплый климат, удобная география морских путей, наличие полезных ископаемых). Однако ее реализация в стране требует подготовительной работы в сферах образования, промышленности, сектора услуг и научно-технической сфере.

Основным фактором для освоения достижений наблюдаемой четвертой промышленной революции выступает человеческий капитал. По данным world bank за 2007 г., численность исследователей в Нигерии составляла 5861 человек, а затраты на НИОКР в стране составляли 0,13 % ВВП [8]. Новый импульс развитию нигерийской национальной инновационной системе дал запуск четырехлетнего «Плана национального развития на 2021–2025 гг.», принятый в 2021 г.

Результаты.

Необходимо подчеркнуть, данная проблематика с 2010-х гг. находится в фокусе внимания, как российских, так и зарубежных исследователей, в том числе из Нигерии. В стране инновациям уделяется пристальное внимание, растет число опубликованных научных исследований, где дается оценка развития инновационного сектора.

В научном пространстве первые попытки обосновать концептуальные положения становления национальной инновационной системы в Нигерии были в 2006 г. Е. Ирене Анджела считает, что для этого необходима масштабная научно-исследовательская инфраструктура, трансферт зарубежных технологий, инвестиций в наукоемкий сектор и развитие образования и наукоемкого сектора промышленности. Исследователь характеризует существующую инновационную систему через ряд следующих проблемных тенденций:

- 1) уровень инвестиций в технологии и науку характеризуется как низкий;
- 2) инвесторы вкладывают ресурсы в крупные города и крупные предприятия;
- 3) большое количество населения вовлечено в неформальную экономику [5].

Таким образом, распределение инвестиционных ресурсов характеризуется как неравномерное, что лишает периферийные центры перспектив и точек роста.

В то же время, другие исследователи из Нигерии утверждают, что к внедрению инноваций следует

относиться осторожно, не нарушая экосистемы сложившихся рынков. Так, Eniola Anthony Olayori технологические инновации в значительной степени способны разрушать рыночную систему [10]. Эта точка зрения находит подтверждение в зарубежных исследованиях. В данном случае следует ориентироваться на зарубежный опыт предшественников.

Анализ точек зрения ряда исследователей (Н.Н. Коледёнова, Н.Н. Митина, С. Янян, Г.Г. Головенчик) позволяет отметить сближение научных позиций относительно особенностей развития китайской обрабатывающей промышленности: прослеживается сильная зависимость ее от привлеченных инвестиций и внедрения инноваций. Каждый из ученых использовал различные методы исследования, чтобы прийти к одному и тому же выводу. С 2020 г. в Китае действует закон КНР «Об иностранных инвестициях», позволяющий эффективно защищать права на иностранную интеллектуальную собственность. Такой подход позволяет Китаю увеличивать объемы привлекаемых инвестиций в цифровизацию обрабатывающей промышленности [4]. Однако и здесь, на примере обрабатывающей промышленности Китая, по мнению китайских исследователей, не все так просто.

В совместном исследовании С. Линь, Х. Вэй и Б. Ли был установлен ряд экономических закономерностей:

- 1) либерализация Китая импорта инвестиционных товаров способна угнетать инновационную деятельность в отраслях промышленности;
- 2) негативный эффект от импорта инвестиционных товаров зависит от структуры отрасли: чем острее в ней проявляется конкуренция, тем больше разброс между технологическими уровнями предприятия, который и определяет более сильный угнетающий эффект (эффект вытеснения) на инновационную деятельность (из-за либерализации импорта инвестиционных товаров).

Связи между инвестициями и инновационной деятельностью китайских предприятий ученые не обнаружили. По этой причине исследователи пришли к выводу о необходимости селективного снижения импортных пошлин на продукцию производственного спроса [6].

Развитие любой инновационной системы должно начинаться с образования. С учетом того, что население Нигерии превышает 210 млн человек, в ней расходы на образование составили 2,32 млрд долл. США, что крайне мало на фоне других государств Африки. Сдвиг в образовательной политике привел к тому, что в стране 169 университетов стали готовить магистров и докторов наук. При этом 90 % расходов идут на оплату труда преподавателей и социальные пособия для них, и лишь 10 % – на материалы, инфраструктуру и оборудование, необходимое для обучения. Этот фактор оказывает сильное влияние на «утечку мозгов» из страны в более благо-

получные, как в соседние, так и в дальние. К тому же, многие специалисты не могут себя успешно реализовать в стране. На практике получается, что по этим причинам реализацией многих крупных инновационных проектов руководят зарубежные специалисты.

Таким образом, получается, что более 90 % всех инновационных технологий Нигерия потребляет. При этом исследователи обращают внимание на тот факт, что в стране преобладает негативное отношение к техническому образованию, что порождает дефицит кадров технического профиля.

В то же время, есть и положительные сдвиги: в стране заработала национальная исследовательская сеть – National Research and Education Network, позволяющая научному и образовательному сообществу получать необходимую информацию с помощью интернета в рамках единой образовательной платформы.

Кроме университетов, в Нигерии функционируют технологические центры, поощряющие инновационную деятельность. У таких центров имеется своя дорожная, энергетическая и ИТ-инфраструктура. Их специализация заключается в реализации проектов по интеграции достижений науки с производством, внедрением импортных технологий в практику работы коммерческих и промышленных предприятий, прежде всего цифровых технологий. По количеству таких технологических центров Нигерия в Африке занимает 2 место. Особенностью функционирования технологических центров является зарубежное и частное финансирование, в то время как государственные структуры уклоняются от этого. Установлено, что наибольшей проблемой для таких центров является обеспечение электроэнергией [8].

Отдельной тенденцией инновационного развития Нигерии в 2010-е гг. является появление на рынке услуг ИТ-компаний (Uber, Jumia и др.), являющихся крупными работодателями в стране.

По мнению И.Р. Агбо и М.А. Коваженкова, в Нигерии отмечается потребительский патриотизм, но в то же время, страна не способна обеспечить свой внутренний рынок многими группами потребительских товаров [1]. Решение проблемы авторы совместной публикации видят в диверсификации национальной экономики. По состоянию на 2020 г. в стране в целом ряде сфер (транспорт, градостроительство, зеленая энергетика, реализуются крупные инфраструктурные проекты, проекты в нефтегазовой сфере и социальной сфере) реализуются амбициозные крупные инновационные проекты – умный город («Eco Atlantic»), гидроэлектростанции Мамбилла и мн. др. [7]. Растут объемы инвестиций в такие проекты.

Другой исследователь из Нигерии Сьюзан Чиома Омех полагает, что стране необходимо развивать систему интеллектуальной собственности

для развития экологических инноваций. Существующая в стране формальная патентная система не решает проблему охраны интеллектуальной собственности. По свидетельству С.Ч. Омех, Нигерия является в настоящее время в большей степени импортером инноваций. Передачу новых технологий в стране регулирует закон «О национальном бюро по приобретению и продвижению технологий». Отсутствие процедуры регистрации соглашения о передаче инновационной технологии в Нигерию препятствует выплаты денег владельцу технологии. Сложная система регистрации инноваций мешает финансированию интеллектуальной собственности в стране [9].

Т.Ф. Алхассан, А.Дж. Куадио и Д.Э. Гомадо подчеркивают, что в период 1996–2009 гг. в Нигерии отмечались серьезные структурные изменения в экономике [2]. На смену неэффективному сельскому хозяйству и торговле с низкой добавленной стоимостью пришли инвестиции, телекоммуникации, производство, услуги и транспорт.

В силу того, что география территорий уникальна, универсальных решений относительно управления инновационными системами страны быть не может. По-прежнему особенностью Нигерии является аграрная специализация, которая нуждается во внедрении инноваций. Обращая на это особенное внимание, Хенри Амазбери подчеркивает, что для развития инновационного предпринимательства в агробизнесе следует развивать деятельность информационно-консалтинговых служб [3]. С оглядкой на мировой опыт, ученый акцентирует внимание на том факте, что инвестиции в инновации и в деятельность информационно-консалтинговых служб дают большую отдачу.

Последняя как часть национальной инновационной системы в секторе аграрного предпринимательства во взаимодействии с управляющими компаниями призвана решать две ключевые задачи:

- 1) повышения компетентности предпринимателей в сферах производства, переработки и налаживания сбыта;
- 2) партнерского взаимодействия предпринимателей, государственных органов власти и рынка.

Лишь своевременное получение информации позволит фермерам экономить издержки на освоение рынка и властям наладить сбалансированный рынок продовольствия. Такой инновационный подход позволяет наладить межотраслевые связи агробизнеса со смежными отраслями.

Выводы.

Становление системы инновационного развития в Нигерии происходит противоречиво. На основе анализа зарубежного опыта установлено, что, с одной стороны, развитие национальной инновационной системы в Нигерии переживает техно-

логический бум, вызванный активным внедрением цифровых технологий, с другой, эта система сталкивается с большим количеством рисков, определяющих ее неустойчивость (отсутствие системы независимого арбитража, политическая нестабильность экономики, низкая привлекательность для инвесторов).

Отличительной тенденцией является большая степень участия бизнеса и зарубежных инвесторов и стейкхолдеров в финансировании инновационного развития, и одновременная низкая степень участия государственных институтов, нежелающих нести бремя финансирования инноваций. Большую проблему, нерешенную со стороны государства, представляет недостаточная

обеспеченность населения электроэнергией. Обращение к зарубежному опыту показывает, что технологические инновации способны оказать деструктивное воздействие на рыночную систему, а импорт инвестиций – угнетающее воздействие на отрасли промышленности.

Ключевой проблемой, препятствующей полному становлению национальной инновационной системы Нигерии, является дефицит квалифицированных кадров, обеспечить которыми власти страны пока не способны. Несмотря на функционирование небольшого числа крупных технологически компаний, большая часть инновационных компаний представлена микропредприятиями.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Агбо И.Р. К вопросу о необходимости реализации инновационной политики в современной Нигерии / И.Р. Агбо, М.А. Коваженков // Вестник магистратуры. 2014. № 1. С. 72–74.
2. Алхассан Т.Ф. Финансирование инновационного развития экономики стран Африки: роль цифровизации и финансовых инноваций / Т.Ф. Алхассан, А.Д. Куадио, Д.Э. Гомадо // Вестник Российского университета дружбы народов. 2020. № 3. С. 429–439.
3. Амаэгбери Г. Консалтинг и управляющие компании как факторы инновационного развития сельского предпринимательства в Нигерии / Х. Амаэгбери // Наука и инновации. 2014. № 134. С. 41–44.
4. Буньковский В.И. Влияние пандемии на инвестиционную привлекательность Китая / В.И. Буньковский, Чжоу Лина // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 4. С. 53–66.
5. Ирене Анжела. Е. Наукоемкий сектор промышленности России и Нигерии: сравнительный анализ и возможности использования российского опыта : автореф. дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.05 / Иван. гос. ун-т. Иваново, 2006. 19 с.
6. Линь Сюэдун. Импортная либерализация и инновационная деятельность китайских предприятий: на примере предприятий обрабатывающей промышленности Китая [中国企业的进口自由化与创新活动: 以中国制造企业为例] / Линь Сюэдун, Вэй Хао, Ли Бяо // Гоцзи маои вэньти. Пекин. 2017. № 2. С. 97–106.
7. Мамчиц Р. Нигерия: мегапроекты устойчивого развития (ред. 21.10.2020 / Finversia). URL : <https://www.finversia.ru/publication/nigeriya-megaproekty-ustoichivogo-razvitiya-83367> (дата обращения 24.07.2023).
8. Научно-технологический потенциал современной Африки : монография / Редактор Е.В. Морозенская. М. : ИАФР РАН, 2022. 278 с.
9. Омех С.Ч. Использование инноваций для достижения «зеленого» будущего в Нигерии. WIPO. URL : https://www.wipo.int/wipo_magazine_digital/ru/2021/article_0005.html (дата обращения 24.07.2023).
10. Олайори Э.Э. Влияние машинного обучения / технологии искусственного интеллекта на функциональные возможности корпоративных потребителей в финансовом секторе развивающихся / пограничных рынков (на примере Нигерии) / Э.Э. Олайори // StudNet. 2021. № 7. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/the-impact-of-machine-learning-artificial-intelligence-technology-on-the-functionalities-of-corporate-consumers-in-the-financial> (дата обращения 25.07.2023).

References:

1. Agbo I.R. To the question of the need to implement innovation policy in modern Nigeria / I.R. Agbo, M.A. Kovazhenkov // Bulletin of the Magistracy. 2014. № 1. P. 72–74.
2. Alkhassan T.F. Financing the innovative development of African economies: the role of digitalization and financial innovations / T.F. Alkhassan, A.D. Kuadio, D.E. Gomado // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. 2020. № 3. P. 429–439.
3. Amaegberi G. Consulting and management companies as factors of innovative development of rural entrepreneurship in Nigeria / H. Amaegberi // Science and innovations. 2014. № 134. P. 41–44.

4. Bunkovsky V.I. The impact of the pandemic on the investment attractiveness of China / V.I. Bunkovsky, Zhou Lina // Russian Foreign Economic Bulletin. 2021. № 4. P. 53–66.
5. Irene Angela. E. Science-intensive sector of industry in Russia and Nigeria: a comparative analysis and the possibility of using Russian experience : abstract of the thesis. ... candidate of economic sciences: 08.00.05 / Ivan. state un-t. Ivanovo, 2006. 19 p.
6. Lin Xuedong. Import liberalization and innovation activities of Chinese enterprises: the example of Chinese manufacturing enterprises [中国企业的进口自由化与创新活动：以中国制造企业为例] / Lin Xuedong, Wei Hao, Li Biao. // Guoji maoyi wenti. Beijing. 2017. № 2. P. 97–106.
7. Mamchits R. Nigeria: megaprojects of sustainable development (ed. 21.10.2020 / Finversia). URL : <https://www.finversia.ru/publication/nigeriya-megaproekty-ustoichivogo-razvitiya-83367> (date of the application 24.07.2023).
8. Scientific and technological potential of modern Africa : monograph / Editor: E.V. Morozenskaya. M. : IAfr RAN, 2022. 278 p.
9. Omeh S.Ch. Using innovation to achieve a green future in Nigeria. WIPO. URL : https://www.wipo.int/wipo_magazine_digital/en/2021/article_0005.html (date of the application 24/07/2023).
10. Olaiori E.E. The impact of machine learning / artificial intelligence technologies on the functionality of corporate consumers in the financial sector of emerging / frontier markets (on the example of Nigeria) / E.E. Olaiori // StudNet. 2021. № 7. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/the-impact-of-machine-learning-artificial-intelligence-technology-on-the-functionalities-of-corporate-consumers-in-the-financial> (date of the application 07/25/2023).

Информация об авторе

Алию Сандэй Адакву
аспирант кафедры экономической теории,
Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону
aliyu@sfedu.ru

Aliyu Sunday Ataka
PhD Student of the Department of Economic Theory,
Southern Federal University, Rostov-on-Don
aliyu@sfedu.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.016>
УДК 656.1

Attribution
cc by

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ ГОРОДСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

Коновалова Т.В., Надирян С.Л., Котенкова И.Н., Коцурба С.В.

Кубанский государственный технологический университет

Аннотация. Актуальность данного исследования заключается в том, что его авторы выявили пути повышения эффективности функционирования транспортной системы городской агломерации. Цель: целью данного исследования является определение возможности и условий проектирования транспортной сети городской агломерации с учетом потребностей пользователей – участников транспортного процесса. В рамках достижения установленной цели необходимо решить следующие задачи: планирование транспортной сети, объединение элементов транспортной системы и телематических систем, внедрение СИМ в систему городского пассажирского транспорта.

Методы: при проведении исследовательских работ авторами были использованы такие методы исследования, как анализ, синтез, практическое моделирование.

Результаты: на сегодняшний день достигнуты следующие результаты: проанализированы возможности проектирования эффективной транспортной системы и интеграции в нее интеллектуальных объектов городского пассажирского транспорта, систем навигации и управления транспортными потоками, пешеходных пространств в соответствии с концепцией ESG, средств индивидуальной мобильности.

Выводы: в настоящее время транспортная система зачастую является сдерживающим фактором развития городских комплексов, поэтому планирование мероприятий по повышению эффективности транспортной системы является актуальным и требующим реализации в максимально короткие сроки.

Ключевые слова: городская агломерация, городской пассажирский транспорт, навигация, транспортная система, улично-дорожная сеть, эффективность функционирования.

WAYS TO IMPROVE THE EFFICIENCY OF THE URBAN AGGLOMERATION TRANSPORT SYSTEM

Tatyana V. Konovalova, Sofiya L. Nadiryan,
Irina N. Kotenkova, Sofiya V. Kotsurba

Kuban State Technological University

Abstract. The relevance of this study lies in the fact that its authors have identified ways to improve the efficiency of the functioning of the transport system of the urban agglomeration. Purpose: the purpose of this study is to determine the possibility and conditions for designing a transport network of an urban agglomeration, taking into account the needs of users participating in the transport process. Within the framework of achieving the set goal, it is necessary to solve the following tasks: planning of the transport network, combining elements of the transport system and telematics systems, the introduction of SIM into the urban passenger transport system.

Methods: when conducting research, the authors used such research methods as analysis, synthesis, and practical modeling.

Results: to date, the following results have been achieved: the possibilities of designing an efficient transport system and integrating into it intelligent objects of urban passenger transport, navigation and traffic management systems, pedestrian spaces in accordance with the ESG concept, means of individual mobility have been analyzed.

Conclusions: currently, the transport system is often a limiting factor in the development of urban complexes, therefore, planning measures to improve the efficiency of the transport system is relevant and requires implementation as soon as possible.

Keywords: urban agglomeration, urban passenger transport, navigation, transport system, road network, operational efficiency.

Введение.

Городская агломерация – это тесно связанные между собой группы поселений (чаще всего это крупный город и окружающие его в радиусе 100 км населенные пункты). Создание и развитие городских агломераций – мировой тренд. Проблема развития практически всех агломераций заключается в создании понятной и эффективной транспортной системы, позволяющая повысить качество жизни населения [1–2].

Перемещаясь по своему маршруту, люди постоянно находятся в состоянии принятия решения как им лучше добраться до места назначения. Доступная информация в этих точках дает возможность правильно принять решение. Немаловажную роль играет городская среда, включающая в себя архитектуру, достопримечательности, ландшафт, состояние дорожного покрытия, освещение, материалы и малые архитектурные формы.

Результаты.

Исследования подтверждают, что люди, перемещающиеся по улично-дорожной сети, ежедневно сталкиваются с рядом проблем из-за недостаточно продуманной системы навигации в системе города. Восполнить пробелы может единая система навигации, соединяя при том разрозненные элементы и делая транспортную систему простой и удобной в понимании. Это помогает пассажирам и пешеходам понять доступные варианты их передвижения и укрепляет доверие к городскому пассажирскому транспорту (ГПТ).

Единая транспортная система включает в себя:

- связанные между собой все виды городского транспорта;
- единую систему навигации;
- единую платежную систему.

Современный город не может существовать без общей, понятной системы навигации, в которую входят не только знаки и указатели, но и другие средства, входящие в экосистему города. Система навигации также связывает все виды транспорта в единую систему, предоставляющую четкую и понятную информацию пассажирам в нужном месте и в нужное время на всем пути их следования.

Существующие системы зачастую не учитывают интересы пешеходов, вызывая определенные трудности в их ориентировании. Чтобы решить эти проблемы, было проанализировано восприятие людей от передвижения по городу. В основу единой системы навигации были взяты реальные потребности людей. Новая система навигации предлагается на основе инструментария, который представляет транспортную сеть как единый организм.

В первую очередь, система связывает наземный транспорт, пешеходное пространство, городской прокат и транспортно-пересадочные узлы, помогая ориентироваться в городе на всем пути следования пассажиров.

Рисунок 1 – Система навигации

Обсуждение.

Предлагается ввести городские карты для пешеходов на остановках, учитывая, где человек находится прямо сейчас. На картах обозначено значком «Вы здесь». Навигация будет расположена в местах, где пассажиры и пешеходы задумываются о том, как им двигаться дальше. При работе был учтен опыт Москвы, где система навигации внедрилась успешно. Карты будут ориентированы по направлению взгляда, все что

находится от человека слева, будет также находиться слева. Так же на картах будут показаны объекты в пятиминутной доступности с текущим местоположением [3–4].

Остановки особо крупных пересадочных узлов будут обозначены индексами, чтобы было удобно находить нужную остановку в городе. Все названия будут продублированы на английском языке.

Одна из важнейших целей – это спроектировать и реализовать транспортную сеть таким образом, чтобы она была понятной для людей. Со временем транспортная сеть станет четкой иерархической структурой, состоящей из маршрутов, предлагающих на выбор вид транспорта.

Объединив новые виды информации и элементы в единый инструментарий целой системы – можно создать понятную и удобную транспортную сеть для пользователей.

Планирование транспортной сети – это важнейший этап для создания навигации транспортной сети. Свежий взгляд на уже существующую транспортную сеть дает возможность переосмыслить систему маршрутов и подкорректировать ее, чтобы она стала понятней.

Для того, чтобы добиться большей вовлеченности и информированности человека, необходимо в процессе планирования транспортной сети определить иерархическую структуру маршрутов и точек принятия решения. Люди должны получить информацию в нужном месте, в нужное для них время. Когда информация находится в правильной последовательности, уверенность людей при пользовании сетью существенно возрастает.

Реализуемые стандартные мероприятия по развитию транспортных систем городских агломераций в долгосрочной перспективе, с учетом роста населения, обычно решают проблемы транспортного обслуживания населения, но опережающие темпы развития могут не создавать этих проблем или минимизировать их [5–6].

Для того, чтобы транспортная система не становилась сдерживающим фактором развития агломераций, необходимо наряду со стандартными мерами внедрять зонирование по тарифам, ограничивать движение индивидуального транспорта, вводить пешеходные зоны и «зеленые зоны передвижения».

Заключение.

Введение пешеходных зон позволяет «создать» часть местности, где движение проходит без участия автомобилей. Такими способами как пешком или с использованием средств индивидуальной мобильности (СИМ). Например, чем дальше остановка располагается от центра, тем дороже тариф.

Пешеходные зоны имеют ряд преимуществ:

- повышение экологичности города за счет озеленения этих зон;
- повышение здорового образа жизни населения, особенно для тех, кто ведет малоподвижный образ жизни;
- безопасность передвижения;
- отсутствие износа дорожного покрытия;
- маневренность;
- экономичность.

Эффективное размещение пешеходных зон позволяет сократить общее время перемещения, за счет того, что человек может перемещаться на прокатных велосипедах или самокатах по велосипедной дорожке. Такая система эффективно функционирует в транспортной системе из-за интеграции в нее «зеленых зон передвижения». На остановочных пунктах, в пределах пешеходных зон для удобства использования СИМ необходимо развивать инфраструктуру. Использование альтернативных видов транспорта благоприятно влияет на экологию, так как снижаются количества вредных выбросов.

Передвижения в часы «пик» на СИМ позволяет людям существенно сэкономить время, а также освободить место ранее занятое автомобилями. При повышении использования СИМ появляется спрос на их обслуживание, а это, в свою очередь, порождает новые профессии на рынке труда. Альтернативные виды транспорта, благодаря своей маневренности, разгружают улично-дорожную сеть города. Это влияет на социальную значимость транспортной системы: пожарные, МЧС, скорая помощь могут добраться до нуждающихся в них значительно быстрее.

Вводя специальные тарифы для владельцев автомобилей и скидки на перевозки личных СИМ в ГПТ, дает возможность заинтересовать владельцев автомобилей в использовании ГПТ. Проблема развития популярности альтернативного вида транспорта заключается также в минимальном количестве парковочных мест. Единый пересадочный билет, для пользующихся СИМ, дает возможность бесплатных пересадок в общественном транспорте в течение 90 минут.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Логистика качества пассажирских перевозок в транспортной системе города / Т.В. Коновалова, С.Л. Надирян, М.П. Миронова, С.В. Коцурба // Научно-технические аспекты инновационного развития транспортного комплекса : Сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции, Донецк, 25 мая 2022 года. Донецкая академия транспорта. Донецк : Донецкая академия транспорта, 2022. С. 25–27.
2. Коновалова Т.В. К вопросу о развитии маршрутной сети городского наземного электрического транспорта / Т.В. Коновалова, С.В. Коцурба // Проблемы функционирования систем транспорта : Международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых, Тюмень, 04–06 декабря 2019 года. Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2019. Т. 2. С. 155–158.
3. Булавина Л.В. Проектирование и оценка транспортной сети и маршрутной системы в городах : выполнение курсового и дипломного проектов : учеб.-метод. пособие / Л.В. Булавина; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург : Изд во Урал. ун-та, 2013. 48 с.
4. Городская мобильность как фактор устойчивого развития территорий / Т.В. Коновалова, А.Н. Домбровский, С.Л. Надирян [и др.]. Краснодар : ООО Издательский Дом – Юг, 2022. 208 с.
5. Котенкова И.Н. Методы повышения экологической безопасности муниципальных образований на примере г. Краснодара / И.Н. Котенкова, С.В. Коцурба // Научно-технические аспекты инновационного развития транспортного комплекса : Сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции, Донецк, 25 мая 2022 года / Донецкая академия транспорта. Донецк : Донецкая академия транспорта, 2022. С. 143–146.
6. Социально-экологические аспекты создания комфортной среды на примере Краснодарской агломерации / Н.Л. Сергиенко, З.К. Лакербай, Т.Г. Короткова [и др.]; Кубанский государственный технологический университет. Краснодар : Кубанский государственный технологический университет, 2022. 175 с.

References:

1. Logistics of the quality of passenger transportation in the city transport system / T.V. Konovalova, S.L. Nadiryan, M.P. Mironova, S.V. Kotsurba // Scientific and technical aspects of innovative development of the transport complex : Collection of scientific papers based on the materials of the VIII International Scientific and Practical Conference, Donetsk, May 25, 2022. Donetsk Academy of Transport. Donetsk : Donetsk Academy of Transport, 2022. P. 25–27.
2. Konovalova T.V. On the issue of the development of the route network of urban ground electric transport / T.V. Konovalova, S.V. Kotsurba // Problems of functioning of transport systems : International scientific and practical conference of students, postgraduates and young scientists, Tyumen, 04–06 December 2019. Tyumen : Tyumen Industrial University, 2019. Vol. 2. P. 155–158.
3. Bulavina L.V. Design and evaluation of the transport network and route system in cities : implementation of course and diploma projects : teaching and methodological manual / L.V. Bulavina; The Ministry of Education and Science Grew. Federation, Ural. feder. un-t. Yekaterinburg : Ural Publishing House. un-ta, 2013. 48 p.
4. Urban mobility as a factor of sustainable development of territories / T.V. Konovalova, A.N. Dombrovsky, S.L. Nadiryan [et al.]. Krasnodar : Publishing House – Yug LLC, 2022. 208 p.
5. Kotenkova I.N. Methods of improving the environmental safety of municipalities on the example of Krasnodar / I.N. Kotenkova, S.V. Kotsurba // Scientific and technical aspects of innovative development of the transport complex : A collection of scientific papers based on the materials of the VIII International Scientific and Practical Conference, Donetsk, May 25, 2022 / Donetsk Academy of Transport. Donetsk : Donetsk Academy of Transport, 2022. P. 143–146.
6. Socio-ecological aspects of creating a comfortable environment on the example of the Krasnodar agglomeration / N.L. Sergienko, Z.K. Lakerbai, T.G. Korotkova [et al.]; Kuban State Technological University. Krasnodar : Kuban State Technological University, 2022. 175 p.

Информация об авторах

Коновалова Татьяна Вячеславовна

кандидат экономических наук,
доцент,
заведующая кафедрой транспортных процессов
и технологических комплексов
Института механики, робототехники,
инженерии транспортных и технических систем,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru
ORCID : 0000-0002-1818-4229

Tatiana V. Konovalova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Transport Processes
and Technological Complexes
Institute of Mechanics, Robotics,
Engineering of Transport and Technical Systems,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru
ORCID : 0000-0002-1818-4229

Надирян София Левоновна

старший преподаватель кафедры транспортных процессов и технологических комплексов Института механики, робототехники, инженерии транспортных и технических систем, Кубанский государственный технологический университет
008008@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7489-9982

Котенкова Ирина Николаевна

старший преподаватель кафедры транспортных процессов и технологических комплексов Института механики, робототехники, инженерии транспортных и технических систем, Кубанский государственный технологический университет
008@yandex.ru
ORCID : 0000-0002-8653-8930

Коцурба София Вячеславовна

ассистент кафедры транспортных процессов и технологических комплексов Института механики, робототехники, инженерии транспортных и технических систем, Кубанский государственный технологический университет
08@yandex.ru

Sofia L. Nadiryan

Senior Lecturer of the Department of Transport Processes and Technological Complexes Institute of Mechanics, Robotics, Engineering of Transport and Technical Systems, Kuban State Technological University
008008@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7489-9982

Irina N. Kotenkova

Senior Lecturer of the Department of Transport Processes and Technological Complexes Institute of Mechanics, Robotics, Engineering of Transport and Technical Systems, Kuban State Technological University
008@yandex.ru
ORCID : 0000-0002-8653-8930

Sofia V. Kotsurba

Assistant of the Department of Transport Processes and Technological Complexes Institute of Mechanics, Robotics, Engineering of Transport and Technical Systems, Kuban State Technological University
08@yandex.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.021>
УДК 316.35

Attribution
cc by

SWOT-АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ САМОЗАНЯТЫХ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Мотовиц Т.Г.

Тихоокеанский государственный университет

Аннотация. Актуальность данной публикации заключается в том, что в условиях трансформации экономики происходят качественные преобразования на рынке труда, где самозанятость уже стала важнейшей формой занятости населения. Анализ деятельности самозанятых с помощью SWOT-анализа позволяет выявить сильные и слабые стороны, вызовы и возможности этого сектора занятости, понять их роль в экономике и обществе, выявить факторы, способствующие и препятствующие их развитию, а также определить наиболее эффективные меры поддержки, что позволит создать благоприятные условия для развития самозанятости населения.

Цель: изучить применение SWOT-анализа к деятельности самозанятых работников.

Методы: анализ, синтез, системный и процессный подходы.

Результаты. Рассмотрены факторы развития деятельности самозанятых, направления их поддержки. Определена важность SWOT-анализа как эффективного инструмента для оперативной и стратегической деятельности самозанятых. В работе автор представил свое видение SWOT-анализа деятельности самозанятых в Хабаровском крае.

Выводы. Сделан вывод о том, что SWOT-анализ деятельности самозанятых помогает как самим самозанятым работникам, так и государству разрабатывать стратегии и формировать портфель необходимых мероприятий для развития самозанятости населения. Государственная политика по отношению к самозанятым многоаспектна, включает стимулирование предпринимательской активности, создание равных возможностей для самозанятых работников, обеспечение социальной защиты и защиты прав, а также развитие инфраструктуры и ресурсов, необходимых для успешной деятельности самозанятых.

Ключевые слова: самозанятость, SWOT-анализ, инструмент стратегического планирования, направления самозанятости.

SELF-EMPLOYMENT AS A FACTOR OF ENSURING THE ECONOMIC SECURITY OF THE REGION

Tatiana G. Motovits

Pacific National University

Abstract. The relevance of this publication lies in the fact that in the conditions of economic transformation there are qualitative transformations in the labor market, where self-employment has already become the most important form of employment. The analysis of the self-employed with the help of SWOT-analysis allows to identify the strengths and weaknesses, challenges and opportunities of this employment sector, to understand their role in the economy and society, to identify the factors that promote and hinder their development, as well as to identify the most effective support measures that will create favorable conditions for the development of self-employment.

Objective: to study the application of SWOT-analysis to the activities of self-employed workers.

Methods: analysis, synthesis, system and process approaches.

Results. The factors of development of self-employed activity, directions of their support are considered. The importance of SWOT-analysis as an effective tool for operational and strategic activities of the self-employed was determined. In the paper the author presented his vision of SWOT-analysis of the self-employed in Khabarovsk Krai.

Conclusions. It is concluded that SWOT-analysis of the self-employed helps both self-employed workers and the state to develop strategies and form a portfolio of necessary measures for the development of self-employment. The state policy towards the self-employed is multidimensional and includes stimulating entrepreneurial activity, creating equal opportunities for self-employed workers,

providing social protection and protection of rights, as well as the development of infrastructure and resources necessary for the successful activity of the self-employed.

Keywords: self-employment, SWOT analysis, strategic planning tool, directions of self-employment.

Введение.

Трансформация современной экономики отражает явления и тенденции ее качественного преобразования по всем направлениям, в том числе, изменений, происходящих на рынке труда.

В последние годы самозанятость стала важнейшей формой занятости населения, но в современных условиях необходимо более глубоко исследовать причины, по которым граждане отдают предпочтение самозанятости, и анализировать социально-экономические эффекты от этой деятельности.

В современных условиях отмечается тенденция роста числа самозанятых, что обусловлено многими факторами, в числе которых структурные изменения в экономике, цифровизация, появление свободных профессий. Но при этом рост числа самозанятых нередко свидетельствует о серьезных диспропорциях и напряженности на рынке труда, снижении реальных доходов населения, нарастании кризисных явлений в развитии экономики и т.д. Понимание характеристик, факторов и взаимодействия самозанятых в России способствует разработке целенаправленных стратегий и программ поддержки, которые могут способствовать развитию и улучшению условий работы для самозанятых [1; 3; 6].

Анализ деятельности самозанятых является важной составляющей для понимания экономической деятельности и трудового рынка, так как позволяет выявить сильные и слабые стороны, вызовы и возможности этого сектора занятости, понять их роль в экономике и обществе, выявить факторы, способствующие и препятствующие их развитию, а также определить наиболее эффективные меры поддержки, что позволит создать благоприятные условия для развития самозанятости, стимулирования экономического роста, будет содействовать увеличению занятости и улучшению качества жизни самозанятых работников [1; 2; 3; 6].

Результаты.

Для анализа самозанятых в России необходимо анализировать и учитывать следующие факторы:

– демографический профиль, определяющий, какие группы населения предпочитают работать на себя, будет способствовать выявлению актуальных тенденций и процессов на рынке труда. Анализ демографических характеристик самозанятых (исследование возрастного состава, образования и региона проживания и т.д.) поможет лучше понять факторы, влияющие на выбор са-

мозанятости, и принять целевые меры поддержки;

– региональные различия, выявление которых будет способствовать пониманию особенностей и факторов, влияющих на развитие самозанятых в разных частях страны (экономическую активность, доступность ресурсов, инфраструктуру, потребительский спрос и особенности трудового рынка);

– мотивации и предпочтения самозанятых: анализ этих процессов помогает понять, какие факторы влияют на выбор самозанятости (предпочтение гибкости графика работы, желание осуществлять собственный бизнес, удовлетворение творческим потребностям и стремление к финансовой независимости и т.д.). Понимание мотивации самозанятых будет способствовать разработке соответствующих стратегий развития и программ их поддержки;

– взаимодействие самозанятых с органами государственной и исполнительной власти, которое способствует изучению процессов диалектического взаимодействия между ними;

– инновации и технологический прогресс, позволяющий увидеть, какие возможности и вызовы связаны с внедрением новых технологий в работу самозанятых (анализ использования цифровых платформ, развития онлайн-торговли и влияния автоматизации на определенные отрасли самозанятости);

– сотрудничество и кооперация между самозанятыми: изучение различных форм организации и сотрудничества будут способствовать совместному развитию и росту самозанятости, что даст возможность создавать новые ассоциации, осуществлять совместные проекты и обмен опытом, а также развитие коллективных форм предпринимательства;

– потенциал самозанятых для экспорта услуг; его оценка определит виды услуг и отрасли, которые смогут успешно конкурировать на международном рынке, что послужит одним из факторов развития туристического бизнеса, информационных технологий, дистанционного обучения и других сфер, в которых самозанятые работники могут предоставлять услуги удаленно;

– социальное признание важности статуса самозанятых в обществе будет способствовать развитию предпринимательской активности населения: освещение достижений и успехов самозанятых, формирование положительного образа самозанятости и повышение уровня общественного признания [2; 4; 5].

Анализ самозанятых требует комплексного подхода, учета различных факторов и использова-

ния надежных и актуальных данных, так как это поможет выработать более точные рекомендации и стратегии для поддержки и развития самозанятых в стране.

Необходимо проводить систематические исследования, анализировать статистические данные, консультироваться с экспертами и обмениваться опытом с другими странами, где самозанятость уже является значимым сектором занятости. Политика поддержки самозанятых включает упрощение налоговых процедур, предоставление финансовых и кредитных услуг, организацию обучения и консультаций по предпринимательству, создание специальных платформ для продвижения услуг самозанятых и улучшение доступа к социальным гарантиям и защите прав самозанятых работников [4; 5; 6].

Рассматривая причины развития самозанятости, можно выделить следующие:

- желание самореализоваться в той или иной сфере деятельности;
- потеря работы в связи с увольнением или сокращением;
- недостаточный спрос на рабочие места в той или иной сфере деятельности;
- неудовлетворенность заработной платой, пенсией, стипендией, не позволяющие решать необходимые экономические и социальные потребности;
- несвоевременность выплат заработной платы;
- желание получить более высокий источник дохода;
- желание самим организовывать свое время и распоряжаться им [1; 3; 6].

Обсуждение.

SWOT-анализ деятельности самозанятых является инструментом стратегического планирования, который позволяет оценить их сильные и слабые стороны, возможности и угрозы в определенной ситуации.

Рассматривая роль SWOT-анализа для деятельности самозанятых, можно выделить следующее:

- определение сильных и слабых сторон: навыков, опыта, уникальных возможностей и конкурентных преимуществ. Понимание своих сильных сторон позволит самозанятым использовать их для привлечения клиентов, развития бизнеса и повышения своей конкурентоспособности, а знание слабых сторон своей деятельностью позволит своевременно разрабатывать и применять стратегии для их преодоления или улучшения;

– выявление возможностей изменения в рыночной среде, новых трендов и потребностей клиентов, а также изменения в законодательстве или политике государства; зная эти возможности, самозанятые работники могут адаптировать свои услуги и стратегии, чтобы воспользоваться ими и расширить свой бизнес;

– распознавание угроз: идентификация потенциальных угроз, которые могут повлиять на их деятельность (конкуренты, изменения в экономической ситуации, правовые или регуляторные ограничения и другие факторы, которые могут негативно сказаться на их бизнесе), понимание этих процессов самозанятыми будет способствовать разработке стратегии для их смягчения или преодоления.

Рассматривая значение SWOT-анализа для государства, можно выделить следующее:

- информированное принятие решений: SWOT-анализ самозанятых позволяет государству получить более полное представление о секторе самозанятости и его характеристиках. Анализ сильных и слабых сторон, возможностей и угроз позволяют государству определить основные проблемы, с которыми сталкиваются самозанятые работники, какие меры поддержки и регулирования могут быть наиболее эффективными, позволяет и выработать соответствующие стратегии для их решения;
- определение стратегии и программ поддержки: SWOT-анализ может помочь государству определить потенциальные области и меры поддержки самозанятых работников. Исходя из результатов анализа, можно разработать целенаправленные программы, направленные на развитие навыков, финансовую поддержку, упрощение административных процедур и создание благоприятной бизнес-среды для самозанятых;

– оценка эффективности действующих мер поддержки для самозанятых: так, SWOT-анализ позволит выявить текущие проблемы и определить конкретные меры для их решения, а также выделить лучшие практики, которые могут быть применены для достижения желаемых результатов;

– прогнозирование и планирование: SWOT-анализ поможет государству прогнозировать будущие тенденции и вызовы, с которыми может столкнуться сектор самозанятости, он может служить основой для разработки долгосрочных стратегий и планов действий, направленных на поддержку и развитие самозанятых работников [4; 5].

Таким образом, SWOT-анализ самозанятых помогает как самим самозанятым работникам, так и государству разрабатывать стратегии и формировать портфель необходимых мероприятий для развития самозанятости.

Для более глубокого понимания деятельности самозанятых в Хабаровском крае был проведен опрос самозанятых в виде анкетирования, которое осуществлялось на базе сервиса Google-формы в период с марта по май 2023 года. Целью данного опроса являлось получение информации о том, как долго самозанятые работают на себя, к какой сфере относится их деятельность, в чем для них главные плюсы и минусы в деятельности самозанятых, а также какие возможности и угрозы они видят в своей деятельности.

В ходе анкетирования было опрошено 190 человек. По итогам опроса: 62 % самозанятых работают на себя уже более 3 лет, 27 % опрошенных во фрилансе около года и 11 % самозанятых работают на себя не более 3 месяцев. Большинство опрошенных – около 28 % – заняты в сфере красоты и здоровья, 20 % – в бытовых услугах, пошиве одежды, ремонте, 15 % – работают в сфере образования, 13 % – оказывают финансовые и юридические услуги, по 10 % опрошенных оказывают услуги, связанные с автомобильным транспортом, и сдают в аренду имущество, а остальные 4 % – выбрали категорию прочее (аниматор, ведущий, фотограф).

Полученные данные позволили составить SWOT-анализ деятельности самозанятых в Хабаровском крае.

Сильные стороны:

- гибкость и свобода в выборе работы и графика работы;
- возможность заработка дополнительного дохода;
- возможность работы на дому или удаленно;
- возможность работы в своей сфере профессиональных интересов;
- возможность использования инновационных технологий и методов работы;
- возможность получения новых знаний и навыков.

Слабые стороны:

- отсутствие социальной защиты;
- ограниченный доступ к кредитам и другим формам финансирования;
- ограниченность списка видов деятельности, в которых можно работать в статусе самозанятого;
- сложности с налогообложением и учетом доходов и расходов;
- нестабильность доходов и неопределенность в планировании работы;
- ограниченность возможностей для масштабирования бизнеса.

Возможности:

- повышение спроса на услуги самозанятых в связи с ростом числа предпринимателей и независимых работников;
- расширение списка видов деятельности, в которых можно работать в статусе самозанятого;
- появление новых рынков и сфер, в которых можно развивать свой бизнес;
- развитие технологий и инноваций, которые могут улучшить процессы работы и повысить эффективность бизнеса;
- появление новых программ и инструментов поддержки самозанятых от государства и частных организаций.

Угрозы:

- рост конкуренции на рынке самозанятых и снижение цен на услуги;
- неопределенность в экономической и политической ситуации, что может повлиять на спрос на услуги самозанятых;
- риск потери клиентов из-за недостаточного качества работы или неадекватного поведения самозанятых;
- риск изменения налогового законодательства и условий для работы в статусе самозанятого.

В целом, SWOT-анализ помогает самозанятым принимать более обоснованные и осознанные решения, учитывая их сильные и слабые стороны, возможности и угрозы на рынке; разрабатывать стратегию развития своей деятельности; сфокусироваться на сильных сторонах и возможностях, а также определить меры по устранению слабых сторон и угроз.

Среди перспективных направлений для самозанятых в Хабаровском крае можно выделить сферы туризма, производства и продажи продуктов питания, технологий и медицины, но существует ряд проблем, которые затрудняют развитие процесса самозанятости населения:

- недостаточное количество доступной работы, так как регион является территориально отдаленным, что приводит к ограниченному спросу на услуги самозанятых и, нередко, становится препятствием для поиска работы и развития бизнеса;
- недостаточный уровень цифровизации; в некоторых частях Хабаровского края может быть ограничен доступ к высокоскоростному интернету и другим ресурсам, которые необходимы для работы в онлайн-сервисах и это затрудняет работу самозанятых на этих территориях;
- самозанятые обязаны самостоятельно вести учет своих доходов и выплачивать налоги, но

некоторые испытывают трудности с этими процессами, что становится препятствием для работы в статусе самозанятого;

– некоторым самозанятым трудно масштабировать свой бизнес из-за ограниченности возможностей привлечения дополнительных сотрудников и ресурсов.

Заключение.

Правительство Хабаровского края уделяет много внимания развитию деятельности самозанятых: в регионе достаточно много свободных производственных мощностей и природных ресурсов, которые можно использовать для развития бизнеса. Руководство региона активно поддерживает развитие предпринимательства и инноваций, предоставляя налоговые льготы и другие формы государственной поддержки самозанятым, которые получают доступ к дополнительным ресурсам и инвестициям, необходимым для роста и развития [5].

В Хабаровском крае для развития самозанятости реализуются ряд мероприятий, направленных на развитие бизнеса, улучшение условий труда и

обеспечение социальной поддержки: создается доступная информационная инфраструктура: развитие сети бесплатных Wi-Fi точек и создание онлайн-платформ в городах и поселках региона позволяет самозанятым работать удаленно и получать заказы из других регионов и стран, создание специальных коворкингов и рабочих пространств, центров поддержки и консультирования для самозанятых по вопросам учета, налогообложения и др., способствующие повышению производительности самозанятых и сотрудничеству между ними [5].

Государственная политика по отношению к самозанятым многоаспектна, включает стимулирование предпринимательской активности, создание равных возможностей для самозанятых работников, обеспечение социальной защиты и защиты прав, а также – развитие инфраструктуры и ресурсов, необходимых для успешной деятельности самозанятых. Правительство Хабаровского края стремится к интеграции самозанятых в экономику региона, что будет способствовать росту занятости населения, внедрению инноваций и станет новой «точкой роста» для развития бизнеса и всей территории [5].

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Воробьева И.В. Социально-трудовое положение самозанятых работников / И.В. Воробьева // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. № 1. С. 125–137.
2. Крюков И.А. Самозанятость в России: особенности развития на федеральном и региональном уровне. / И.А. Крюков; Под общей ред. Ю.Г. Лавриковой // Развитие территориальных социально-экономических систем. Вопросы теории и практики. Сборник научных статей. Екатеринбург, 2022. С. 180–183.
3. Мухина И.И. Самозанятость в России: современные тенденции и перспективы развития. / И.И. Мухина, Д.Г. Мирокян // Социально-трудовые исследования. 2021. № 44(3). С. 21–31. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/samozanyatost-v-rossii-sovremennye-tendentsii-i-perspektivy-razvitiya/viewer> (дата обращения 23.06.2023).
4. Сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL : https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/podderzhka_samozanyatyh (дата обращения 19.06.2023).
5. Сайт Правительства Хабаровского края. URL : <https://www.khabkrai.ru> (дата обращения 20.06.2023).
6. Особенности деятельности самозанятых граждан на современном рынке труда // Портал социологических данных РАНХиГС. URL : <https://social.ranepa.ru/tsentry-i-instituty/tsentr-sotsialno-politicheskogo-monitoringa/issledovaniya/102-ekaterina-kuzina> (дата обращения 22.06.2023).

References:

1. Vorobyova I.S. Social and labor space of self-destructing workers/ I.S. Vorobyova // Urven life of the population of the regions of Russia. 2023. Vol. 19. № 1. P. 125–137.
2. Kryukov I.A. Independent work in Russia: the relevance of development at the federal and regional level / I.A. Kryukov; Under the general editorship of Yu.G. Lavrikova // Develop territorial social-non-economic-systems. Theoretical and practical Issues. Collection of scientific articles. Yekaterinburg, 2022. P. 180–183.
3. Mukhina I.I. Independently in Russia: agreed rates and development prospects / I.I. Mukhina, D.D. Mirokyan // Social-but-labor research. 2021. № 44(3). P. 21–31. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/samozanyatost-v-rossii-sovremennye-tendentsii-i-perspektivy-razvitiya/viewer> (date of the application 23.06.2023).

4. Website of the Ministerstva economic disvitia of the Russian Federation. URL : https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individual_noy_predprinimatelskoy_iniciativy/podderzhka_samozanyatyh (date of the application 19.06.2023).
5. The site is a ruler just like any other region. URL : <https://www.khabkrai.ru> (date of the application 20.06.2023)
6. Concern about the duty of self-justified citizens in the truda joint market // Portal of sociological data of the igc. URL : https://social.ranepa.ru/tsentry-i-instituty/tsentr-sotsialno-politicheskogo-monitoringa_/issledovaniya/102-ekaterina-kuzina (date of the application 22.06.2023).

Информация об авторе

Мотовиц Татьяна Геннадьевна

кандидат экономических наук,
доцент,
Высшая экономическая школа,
Институт экономики и управления,
Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск
motovits.t@gmail.com

Tatiana G. Motovits

Candidate of Economic Sciences,
Assistant Professor,
Higher Economic School,
Institute of Economics and Management,
Pacific State University,
Khabarovsk
motovits.t@gmail.com

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.023>
УДК 332

Attribution
cc by

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПРЕИМУЩЕСТВА СЕТЕВОЙ МОДЕЛИ БИЗНЕСА

Немченко К.Р., Минаев Д.В.

*Санкт-Петербургский государственный университет
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург*

Аннотация. Актуальность данной публикации заключается в том, что её авторы акцентируют внимание на том, что в эпоху быстрого технологического прогресса и смещения акцента на гибкие схемы работы, сетевая бизнес-модель предлагает уникальное сочетание предпринимательства и занятости, в частности, возможность начать собственное предприятие с относительно небольшими первоначальными инвестициями, а также – поддержку и структуру работы более крупной организации.

Цель: проанализировать экономические аспекты и преимущества сетевой модели бизнеса.

Методы: анализ, синтез, обобщение и систематизации научных источников по проблеме исследования.

Результаты: Проведен анализ экономических принципов, лежащих в основе сетевой бизнес-модели. Проанализированы экономические преимущества сетевой бизнес-модели, в частности, масштабируемость, экономическая эффективность и потребительские преимущества. Рассмотрены критические проблемы, связанные со схемами пирамид и потенциальным насыщением рынка. Описаны примеры успешных компаний Amway, Herbalife Nutrition, Tupperware и Mary Kay.

Выводы: Сделан вывод о том, что модель многоуровневого маркетинга, основанная на прямых продажах и стратегии массового найма, делает очевидным потенциал модели в рамках масштабируемости, экономической эффективности и расширения возможностей.

Ключевые слова: сетевая бизнес-модель, многоуровневый маркетинг, экономические аспекты, экономия затрат, масштабируемость, эффективность, финансовые пирамиды.

ECONOMIC ASPECTS AND ADVANTAGES OF THE NETWORK BUSINESS MODEL

Kirill R. Nemchenko, Dmitry V. Minaev

*Saint Petersburg State University of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg*

Abstract. In an era of rapid technological change and a shift towards flexible working arrangements, the networked business model offers a unique combination of entrepreneurship and employment, in particular the ability to start your own business with a relatively small initial investment, as well as the support and structure of a larger organization.

Object: to analyze the economic aspects and advantages of the network business model.

Methods: analysis, synthesis, generalization and systematization of scientific sources on the research problem.

Findings: An analysis of the economic principles underlying the network business model was carried out. The economic advantages of the network business model are analyzed, in particular, scalability, economic efficiency and consumer benefits. Critical issues related to pyramid schemes and potential market saturation are considered. Examples of successful companies Amway, Herbalife Nutrition, Tupperware and Mary Kay are described.

Conclusions: It is concluded that a multi-level marketing model based on direct selling and a mass recruitment strategy makes clear the model's potential in terms of scalability, cost-effectiveness and empowerment.

Keywords: network business model, multi-level marketing, economic aspects, cost savings, scalability, efficiency, financial pyramids.

Введение.

Сетевая бизнес-модель, часто ассоциируемая с многоуровневым маркетингом (multilevel marketing или MLM), уходит своими корнями в середину XX века и с тех пор превратилась в широко признанную и иногда противоречивую форму бизнеса. По своей сути, данная модель основана на принципе прямых продаж, при котором товары или услуги продаются напрямую потребителям, минуя традиционные розничные торговые точки. В данном случае акцент не только на продаже, но и на привлечении других продавцов, что создает несколько уровней продаж. Подобная многоуровневая структура гарантирует, что сотрудники зарабатывают не только на своих продажах, но и на продажах тех, кого они нанимают, что приводит к «многоуровневой» системе.

В эпоху быстрого технологического прогресса и смещения акцента на гибкие схемы работы, сетевая бизнес-модель предлагает уникальное сочетание предпринимательства и занятости, в частности, возможность начать собственное предприятие с относительно небольшими первоначальными инвестициями, а также поддержку и структуру работы более крупной организации.

Таким образом, модель служит соединительным элементом между традиционной занятостью и независимым предпринимательством. Кроме того, глобальная экономика претерпевает значительные изменения, которые характеризуются ростом спроса на адаптируемые, масштабируемые и устойчивые к рыночным колебаниям бизнес-модели.

Результаты.

Сетевая бизнес-модель с присущей ей гибкостью и децентрализованной структурой представляет собой жизнеспособную альтернативу более традиционным бизнес-моделям, что позволяет компаниям быстро расширяться без огромных инвестиций, необходимых для физических торговых точек [5].

Сегодня мировой сетевой бизнес оценивается приблизительно в 150–200 млрд долл. Крупнейшие корпорации имеют оборот от 5 до 9 млрд долл. в год [1].

Один из первых примеров сетевой бизнес-модели, напоминающей многоуровневый маркетинг, был представлен Калифорнийской парфюмерной компанией, позже известной как Avon. Компания, основанная в 1886 году, нанимала домохозяйек в качестве торговых представителей для продажи своей продукции по домам [2]. Данный метод позволил компании извлечь выгоду из личных сетей и отношений представителей, тем самым заложив основу для будущих моделей прямых продаж.

Однако только в 1940-х и 1950-х годах модель многоуровневого маркетинга начала обретать

четкую форму. Во многом это произошло, благодаря усилиям таких компаний, как Tupperware и Amway. Tupperware, основанная в 1940-х годах, приняла систему планирования встреч торговыми представителями у себя дома, чтобы продемонстрировать и продавать продукты. Данный подход был революционным в то время, делая процесс продажи более интерактивным и личным [3].

Amway, основанная в 1959 году, усовершенствовала многоуровневую структуру, поощряя своих дистрибьюторов не только продавать товары, но и нанимать новых дистрибьюторов, которые в последующем становятся частью «нисходящей линии» первоначального дистрибьютора, который получает часть доли от их продаж. Такое двойное внимание к продажам и подбору персонала послужило основой для современной модели многоуровневого маркетинга [20].

Постепенно, модель многоуровневого маркетинга претерпела несколько этапов эволюции, адаптируясь к меняющейся динамике рынка и поведению потребителей. В конце XX века появилось множество компаний, использующих данную модель в различных секторах, от товаров для здоровья до товаров для дома. Расширению компаний способствовали нормативно-правовые базы в различных странах, которые начали признавать и определять законные методы многоуровневого маркетинга, отличая их от схем финансовых пирамид [7].

В 1970-х годах сетевой подход начал привлекать внимание ученых и экономистов, которые изучали различные аспекты его реализации. Данный метод впервые был описан в стратегическом маркетинге международной группой европейских исследователей, в которую входили Д. Форд, Х. Хаканссон, Л. Матссон, П. Турнболл и Дж. Валлу. Основателями сетевого подхода являются также В. Аксенсон, Д. Андерсен, Я. Йонссон, Я. Чехота, Д. Шарма, Г. Эстоун и другие ученые [6].

Авторы рассматривали данный подход с нескольких аспектов:

- управления каналами дистрибуции;
- взаимодействия компании на организационном, технологическом и экономическом уровне;
- стратегического развития компании и регионального расширения.

В последующем появились разные трактовки нового подхода: сетевая теория, сетевая перспектива и ряд других [9].

В отечественной литературе особое внимание уделялось сетевым взаимоотношениям. А. Стерлиным и А. Ардашвили [13].

В работах В. Каткало [16] и О. Третьяка [15] был представлен анализ трактовок сетевых отношений. Авторы отмечают, что отсутствует теория

сетевой организации, и сложен анализ сетевых отношений между компаниями.

Исследования Zott, C., Amit (2010) посвящены эволюции бизнес-моделей [6].

Последователем сетевого подхода всегда интересовала проблема особенностей формирования сетей в различной культурной и экономической среде. Поэтому отдельным направлением исследований стало изучение применимости нового подхода к анализу российской экономики, а также - оценка его способности описать, объяснить происходящие события и предсказать будущее.

Начиная с середины 1990-хг., в научной литературе появились работы, в которых сети рассматривались как один из основных способов организации экономической деятельности, а сетевой подход использовался для анализа российской экономики переходного периода [8].

Успешность, масштабность и жизнеспособность многоуровневого маркетинга как бизнес-модели можно объяснить несколькими основополагающими экономическими принципами:

– способностью увеличивать потенциальную прибыль с помощью определенного инструмента или системы, что проявляется в привлечении новых дистрибьюторов на нижестоящую линию продаж, что, в свою очередь, позволяет вышестоящим дистрибьюторам получать пассивный доход;

– цепочка поставок предполагает более прямой маршрут от компании к дистрибьютору, а затем к потребителю;

– уникальностью продукта (специализированные или нишевые продукты, которых нет в обычных розничных магазинах).

Успешность сетевой бизнес-модели определяется рядом экономических преимуществ, которые переплетаются с фундаментальными принципами экономики и принципами децентрализации.

Рассмотрим эти преимущества подробнее.

1. Масштабируемость. Традиционные предприятия часто сталкиваются с проблемами открытия нового филиала, увеличением производственных мощностей или выходом на новый рынок, что требует значительных капиталовложений и сопряжено со значительными рисками. Многоуровневый маркетинг обеспечивает естественный рост без необходимости огромных капиталовложений за счет найма новых дистрибьюторов, тем самым выстраивается новая сеть продаж.

2. Рентабельность. Среди основных преимуществ являются: сокращение затрат на рекламу, отсутствие крупных точек продаж (дистрибьюторы часто работают онлайн или организуют

встречи), низкие расходы, связанные с наемными работниками (вышестоящие дистрибьюторы заинтересованы в успешности своих сотрудников),

3. Гибкость. Сетевая бизнес-модель позволяет сотрудникам работать на своих условиях, выбирая часы работы и даже интенсивность, что оптимально для тех, кому может быть сложно вписаться в традиционный формат рабочего времени с 9 до 18 часов.

Таким образом, экономические преимущества многоуровневого маркетинга делают его привлекательной моделью для многих компаний. Его способность к органичному росту в сочетании с присущей ему эффективностью затрат, гибкими возможностями трудоустройства и ощутимыми потребительскими преимуществами позиционирует сетевую модель как уникальную и экономически надежную бизнес-структуру на современном рынке экономики.

Тем не менее, следует отметить некоторые проблемные вопросы, с которыми сталкиваются сетевые бизнес-модели. Первый проблемный вопрос связан с моделью финансовых пирамид. Так, например, в Южной Корее, КНР и США существуют законодательные ограничения на деятельность компаний сетевой бизнес-модели. Однако по сравнению с ними сетевая бизнес-модель «продуктовых» компаний основана на продаже продукции, тогда как финансовая пирамида – на привлечении инвестиций за счет новых участников. Второй вопрос связан с потенциалом насыщения рынка. Для сетевой бизнес-модели является характерным является перенасыщение местного рынка, в результате которого происходит снижение прибыли.

Заключение.

Таким образом, следует отметить, что несмотря на то, что сетевая бизнес-модель предлагает множество экономических преимуществ, она не лишена недостатков.

Однако целесообразно привести некоторые примеры применения эффективной сетевой бизнес-модели. Herbalife Nutrition с момента своего основания в 1980 году специализируется на продуктах, которые соответствуют растущему глобальному пониманию здоровья и питания. Ассортимент компании включает пищевые добавки, продукты для контроля веса и предметы личной гигиены. Работая более чем в 90 странах, Herbalife сообщила о чистом объеме продаж в размере около 5 млрд долл. в 2019 году. Стратегия Herbalife, направленная на то, чтобы сосредоточиться на нишевом рынке потребителей, заботящихся о своем здоровье, в сочетании с ее активными инициативами по взаимодействию с общественностью, укрепила ее позицию лидера в области здорового образа жизни [5].

Компания Mary Kay Inc., имеющая богатую историю с 1963 года, работая более чем на 40 рын-

ках, создала мощную команду по продажам, состоящую из миллионов независимых консультантов и собственную систему признания и вознаграждения. Знаковые розовые автомобили, наряду с другими стимулами, мотивируют консультантов преуспеть в своих усилиях по продажам [4].

Таким образом, модель многоуровневого маркетинга, основанная на прямых продажах и стратегии массового найма, делает очевидным потенциал модели в рамках масштабируемости, экономической эффективности и расширения возможностей.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Джон Вон Эйкен. Дневник сетевого. М. : Альпина Паблишерз, 2010. С. 17–23. 592 с.
2. Копылова Ю.С. Имидж компании AVON / Ю.С. Копылова // Экономика и социум. 2015. № 2-2(15).
3. Лезина Е.П. Анализ отечественного и зарубежного опыта продвижения нового продукта на рынок / Е.П. Лезина // Контентус. 2020. № 6.
4. Меньщикова А.Е. Сравнительный анализ применения нейромаркетинга в розничной и сетевой торговле на примере «Mary Kay» и «Рив Гош» / А.Е. Меньщикова, А.Д. Чуклина, А.Н. Хацкелевич // Контентус. 2016. № 11(52).
5. Николаев Д.В. Формы реализации и генезис сетевых бизнес-моделей / Д.В. Николаев // Вестник Академии знаний. 2020. № 2(37).
6. Румянцева И.А. Особенности уровневых взаимодействий / И.А. Румянцева // Вестник ГУУ. 2015. №3.
7. Стерлин А.Р. Предпринимательские сети – новая форма организации межфирменного взаимодействия / А.Р. Стерлин, А.А. Ардашвили // Мировая экономика и международные экономические отношения. 1991. № 4. С. 70–80.
8. Третьяк О. Сетевые формы межфирменной кооперации: подходы к объяснению феномена / О. Третьяк, М. Румянцева // Российский журнал менеджмента. 2003. Т. 1. № 2. С. 25–50.
9. Zott C. Designing your future business model: An activity system perspective. Long Range Planning / C. Zott, R. Amit. 2010. 43. P. 216–226.

References:

1. John Von Aiken. Diary of a networker. M. : Alpina Publishers, 2010. P. 17–23. 592 p.
2. Kopylova Yu.S. The image of the AVON company / Yu.S. Kopylova // Economics and society. 2015. № 2-2 (15).
3. Lezina E.P. Analysis of domestic and foreign experience in promoting a new product to the market / E.P. Lezina // Contentus. 2020. № 6.
4. Menshchikova A.E. Comparative analysis of the use of neuromarketing in retail and network trade on the example of «Mary Kay» and «Rive Gauche» / A.E. Menshchikova, A.D. Chuklina, A.N. Khatskelevich // Contentus. 2016. № 11(52).
5. Nikolaev D.V. Forms of implementation and the genesis of network business models / D.V. Nikolaev // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2020. № 2(37).
6. Rumyantseva I.A. Peculiarities of level interactions / I.A. Rumyantseva // Vestnik GUU. 2015. № 3.
7. Sterlin A.R. Entrepreneurial networks – a new form of organization of inter-firm interaction / A.R. Sterlin, A.A. Ardashvili // World economy and international economic relations. 1991. № 4. P. 70–80.
8. Tretiak O. Network forms of interfirm cooperation: approaches to explaining the phenomenon / O. Tretiak, M. Rumyantseva // Russian Journal of Management. 2003. Vol. 1. No. 2. P. 25–50.
9. Zott C. Designing your future business model: An activity system perspective. Long Range Planning / C. Zott, R. Amit. 2010. 43. P. 216–226.

Информация об авторах

Немченко Кирилл Романович

аспирант факультета экономики и финансов Санкт-Петербургского государственного университета РАНХИГС, Санкт-Петербург
knemchenko-20@edu.ranepa.ru

Kirill R. Nemchenko

Postgraduate Student of the Faculty of Economics and Finance
St. Petersburg State University RANEPa, St. Petersburg
knemchenko-20@edu.ranepa.ru

Минаев Дмитрий Всеволодович
доктор экономических наук,
профессор Санкт-Петербургского
государственного университета РАНХИГС,
Санкт-Петербург
minaev@edu.ranepa.ru

Dmitry V. Minaev
Doctor of Economics,
Professor of St. Petersburg State University RANEPa,
St. Petersburg
minaev@edu.ranepa.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.024>
УДК 331.104

Attribution
cc by

КОМАНДНЫЙ КАПИТАЛ ОРГАНИЗАЦИЙ

Петров С.В.

Владимирский юридический институт ФСИН России

Аннотация. Каждая организация заинтересована в повышении эффективности своей деятельности. Для достижения этой цели существует несколько направлений. Одним из самых перспективных является увеличение стоимости капитала. В статье рассмотрены основные виды капиталов с акцентом на социальный капитал как совокупность ценностей, норм поведения, разделяемых всеми в организации, и прежде всего доверие.

В процессе анализа данной категории был выделен авторский термин «командный капитал», под которым мы понимаем совокупность различных способностей команды, облегчающую взаимодействие и обеспечивающую снижение издержек в командном взаимодействии, направленном на достижение общих целей.

Актуальность этого термина обоснована многогранностью взаимоотношений между членами команды и внешней средой, а также степенью их влияния на производственные процессы. Повышение уровня коммуникаций позволит в существенной степени увеличить эффективность организации.

Благодарности/Финансирование. Выражается благодарность руководству Владимирского юридического института ФСИН России за предоставление возможности участия в научной работе.

Ключевые слова: Организация, командообразование, человеческий капитал, социальный капитал, командный капитал, эффективность, коммуникации.

TEAM CAPITAL OF ORGANIZATIONS

Sergey V. Petrov

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Abstract. Every organization is interested in improving the efficiency of its activities. There are several ways to achieve this goal. One of the most promising is an increase in the cost of capital. The article discusses the main types of capital with an emphasis on social capital as a set of values, norms of behavior shared by everyone in the organization, and above all trust.

In the process of analyzing this category, the author's term team capital was singled out, by which we mean a combination of different team abilities that facilitates interaction and ensures cost reduction in team interaction aimed at achieving common goals.

The relevance of this term is justified by the versatility of the relationship between team members and the external environment, as well as the degree of their influence on production processes. Increasing the level of communication will significantly increase the efficiency of the organization.

Acknowledgements/Funding. Thanks are expressed to the leadership of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia for providing the opportunity to participate in scientific work.

Keywords: Organization, team building, human capital, social capital, team capital, efficiency, communication.

Введение.

Каждая организация заинтересована в повышении эффективности своей деятельности. Для достижения этой цели существует несколько направлений. Важно понимать, что высшее руководство может предпринимать усилия по всем направлениям, но более перспективным, с точки зрения максимизации достижения цели, является акцентирование внимания на одном-двух направлениях.

С нашей точки зрения одним из самых многообещающих объектов воздействия является увеличение реализации потенциала рабочей силы. С одной стороны эти усилия малозатратны по сравнению с другими, а вместе с этим, и полученный результат может в значительной степени превышать запланированные величины.

Для более тщательного анализа методов оптимизации использования человеческих ресурсов необходимо оценить существующую теоретиче-

скую базу, и при возникновении необходимости сформулировать основные тезисы призванные повысить эффективность использования человеческого капитала.

Вложения в развитие того или иного капитала организации призвано увеличить прибыль для коммерческих предприятий. Такие вложения принято считать инвестициями. Задачей руководителя является планирование и реализация такого вида инвестиций.

Обсуждение.

В экономической науке существует несколько видов капитала, которые идентифицируют определённый аспект внимания исследователя. Один из авторов определяет капитал как самовозрастающие деньги [1].

В рамках нашего исследования такое определение не является всеобъемлющим. Более подходящим является следующее определение: капитал – это совокупность материальных, интеллектуальных и финансовых средств, используемых для получения дополнительных благ. Помимо самых известных видов капитала, основного и оборотного, существуют много других его разновидностей.

Из наиболее распространённых выделим следующие виды капитала:

1. Человеческий.
2. Финансовый.
3. Интеллектуальный.
4. Индивидуальный.
5. Организационный.
6. Социальный.
7. Информационный.

В последнее время стали появляться новые виды капитала как дань современным тенденциям развития обществ и экономических процессов. Так, например, есть ряд исследований посвящённых цифровому капиталу [2], символическому капиталу [3], налоговому капиталу [4] и др.

В рамках данного исследования, предлагаем более пристально проанализировать такое понятие, как «социальный капитал», под которым некоторые авторы предлагают рассматривать совокупность ценностей, норм поведения, разделяемых всеми в организации и, прежде всего, доверие [5].

Различают два подвида социального капитала: макроуровень и микроуровень.

На микроуровне социальный капитал определяется, как качественная характеристика человека взаимодействовать с обществом.

На макроуровне речь идёт не о человеке, а об организации. Однако из существующих подвигов социального капитала нет того, который позволяет в чистом виде оценить специфику процесса командообразования, что, по нашему мнению, привело к необходимости формулирования нового понятия – «командный капитал». Под ним мы понимаем совокупность различных способностей команды, облегчающей взаимодействие и обеспечивающей снижение издержек в командном взаимодействии, направленном на достижение общих целей.

Важность этого понятия сложно переоценить, так как при функционировании команды возникают два основных вида коммуникативного взаимодействия на социальной основе: между членами команды и у самой команды с внешней средой. Для анализа уровня таких взаимоотношений и становится актуальным понятие «командный капитал». Другими словами, его можно определить как социальный капитал на мезоуровне.

Каждый вид капитала необходимо оценивать с заданной периодичностью для отслеживания динамики его состояния. Однако важно понимать, что оценке подлежат только те виды капитала, актуальность которых была определена как существенная для экономической деятельности организации.

Оценка каждого вида капитала имеет свою специфику. Так, например, есть исследования по оценке человеческого капитала [6; 7].

Для оценки командного капитала как новой категории пока исследований недостаточно, но базисом для её разработки должны послужить работы по оценке социального капитала, например [8]. Однако важно учесть и специфику присущую именно командному капиталу.

Для повышения эффективности команды необходимо прикладывать определённые усилия для увеличения командного капитала. Разработка методики его оценки и перечня воздействия на его уровень будет исследована в наших дальнейших работах.

Результаты.

Полагаем, что для повышения эффективности использования человеческих ресурсов, с точки зрения метода командообразования, необходимо использовать не только распространённые и зарекомендовавшие себя инструменты, но и, время от времени, следует их переосмысливать с целью поиска новых, более перспективных.

Одним из таких инструментов мы определили авторский термин – «командный капитал», как совокупность различных способностей команды, облегчающую взаимодействие и обеспечивающую снижение издержек в командном взаимодействии, направленном на достижение общих целей.

Использование данной категории позволит руководителям организаций регулярно отслеживать состояние коммуникаций как внутри команды, так и по отношению к внешней среде. Своевременно полученный сигнал о необходимости предпринять корректирующие воздействия на объект контроля, позволит в значительной степени повысить эффективность не только использования человеческих ресурсов, но и всей организации, в целом.

Заключение.

Таким образом, следует сделать следующие выводы. Существует значительное количество видов капитала как важной категории при оценке экономических процессов.

Нами было дано определение командного капитала как социального капитала на мезоуровне. Актуальность этого термина обоснована многогранностью взаимоотношений между членами команды и внешней средой, а также степенью их влияния на производственные процессы. Повышение уровня коммуникаций позволит, в существенной степени, увеличить эффективность организации.

В дальнейшем, необходимо провести дополнительные исследования, направленные на определение методики оценки командного капитала, его основополагающих принципов, а также инструментов влияющих на его увеличение.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Шевченко И.Г. Общество и капитал / И.Г. Шевченко // *Философия хозяйства*. 2022. № 2(140). С. 11–14.
2. Вартанова Е.Л. Цифровой капитал как гибридный нематериальный капитал: теоретические подходы и практические решения в российском контексте / Е.Л. Вартанова, А.А. Гладкова, Д.В. Дунас // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2022. Т. 11. № 1. С. 6–26.
3. Юспа М.М. Символический капитал: происхождение, понятие, виды / М.М. Юспа // *Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки*. 2022. № 21-1. С. 265–272.
4. Лютова О.И. Налоговый капитал: современное правовое регулирование и перспективы развития / О.И. Лютова // *Налоги*. 2021. № 2. С. 13–15.
5. Ефремкина И.Н. Социальный капитал и его роль в управлении персоналом организации / И.Н. Ефремкина, А.А. Андреева // *Сборники конференций НИЦ Социосфера*. 2022. № 10. С. 62–64.
6. Щербakov А.С. Специфика оценки человеческого капитала / А.С. Щербakov // *Научное обозрение: теория и практика*. 2022. Т. 12. № 6(94). С. 1036–1047.
7. Джаншанло Р.Е. Оценка стоимости человеческого капитала на основе произведенных затрат / Р.Е. Джаншанло, О.Ю. Когут // *Статистика, учёт и аудит*. 2021. № 1(80). С. 170–176.
8. Лехотина А.С. Социальный капитал организации: методики измерения / А.С. Лехотина // *Студенческий вестник*. 2022. № 12-5(204). С. 26–28.

References:

1. Shevchenko I.G. Society and capital / I.G. Shevchenko // *Philosophy of economy*. 2022. № 2(140). P. 11–14.
2. Vartanova E.L. Digital capital as hybrid intangible capital: theoretical approaches and practical solutions in the Russian context / E.L. Vartanova, A.A. Gladkova, D.V. Dunas // *Questions of theory and practice of journalism*. 2022. Vol. 11. № 1. P. 6–26.
3. Yuspa M.M. Symbolic capital: origin, concept, types / M.M. Yuspa // *Scientific works of the Republican Institute of Higher Education. Philosophical and humanitarian sciences*. 2022. № 21-1. P. 265–272.
4. Lyutova O.I. Tax capital: modern legal regulation and development prospects // *Taxes*. 2021. № 2. P. 13–15.
5. Efremkina I.N. Social capital and its role in the personnel management of the organization / I.N. Efremkina, A.A. Andreeva // *Collections of conferences of SIC Sociosphere*. 2022. № 10. P. 62–64.
6. Shcherbakov A.S. Specificity of human capital assessment / A.S. Shcherbakov // *Scientific review: theory and practice*. 2022. Vol. 12. № 6(94). P. 1036–1047.
7. Dzhanshanlo R.E. Assessment of the value of human capital based on the costs incurred / R.E. Dzhanshanlo, O.Yu. Kogut // *Statistics, accounting and auditing*. 2021. № 1(80). P. 170–176.
8. Lekhotina A.S. Social capital of an organization: measurement methods / A.S. Lekhotina // *Student Bulletin*. 2022. № 12-5 (204). P. 26–28.

Информация об авторе

Петров Сергей Валерьевич

кандидат экономических наук,
доцент кафедры управления и информационных
технологий факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы исполнения наказаний России,
г. Владимир
psv01@yandex.ru
ORCID 0000-0002-9207-4976

Sergey V. Petrov

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
of Management and Information Technologies
of the Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia, Vladimir
psv01@yandex.ru
ORCID 0000-0002-9207-4976

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.025>
УДК 331.103.226

Attribution
cc by

ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТРУМЕНТОВ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЯМИ СФЕРЫ УСЛУГ НА ОСНОВЕ КОМАНДООБРАЗОВАНИЯ

Петров С.В.

Владимирский юридический институт ФСИН России

Аннотация. В данной статье анализируется важность определения исходных положений для формирования инструментов управления организациями сферы услуг на основе командообразования, что и определяет её актуальность. Автором определена важность и актуальность темы исследования. Сделан обзор исследований по указанной теме с акцентом на их востребованность.

Для более эффективного управления предприятиями сферы услуг необходимо разработать, внедрить и своевременно оптимизировать инструменты управления такими организациями. Под инструментами управления мы понимаем совокупность вспомогательных средств, призванных обеспечить облегчение деятельности руководителей.

В статье определены и обоснованы наиболее актуальные на данный момент исходные положения формирования инструментов управления организациями сферы услуг на основе командообразования.

Учёт и внедрение указанных исходных положений позволит в значительной степени повысить эффективность формирования инструментов управления организациями сферы услуг.

Благодарности/Финансирование. Выражается благодарность руководству Владимирского юридического института ФСИН России за предоставление возможности участия в научной работе.

Ключевые слова: организация, командообразование, инструменты управления, коммуникации, эффективность, партисипативный метод, лидерство, самообучающаяся организация.

INITIAL PROVISIONS FOR THE FORMATION OF MANAGEMENT TOOLS FOR SERVICE SECTOR ORGANIZATIONS BASED ON TEAM BUILDING

Sergey V. Petrov

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Abstract. This article analyzes the importance of determining the starting points for the formation of management tools for service organizations based on team building. The importance and relevance of the research topic is determined. A review of research on this topic with an emphasis on their relevance is made.

For more effective management of service sector enterprises, it is necessary to develop, implement and optimize management tools for such organizations in a timely manner. By management tools we mean a set of auxiliary tools designed to facilitate the activities of managers.

The article defines and substantiates the most relevant at the moment initial provisions of the formation of management tools for organizations in the service sector based on team building.

Taking into account and implementing these initial provisions will significantly increase the effectiveness of the formation of management tools for service sector organizations.

Acknowledgements/Funding: Thanks are expressed to the leadership of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia for providing the opportunity to participate in scientific work.

Keywords: organization, team building, management tools, communication, efficiency, participatory method, leadership, self-learning organization.

Введение.

Сфера услуг является одним из самых многообещающих факторов развития экономики. Дан-

ный постулат основывается на том факте, что всё большую долю в совокупных экономических показателях ведущих экономик мира занимает

© Петров С.В.

именно сфера услуг в отличие от сфер производства и сельского хозяйства.

Для более эффективного управления предприятиями сферы услуг необходимо разработать, внедрить и своевременно оптимизировать инструменты управления такими организациями. Под инструментами управления мы понимаем совокупность вспомогательных средств, призванных обеспечить облегчение деятельности руководителей.

Одним из самых перспективных инструментов управления организациями сферы услуг мы считаем процесс командообразования, который направлен на максимизацию реализации трудового потенциала имеющихся трудовых ресурсов, особенно управленческого звена.

Обсуждение.

Исходные положения для формирования инструментов управления организациями сферы услуг, по своей сути, являются принципами призванными установить ограничения на стадии предпланирования командообразующих процессов, что позволит заранее учесть наиболее важные аспекты при формировании исходных положений командообразования.

Важность установления главенствующих принципов заявляют, например, следующие авторы [1]. Определение таких принципов на как можно более ранней стадии позволяет сократить расходную часть управления персоналом, в том числе, на процессы, связанные с командообразованием.

Для большинства исследователей данного вопроса наименование и важность исходных положений формирования инструментом управления организациями сферы услуг на основе тех или иных аспектов управления персоналом определяется исходя из собственных предпочтений.

Далее, мы опишем наиболее актуальные и значимые из них, с нашей точки зрения, в том числе, с учётом специфики командообразования.

Есть исследователи, которые акцентируют внимание на важности коммуникаций между сотрудниками как части корпоративной культуры [2]. Мы же считаем, что отладка коммуникаций, как между всеми сотрудниками, так и между членами команды важна не только для корпоративной культуры, но и в процессе формирования инструментов управления организациями сферы услуг.

Некоторые исследователи считают важным оценивать эффективность использования человеческих ресурсов на как можно более раннем этапе, в том числе, заявляя о наличии определённой специфики присущей каждому отдельному государству [3].

С нашей точки зрения, необходимо в первую очередь принимать во внимание основополагающие принципы внедрения инструментов управления, а уже затем оптимизировать их с учётом страновой специфики.

Группа учёных настаивает на актуальности применения партисипативного метода управления для современных организаций [4]. Сложно с ними не согласиться, однако, с нашей точки зрения, наиболее эффективным такой метод будет именно для предприятий сферы услуг, в котором наиболее важно участие высококвалифицированных сотрудников в разработке, принятии и исполнении главных управленческих решений. Такая особенность объясняется именно высокой степенью нематериальности оказываемых услуг по сравнению с производством и таким образом важности реализации передового управленческого опыта на всех стадиях оказания услуг.

Важно также уделить пристальное внимание современным инструментам управления организациями сферы услуг, как наиболее соответствующим новым веяниям современной экономики, в том числе в сфере услуг. Об этом заявляют, например, авторы, изучающие цифровые методы управления талантами [5]. С нашей точки зрения, это, несомненно, актуально в условиях современной действительности и обязательно для учёта на стадии формирования и функционирования команд в организациях сферы услуг.

Важно также акцентировать внимание на роли лидера команды как одном из наиболее важных факторов успешности как на этапе планирования методов командообразования, так и их внедрения; об этом заявляет следующий автор [6].

Один из авторов акцентирует внимание на важности учёта аспектов лидерства и командообразования, которые могут, в том числе, оказать содействие преобразованию традиционной организации в самообучающуюся [7].

С нашей точки зрения, указанный аспект имеет высокую степень актуальности, потому что такое преобразование даёт дополнительный толчок росту эффективности организаций сферы услуг особенно в долгосрочной перспективе. Самообучающиеся организации получают дополнительное конкурентное преимущество за счёт регулярного повышения квалификации своих сотрудников.

Исходя из перечисленных выше аспектов, с нашей точки зрения, становится очевидным выделить основополагающие исходные положения формирования инструментов управления организациями сферы услуг на основе командообразования.

Результаты.

Полагаем, что для повышения эффективности управления организациями сферы услуг необхо-

димо на начальном этапе определить исходные положения формирования инструментов управления на основе командообразования как одном из самых перспективных методов максимизации использования потенциала человеческих ресурсов.

К процессу их разработки необходимо привлекать всех членов будущей команды управления, в том числе, и потенциальных. Совместно, они формулируют исходные положения для формирования инструментов управления, основываясь на тех ограничениях, которые формируются главными стейкхолдерами организации сферы услуг с учётом ограничений определяемых внешней средой. Далее, эти исходные положения утверждаются высшим руководством предприятия и фиксируются в виде документа.

Такой порядок действий позволит акцентировать интеллектуальные усилия конструктивно настроенных сотрудников на наиболее важных принципах организации сферы услуг, которые в дальнейшем позволят соблюдать заранее установленные ограничения с целью соблюдения утверждённого направления развития.

Заключение.

Таким образом, следует сделать следующие выводы. Существует значительное количество методов определения исходных положений для формирования инструментов управления организациями сферы услуг. Перспективными, с нашей точки зрения, могут являться те из них,

которые связаны с командообразованием. При их формировании следует определить основные направления; наиболее актуальными являются те из них, которые в полной мере отвечают внутренними и внешним условиям, определяемым для каждой организации сферы услуг.

Из наиболее актуальных следует выделить следующие:

1. Коммуникации между сотрудниками.
2. Определение эффективности процедуру командообразования как на стадии планирования, так и в процессе её функционирования.
3. Применение партисипативного метода управления персоналом.
4. Внедрение современных методов управления персоналом, в том числе основанных на цифровых технологиях.
5. Определение лидеров команд организаций сферы услуги и всесторонняя помощь им со стороны высшего руководства на всех стадиях командообразования.
6. Нацеленность на преобразование организации сферы услуг из традиционной в самообучающуюся.

Учёт и внедрение указанных исходных положений позволит в значительной степени повысить эффективность формирования инструментов управления организациями сферы услуг.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Камышник В.В. Принципы командообразования / В.В. Камышник, С.В. Петров // Наука Красноярья. 2021. Т. 10. № 3-2. С. 36–40.
2. Петрова В.А. Управление коммуникациями персонала как инструмент управления корпоративной культурой / В.А. Петрова // Молодой учёный. 2022. № 18(413). С. 443–445.
3. Щербаков А.С. Оценка эффективности использования человеческого капитала и человеческого ресурса в российской федерации / А.С. Щербаков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2023. Т. 17. № 2. С. 144–151.
4. Адухова А.Х. Партисипативное управление как эффективный инструмент управления современной организацией / А.Х. Адухова, М.М. Дибирова, М.Ш. Магомедов // Научно-практические исследования. 2021. № 4–6(39). С. 7–9.
5. Иваев М.И. Цифровые инструменты управления талантами / М.И. Иваев, Д.В. Гостев // Индустриальная экономика. 2022. Т. 1. № 4. С. 49–53.
6. Гнездилова Н.А. Роль лидера в управлении командообразованием / Н.А. Гнездилова // Modern Science. 2021. № 6-2. С. 299–300.
7. Курячая Е.А. Командообразование и лидерство в процессе преобразования традиционной организации в самообучающуюся / Е.А. Курячая // Лидерство и менеджмент. 2021. Т. 8. № 1. С. 69–84.

References:

1. Kamyshnik V.V. Principles of team building / V.V. Kamyshnik, S.V. Petrov // Science of Krasnoyarsk region. 2021. Vol. 10. № 3-2. P. 36–40.
2. Petrova V.A. Management of personnel communications as a tool for corporate culture management / V.A. Petrova // Young scientist. 2022. № 18(413). P. 443–445.
3. Shcherbakov A.S. Evaluation of the effectiveness of the use of human capital and human resources in the Russian Federation / A.S. Shcherbakov // Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management. 2023. Vol. 17. № 2. P. 144–151.
4. Adukhova A.H. Participatory management as an effective management tool of a modern organization / A.H. Adukhova, M.M. Dibirova, M.Sh. Magomedov // Scientific and practical research. 2021. № 4–6(39). P. 7–9.
5. Ivaev M.I. Digital tools for talent management / M.I. Ivaev, D.V. Gostev // Industrial Economics. 2022. Vol. 1. № 4. P. 49–53.
6. Gnezdilova N.A. The role of a leader in team building management / N.A. Gnezdilova // Modern Science. 2021. № 6-2. P. 299–300.
7. Kuryachaya E.A. Team building and leadership in the process of transforming a traditional organization into a self-learning one / E.A. Kuryachaya // Leadership and management. 2021. Vol. 8. № 1. P. 69–84.

Информация об авторе

Петров Сергей Валерьевич

кандидат экономических наук,
доцент кафедры управления и информационных
технологий факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы исполнения наказаний России,
г. Владимир
psv01@yandex.ru
ORCID 0000-0002-9207-4976

Sergey V. Petrov

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
of Management and Information Technologies
of the Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia, Vladimir
psv01@yandex.ru
ORCID 0000-0002-9207-4976

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.041>
УДК 332

Attribution
cc by

СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ КОРПОРАЦИЙ

У Минсюань

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация. Актуальность исследования обоснована тем, что инвестиционная привлекательность в рыночной системе хозяйствования является категорией, которая определяет возможности финансирования инновационной развития национальной экономики и обеспечение её цифровизации.

Методы. Объект исследования – инвестиции, как ключевой элемент экономической системы. Предмет исследования – такое состояние экономической системы, которое характеризуется ростом инвестиционной привлекательности.

Результаты. Инвестиционная привлекательность является важнейшей категорией экономической науки в которой масштабируется проекция механизмов инвестиционной активности экономических систем.

Выводы. По результатам исследования выявлено, что возможности изменения инвестиционной привлекательности сосредоточены в некоторых ключевых областях: 1. Цифровые инвестиционные продукты и услуги; 2. Цифровые платформы и роботизированные системы инвестиционных консультаций; 3. Индивидуальные образовательные маршруты, ликвидирующие разрыва в инвестиционном образовании у действующих и перспективных сотрудников; 4. Децентрализация инвестиционных ресурсов и цифровизация обмена и накопления капитала.

Ключевые слова: корпорация, финансы, инвестиции, цифровая среда, инвестиционная активность, финансовые ресурсы.

METHODS TO INCREASE THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF CORPORATIONS

Wu Mingxuan

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Abstract. The relevance of the study is justified by the fact that investment attractiveness in the market management system is a category that determines the possibilities of financing innovative development of the national economy and ensuring its digitalization.

Methods. The object of research is investment as a key element of the economic system. The subject of the study is the state of the economic system, which is characterized by an increase in investment attractiveness.

Results. Investment attractiveness is the most important category of economics in which the projection of mechanisms of investment activity of economic systems is scaled.

Conclusions. According to the results of the study, it was revealed that the opportunities for changing investment attractiveness are concentrated in some key areas: 1. Digital investment products and services; 2. Digital platforms and robotic systems of investment advice; 3. Individual educational routes that bridge the gap in investment education among current and prospective employees; 4. Decentralization of investment resources and digitalization of capital exchange and accumulation.

Keywords: corporation, finance, investments, digital environment, investment activity, financial resources.

Введение.

Инвестиционная активность является важнейшим системообразующим элементом экономик всех стран: «Элементы системы, очевидно, имеют разную степень значимости в функционировании системы, наиболее значимые элементы называются системообразующими» [1, с. 459].

В условиях современной высоко конкурентной бизнес-среды, корпорации постоянно ищут способы повысить свою инвестиционную привлекательность для обеспечения финансирования своей операционной деятельности, масштабирования бизнеса, максимизации финансового результата и капитализированной стоимости.

В данной статье автором используется комплексный подход к изучению возможностей по-

вышения инвестиционной привлекательности корпораций на научной основе, учитывая системообразующие факторы современной среды хозяйствования: цифровизация, человеческие ресурсы, технологии.

Результаты.

При рассмотрении эффективных способов и возможностей развития бизнеса на основе инвестиционной привлекательности необходимо учитывать особенности современных условий хозяйствования и экономической активности среды, которая характеризуется цифровизацией бизнес-процессов: «Цифровое мышление порождает новое динамичное современное государство. Одна из главных задач сегодня – в условиях развития цифровой экономики в регионах, внедрения инноваций во все сферы жизни сформировать комфортную среду для современного общества» [2, с. 132].

Обсуждение.

Рассмотрим ключевые элементы и способы повышения инвестиционной привлекательности корпораций в современных условиях хозяйствования.

Цифровые инвестиционные продукты и услуги.

Достижения в области технологий предвосхитили появление множества цифровых инвестиционных продуктов и услуг и, используя цифровые платформы и инновационные инструменты, потребители инвестиционных продуктов меняют содержание и способы взаимодействия с корпоративными бизнес сообществами.

Современные инвестиционные продукты представляют собой различные финансовым инструменты и механизмы, которые могут быть использованы для реализации самостоятельной инвестиционной активности с целью извлечения прибыли, предлагая различный уровень риска, горизонт планирования и некую маржинальность сделок, удовлетворяя, тем самым, предпочтениям инвесторов.

Инвестиционная деятельность современных корпораций с учётом экспоненциального роста объёмов информации требует инструментов и средств аналитики больших данных и алгоритмов машинного обучения для анализа огромных объёмов финансовых и нефинансовых данных, выявления закономерностей внешней среды хозяйствования и получения необходимой инвестиционной информации. Корпорациям, использующим инвестиционные инструменты и средства, основанные на искусственном интеллекте, позволяет быстрее принимать решения и потенциально обеспечивают более высокую доходность с учётом всей полноты информации и рисков.

Цифровые платформы и роботизированные системы инвестиционных консультаций.

В настоящее время, инвестиционные советники в виде роботов-консультантов (автоматизированные инвестиционные платформы), это технологическая необходимость, которая определяет конкурентоспособность современных корпораций. Инвестиционные советники используют алгоритмы и искусственный интеллект для предоставления персонализированных инвестиционных консультаций или управления собственным инвестиционным портфелем, собирая информацию о финансовых целях инвестора, его отношении к риску и временном горизонте сделок, представляя при этом полноценные индивидуальные инвестиционные стратегии и экономически эффективные инвестиционные решения, тем самым облегчая процесс управления инвестициями и привлекая инвесторов, разбирающихся в цифровых технологиях.

Программные средства и платформы онлайн взаимодействия с заказчиками, потребителями и прочими заинтересованными лицами позволяют корпорациям эффективно осуществлять постоянный мониторинг изменения инвестиционного ландшафта бизнес – среды. Также, это важный инструмент хеджирования рисков в деятельности корпорации позволяющий использовать весь возможный спектр финансовых инструментов, включая акции, облигации, опционы и валюты.

Цифровые платформы и роботизированные системы инвестиционных консультаций могут обеспечить поступление рыночных данных в режиме реального времени, торговые инструменты и исследовательские ресурсы, позволяя либо осуществлять эффективный мониторинг инвестиционной среды, либо принимать инвесторам обоснованные инвестиционные решения. Основным конкурентным преимуществом, определяющим инвестиционную привлекательность цифровых платформ и роботизированных систем в деятельности корпораций, это низкая стоимость использования, осуществления сделок и повышенная доступность в режиме онлайн для всех участников, что значительно повышает эффективность работы инвестиционных отделов корпораций и облегчает участие розничных и частных инвесторов в потенциальных проектах компаний.

Индивидуальные образовательные маршруты.

Постоянное развитие и обучение персонала финансовой грамотности является важнейшим условием для повышения компетентности и навыков сотрудников в области инвестиционных стратегий, управления рисками и финансового анализа, определяя тесноту связи предприятия: «Современные тенденции свидетельствуют об утрате прежних связей вузов с предприятиями, об отсутствии новых современных практик взаимодействия, об ограни-

ченных возможностях региональной власти в их систематизации, об отсутствии комплексного диалога на уровне региона, не позволяющего вузам и предприятиям видеть проблемы и перспективы возможного сотрудничества» [3, с. 104].

Индивидуальные образовательные маршруты позволяют сотрудникам владеть навыком принимать эффективные и обоснованные инвестиционные решения, сочетая в своих действиях собственные цели развития с целями компании, тем самым, развивая личностные качества и квалификацию и определяя финансовую результативность деятельности компании. Корпорации могут разрабатывать специализированные внутренние программы обучения, которые адаптированы к деятельности конкретного сотрудника и которые соответствуют собственным оперативным и стратегическим целям компании.

Разработка индивидуальных образовательных маршрутов направлена, в первую очередь, на формирование у сотрудников фундаментального понимания инвестиционных концепций, понимания работы финансовых рынков и управления рисками при принятии ответственных решений, влияющих на эффективность деятельности корпорации. Корпорации могут использовать программные средства онлайн-обучения для того чтобы предложить своим сотрудникам уникальный набор навыков и компетенций, при этом обеспечивая тем самым гибкость образовательного процесса, позволяя сотрудникам учиться в своем собственном режиме и с удобством для себя. Отправляя сотрудников на внешние источники образовательных услуг, конференций и семинары, корпорации повышают стоимость своего человеческого капитала, знакомя их с экспертами отрасли, передовыми инвестиционными стратегиями и новыми тенденциями в своей области.

Внедрение индивидуальных образовательных маршрутов в работу персонала корпораций позволит получить конкурентное преимущество за счёт роста интеллектуального и человеческого капитала компании, поможет расширить профессиональные знания и компетенции, способствуя при этом налаживанию контактов и формируя текущую осведомлённость в последних событиях в инвестиционной сфере. Компании могут определять соответствующие мероприятия и соответствующим образом спонсировать участие своих сотрудников в формировании индивидуальных образовательных маршрутов, повышая тем самым вовлечённость сотрудников и внутреннюю ценность принадлежности к компании: «...три основных фактора, которые сотрудники назвали причинами увольнения, заключались в том, что они не чувствовали, что их ценят их организации (54 процента) или их менеджеры (52 процента), или потому, что они не чувствовали чувства принадлежности к работе (51 процент).» [4, с. 5].

Децентрализация инвестиционных ресурсов и цифровизация обмена и накопления капитала.

Децентрализация инвестиционных ресурсов предполагает диверсификацию инвестиций: источников покрытия и направлений освоения инвестиций определяет эффективность цифровизации обмена и накопления капитала, способствуя инновационному развитию компаний и открывая новые возможности для их инвесторов. В традиционном смысле, теории инвестиционной политики в условиях рыночной экономики инвестиционные ресурсы всегда характеризовались принадлежностью к централизованным финансовым институтам, таких как банки, инвестиционные фонды, пенсионные фонды и страховые компании. Со сменой экономической парадигмы и технологического уклада происходит рост децентрализации инвестиционных возможностей, который предоставляет прямой доступ к инвестиционным ресурсам более широкому кругу частных лиц и организаций.

В настоящее время появились платформы для однорангового кредитования и краудфандинга, которые напрямую связывают заемщиков с кредиторами или инвесторами, что позволяет обходить традиционных финансовых посредников, позволяя частным лицам или предприятиям напрямую получать доступ к инвестиционному капиталу более быстро и от более широкого круга инвесторов. С помощью технологии блокчейн появились цифровые активы, представляя права на недвижимость, произведения искусства или интеллектуальную собственность, через токенизацию имущественных и интеллектуальных прав, что формирует принципиально новую экономико-правовую среду хозяйствования в сфере экономики и права. Токенизация открывает абсолютно новые инвестиционные возможности для корпораций, позволяя существенно снизить бюрократические издержки правового и юридического сопровождения деятельности компании тем самым, повышая ликвидность и представляя возможность частичного владения традиционно неликвидными активами. Цифровизация также изменила способ обмена и накопления капитала, обеспечив большую эффективность, доступность и прозрачность инвестиционных процессов, что определяет объективную необходимость использования данных инструментов в деятельности современных корпораций.

Заключение. По результатам исследования выявлено, что возможности изменения инвестиционной привлекательности сосредоточены в некоторых ключевых областях:

1. Цифровые инвестиционные продукты и услуги.
2. Цифровые платформы и роботизированные системы инвестиционных консультаций.
3. Индивидуальные образовательные маршруты, ликвидирующие разрывы в инвестиционном

образовании у действующих и перспективных сотрудников.

4. Децентрализация инвестиционных ресурсов и цифровизация обмена и накопления капитала.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Khayrullin V.A. Economics and management of system-forming economic elements in the modern Russian economy / V.A. Khayrullin, T.A. Pushkareva // Eurasian Legal Journal. 2020. № 7(146). P. 459–460.
2. Оценка эффективности применения цифровых технологий в современной экономике / И.Г. Перепелкин, С.А. Старых, С.В. Соловьев, А.А. Бароян // Регион: системы, экономика, управление. 2020. № 2 (49). С. 130–137.
3. Прохорова М.В. Проектировщики индивидуальных образовательных траекторий: новые тенденции в развитии образовательного пространства / М.В. Прохорова, Е.И. Скобелева // Актуальные вопросы экономики, менеджмента и инноваций : Материалы Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 19 ноября 2019 года. Н. Новгород: Нижегородский государственный технический университет имени Р.Е. Алексеева, 2019. С. 104–106.
4. «Great attrition» or «great attraction»? The choice is yours / A. De Smet [et al.] // The McKinsey Quarterly. 2021.

References:

1. Khayrullin V.A. Economics and management of system-forming economic elements in the modern Russian economy / V.A. Khayrullin, T.A. Pushkareva // Eurasian Legal Journal. 2020. № 7(146). P. 459–460.
2. Evaluation of the effectiveness of the use of digital technologies in the modern economy / I.G. Perepelkin, S.A. Starykh, S.V. Solovyov, A.A. Baroyan // Region: systems, economics, management. 2020. № 2(49). P. 130–137.
3. Prokhorova M.V. Designers of individual educational trajectories: new trends in the development of educational space / M.V. Prokhorova, E.I. Skobeleva // Topical issues of economics, management and innovation : Materials of the International Scientific and Practical Conference, Nizhny Novgorod, November 19, 2019. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev, 2019. P. 104–106.
4. «Great attrition» or «great attraction»? The choice is yours / A. De Smet [et al.] // The McKinsey Quarterly. 2021.

Информация об авторе

У Минсюань

магистрант
кафедры финансовых рынков и институтов
экономического факультета,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
1115948588@qq.com

Wu Mingxuan

Master's Student of the Department
of Financial Markets and Institutes
of the Faculty of Economics,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
1115948588@qq.com

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.035>
УДК 332

Attribution
cc by

АНАЛИЗ И СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА ПОДХОДОВ К ФОРМИРОВАНИЮ СТРАТЕГИИ КОМПАНИИ «СНИЗУ-ВВЕРХ» И «СВЕРХУ-ВНИЗ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

Янченко С.С.

Северо-Западный институт управления – филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Аннотация. В условиях высокой волатильности внешней среды, а также – постоянного расширения санкций, наложенных западным сообществом в отношении России, особую актуальность в отечественном бизнесе приобретают вопросы стратегического планирования.

Цель: провести анализ и сравнительная оценка подходов к формированию стратегии компании «снизу-вверх» и «сверху-вниз» в контексте современных экономических реалий.

Методы: анализ, синтез, обобщение и систематизации научных источников по проблеме исследования.

Результаты. Проведен анализ двух наиболее значимых подходов стратегического планирования в условиях современности – «сверху-вниз» и «снизу вверх». Раскрыта природа, структура и сущность подходов. Выявлены основные положения, определяющие выбор стратегии управления одним из исследуемых подходов. Рассмотрены ключевые преимущества и недостатки указанных подходов.

Выводы. Сделан вывод о том, что основными факторами выбора подхода к долгосрочному планированию в организации являются отрасль, кадры, приоритеты компании, количество уровней управления и время на итерационность процесса.

Ключевые слова: стратегия управления, метод «сверху-вниз», метод «снизу-вверх», стратегический менеджмент, стратегическое планирование.

ANALYSIS AND COMPARATIVE ASSESSMENT OF BOTTOM-UP AND TOP-DOWN APPROACHES TO THE FORMATION OF COMPANY STRATEGY IN THE CONTEXT OF MODERN ECONOMIC REALITIES

Sergey S. Yanchenko

Northwestern Institute of Management – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation»

Abstract. In the conditions of high volatility of the external environment, as well as the constant expansion of sanctions imposed by the Western community against Russia, strategic planning issues are becoming particularly relevant in domestic business.

Objective: to analyze and compare approaches to the formation of the company's strategy «bottom-up» and «top-down» in the context of modern economic realities.

Methods: analysis, synthesis, generalization and systematization of scientific sources on the research problem.

Results: The analysis of the two most significant approaches of strategic planning in modern conditions – «top-down» and «bottom-up». The nature, structure and essence of approaches are revealed. The main provisions determining the choice of a management strategy for one of the studied approaches are identified. The key advantages and disadvantages of these approaches are considered.

Conclusions: It is concluded that the main factors in choosing an approach to long-term planning in an organization are the industry, personnel, company priorities, the number of management levels and the time for iteration of the process.

Keywords: management strategy, top-down method, bottom-up method, strategic management, strategic planning.

Введение.

В условиях высокой волатильности внешней среды, а также – постоянного расширения санкций, наложенных западным сообществом в отношении России, особую актуальность в отечественном бизнесе приобретают вопросы стратегического планирования.

Давление со стороны зарубежных партнеров предъявило российской экономики новые требования к поиску оптимальных и более продуктивных методов взаимодействия с внешней средой.

В 2022 г. фактически всем предприятия страны пришлось срочно менять свои подходы к планированию, что было обусловлено геополитической неопределенностью Запада. Бизнес-процессы хозяйственной деятельности российских компаний стали претерпевать серьезные изменения, начиная от операций по закупкам и заканчивая выстраиванием логистических цепочек. В середине 2022 г. сложившаяся на рынке ситуация привела к невозможности выстраивать долгосрочные, среднесрочные, а порой даже краткосрочные планы.

Значимость планирования для российской экономики в сложившихся условиях достигла такого масштаба, что поиск актуальных подходов стратегического планирования вышел на передний план и до середины 2023 года все еще не теряет своей актуальности.

Анализ научной и научно-методической литературы показал, что стратегическое планирование, по своей природе, является многокомпонентным феноменом. Оно включает в себя достаточно широкий перечень компонентов, определяющих дальнейшее направление развития компании.

По мнению ряда специалистов, стратегическое планирование включает в себя ряд действий:

- а) определение миссии;
- б) формулирование целей деятельности;
- в) вынесение на разрешение ряда задач, направленных на реализацию поставленных целей;
- г) формирование оценки внешней среды;
- д) формирование оценки внутренней среды;
- е) определение стратегических возможностей и перспектив;
- ж) выбор стратегии планирования [6].

Очевидно, что уже на этапе анализа внешней среды в условиях различного рода ограничений, у компаний возникает ряд значимых трудностей. Уход с российского рынка зарубежных партнеров привело к изменениям в логистических операциях, резкому повышению цены, дефициту привычного потребительского товара, вынужденному

изменению потребительских предпочтений, поиску новых контрагентов, и появлению нового товара, еще незнакомого потребителю. Все это, как следствие, потребовало от руководства компаний срочного пересмотра стратегий планирования.

Результаты.

Практика показала, что даже в крайне сложных условиях, для большего числа компаний не теряют свою актуальность базовые подходы к стратегическому планированию – «сверху-вниз», «снизу-вверх» и комбинированный подход.

Анализ методической литературы указывает на то, что данные подходы являются в корне противоположными по своей природе и сущности. Если подход планирования «сверху-вниз» является в российской экономике традиционным и фактически он был унаследован еще со времен советской экономики, то подход «снизу-вверх» для российской экономики является инновационным, и еще недостаточно распространенным [3].

Планирование «сверху-вниз» в рамках современной отечественной экономики характерно для специализированных предприятий. В данной схеме планирования принятие решений носит линейно-последовательный характер. В поиске нужной информации, необходимой для генерирования, оценки и выбора путей дальнейшего развития компании задействовано ее высшее руководство. Основные цели и способы их достижения, детализация и каскадирование задач, определяются исключительно высшим руководством компании, после чего они передаются вниз по иерархической лестнице организационной структуры управления и таким образом доводятся до всех сотрудников компании.

Поставленные руководством цели и задачи являются ориентиром для оперативных подразделений руководящих линий. Ответственность за реализацию поставленных руководством целей и задач ложится на сотрудников компании [7].

Изучение результатов различных исследований на предмет выявления плюсов и минусов подхода стратегического планирования «сверху-вниз» позволил нам выявить его основные преимущества и недостатки. Большинство исследователей солидарны в том, что преимуществами данного подхода являются [1; 7]:

1. Быстрота и четкость поставленных целей и задач. Решения принимаются малым кругом лиц, поэтому не приходится тратить время на их пересмотр и корректировки. Решение принимается высшим руководством, что исключает трату времени на их согласование.
2. Эффективность поддержания контроля. Принятые руководством решения гарантировано соблюдают установленные законодательные нормы и действующие стандарты компании, лег-

ко позволяет отследить источники возникающих нарушений.

3. Легкость и быстрота коммуникации. Передача соответствующей информации вниз по иерархической лестнице управления намного проще, чем в распространение этой же информации многочисленной группой лиц.

4. Преимущество передачи указаний. Данный вид стратегического планирования является одним из старейших, поэтому он принимается на всех уровнях инстинктивно. Любой сотрудник ожидает получение информации «сверху», что исключает лишние объяснений и рассуждений.

5. Экономия времени сотрудников компании. Ознакомившись с целями и задачами, каждый подчиненный готов сразу преступить к их выполнению, не расходуя время на принятие решений и определения круга задач. Это предоставляет исполнителям больше времени на их реализацию.

6. Деятельность компании сосредоточена на достижение целей. Выполнение поставленных задач в соответствии с полномочиями и обязанностями каждого сотрудника позволяет компании двигаться к цели в едином ритме, что обеспечивает необходимую скорость движения к цели, и высокую продуктивность выполняемых действий.

7. Единая стандартизация деятельности компании. Решение, принятое малым кругом лиц и переданное «вниз» по иерархии власти, позволяет остальным членам компании видеть ситуацию в едином формате, сформировать единое мнение относительно поставленных целей и задач, а также средств и способов их реализации.

8. Гарантия качества принятых решений. Руководство любой компании является более компетентным в широком круге профессиональных вопросов, что и гарантирует высокое качество принятых решений и, как следствие, снижает риски относительно их неэффективности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что подход к планированию «сверху-вниз» является классическим для российской экономики, его эффективность проверена многолетней практикой и его применение является продуктивным.

Однако, как показывает практика, и у этого метода есть свои недостатки. К ним можно отнести [1; 7]:

1. Искаженную реальность. Данный фактор выражается в том, не всегда у руководства существует реальное и полное представления о ситуации «внизу» и не всегда оно понимает реальные возможности подчиненных;

2. Низкую мотивацию сотрудников. Подача информации «сверху» без учета мнения «низов» негативно отражается на мотивации сотрудни-

ков, т.к. план действий является навязанным извне, и порой не учитывает реальные возможности профильных подразделений (исполнителей);

3. Отсутствие нужных коммуникаций. Низкий уровень взаимосвязей между подразделениями не позволяет «низам» идентифицировать значимость своей работы в общей деятельности компании, что способствует к появлению запутанных ситуаций с вытекающими из этого последствиями.

4. Слабую обратную связь. Практика показала, что в схеме стратегического планирования «сверху-вниз» инициатива со стороны сотрудников снижена до минимума, что и лишает руководство получения значимой и актуальной для принятия решений информации.

5. Авторитарность руководства. Получая от руководства план к действию, цели и задачи, а также систематический жесткий контроль за их выполнением, «низы» испытывают определенную степень давление «сверху», что отражается на качестве выполняемой работы «низов».

6. Низкую мотивацию «низов». Отсутствие связей с «верхами» приводит к тому, что сотрудники компании низшего звена механически выполняют свою работу, не используя свои ресурсы и таланты в полном объеме, т.к. убеждены в том, что это никому не надо и никогда, и никем не будет оценено по достоинству. Это приводит к личностному неудовлетворению сотрудников фирмы от выполняемой ими работы, что лишает компанию возможности использовать имеющиеся у нее трудовые ресурсы в полном объеме.

7. Отсутствие креативности. При постановке руководством целей и задач хозяйственной деятельности организации, личностная инициатива сотрудников при решении задач – не предусмотрена, и не востребована со стороны руководства. Однако следует отметить, что применение инициативности сотрудников в большей степени зависит от личностных качеств руководителей, от степени их авторитарности и консерватизма.

Подход «сверху-вниз» в российской экономике применяется в военных структурах, в системе здравоохранения, производственных и финансовых компаний, в образовательной системе и т.д. Так, например, в системе здравоохранения, все ключевые решения принимаются министром и его заместителями. Соблюдение установленных ими стандартов и предписаний едины, и обязательны для соблюдения всех поликлиник и больниц страны. Крупные производственные и промышленные предприятия страны, такие как: ПАО «Горно-металлургическая компания «Норильский никель», АО «Роснефтегаз» и т.д. [4]. Центробанк РФ устанавливает основные положения финансовой деятельности на территории страны [5]. Среди зарубежных компаний наиболее ярким представителем подхода «сверху-вниз» является ведущее мировое агентство фи-

нансовой информации Dow Jones & Company, сеть отелей и гостиниц «Helmley Hotels», империя «Martha Stewart Living» и всемирно известная американская корпорация «Apple» и т.д. [9].

Таким образом, можно констатировать, что любое масштабное предприятие не обходится без планирования методом «сверху-вниз», что, на наш взгляд, закономерно. Масштаб компании определяется большим количеством подведомственных подразделений и использованием труда большого количества сотрудников, что и не позволяет предоставлять каждому из них возможность участвовать в принятии стратегически важных решениях.

Противоположной схемой стратегического планирования является подход «снизу-вверх». Он носит итеративный характер, поэтому присущ диверсифицированным компаниям. В таких компаниях цели, задачи и производственные планы иницируются оперативными подразделениями, а координирует планы сотрудники, отвечающие за стратегическое планирование. При этом следует отметить, что некоторые основные элементы стратегии в любом случае определяются исключительно руководством компании. Например, установка целевых ориентиров по финансовым показателям остается зоной ответственности высшего руководящего состава предприятия.

Дж. Джексон (2020) характеризует подход «снизу-вверх», как возможность «максимизировать ценность, которую они создают для фирмы» [3] за счет того, что каждый сотрудник компании самостоятельно осуществляет анализ собственной деятельности, благодаря чему, сотрудник имеет возможность наравне с руководством анализировать и управлять своими рабочими процессами, выявлять новые способы ее оптимизации и совершенствования и уведомляет свое руководство в форме перспективных предложений о работе в будущем периоде. Информация попадает в подразделение, занимающееся стратегическим планированием, где его анализируют, координируют и возвращают обратно. После повторного обсуждения информации, ее, при необходимости, корректируют и уже потом отправляют на утверждение высшему руководству для постановки краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных целей.

Такой подход считается демократичным, поэтому основными преимуществами стратегического планирования считаются:

1. Высокий уровень мотивации сотрудников низшего звена. Вовлечение сотрудников в деятельность компании повышает уровень их заинтересованность в выполняемой работе и достижение целей, в непосредственном формировании которых они принимали участие, что позволяет им быть более продуктивными. Они могут лучше понять, как их работа влияет на достижение этих целей и внести свой вклад в создание миссии и ценностей компании.

2. Полноценное использование трудовых ресурсов. Демократичный подход планирования, где каждый сотрудник имеет право голоса и его мнение учитывается, приводит к тому, что сотрудники низшего звена начинают раскрывать свои возможности, таланты и внутренние ресурсы в полном объеме.

3. Исключение лишних производственных процессов. На практике детализированные предложения сотрудников компании способствуют выявлению и исключению из длительных производственных и логистических цепочек лишних элементов, которые не несут никакого смысла. Это существенно помогает избежать появлению новых проблем.

4. Многообразие мнений специалистов. Разные специалисты высказывают различные мнения, что позволяет руководству компании услышать большее многообразие различных концептуальных подходов и информации к привычным или новым процессам, что позволяет существенно расширить видения компании и более четко выставить стратегические приоритеты.

5. Актуальность мнения сотрудников различного уровня. Именно сотрудники низшего звена лучше всего осведомлены реальной ситуацией различных аспектах деятельности фирмы, в то время как руководство не всегда имеет возможность обращать внимание на все тонкости и мелочи хозяйственной деятельности. Сталкиваясь с проблемами, сотрудники часто автоматически находят алгоритм решение для каждой проблемы и верно определяет целевые ориентиры, т.к. они достаточно глубоко погружены во все тонкости ситуации. Именно это определяет ценность мнения сотрудников компании.

Цель стратегии снизу-вверх заключается в том, чтобы определить и выставить стратегические цели компании на основе анализа текущего положения исходя из реальных возможностей и ресурсов, а не только сосредотачиваться на поиске ошибок и недостатков.

6. Рост доверия в коллективе. Схема «снизу-вверх» позволяет сотрудникам осуществлять коммуникации на всех уровнях в различных подразделениях, что обеспечивает им понимание ситуации в целом, определяет степень зависимости каждого сотрудника от коллектива, и зависимости коллектива от каждого сотрудника. Такой подход создает благоприятные условия для доверительных отношений между сотрудниками компании для последующего эффективного достижения установленных стратегических целей.

7. Чувство сопричастности сотрудников к миссии и ценностям компании. Подход «снизу-вверх» позволяет каждому сотруднику прочувствовать свою принадлежность к миссии компании, и ее культуре. Почувствовать себя их создателями и разработчиками, что обеспечивает принятие ценностей компании, как своих личных, в результате чего, каждый сотрудник проявляет искреннюю заботу о компании.

Несмотря на достаточно оптимистичный перечень плюсов исследуемого подхода планирования, в числе недостатков следует назвать:

- 1) большое количество времени на принятие решений, что обусловлено большим количеством лиц, участвующих в принятии решений;
- 2) сложности в достижении баланса сторон;
- 3) длительность согласования долгосрочных целевых ориентиров;
- 4) эмоциональное выгорание сотрудников.

Заключение.

Таким образом, можно констатировать, что при использовании подхода «снизу-вверх» компания попадает в прямую зависимость от сотрудников, поэтому первостепенной задачей руководства становится организация подбора правильных кадров. Кроме того, у руководства стоит задача, создать необходимую среду, где каждый сотрудник будет себя чувствовать комфортно наравне с руководством, а само руководство будет вступать в качестве наставников, которые подвергают сомнению идеи сотрудников, чтобы выявить пробелы логики при его принятии.

Следует признать, что в условиях современной российской экономики, когда система отбора кадров далека от совершенства, схема планирования «снизу-вверх» затруднительна в применении.

Поэтому в нашей стране, в чистом виде, подход «снизу-вверх», чаще всего, используется в компаниях, которые занимаются разработкой программного обеспечения и инновационных тех-

нологий, стартапами и планированием и управлением проектами, где мнение каждого имеет значение, а по своим масштабам предприятия являются небольшими и малочисленными.

Среди зарубежных компаний с подходом к планированию «снизу-вверх» ярким примером является американская холдинговая компания Johnson & Johnson, у которой по всему миру более 250 дочерних компаний [8].

Другими словами, отраслевая специфика при выборе подхода стратегического планирования имеет место быть. Крупные строго контролируемые отрасли вынуждены использовать подход «сверху-вниз» во избежании путаницы и минимизации рисков.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что, отдавая предпочтение подходу «сверху-вниз» или «снизу-вверх», руководство должно ориентироваться, в первую очередь, на масштабы компании, на ее организационную структуру, а также – на профессионализм кадрового состава.

Если подход «сверху-вниз» требует максимальной грамотности и высокого уровня профессионализма, в первую очередь, от высшего руководства компании, а от остальных достаточной компетенции в рамках своих обязанностей, то при подходе «снизу-вверх» такие качества требуются абсолютно от всех сотрудников предприятия.

Следовательно, основными факторами выбора подхода к долгосрочному планированию в организации являются отрасль, кадры, приоритеты компании, количество уровней управления и время на итерационность процесса.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Асана Т. Управление сверху вниз и снизу вверх – в чём разница? URL : <https://asana.com/ru/re-sources/top-down-approach> (дата обращения 16.08.2023).
2. Джексон Дж. Ваша стратегия направлена сверху вниз, снизу вверх или вбок? URL : https://translat-ed.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.3cf3f835-64db340b-2a916b5e-74722d776562/https/www.forbes.com/sites/jarretjackson/2020/08/19/is-your-strategy-top-down-bottom-up-or-sideways (дата обращения 15.08.2023).
3. Ихлов, Б. Планирование в СССР. 2022. Ч. 4. URL : <https://aftershock.news/?q=node/790964&full> (дата обращения 16.08.2023).
4. Катаренко М.Э. Особенности финансового планирования в корпорациях нефтегазовой отрасли в России / М.Э. Катаренко, Д.А. Созаева // Universum: экономика и юриспруденция. 2016. № 5. С. 10–22.
5. Подборнова Е.С. особенности разработки финансовой стратегии банка / Е.С. Сухов, Б.П. Низамов // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2019. № 10. С. 54–63.
6. Руденко М.Н. Стратегическое планирование : учеб. пособие / М.Н. Руденко, Е.Д. Оборина, Д.Н. Письменников; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2014. 96 с.

7. Стегний В.Н. Прогнозирование и планирование : учебник для вузов / В.Н. Стегний, Г.А. Тимофеева. М. : Издательство Юрайт, 2023. 210 с.
8. Стрекалова Н. Д. Бизнес-планирование : учеб. пособие (+CD с учебными материалами). СПб. : Питер, 2012. 352 с.
9. Официальный сайт Touro University. Стиль управление «сверху вниз» против стиля управления «снизу вверх». URL : https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.3cf3f835-64db340b-2a916b5e-74722d776562 (дата обращения 16.08.2023).

References:

1. Asana T. Top-down and bottom-up management – what's the difference? URL : <https://asana.com/ru/resources/top-down-approach> (date of the application 08/16/2023).
2. Jackson J. Is your strategy top-down, bottom-up, or sideways? URL : https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.3cf3f835-64db340b-2a916b5e-74722d776562/https://www.forbes.com/sites/jarretjackson/2020/08/19/is-your-strategy-top-down-bottom-up-or-sideways (date of the application 08/15/2023).
3. Ikhlov, B. Planning in the USSR. 2022. Part 4. URL : <https://aftershock.news/?q=node/790964&full> (date of the application 08/16/2023).
4. Katarenko M.E. Features of financial planning in oil and gas industry corporations in Russia / M.E. Katarenko, D.A. Sozaeva // *Universum: economics and jurisprudence*. 2016. № 5. P. 10–22.
5. Podbornova E.S. Features of developing a bank's financial strategy / E.S. Sukhov, B.R. Nizamov // *Bulletin of Samara University. Economics and Management*. 2019. № 10. P. 54–63.
6. Rudenko M.N. Strategic planning : tutorial / M.N. Rudenko, E.D. Oborina, D.N. Pismennikov; Perm. state nat. research univ. Perm, 2014. 96 p.
7. Stegnyy V.N. Forecasting and planning : textbook for universities / V.N. Stegnyy, G.A. Timofeeva. M. : Yurayt Publishing House, 2023. 210 p.
8. Strekalova N. D. Business planning : training manual (+CD with educational materials). SPb. : Peter, 2012. 352 p.
9. Official website of Touro University. Top-down management style versus bottom-up management style. URL : https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.3cf3f835-64db340b-2a916b5e-74722d776562 (date of the application 08/16/2023).

Информация об авторе

Янченко Сергей Сергеевич

аспирант,
Северо-Западный институт управления –
филиал Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург
grey_kemerovo@mail.ru

Sergey S. Yanchenko

Postgraduate Student,
North-Western Institute of Management –
branch of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education,
Russian Academy of National Economy
and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
St. Petersburg
grey_kemerovo@mail.ru

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 22.09.2023
Подписано в печать 25.09.2023
Формат 60x84¹/₈. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 13,3
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 117

e-mail: id.yug2016@gmail.com